

INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2025, Том 8, № 5

Подписано к публикации: 18.07.2025

Главный редактор журнала

Шадже Азамат Мухамчериевич

доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Джалилов Эльвис Алимович (РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент
Захарова Светлана Александровна (РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Кириллова Ирина Александровна (РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Файзиев Шохруд Фармонович (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент
Флоря Евгений Константинович (Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шошин Сергей Владимирович (РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент

«International Law Journal» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., Elibrary.ru

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-5693 (online)

Е-mail: law@dgpu-journals.ru

Сайт: <https://ilj-journal.ru>

DOI: 10.58224/2658-5693-2025-8-5

© International Law Journal, 2025

Содержание

Воробьев В.С., Кудинов В.В. Регулирование обеспечения безопасности личности: историко-правовой аспект	5-10
Газизуллина Л.З. Предложения по кодификации принципа добросовестности в гражданском праве: от оценочной категории к нормативно определенной конструкции	11-17
Сергеев И.А. Влияние цифровизации на совершение расчётов по сделкам с недвижимостью	18-23
Савельев С.А. Понятие, основания классификации и виды уставов вузов	24-33
Ушаков В.В. Анализ принципа добросовестности и проблемы его современного понимания	34-40
Бурнос Е.Н. Этико-правовые границы защиты товарных знаков с религиозной символикой (семантикой): проблемы охраны чувств верующих	41-57
Фадеева М.А., Селезнев Р.Н. Актуальные проблемы судебной статистики по уголовному праву в Российской Федерации	58-62
Чупин И.В. Гражданско-правовые аспекты регулирования института участия в долевом строительстве в РФ	63-68
Казанцева О.Л., Еремейкина Л.Л. Отзыв муниципального депутата как форма муниципально-правовой ответственности	69-75
Кукушкин Н.П. Проблематика уголовно-правовой охраны жизни неродившегося ребенка	76-80
Евсеев А.Д., Никитина Н.В., Бабкина Ф.А. Проблема рецидива: мошенничество как одна из наиболее распространённых форм преступной деятельности среди осужденных	81-85
Ишеков К.А., Проничева Е.А. Искусственный интеллект в структуре гражданско-правовых отношений	86-93
Макаева М.К. Внедрение цифрового формата в нотариальную деятельность	94-99
Улитин И.Н., Ханджиянц Л.А. Эмоциональное состояние лица как признак состава преступления: некоторые особенности уголовно-правового значения	100-110
Астафоров Э.А. Перспективы верховенства права ЕАЭС	111-117

Баклажков И.А. Туристическая миграция в праве ЕАЭС и СНГ: проблема гармонизации подходов и перспективы правовой унификации	118-124
Таилова А.Г., Пирмагамедова С.Ш., Абакарова Б.Г. Особенности преступности в современной России и в мире	125-128
Веревкин Д.В. Проблемные вопросы защиты интересов добросовестного залогодержателя	129-133
Дахов Ю.В. Критерии определения момента начала течения срока исковой давности	134-138
Иванников И.А. Защита селлеров от неосновательного обогащения доминирующих платформ	139-147
Красильников Т.С. Административная юстиция Верховного Суда СССР в 1920-е гг.	148-153
Гатауллин З.Ш., Сулейманова Э.И. Государство и право тюркского каганата	154-158
Таилова А.Г., Магомедова Р.М., Абакарова Б.Г. Теоретико-прикладное значение объекта преступления в уголовном праве России	159-163
Гущина Д.С. Правовые аспекты применения налоговых льгот и освобождений в заморских департаментах Франции для поддержания социально-экономического паритета	164-170
Захаров А.В. Сравнительный анализ санкционных ограничений и добровольного прекращения сотрудничества в контексте международно-правовых отношений на примере Венесуэлы и России	171-181
Винокуров Э.А., Лукьянчикова В.В. Организационные и процессуальные особенности подготовки обыска при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков	182-188
Чечулина А.А., Манжетов А.А. Информационная грамотность как ключ к безопасности в условиях цифровой трансформации	189-194
Стрелкова Е.Б. Публично-правовая природа сопутствующих аудиту услуг как составной части аудиторской деятельности	195-202
Никулина С.Ю. Толкование презумпции небеспристрастности арбитров из юрисдикций, признанных «недружественными»	203-208
Квициния Д.А. Некоторые аспекты взаимодействия военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры	209-214

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.7

Регулирование обеспечения безопасности личности: историко-правовой аспект

¹ Воробьев В.С., ² Кудинов В.В.,

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук,

² Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Аннотация: в данной публикации освещается историко-правовой аспект становления понятия «безопасность личности» и компоненты его реализации. Автор исследует этапы формирования безопасного личностного пространства в истории, а также нормативное его закрепление. Акцент делается на те моменты, которые не только позволяют говорить о концептуальной сформированности термина и его содержания, но и практическом внедрении в жизнь. Исторический процесс развития понимания личностной безопасности – сложный и многоэтапный и поэтому особое внимание уделяется конкретизации безопасности личности, ее отделению от других видов безопасности. Автор определяет этапы и содержание становления системы правового регулирования безопасности личности в России, затрагивая элементы зарубежного права.

Целью работы является конкретизация процесса обеспечения безопасности личности в историко-правовом контексте. Объект – процесс становления понятия «безопасность личности», предмет – правовое регулирование обеспечения его реализации.

Работа представляет собой теоретическое исследование, основанное на анализе современных источников, а также создание авторских выводов с определением путей совершенствования правового регулирования личностной безопасности.

Ключевые слова: безопасность личности, правовое регулирование, нормативная база, исторический процесс, правовое поле, компоненты безопасности, правовое государство

Для цитирования: Воробьев В.С., Кудинов В.В. Регулирование обеспечения безопасности личности: историко-правовой аспект // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 5 – 10.

Поступила в редакцию: 1 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Regulation of personal security: historical and legal aspect

¹ Vorobyev V.S., ² Kudinov V.V.,

¹ State Academic University of Humanities,

² Kutafin Moscow State Law University

Abstract: this publication highlights the historical and legal aspect of the formation of the concept of "personal security" and the components of its implementation. The author explores the stages of the formation of a safe personal space in history, as well as its normative consolidation. The emphasis is on those points that not only allow us to talk about the conceptual formation of the term and its content, but also its practical implementation. The historical process of developing an understanding of personal security is complex and multi-stage, and therefore special attention is paid to the concretization of personal security, its separation from other types of security. The author defines the stages and content of the formation of the system of legal regulation of personal security in Russia, affecting the elements of foreign law.

The purpose of the work is to specify the process of ensuring personal security in a historical and legal context. The object is the process of formation of the concept of "personal security", the subject is the legal regulation of ensuring its implementation.

The work is a theoretical study based on the analysis of modern sources, as well as the creation of author's conclusions with the definition of ways to improve the legal regulation of personal security.

Keywords: *personal security, legal regulation, regulatory framework, historical process, legal framework, security components, rule of law*

For citation: Vorobyev V.S., Kudinov V.V. Regulation of personal security: historical and legal aspect. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 5 – 10.

The article was submitted: April 1, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Человеческое общество на различных этапах становления цивилизации стремилось обеспечить безопасность жизнедеятельности, соблюдение прав и интересов личности. Устремляясь вглубь истории, необходимо отметить, что данный процесс был сложным, многоэтапным и противоречивым. Понятие безопасности трансформировалось наряду с социально-политическими, культурными и правовыми преобразованиями в социуме. Необходимо отметить, что «безопасность» – это не просто юридическая категория, а понятие, позволяющее реализовывать личности свои законные права и свободы, обеспечивающая нормальную комфортную жизнедеятельность отдельного человека и функционирование общества в целом. Однако, актуализируется вопрос о том, какие механизмы правового регулирования были призваны обеспечить реализацию данной категории, как они менялись в обществе и что представляет собой «безопасность личности» в правовом поле современности.

Важно выявить, в какой период безопасность человека стала одной из основных ценностей и какие попытки предпринимались для ее закрепления и сохранения. Также значимыми являются те конфликты и сложности, которые сопровождали данный процесс в различные исторические эпохи.

Учитывая вышесказанное, целью работы является конкретизация процесса обеспечения безопасности личности в историко-правовом контексте. Объект – процесс становления понятия «безопасность личности», предмет – правовое регулирование обеспечения его реализации. В контексте определенного понятийного аппарата нас интересует не только содержание и признаки «безопасности личности», но и те этапы исторического развития юридической науки и практики, которые послужили основой для создания современной правовой категории. Необходимо проследить за тем, как в обществе менялось отношение к созданию и поддержанию пространства, безопасного для личности и в каких документах оно закреплялось. Для того, чтобы это было реализовано, необходимо решить ряд задач:

1. Конкретизировать понятие «безопасность личности», дифференцируя его от иных видов безопасности;
2. Выделить основные этапы исторической трансформации правовых механизмов регулирования безопасности;
3. Определить нормативно-правовую базу, закрепляющую личностную безопасность в современном социуме.

Материалы и методы исследований

В ходе работы мы опирались на исторические исследования, размещенные на интернет-ресурсах, а также на публикации современных авторов, посвященные истории правового регулирования личностной безопасности (П.В. Алексей, В.Н. Васин, И.Г. Филиппова, И.В. Тоцкая) и изучению современной нормативно-правовой базы (Е.В. Ломаченко и пр.).

Результаты и обсуждения

Содержательные характеристики понятия «безопасность личности»

Практически с возникновением разума и развитием цивилизации человечеством была актуализирована задача обеспечения общественной и личностной безопасности. Причем первое определение было приоритетным, ведь от того, насколько безопасно пространство, территория, организация жизнедеятельности, зависела жизнь одного человека, и, соответственно, рода, общины, группы, государства.

Личностная безопасность «пришла» в сознание несколько позже с конкретизацией общечеловеческих норм и ценностей, пониманием уникальности жизни, развития личности каждого человека.

Н.Н. Пономарев [7] отмечает, что множественные исследования данного понятия позволяют выделить несколько основных компонентов безопасности:

- состояние защищенности, уверенности в себе и своих действиях, которые необходимы для жизни и развития;
- отсутствие опасности, обусловленное действием защитных факторов;
- компонент общественной (государственной) системы, который необходим для стабильного функционирования социума;
- обеспечение условий, необходимых для выживания и совершенствования различных сфер жизнедеятельности.

Однако, как мы отмечали ранее, на начальных этапах развития общественных наук преимущественно рассматривалось понятие «безопасность» в целом, отождествляя личность и то общество, в котором она жила. Е.М. Ломаченко [5] при этом конкретизирует, что понятие «безопасность личности» актуализировалось с появлением специальных субъектов защиты прав и свобод человека и гражданина (судов, уполномоченных). Однако Пономарев говорит о том, что личностная безопасность до сих пор является понятием неоднозначным и требует дополнительного разъяснения. Чаще всего в истории использовались термины «надежность», «сохранение жизни» и пр. Однако, данные термины юридически закреплены не были, поэтому о них в контексте безопасности возможно говорить лишь гипотетически, как о ее компонентах.

Современное развитие общества, множественность конфликтов, войн, вооруженных столкновений, а также случаев нарушения прав человека, повышение уровня преступности обусловило необходимость дифференциации видов безопасности, выделения личностной как отдельного типа. В связи с этим, проанализировав ряд источников, мы выделили основные признаки безопасности личности:

- физическая возможность свободно жить, развиваться, не нарушая права других и осуществляя свои;
- способность личности принимать и реализовывать решения, касающиеся своей жизни, близких людей, семьи;
- возможность свободного передвижения без ограничений по национальным, религиозным или иным подобным признакам, а также отсутствие запретов на адекватное выражение своего мнения, участия в жизни общества;

Ориентируясь на подобные факты, необходимо говорить о том, что понятие «безопасности личности» – сложное и многокомпонентное и для того, чтобы в настоящий момент прийти именно к подобному содержанию, оно прошло ряд историко-правовых преобразований.

Основные этапы исторической трансформации правовых механизмов регулирования безопасности

Конкретизации «безопасности личности» в истории человечества предшествовало появление общего понятия «безопасность», касающаяся государства и общества. Однако, общество – это ни что иное, как совокупность людей, и поэтому важно понимать, что от комфортности и защищенности каждого зависит жизнь всего государства. Поэтому актуальность защита жизни и ряда прав отдельного человека приобрела достаточно давно. К примеру, на Руси уже в XI веке в Русской Правде были определены карательные меры за членовредительство и убийство человека. Ярослава Мудрого при этом возможно назвать одним из первых отечественных субъектов обеспечения защиты безопасности личности, ведь его деятельность, по мнению И.Г. Филипповой [9] даёт начало правовой структуре безопасного существования общества и государства

Данный этап можно охарактеризовать как первоначальное становление нормативной базы, ориентированной на закрепление и поддержание безопасности личности.

Следующий этап позволяет формировать более четкое представление о безопасности, а также изучить предпосылки дифференциации на общественную и личностную.

В период воссоединения русских земель при Иване III были разработаны более сложные законодательные проекты, к примеру, Псковская грамота, в которой впервые было определено понятие преступления (преступив закон, человек должен был быть наказан) и определялись меры, которые обуславливались ответственностью за различные преступления. Именно с данного момента, как отмечают И.Г. Филиппова, И.В. Тоцкая [9] необходимо считать дифференциацию личностной безопасности от общественной, государственной. Однако при Иване IV, который стремился обеспечить стабильность и независимость государства и создал регулярное стрелецкое войско, стабилизировалась система обеспечения безопасности России и целом как предпосылка развития национальной безопасности. Личностная при этом рассматривалась как ее компонент и подлежала охране только в контексте дифференциации правомерной и преступной деятельности и наказания за последнюю. Это было обусловлено множественностью войн, внутренних противоречий и приоритеты государства главенствовали

над правами и свободами отдельной личности. По отношению к русскому государству необходимо выделить специфику первичности обороны от врагов, внешних набегов и поэтому с самого начала образования государственности (с IX века) деятельность славян реализовывалась именно в этом направлении, а не в обеспечении безопасности своей жизни. Главной личностью, в отношении которой рассматривалось данное понятие, был князь, причем, это необходимо было характеризовать как категорию естественного права, не закрепленного ни в каких источниках.

Последующее развитие нормотворческой деятельности в контексте безопасности личности связано с правлением Петра. С этого момента категория «благочиние» тесно взаимосвязана с иностранным понятием полиция, отражающим вопросы государственного управления и обеспечения безопасности и благосостояния народа. В эпоху просвещенного абсолютизма императрица Екатерина II также интегрировала знания, полученные в ходе изучения трудов европейских просветителей, в законодательной деятельности и устройстве государственного аппарата. Это было связано с необходимостью не только сохранения, но и развития государства, целесообразностью обеспечения условий для жизнедеятельности граждан и, соответственно работы. Данные тенденции были обусловлены не только экономическими факторами, но и разработкой концепции правового государства.

На протяжении XVII-XIX вв. был актуализирован термин «благочиние», который заключался в сохранении общественного порядка, поддержании того государственного устройства, которое позволяло обеспечивать развитие страны. Безопасность личности при этом рассматривалась как результат соблюдения всех норм и правил закона и отдельно дифференцирована не была. Сложно говорить о правовых категориях, характеризующих реализацию именно данного понятия.

В конце XIX века ситуация изменилась, т.к. усилились протесты, революционное движение и существующая правоохранительная система оказалась недостаточно эффективной. В 70-80е гг. были созданы специальные ведомства: Особое совещание для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в Империи. Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Их деятельность была направлена на пресечение преступлений, связанных с нарушением прав личности на жизнь, свободу в контексте участвовавших общественных беспорядков. Необходимо было стабилизировать ситуацию в государстве, а это представлялось возможным лишь в контексте обеспечения личностной безопасности граждан.

Характеристику следующего этапа необходимо конкретизировать деятельностью специальных органов Союза Советских Социалистических республик. Народный комиссариат внутренних дел был призван не только охранять общественный порядок, но и социалистическую собственность, а в дальнейшем был разделен на Наркомат внутренних дел и Наркомат государственной безопасности- специальное ведомство для того, чтобы реализовывать различные формы общественной и личностной безопасности. И на данном этапе обоснованно возможно говорить о структурировании системы безопасности, более четкой дифференциации государственной и личностной. В советский период проходило множество изменений, связанных реструктуризацией органов безопасности, перераспределением правоохранительных функций, однако важно подчеркнуть, что именно на данном этапе развития российского общества пристальное внимание уделялось защите и безопасности отдельного человека и гражданина. Это заключалось не только в раскрытии преступлений и обеспечении ответственности за подобные деяния, но и в масштабной профилактической и просветительской деятельности о правах и свободах личности. Данные мероприятия актуализировали роль общественности: наряду со специальными органами активно действовали общественные комитеты, советы, добровольные народные дружины, которые обеспечивали общественный порядок и безопасность граждан. К примеру, в 1986 г. в стране действовало 250 народных дружин, в которых принимало участие более 14 млн. человек [7, 8]. Данные показатели свидетельствуют о равнозначности как государственной, так и личной безопасности.

Нормативно- правовая база, закрепляющая личностную безопасность в современном социуме

После того, как определены сущность, содержание понятия «безопасность личности», а также основные этапы ее правового обеспечения, необходимо конкретизировать современное состояние проблематики.

Ю.Л. Корабельникова [4] констатирует, что современное понимание безопасности личности расширилось, а связи с этим, и нормативно-правовое регулирование также приобрело другие масштабы. Рассматривая безопасность в плане физическом, психологическом и юридическом, автор говорит об условиях, которые способствуют самореализации и гармоничному развитию человека. Приоритет ценности личности закрепленный в международных документах (Декларация прав человека, Отчет о реализации прав человека ООН и пр.), обусловил выделение отдельного термина «безопасность личности» в 2012 г., который был принят на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Он несколько отличается от того, который

дан в Международном пакте о правах человека 1966 г. Первоначальное определение включало в себя право на личную свободу и неприкосновенность, а в 2012 г. в него добавились условия, способствующие полноценному развитию и жизнедеятельности личности. А под личной свободой подразумевается отсутствие ограничений и угрозы жизни, здоровью, чести и достоинству человека [4, с. 43]. Причем, как отмечает ряд исследователей [4, 6] и пр., в обеспечении безопасности личности более активное участие сейчас принимает гражданское общество, значима позиция самой личности и высокий уровень просвещенности людей в отношении реализации своих прав и свобод.

Также расширился круг субъектов, которые способствуют поддержанию личностной безопасности. Кроме специальных правоохранительных органов значительное место отводится судебным способам защиты человека, гарантируя объективность и независимость. Также в данный перечень возможно включить общественные объединения, некоммерческие организации, работающие с различными участниками правоотношений.

Выводы

Конкретизируя результаты нашего исследования, необходимо отметить, что личностная безопасность претерпела существенные изменения со времен введения в юридическую науку и практику и современное ее трактование обусловлено значимостью охраны физического и психического здоровья личности, юридического обеспечения реализации прав и свобод.

При этом личностная безопасность не должна носить чисто декларативный характер, ведь она способствует оптимальной жизнедеятельности человека, его комфортному развитию. Кроме того, что данную категорию нужно отнести к общечеловеческим ценностям, она должна быть закреплена нормативно и в доступной форме конкретизирована на различных уровнях: от государственного до индивидуального. Безусловно, международные правоохранные документы играют в этом не последнюю роль, однако, наиболее пристальное внимание надо уделить тем нормативно- правовым актам, которые действуют на определенной территории, к примеру, государства, региона. Также мы считаем важной теоретическую конкретизацию понятия, чтобы более точно определить объект и предмет правовой защиты. Личность при этом выступает активным субъектом сохранения собственной и общественной безопасности.

Список источников

1. Алексей П.В., Васин В.Н. Правовое регулирование становления общественной безопасности в России (историко-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 80 – 84.
2. Арефьева М.С. О характеристике дефиниции «личная безопасность» как элемента конституционно-правовой категории «личная неприкосновенность» в контексте содержания ч. 1 ст. 22 конституции РФ // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 1. С. 65 – 70.
3. Борков В.Н. Безопасность и свобода личности в теоретико-правовом измерении // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. № 4 (95). С. 334 – 339.
4. Корабельникова Ю.Л. Понятие и содержание безопасности личности в современном государстве // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 39 – 48.
5. Ломаченко Е.В. Особенности публично-правового механизма обеспечения безопасности личности // Образование и право. 2022. № 11. С. 39 – 42.
6. Паршина А.А. Естественное право, как ценностная основа развития системы позитивного (действующего) права // Юридическая гносеология. 2024. № 6. С. 42 – 51.
7. Пономарев Н.Н. Безопасность как социально-юридический феномен // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 77 – 82.
8. Стожко К.П., Стожко Д.К., Шиловцев А.В., Сорокина Н.И. От социальной ответственности – к социальной безопасности личности: философско правовые аспекты // Образование и право. 2022. № 4. С. 361 – 366.
9. Филиппова И.Г., Тоцкая И.В. Историко-правовой аспект развития безопасности // Наука и современность. 2015. № 36. С. 276 – 289.
10. <https://apni.ru/article/6223-istoriko-pravovoj-aspekt-obespecheniyao7b>

References

1. Alexey P.V., Vasin V.N. Legal regulation of the formation of public security in Russia (historical and legal aspect). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 4. P. 80 – 84.
2. Arefieva M.S. On the characteristics of the definition of "personal security" as an element of the constitutional and legal category "personal inviolability" in the context of the content of Part 1 of Art. 22 of the Constitution of the Russian Federation. Interdisciplinary studies: experience of the past, possibilities of the present, strategies for the future. 2021. No. 1. P. 65 – 70.
3. Borkov V.N. Personal security and freedom in the theoretical and legal dimension. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (95). P. 334 – 339.
4. Korabelnikova Yu.L. The concept and content of personal security in a modern state. Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (67). P. 39 – 48.
5. Lomachenko E.V. Features of the public-law mechanism for ensuring personal security. Education and Law. 2022. No. 11. P. 39 – 42.
6. Parshina A.A. Natural law as a value basis for the development of the system of positive (current) law. Legal epistemology. 2024. No. 6. P. 42 – 51.
7. Ponomarev N.N. Security as a socio-legal phenomenon. Society and Law. 2011. No. 4 (36). P. 77 – 82.
8. Stozhko K.P., Stozhko D.K., Shilovtsev A.V., Sorokina N.I. From social responsibility to social security of the individual: philosophical and legal aspects. Education and Law. 2022. No. 4. P. 361 – 366.
9. Filippova I.G., Totskaya I.V. Historical and legal aspect of security development. Science and Modernity. 2015. No. 36. P. 276 – 289.
10. <https://apni.ru/article/6223-istoriko-pravovoj-aspekt-obespecheniya>7ь

Информация об авторах

Воробьев В.С., аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, vladislav1vorobev@gmail.com

Кудинов В.В., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии военных наук Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, kudinov45@mail.ru

© Воробьев В.С., Кудинов В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.1

Предложения по кодификации принципа добросовестности в гражданском праве: от оценочной категории к нормативно определенной конструкции

¹ Газизуллина Л.З.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье представлены результаты теоретико-правового исследования принципа добросовестности в гражданском праве Российской Федерации, акцентировано внимание на трансформации данной категории из оценочной и аксиологически неопределенной в нормативно определенную и кодифицированную правовую конструкцию. Проанализированы научные подходы к понятию добросовестности, выявлена проблематика нормативной фрагментарности и противоречивости судебной практики. На основе доктринального, сравнительно-правового и правоприменительного анализа разработаны предложения по институционализации добросовестности в Гражданском кодексе РФ, включая введение легальной дефиниции, дифференциации проявлений добросовестности по стадиям обязательства, формализацию презумпций и критериев, а также закрепление позитивной обязанности содействовать добросовестному исполнению обязательств. Сформулирована концепция добросовестности как нормативного инструмента правовой коррекции, ориентированного на повышение предсказуемости, устойчивости и согласованности гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова: добросовестность, гражданское право, кодификация, Гражданский кодекс РФ, правовая определенность, судебная практика, правоприменение, нормативная конструкция, юридическая интерпретация, принцип добросовестности

Для цитирования: Газизуллина Л.З. Предложения по кодификации принципа добросовестности в гражданском праве: от оценочной категории к нормативно определенной конструкции // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 11 – 17.

Поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Proposals for codification of the principle of good faith in civil law: from an evaluation category to a normatively defined structure

¹ Gazizullina L.Z.,

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article presents the results of a theoretical and legal study of the principle of good faith in the civil law of the Russian Federation, focusing on the transformation of this category from an evaluative and axiologically uncertain into a normatively defined and codified legal structure. The scientific approaches to the concept of good faith are analyzed, the problems of normative fragmentation and inconsistency of judicial practice are revealed, in particular, the discrepancy between the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the formal dogmatic approach of lower instances. Based on doctrinal, comparative legal and law enforcement analysis, proposals have been developed for the institutionalization of good faith in the Civil Code of the Russian Federation, including the introduction of a legal definition, differentiation of goodwill by stages of commitment, formalization of presumptions and criteria, as well as the consolidation of a positive obligation to promote the faithful fulfillment of

obligations. The concept of good faith is formulated as a normative instrument of legal correction, focused on increasing the predictability, stability and consistency of civil law regulation.

Keywords: *good faith, civil law, codification, the Civil Code of the Russian Federation, legal certainty, judicial practice, law enforcement, normative construction, legal interpretation, the principle of good faith*

For citation: Gazizullina L.Z. Proposals for codification of the principle of good faith in civil law: from an evaluation category to a normatively defined structure. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 11 – 17.

The article was submitted: April 2, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Актуальность исследования. В условиях усиливающейся нормативной фрагментарности и потребности в правовой предсказуемости особенно остро встает вопрос о трансформации принципа добросовестности из гибкой аксиологической категории в юридически оформленную норму. Несмотря на широкое нормативное присутствие добросовестности в положениях Гражданского кодекса РФ, отсутствие единой легальной дефиниции и формализованных критериев ее применения порождает неоднородность судебной практики, снижает уровень правовой определенности и препятствует гармоничному функционированию частноправового регулирования. Настоящее исследование направлено на разработку предложений по институционализации принципа добросовестности как самостоятельной нормативной конструкции в целях повышения системности, согласованности и эффективности гражданско-правового механизма.

Цель исследования. Теоретически обосновать и разработать предложения по кодификационному закреплению принципа добросовестности в системе гражданского права Российской Федерации как нормативно структурированной и правоприменимо верифицируемой правовой конструкции.

Задачи исследования: проанализировать доктринальные подходы к пониманию добросовестности в российском и зарубежном праве; исследовать судебную практику, в особенности правовые позиции Верховного Суда РФ, в части применения принципа добросовестности; выявить основные проблемы правоприменения, обусловленные отсутствием нормативной конкретизации добросовестности; сформулировать предложения по внесению изменений в Гражданский кодекс РФ с целью кодификационной конкретизации принципа добросовестности; оценить правоприменительные эффекты предложенной модели нормативного закрепления.

Гипотеза исследования. Если принцип добросовестности будет кодифицирован в виде нормативно определенной правовой конструкции с четко обозначенными сферами действия, презумпциями и критериями, то это обеспечит повышение правовой определенности, уменьшение расхождений в судебной практике и укрепление нормативной связности обязательственного права.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании использованы теоретические методы: формально-юридический анализ, системно-структурный подход, индукция, дедукция, правовое моделирование и нормативная реконструкция; эмпирические методы включали контент-анализ судебной практики (в частности, решений Верховного Суда РФ), а также анализ доктринальных источников – монографий, научных статей, правовых заключений.

Эмпирическую базу исследования составили нормативные акты, включая Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы, материалы Пленумов Верховного Суда РФ, а также конкретные судебные дела, рассмотренные Верховным Судом РФ, где принцип добросовестности был положен в основу юридической квалификации обстоятельств. Кроме того, были использованы научные публикации ведущих российских и зарубежных исследователей, включая труды М.М. Агаркова, В.В. Витрянского, И.Б. Новицкого, Д.В. Дождева, Э. Хатчисона, Б.Х. Малкави и других.

Результаты и обсуждения

В условиях трансформации правовых систем, обусловленных ускоренной динамикой социально-экономических и правовых процессов, особое значение приобретает анализ таких категорий, которые, обладая универсальной нормативной значимостью, в то же время характеризуются чрезвычайной многослойностью и сложностью доктринального осмысления, и именно к таким категориям в полной мере относится принцип добросовестности, глубоко инкорпорированный в структуру гражданско-правового регулирования, но при этом не получивший ни однозначного нормативного оформления, ни окончательной дефиниции в теоретико-правовой доктрине.

Принцип добросовестности, институционализированный в российской гражданско-правовой системе и получивший нормативное усиление с проведением системной реформы Гражданского кодекса Российской

Федерации, осуществленной посредством Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ [2], приобретает характер презумпции нормативного поведения, в силу которой участники гражданского оборота презюмируются действующими исходя из требований разумности и честности (пункт 5 статьи 10 ГК РФ), что трансформирует данный принцип из абстрактной правовой идеи в аксиологически нагруженный методологический ориентир, интегрированный в структуру правотворчества, интерпретации и правоприменения.

В контексте кодифицированного российского гражданского законодательства наблюдается тенденция к экспликации добросовестности как сквозного юридического начала, что подтверждается упоминанием данной категории в более чем двадцати статьях ГК РФ, включая положения о применении аналогии права (ст. 6), о действиях законных представителей (ст. 53), последствиях недействительности сделок (ст. 167), переработке движимой вещи (ст. 220), приобретательной давности (ст. 234), договорных обязательствах (ст. 307, ст. 432), аренде и хранении (ст. 602, ст. 662), в нормах, регулирующих интеллектуальную собственность и наследование, тем самым подчеркивая значение данного принципа не как факультативного этического ориентира, но как обязательного структурного компонента правовой регуляции [1]. В то же время, несмотря на столь широкое нормативное распространение, принцип добросовестности в российской правовой доктрине сталкивается с проблемой значительной терминологической и содержательной неопределенности, что, как представляется, обусловлено его метаюридической природой и необходимостью соотнесения не столько с конкретными правовыми нормами, сколько с поведенческими стандартами участников оборота, часто не поддающимися точной формализации и потому вызывающими затруднения в интерпретации и применении – в особенности в судебной практике.

Подобная неопределенность вызывает обоснованную критику в научной среде, где отсутствует единый подход к интерпретации добросовестности: одни авторы (например, С.Н. Чуканов [16]) настаивают на необходимости детализированного понятийного раскрытия, тогда как другие (например, В.В. Витрянский [8]) утверждают, что универсальное определение принципа в силу его функциональной открытости попросту невозможно, и что его действенность проявляется преимущественно в контексте конкретного дела, а не в виде абстрактной дефиниции. Историко-доктринальные представления о содержании добросовестности варьируются от характеристик, связанных с честностью и запретом обмана (М.М. Агарков [6]), через разграничение объективной и субъективной сторон (по М.Ф. Лукьяненко [14]), до понятий, акцентирующих внимание на доверии, доброжелательности (И.Б. Новицкий [16]), правдивости (В.И. Даль [9]), нравственной взаимности (А. Жалинский, А. Рерихт [12]), полноте информирования (М.Г. Розенберг [15]), избегании вреда (В.А. Белов [7]) и стремлении к справедливости (Д.В. Дождев [10]), что в совокупности образует сложный понятийный спектр, подтверждающий невозможность свести добросовестность к статичной и универсальной формуле. Особую теоретическую ценность представляет категория «субъективной добросовестности», трактуемой как состояние незнания и объективной невозможности знать обстоятельства, имеющие юридическое значение, что активно используется как в доктринальных построениях (например, С.А. Краснова [13]), так и в судебной аргументации, особенно при квалификации добросовестного приобретения.

В отечественной системе гражданского права наблюдается тенденция к институционализации добросовестности как формализованной правовой категории, что, однако, не устраняет рисков произвольной трактовки в судебной практике, поскольку отсутствие универсальной дефиниции обуславливает значительную зависимость от индивидуальной правовой интерпретации, затрудняя, тем самым, предсказуемость правового регулирования и правовую определенность. Из вышеизложенного вытекает, что рациональная правовая стратегия, применяемая в российском контексте, должна быть ориентирована не на разработку универсального нормативного определения принципа добросовестности, но на развитие институционального обеспечения его действия через детальное нормативное оформление условий договоров, расширение прецедентной практики высших судов и совершенствование правовой квалификации юристов, что в совокупности способно усилить применимость и интерпретируемость добросовестности как инструмента правового регулирования.

Следовательно, добросовестность в своей позитивной форме охватывает поведенческие характеристики участников гражданского оборота, включая честность, доверие, правдивость, доброжелательность, гуманность, равенство и уважение, тогда как в негативной – запрещает злоупотребление правами и недобросовестное поведение, препятствующее реализации справедливости и устойчивости правового порядка, формируя тем самым совокупный правовой и этико-социальный стандарт поведения, способный интегрироваться в нормативную структуру как правовое и моральное обязательство [11].

В контексте актуализации принципа добросовестности как нормативного вектора правоприменительной практики и доктринального концепта, значительное внимание заслуживает анализ конкретных дел, рассматривавшихся судебной системой Российской Федерации, с тем чтобы выявить степень внедрения этого принципа в механизмы судебного правосудия, охарактеризовать трансформацию подходов высшей судебной ин-

станции к его содержательному наполнению и юридической интерпретации. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.12.2023 по делу № 44-КГ23-18-К7 Верховный Суд РФ выступил с правовой позицией, акцентированной на принципе добросовестности. Высшая судебная инстанция указала на недопустимость возложения ответственности за подобную техническую ошибку на потребителя. Суд подчеркнул, что именно на профессиональном участнике оборота – банке – лежит обязанность по корректной обработке платежей, а задержка в два дня и незначительная задолженность не могут служить основанием для отказа в признании обязательства исполненным [5].

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2 содержательно затрагивает правовую оценку дистанционного заключения кредитного договора при помощи интерфейса интернет-банкинга. Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая дело в кассационном порядке, акцентировал внимание на том, что поведение банка носило недобросовестный характер, так как не обеспечивало должной прозрачности и защищенности процедуры заключения договора, что нарушило принципы справедливости, информационной доступности и правовой безопасности. Добросовестность, как указал суд, требует не только соблюдения форм, но и содержания, а потому все решения были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение [4].

Наиболее показательной иллюстрацией применения принципа добросовестности в классической купле-продаже выступает Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.11.2023 № 16-КГ23-57-К4. Верховный Суд Российской Федерации расценил сокрытие информации о залоге как юридически значимое обстоятельство, нарушение которого свидетельствует о недобросовестности поведения продавца, что и обусловило отмену принятых ранее судебных актов [3].

Обобщая рассмотренные кейсы, можно сделать обоснованный вывод о том, что Верховный Суд Российской Федерации активно реализует принцип добросовестности как доктринальную и правоприменительную конструкцию, придавая ему функциональную роль компенсаторного механизма в условиях нормативной неопределенности и правового формализма. Вместе с тем эмпирический анализ судебной практики свидетельствует о наличии диспропорции между нормативно-активной правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, ориентированной на расширительное и аксиологически обоснованное толкование принципа добросовестности, и устойчивой тенденцией к формально-догматической интерпретации норм гражданского права со стороны нижестоящих судебных инстанций, что обуславливает фрагментарность правоприменительной практики и снижает степень нормативной согласованности в пределах юрисдикции. Указанное расхождение, тем не менее, позволяет выявить позитивную тенденцию – становление добросовестности не только как этико-правового ориентира, но как практикоориентированной категории, способной трансформировать судебную аргументацию и укрепить доверие граждан к судебной системе. Тем самым укрепляется убеждение, что добросовестность в ближайшей перспективе получит окончательное институциональное признание не как декларативный принцип, но как действенный критерий, формирующий правосознание участников гражданского оборота.

Формулируя предложения по кодификационному закреплению принципа добросовестности в системе российского гражданского права, необходимо исходить из методологической установки на институционализацию данного принципа как нормативного конструкта, способного выполнять не только аксиологическую и компенсаторную функции, но и служить нормативно-консолидирующим механизмом, обеспечивающим правовую предсказуемость и устойчивость частноправового регулирования (табл. 1).

Таблица 1

Предложения по совершенствованию доктрины и кодификации добросовестности в Гражданском кодексе РФ.

Table 1

Proposals for improving the doctrine and codification of good faith in the Civil Code of the Russian Federation.

№	Проблема	Предложение кодификационного внесения	Прогнозируемая правоприменительная проекция
1	Факт отсутствия легальной дефиниции добросовестности порождает аксиологическую неопределенность и создает широкое поле для произвольного усмотрения суда	Дополнить п. 3 ст. 1 ГК РФ нормой: «Добросовестностью признается поведение субъекта, соразмерное общеутвержденным в гражданском обороте стандартам честности, справедливости и взаимного доверия, направленное на исполнение обязательств без злоупотребления субъективными правами»	Наличие нормативно эксплицированной дефиниции нивелирует коллизии толкования, формирует единый юридический «эталон поведения» и уменьшает вероятность принятия решений, основанных на субъективной моралистике вместо правового критерия

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

2	Недостаточная спецификация добросовестности по стадиям гражданского оборота препятствует формированию ясных поведенческих стандартов для субъектов	Инкорпорировать в ст. 10 и ст. 307 ГК РФ трехфазную модель: а) при возникновении обязательства – раскрытие существенной информации контрагенту; б) при исполнении – запрет тактики «стратегического бездействия», препятствующей достижению цели договора; в) при прекращении – недопустимость злоупотреблений, направленных на искусственное уклонение от расчетов	Дифференцированная норма задает четкие вехи добросовестного поведения, облегчает доказательственную квалификацию нарушений и стимулирует контрагентов заблаговременно устранять информационную асимметрию
3	Отсутствие презумпции добросовестности и нормативных индикаторов недобросовестности усложняет доказательственный процесс и порождает процессуальную энтропию	Закрепить в ст. 10 и ст. 168 ГК РФ презумпцию добросовестности с возможностью опровержения при наличии: – умышленного утаивания юридически значимых фактов; – конфликта интересов, затрагивающего баланс сторон; – систематического нарушения условий без разумного обоснования.	Перераспределение бремени доказывания дисциплинирует стороны, ускоряет судебное разбирательство и снижает транзакционные издержки на сбор доказательственной базы, формируя предсказуемый процессуальный алгоритм
4	Декларативность принципа, недостаточно «вшитого» в отраслевые институты, ограничивает его практическую эффективность	а) В ст. 431.1 ГК РФ прямо квалифицировать раскрытие обстоятельств до заключения договора как проявление добросовестности; б) в ст. 168.1 ГК РФ расширить перечень злоупотреблений, включив «симулятивное согласие»; в) в ст. 10 ГК РФ дополнить каталог манипулятивных действий	Институциональное закрепление превращает добросовестность в операциональный элемент, позволяющий судам квалифицировать конкретные нарушения без абстрактных ссылок, а хозяйственным субъектам – корректировать внутренние процедуры обеспечения соответствия
5	Возможность обхода закона через формальное соблюдение буквы при нарушении духа нормы остается без механизма блокировки	В ст. 168.1 ГК РФ внедрить концепцию «юридической недействительности поведения»: действие, формально соответствующее закону, но противоречащее добросовестности, объявляется ничтожным	Инструмент создает раннее «отсекающее» звено, нивелируя злоупотребление формой, и восстанавливает ценностное равновесие, тем самым совершенствуя контроль за корпоративными схемами, построенными на формальном легализме

На фоне все возрастающей необходимости правовой системности и предсказуемости в гражданско-правовом регулировании становится очевидным, что принцип добросовестности утрачивает статус факультативного аксиологического маркера и требует преобразования в строго институционализированную норму, функционально встроенную в структуру правового регулирования через нормативно фиксированные модели поведения. При этом именно кодификационная конкретизация, как способ устранения неопределенности, снижения степени оценочности и обеспечения единообразия правоприменения, способна сыграть интеграционную роль между законодательной абстракцией и судебной конкретикой, упрочив позицию добросовестности как универсального инструмента правовой коррекции.

В условиях, когда правовая реальность требует баланса между формой и содержанием, формализмом и гибкостью, процедурой и ценностью, принцип добросовестности становится тем системным регулятором, который, обладая высокой адаптивной потенцией, может быть институционализирован не в ущерб предсказуемости, но в ее пользу. Именно поэтому дальнейшее развитие механизма добросовестности предполагает не поиск универсальной дефиниции, а проектирование нормативной инфраструктуры, позволяющей задавать параметры допустимого поведения, фиксировать пределы отклонения от правомерности и одновременно обеспечивать юристов и судей устойчивыми правовыми ориентирами при оценке частных конфликтов.

Таким образом, принцип добросовестности, обладая свойством нормативной адаптивности, может быть преобразован в устойчивую правовую категорию, если будет обеспечено его системное закрепление в законодательстве, теоретическая определенность в научной доктрине и единообразие в судебной практике. В совокупности это позволит рассматривать данный принцип не как абстрактное декларативное положение, а как практический механизм развития и упорядочивания гражданско-правового регулирования в современной правовой системе России.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Проведенное теоретико-догматическое исследование позволило обосновать необходимость трансформации принципа добросовестности в гражданском праве Российской Федерации из аксиологически неопределенной категории в нормативно детализированную правовую конструкцию, обладающую четкими формальными признаками, правоприменительной верифицируемостью и доктринальной воспроизводимостью. Принцип добросовестности, несмотря на его широкую нормативную представленность в положениях Гражданского кодекса РФ, продолжает функционировать преимущественно как гибкая оценочная рамка, не обладающая достаточным уровнем юридической конкретизации, что препятствует формированию единообразной правоприменительной практики и порождает высокий уровень неопределенности при разрешении гражданско-правовых споров.

В рамках статьи были обоснованы и структурированы предложения, направленные на институционализацию добросовестности как правового инструмента, применимого в логике конкретных поведенческих моделей субъектов гражданского оборота. Поддержана необходимость легализации дефиниции принципа добросовестности, нормативной дифференциации его проявлений по фазам обязательства, установления презумпции добросовестности с нормативными индикаторами ее опровержения, а также нормативной интеграции данного принципа в ключевые положения о заключении, исполнении и прекращении договоров. Особое значение придается переходу от негативной функции (запрет злоупотреблений) к позитивной (обязанность кооперативного поведения).

Научное и прикладное значение предложенного подхода заключается в формировании концептуального основания для гармонизации нормативного регулирования и судебной интерпретации, что в перспективе позволяет рассматривать принцип добросовестности не как декларативный ориентир, а как полноценный механизм внутренней согласованности гражданско-правового регулирования. Закрепление принципа добросовестности в Гражданском кодексе как отдельного нормативного института позволит устранить неопределенность в правовом регулировании, уменьшить различия в судебных решениях по схожим делам, повысить предсказуемость правоприменения и обеспечить более четкую согласованность норм, регулирующих обязательственные отношения.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.
2. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1-4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 2.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.11.2023 № 16-КГ23-57-К4 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=792615> (дата обращения: 08.03.2025)
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=748987> (дата обращения: 03.03.2025)
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.12.2023 по делу № 44-КГ23-18-К7 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797686> (дата обращения: 08.03.2025)
6. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 489 – 522.
7. Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49 – 52.
8. Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд // Вестник ВАС РФ. 1997. № 7. С. 132 – 139.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / предисл. А.М. Бабкина. 7-е изд. М.: Рус. яз., 1978. Т. 1. 688 с.
10. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. М.: Статут, 2021. 457 с.
11. Долматов Е.Н., Галятдинов Р.Р., Сандаков В.Д. Принцип добросовестности в российском гражданском праве // Образование и право. 2024. № 10. С. 300 – 304.
12. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001. 767 с.

13. Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 62 – 67.
14. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность: учебное пособие. М.: СТАТУТ, 2010. 423 с.
15. Розенберг М.Г. Международная купля-продажа товаров. Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров. М.: Статут, 2003. 323 с.
16. Чуканов С. Н. Понятие принципа добросовестности в гражданском праве и негативные аспекты применения // Молодой ученый. 2021. № 27. С. 231 – 234.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. 1994. No. 238-239.
2. Federal Law of 30.12.2012 No. 302-FZ "On Amendments to Chapters 1-4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 1. Art. 2.
3. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.11.2023 No. 16-KG23-57-K4 [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=792615> (date of access: 08.03.2025)
4. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.01.2023 No. 5-KG22-121-K2 [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=748987> (date of access: 03.03.2025)
5. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.12.2023 in case No. 44-KG23-18-K7 [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797686> (date accessed: 08.03.2025)
6. Agarkov M.M. The Problem of Abuse of Rights in Soviet Civil Law. Selected Works on Civil Law. Moscow: Center YurInfoR, 2002. P. 489 – 522.
7. Belov V.A. Good Faith, Reasonableness, Justice as Principles of Civil Law. Legislation. 1998. No. 8. P. 49 – 52.
8. Vitryansky V.V. Civil Code and Court. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1997. No. 7. P. 132 – 139.
9. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. preface by A.M. Babkin. 7th ed. Moscow: Rus. language, 1978. Vol. 1. 688 p.
10. Dozhdev D.V. European tradition of private law: studies on Roman and comparative law: in 2 volumes. Moscow: Statut, 2021. 457 p.
11. Dolmatov E.N., Galyatdinov R.R., Sandakov V.D. The principle of good faith in Russian civil law. Education and Law. 2024. No. 10. pp. 300 - 304.
12. Zhalinsky A., Roericht A. Introduction to German law. Moscow: Spark, 2001. 767 p.
13. Krasnova S.A. Definition of the concept of "good faith" in Russian civil law. Journal of Russian Law. 2003. No. 3. P. 62 – 67.
14. Lukyanenko M.F. Evaluation concepts of civil law: reasonableness, good faith, materiality: a tutorial. Moscow: STATUTE, 2010. 423 p.
15. Rosenberg M.G. International sale and purchase of goods. Commentary on legal regulation and dispute resolution practice. Moscow: Statut, 2003. 323 p.
16. Chukanov S.N. The concept of the principle of good faith in civil law and negative aspects of application. Young scientist. 2021. No. 27. P. 231 – 234.

Информация об авторе

Газизуллина Л.З., кандидат юридических наук, доцент, Институт управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2464-4241>, Author ID: 746452; 56540018300, 420008, Казань, ул. Кремлевская, дом 18, каб. 205а

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.1

Влияние цифровизации на совершение расчётов по сделкам с недвижимостью

¹Сергеев И.А.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в статье анализируются вопросы влияния цифровизации на совершение расчетов по сделкам с недвижимостью. Рассматриваются основные аспекты цифровизации гражданского права, влияние их на обязательственное и договорное право. Автор рассматривает тенденции воздействия реформы по введению цифрового рубля на совершение сделок с недвижимостью. Сравнивается цифровой рубль как объект гражданских прав и цифровая валюта для целей расчетов по сделкам с недвижимостью. Поднимаются аспекты влияния смарт-контрактов на осуществление расчетов по сделкам с недвижимостью на цифровой платформе Банка России, рассматриваются положения действующего законодательства и Концепция цифрового рубля. Анализируется природа цифрового рубля, цифровой валюты и смарт-контрактов, поднимаются проблемные аспекты правового регулирования рассматриваемой сферы. В статье анализируется зарубежный опыт использования цифровых валют и смарт-контрактов, для совершения сделок по купле-продаже и аренде недвижимости и транзакций по ним. Автор отмечает перспективность использования цифрового рубля в рамках совершения трансграничных сделок с недвижимостью на основе анализа зарубежного опыта. Предлагается внедрение правовых механизмов для формирования цифровой «централизованной» валюты рамках ЕАЭС и урегулирования прав на осуществление расчетов такой валютой по сделкам с недвижимостью.

Ключевые слова: недвижимость, сделка, смарт-контракт, цифровой рубль, договор, цифровая валюта, купля-продажа, аренда

Для цитирования: Сергеев И.А. Влияние цифровизации на совершение расчётов по сделкам с недвижимостью // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 18 – 23.

Поступила в редакцию: 3 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The impact of digitalization on the settlement of real estate transactions

¹Sergeev I.A.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article analyzes the impact of digitalization on the settlement of real estate transactions. The main aspects of the digitalization of civil law, their impact on the law of obligations and contractual law are considered. The author examines the trends in the impact of the digital ruble reform on real estate transactions. The digital ruble is compared as an object of civil rights and a digital currency for the purposes of settlement of real estate transactions. The aspects of the impact of smart contracts on the settlement of real estate transactions on the digital platform of the Bank of Russia are raised, the provisions of current legislation and the Concept of the digital ruble are considered. The nature of the digital ruble, digital currency and smart contracts is analyzed, and problematic aspects of the legal regulation of this area are raised. The article analyzes the foreign experience of using digital currencies and smart contracts to make transactions for the purchase, sale and lease of real estate and transactions on them. The author notes the prospects of using the digital ruble in the framework of cross-border

real estate transactions based on the analysis of foreign experience. It is proposed to introduce legal mechanisms for the formation of a digital «centralized» currency within the EAEU and the settlement of rights to make payments in such currency for real estate transactions.

Keywords: *real estate, transaction, smart contract, digital ruble, contract, digital currency, purchase and sale, lease*

For citation: Sergeev I.A. The impact of digitalization on the settlement of real estate transactions. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 18 – 23.

The article was submitted: April 3, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Тема цифровизации расчетов по сделкам с недвижимостью приобретает особую актуальность с внедрением цифрового рубля как средства платежа. В целом, последние годы можно наблюдать тенденцию по цифровизации всех сфер общественных отношений. В науке цифровизацию рассматривают как процесс применения цифровых данных и цифровых технологий для реализации различных задач, тем самым происходит преобразование общественных отношений в цифровую форму [13]. Особенно явно цифровизация оказывает влияние на гражданское право, наблюдается активный процесс перехода к электронному документообороту, ускоряются процессы взаимодействия участников гражданского оборота, открываются новые возможности для трансграничных отношений, возникают новые участники экономических отношений в виде операторов информационных систем. Сфера расчетов по сделкам с недвижимостью, в том числе претерпела определенные изменения, и очевидно, что тенденции её дальнейшего развития лежат в плоскости цифровой трансформации.

Настоящая работа направлена на исследование отношений по расчетам в сделках с недвижимостью, подверженных влиянию цифровизации гражданского права. При этом стоит отметить, что в отечественной доктрине данный вопрос практически не затронут исследователями непосредственно в контексте сделок с недвижимостью, что указывает на необходимость дополнительного исследования.

Материалы и методы исследований

В настоящей статье использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования. В частности, к общенаучным методам можно отнести методы анализа, синтеза, обобщения. Среди частнонаучных методов, задействованных в статье можно выделить формально-юридический метод, метод юридического прогнозирования.

Эмпирическая база исследования основана на использовании нормативных правовых актов, научной литературы, правовой литературы.

Результаты и обсуждения

Несмотря на то, что исследователями отмечается неготовность рынка недвижимости к цифровой трансформации [14, р. 349], цифровизация сделок с недвижимостью выступает общемировой тенденцией, однако во многих государствах она сопряжена с трудностями электронной регистрации прав на недвижимое имущество. Попытка реализации проектов по внедрению единых платформ, которые позволили бы взаимодействовать между участниками сделки и регистраторами осуществлялась, например, в Великобритании. Однако, в зарубежной доктрине встречается позиция, о безрезультатности пилотных проектов по цифровизации сделок с недвижимостью из-за нормативных препятствий в виде требований к отдельным документам лишь на бумажном носителе [15, р. 353, 354]. В то же время в мировой практике имеются и реализованные программы по внедрению специализированных платформ для регистрации и осуществлению транзакций по сделкам, что можно проследить на примере Австралии [12, р. 25]. Также, например, в США и в Швейцарии на базе частных коммерческих проектов разработка платформ по обеспечению расчетов на основе технологий распределённого реестра по сделкам с недвижимостью [15, р. 354].

Совершение расчетов является ключевым вопросом в отношении сделок, где объектом выступает недвижимость. Особенно это касается сделок купли-продажи недвижимости, поскольку регистрация перехода права собственности согласно положениям ст. 16 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ может длиться от семи до десяти дней в зависимости от способа подачи документов. С учетом этого преждевременное осуществление расчетов по сделке может повлечь неблагоприятные последствия для добросовестного приобретателя.

Законодательство не ограничивает способы расчетов по сделкам с недвижимостью, за рядом исключений, к которым можно отнести, например, заключение договоров долевого строительства или совершение ипотечных сделок. В этих случаях оплата по сделке происходит посредством безналичного расчета. Таким образом, по общему правилу расчеты могут осуществляться, как в наличной, так и безналичной форме. Расчеты в безналичной форме позволяют в большей степени снизить риски для сторон сделки в связи с тем, что существуют специальные механизмы, обеспечивающие безопасность расчета, а также исполнение по сделке безналичными денежными средствами позволяет подтвердить факт передачи денежных средств.

Относительно формы осуществления расчетов по сделкам с недвижимостью интерес представляет возможность оплаты сделки цифровой валютой. В 2023 г. в Гражданский кодекс РФ [1] были внесены изменения, согласно которым в качестве формы безналичных денежных средств был признан цифровой рубль. Внедрение цифрового рубля с 2023 г. осуществлялось в тестовом режиме несколькими кредитными организациями.

В свою очередь, стоит учитывать, что цифровой рубль не является цифровой валютой в понимании Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ [2]. В соответствии с упомянутым законом цифровая валюта не относится к денежным средствам, а рассматривается в качестве имущества. Таким образом, законодатель не приравнивает эти понятия. При этом ч. 5 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ запрещает использовать цифровую валюту как встречное предоставление по сделке, поэтому оплата по сделкам с недвижимостью цифровой валютой по действующему законодательству не допускается.

Основной особенностью цифрового рубля является его централизованность, которая отсутствует, например, при обороте криптовалюты. Оборот и контроль за обращением цифрового рубля полностью контролируется Банком России. При этом обращение цифрового рубля осуществляется в рамках цифровой платформы, оператором которой является также Банк России. Однако доступ физических и юридических лиц к платформе предоставляется через платформы коммерческих банков. Таким образом, на сегодняшний день, коммерческие банки играют посредническую функцию, однако сама Концепция цифрового рубля [3] предполагает возможность отсутствия посредников, и взаимодействие пользователя напрямую с платформой Банка России.

С учётом того, что цифровой рубль является безналичным денежным средством, он может выступать как средство платежа по сделкам с недвижимостью. В связи с тем, что цифровой рубль является уникальным механизмом, формирование которого обусловлено стремительным развитием цифровых технологий, на сегодняшний день отсутствует четкое понимание, каким образом могут совершаться сделки с недвижимостью посредством расчетов цифровыми рублями. Анализируя виды операций, которые могут осуществляться с цифровыми рублями (гл. 5 Положения Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П [4]) можно проследить, что цифровые рубли могут переводиться от одного пользователя к другому, вне зависимости от того, осуществляется перевод физическим или юридическим лицом, а также пополняться или выводиться на банковские счета.

Цифровой рубль в сущности является цифровым кодом, и каждая денежная единица имеет свой уникальный номер. Путь цифрового кода при последующей передаче или переводе цифрового рубля можно отследить в рамках операций, совершаемых на цифровые платформы [5, с. 13]. В данном случае, создание механизма цифрового рубля открывает новые возможности для повышения безопасности расчетов, поскольку движение денежных средств легко отследить по цифровому коду. Прозрачность в совершении таких сделок обеспечивается и тем, что каждый пользователь для присоединения к платформе заключает договор с Банком России. Таким образом, данный способ расчётов исключает возможность указания продавца, наймодателя, арендатора, и других субъектов по сделкам с недвижимостью о недоказанности факта передачи денежных средств.

Создание цифрового рубля опосредовало формирование нового способа расчетов с недвижимостью в виде перевода цифровых рублей с одного электронного кошелька на цифровой кошелек другого пользователя. Как представляется, в дальнейшем должен быть решен вопрос о том, как пользователь сможет отслеживать в случае необходимости факта доказывания передачи денежных средств движение цифрового рубля. Необходимо ли ему в этом случае будет обращаться в ЦБ РФ, и как должна проходить данная процедура, в какие сроки и в какой форме должно происходить обращение? При этом стоит учитывать, что передача информации по отслеживанию всего дальнейшего движения цифрового рубля за рамками совершенной сделки может уже нарушать банковскую тайну.

Трудно отрицать, что в гражданском обороте отсутствуют эффективные и устоявшиеся способы расчетов по сделкам с недвижимостью в безналичной форме, такие как аккредитив (ст. 867 ГК РФ) или эскроу-счет (ст. 867 ГК РФ). Не менее эффективными являются внесение денежных средств в банковскую ячейку

или на депозит нотариуса при наличных расчетах. Все эти механизмы обеспечивают дополнительную защиту при совершении сделки. Их суть заключается в наличии независимого и надежного посредника, который хранит переданные одной стороной сделки денежные средства и, получив информацию, например, о факте регистрации перехода права собственности на недвижимость, передает эти средства другой стороне сделки.

Вместе с тем, в случае расчетов цифровыми рублями платформа Банка России не выступает посредником. Однако Концепция цифрового рубля предусматривает уникальный механизм обеспечения расчетов посредством использования смарт-контрактов. Возможность применения смарт-контрактов в гражданском обороте была урегулирована в статье 309 ГК РФ еще в 2019 году. Смарт-контракт создается на платформе сторонами сделки, и программа самостоятельно отслеживает исполнение договора, после чего платформа автоматически переводит денежные средства в виде цифровых рублей контрагенту по сделке.

Вместе с тем, в литературе имеются разнообразные подходы к пониманию природы смарт-контракта. Подшивалова Т.Д. указывает на то, что вопрос об определении места смарт-контрактов в пандектной системе гражданского права до сих пор остается открытым [9, с. 443], и требует отдельного регулирования в положениях законодательства об обязательствах. Как отмечает Чурилов А.Ю., смарт-контракт можно рассматривать с двух сторон, а именно в технологическом аспекте он выступает программным кодом, интегрированным в систему блокчейн, а в юридическом – как формы договора, имеющей специфику в виде самоисполнимости условий договора и автономии [11, с. 54, 55]. В то же время, природа смарт-контракта, по мнению автора, не должна упрощаться лишь сведением ее к рассмотрению смарт-контракта как электронной формы договора, он одновременно указывает на необходимость ее определения как договорной конструкции, особенности которой выражаются в возможности его заключения и существования лишь в системе блокчейн, в возможности возникновения на его основе гражданско-правового отношения и самостоятельного исполнения обязательства. Анализируя подходы авторов, можно отметить, что договорная теория понимания природы смарт-контракта на сегодняшний день распространена в научной доктрине. К примеру, такую позицию высказывают А.А. Волос [6, с. 5] и А.И. Савельев [10, с. 100]. Громова Е.А. предлагает рассматривать правовую природу смарт-контракта как способ исполнения обязательства [7, с. 37]. Вместе с тем, в условиях существующей правовой реальности, законодатель использует непосредственно последний подход, закрепив в общих положениях об обязательствах (ст. 309 ГК РФ) право исполнять обязательство по сделке без отдельного волеизъявления при применении информационных технологий.

В зарубежной литературе появление технологий смарт-контрактов отмечается в качестве положительной тенденции, влияющей на эффективность беспрепятственной реализации сделки с недвижимостью, однако авторы указывают на необходимость взаимодействия платформы, на которой осуществляются расчеты по сделке с государственным органом регистрации прав [17, Р. 570]. Данный вывод справедлив и применительно к тенденциям внедрения рассматриваемой технологии для российской правовой системы. Возможность автоматического обмена информацией платформы ЦБ РФ и Росреестра может сделать возможным формирование смарт-контракта под условием факта регистрации. Однако в случае совершения сделок купли-продажи или аренды недвижимости решения в данном случае требует дополнительная технологическая задача по получению данных платформой от платформы Росреестра, что также обуславливает потребность в дополнительной правовой регламентации порядка взаимодействия, статуса цифровой платформы Банка России в отношениях по регистрации недвижимости.

Вместе с тем, очевидным преимуществом использование платформы Банка России для заключения смарт-контрактов по сделкам с недвижимостью выступает то, что необходимость участия третьей стороны, обеспечивающей совершение расчета по сделке, постепенно отпадает. Это делает данный механизм более доступным для расчетов. Однако стоит учитывать и технологические риски, поскольку остается неясным, кто будет нести ответственность в случае, если платформа не сможет обеспечить безопасность реализации смарт-контракта и безопасность в сохранности данных ее пользователей. Однако, исследователи, наоборот, акцентируют внимание на то, что технология распределенного реестра позволяет более эффективно обеспечивать безопасность данных в сравнении с иными платформами [16, с. 67].

Использование технологии смарт-контрактов и расчетов на цифровых платформах с использованием технологий блокчейн на наш взгляд имеет перспективу развитие еще одной важной сферы, а именно совершение трансграничных сделок с недвижимостью. В зарубежных системах, где легализованы расчеты криптовалютой, уже имеется подобная практика реализации трансграничных сделок. Такой подход можно проследить в США, Швейцарии, ОАЭ, где сделки по купле-продаже или аренде недвижимости реализуются через частные платформы [8, с. 77]. Как представляется использование «централизованной» цифровой валюты, признаваемой средством платежа, имеет перспективы также и в рамках международной экономии-

ческой интеграции в рамках ЕАЭС, что особо актуально в условиях санкционного давления и отключения Российской Федерации от SWIFT. Как представляется, использование цифровой валюты, сформированной, к примеру, на платформе Евразийского банка развития, и свободно конвертируемой с национальными цифровыми валютами значительно могло бы сократить расходы на совершение операций по таким сделкам и обезопасить добросовестных участников сделки посредством механизма смарт-контракта.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что с учетом складывающихся правовых реалий уже на современном этапе можно говорить о формировании нового механизма обеспечения исполнения сделки с недвижимостью в виде смарт-контракта на платформе цифрового рубля. Однако многие аспекты требуют дополнительной правовой регламентации, включая формирования правового механизма взаимодействия цифровой платформы ЦБ РФ и Росреестра. Несмотря на то, что Концепция цифрового рубля предполагает максимальную прозрачность, остается неоднозначным, станут ли расчеты по сделкам с недвижимостью цифровыми рублями более эффективны, чем устоявшиеся в гражданском обороте способы расчетов. На наш взгляд, использование цифрового рубля как способа расчета по сделкам с недвижимостью имеет перспективы при обеспечении высокого уровня безопасности данных пользователей. В том, числе перспектива использования цифрового рубля видится в части развития сферы трансграничных сделок с недвижимостью в зоне ЕАЭС.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (часть первая) // Российская газета. 1994. № 238-239.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 173.
3. Концепция цифрового рубля от 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 25.03.2025)
4. Положение Банка России от 3 августа 2023 г. N 820-П «О платформе цифрового рубля» [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/2858> (дата обращения: 25.05.2024).
5. Василевская Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex russica. 2023. Т. 76. №. 1 (194). С. 9-19.
6. Волос А.А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 5 – 7.
7. Громова Е.А. Смарт-контракты в России: попытка определения правовой сущности // Право и цифровая экономика. 2018. № 2. С. 34 – 37.
8. Панкратов Е.П., Григорьев В.В., Панкратов О.Е. Об инновационной технологии блокчейн в операциях с недвижимостью и зарубежном опыте её использования // Экономика строительства. 2021. № 3 (69). С. 3 – 12.
9. Подшивалова Т.П. Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова и др. М.: Проспект, 2022. 896 с.
10. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94 – 117.
11. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование применения технологии блокчейн: монография. М.: Юстицинформ, 2021. 152 с.
12. Craddock L. E-conveyancing: a consideration of its risks and rewards // Property Management. 2020. Т. 38. №. 1. P. 25 – 36.
13. Irniger A. Difference between Digitization, Digitalization and Digital Transformation // Core systems. 2017. URL: <https://www.the-future-of-commerce.com/2020/05/18/difference-between-digitization-digitalization-and-digital-transformation/> (дата обращения: 25.03.2024)
14. Saull A., Baum A., Braesemann F. Can digital technologies speed up real estate transactions? // Journal of property investment & finance. 2020. № 4. P. 349 – 361.
15. Silverstein R. The future of cryptocurrency and real estate transactions // Touro L. Rev. 2022. P. 871 – 891.
16. Singh N., Vardhan M. Digital ledger technology-based real estate transaction mechanism and its block size assessment // International Journal of Blockchains and Cryptocurrencies. 2019. №. 1. P. 67 – 84.
17. Wouda H.P. and Opdenakker, R. Blockchain technology in commercial real estate transactions // Journal of Property Investment and Finance. 2019. Vol. 37. № 6. P. 570 – 579.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 N 51-FZ (part one). Rossiyskaya Gazeta. 1994. No. 238-239.
2. Federal Law of July 31, 2020 N 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 173.
3. Concept of the Digital Ruble from 2021 [Electronic resource]. Access mode: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (date accessed: 25.03.2025)
4. Bank of Russia Regulation of August 3, 2023 N 820-P "On the digital ruble platform" [Electronic resource]. URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/2858> (date accessed: 25.05.2024).
5. Vasilevskaya L.Yu. Digital ruble: a civilian view of the problem. Lex russica. 2023. Vol. 76. No. 1 (194). P. 9-19.
6. Volos A.A. Smart contracts and principles of civil law. Russian justice. 2018. No. 12. P. 5 – 7.
7. Gromova E.A. Smart contracts in Russia: an attempt to determine the legal essence. Law and digital economy. 2018. No. 2. P. 34 – 37.
8. Pankratov E.P., Grigoriev V.V., Pankratov O.E. On innovative blockchain technology in real estate transactions and foreign experience of its use. Construction economics. 2021. No. 3 (69). P. 3 – 12.
9. Podshivalova T.P. Law of the digital environment: monograph. Edited by T.P. Podshivalova et al. Moscow: Prospect, 2022. 896 p.
10. Savelyev A.I. Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law. Law. 2017. No. 5. P. 94 – 117.
11. Churilov A.Yu. Legal regulation of the use of blockchain technology: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2021. 152 p.
12. Craddock L. E-conveyancing: a consideration of its risks and rewards. Property Management. 2020. Vol. 38. No. 1. P. 25 – 36.
13. Irniger A. Difference between Digitization, Digitalization and Digital Transformation. Core systems. 2017. URL: <https://www.the-future-of-commerce.com/2020/05/18/difference-between-digitization-digitalization-and-digital-transformation/> (access date: 03.25.2024)
14. Saull A., Baum A., Braesemann F. Can digital technologies speed up real estate transactions? Journal of property investment & finance. 2020. No. 4. P. 349 – 361.
15. Silverstein R. The future of cryptocurrency and real estate transactions. Touro L. Rev. 2022. P. 871 – 891.
16. Singh N., Vardhan M. Digital ledger technology-based real estate transaction mechanism and its block size assessment. International Journal of Blockchains and Cryptocurrencies. 2019. No. 1. P. 67 – 84.
17. Wouda H.P. and Opdenakker, R. Blockchain technology in commercial real estate transactions. Journal of Property Investment and Finance. 2019. Vol. 37. No. 6. P. 570 – 579.

Информация об авторе

Сергеев И.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, kasfart@yandex.ru

© Сергеев И.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 340.13

Понятие, основания классификации и виды уставов вузов

¹ Савельев С.А.,

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: работа посвящена анализу правового статуса уставов высших учебных заведений. В работе рассматриваются основные понятия, касающиеся уставов вузов, их сущность и функции. В первой части работы автор детально рассматривает сущность уставов вузов, подчеркивая их роль в системе нормативных актов, регулирующих деятельность высших учебных заведений. Устав вуза определяется как основной локальный нормативный акт, устанавливающий организационные и управленческие основы, права и обязанности участников образовательного процесса. При определении понятия уставов вузов особое внимание уделено функциям устава вуза, включая регламентацию внутренней структуры, порядок управления и принципы образовательной деятельности, что делает устав ключевым документом в управлении вузом. Автор уделяет внимание основаниям для классификации уставов, выделяя ключевые критерии дифференциации уставов вузов. Также проводится подробный анализ различных видов уставов вузов, в том числе государственных и частных. Автор стремится выявить специфические особенности, отличающие одни виды уставов вузов от других. Настоящая работа также затрагивает законодательные акты, которые регулируют порядок разработки, изменения и принятия уставов учебных заведений, в том числе порядок применения таких норм на практике.

Ключевые слова: устав, университет, образовательные организации, понятия устава, сущность устава, классификация уставов, виды уставов вузов

Для цитирования: Савельев С.А. Понятие, основания классификации и виды уставов вузов // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 24 – 33.

Поступила в редакцию: 4 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Definition, ground of classification and types of charters of the highest educational organizations

¹ Savelyev S.A.,

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: the article is devoted to the analysis of the legal status of charters of higher education institutions. The paper considers the main concepts concerning the charters of higher education institutions, their legal nature and functions. In the first part of the paper the author examines in detail the legal nature of the statutes of higher education institutions, emphasizing their role in the system of normative acts regulating the activities of higher education institutions. The charter of higher education institution is defined as the main local normative act that establishes the organizational and management framework, rights and obligations of participants of the educational process. When defining the concept of highest educational organizations' charters, special attention is paid to the functions of highest educational organizations' charter, including regulation of internal structure, management procedure and principles of educational activity, which makes the charter a key document in the management of highest educational organization. The author pays attention to the grounds for the classification of charters, highlighting the key criteria for differentiation of highest educational organizations' charters. A detailed analysis of

different types of highest educational organizations' charters, including public and private educational institutions, and their specific features is also carried out. The article focuses on legislative and normative acts regulating the development and approval of charters, as well as on the practice of applying these norms in the activities of higher education institutions.

Keywords: *charters, university, educational organizations, concepts of charters, legal nature of charters, classification of charters, types of university charters*

For citation: Savelyev S.A. Definition, ground of classification and types of charters of the highest educational organizations. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 24 – 33.

The article was submitted: April 4, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Цель исследования – анализ сущности уставов вузов, выявление критериев их классификации и изучение различных типов уставов.

Задачи – для реализации вышеуказанной цели работы автором были поставлены нижеследующие задачи:

- Дать определение уставов вузов и выявить их сущность.
- Исследовать законодательные и нормативные акты, регулирующие разработку и утверждение уставов, а также уставы различных учебных заведений.
- Разработать критерии классификации уставов вузов.
- Провести анализ различных видов уставов и их особенностей.

Гипотеза – возможно предположить, что уставы вузов могут быть классифицированы по двум критериям: в зависимости от органа, осуществляющего функции учредителя высшего учебного заведения и в зависимости от организационно-правовой формы высших учебных заведений и соответственно их отношениям к финансовым отношениям.

Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования являются общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод, а также системный подход к изучению нормативно-правовых актов и локальных документов высших учебных заведений. Использование данных методов позволит комплексно подойти к изучению уставов вузов, выявить их значимость и предложить рекомендации по совершенствованию правового регулирования в этой области.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

Гражданское законодательство Российской Федерации признает устав основным правоустанавливающим документом практически всех организаций, за редкими исключениями. Учебные заведения в рассматриваемом контексте не обладают какими-либо специфическими особенностями функционирования. Их деятельность в полной мере регламентируется уставами, которые утверждаются их учредителями.

Устав высшего учебного заведения подобно уставам иных организаций определяет рамки, в которых учебное заведение в целом может осуществлять свою деятельность. Можно утверждать, что в отсутствие устава невозможно само по себе исправное существование юридического лица, так как именно устав определяет базу его административно-хозяйственной и организационно-правовой деятельности.

Ещё в 2012 году Высший арбитражный суд признал отсутствие в российской правовой науке единого подхода к установлению сущности устава юридического лица [1]. Вывод высшей судебной инстанции относился к уставам хозяйственных обществ, что, однако, не исключает применение аналогии в контексте анализа сущности устава высшего учебного заведения.

Следует подтвердить тот факт, что в академической и практической среде действительно существует несколько различных мнений по вопросу определения сущности устава юридического лица. Имеющиеся в настоящий момент подходы можно условно разделить на три основных теории:

- 1) устав следует определять как нормативный правовой акт;
- 2) устав юридического лица является локальным актом;
- 3) устав является особой формой сделки.

Согласно первому подходу, устав юридического лица обладает свойствами нормативного акта, который устанавливает правила и нормы, регулирующие деятельность юридического лица. В случае определения устава как нормативного акта его следует рассматривать как составную часть правовой системы, то есть как акт, обязательный для соблюдения всеми членами организации.

Согласно второму подходу, устав можно определить как локальный нормативный акт, регулирующий внутренние отношения в рамках конкретного юридического лица. Локальный акт действует только в пределах одной организации и создаётся для управления её внутренними делами, что отличает его от нормативного правового акта.

Наконец третий подход рассматривает устав как договор между учредителями юридического лица. Согласно этой точке зрения, устав является соглашением, в котором устанавливаются права и обязанности сторон, участвующих в создании и функционировании юридического лица.

В XIX веке уставы юридических лиц трактовались по-разному. В одних случаях Правительствующий сенат России рассматривал их как особые договоры между учредителями, в других – как законы, устанавливающие правовые нормы для конкретного юридического лица [2]. Е. Элиасберг, анализируя эту двойственность, описал устав как «полудоговор-полужакон», что подчёркивает его смешанную природу. Этот термин указывает на то, что устав сочетает в себе элементы как договорных отношений, так и нормативно-регулирующих, что делает его гибридом, или, по выражению Элиасберга, «юридическим метисом» [3].

Согласно подходу Г.Ф. Шершеневича устав представляет собой особый «договор», который направлен на создание юридического лица, при этом фиксируя отношения между его учредителями [4]. Такой подход предполагает, что устав является соглашением между лицами, создающими организацию, и он определяет правила и порядок её функционирования, устанавливая права и обязанности участников.

Современные учёные-правоведы считают, что устав представляет собой некий особый локальный нормативный акт, определяющий основы деятельности юридического лица, а также регулирующий отношения между таким юридическим лицом и его участниками [5]. Согласно рассматриваемому подходу, устав становится внутренним документом конкретного юридического лица, направленным на регламентацию деятельности такового. Такой устав действует только в пределах организации и не распространяется на внешние отношения, как это делает общепризнанный нормативно-правовой акт.

При этом, многие авторы, например, Черданцев А.Ф., Гутников О.В., Сеницын С.А., Ломакин Д.В. считают, что уставы не соответствуют признакам нормативно-правовых актов. Они отмечают, что нормативно-правовые акты обычно отражают иерархическую структуру государственных органов, имеют общий и обязательный характер применения и являются результатом правотворческой деятельности. Эти акты предназначены для укрепления законности и правопорядка в обществе и государстве. Уставы же, по их мнению, не обладают этими характеристиками, поскольку они регулируют только внутренние дела организации и не являются частью государственной правовой системы [6]. Таким образом, устав может быть воспринят как "субнормативный" правовой акт.

Следует отметить, что устав юридического лица можно рассматривать как статут, то есть свод обязательных правил. Согласно этому подходу, в уставах организаций присутствуют общеобязательные, императивные, элементы, представляющие собой волю законодателя, а не учредителей соответствующих юридических лиц. Безусловно, учредители юридических лиц могут формировать положения устава по своему усмотрению, но такое усмотрение ограничено волей законодателя, установившего императивные нормы для тех или иных видов юридических лиц. Безусловно, императивные положения законодателя варьируются в зависимости от видов юридических лиц, однако существуют и «общеимперативные» положения. Так, пункт 4 статьи 52 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает общие требования к содержанию уставов всех юридических лиц. Вышеуказанные «общие» требования дополнительно конкретизированы законодателем в иных видах федеральных законов. При анализе уставов различных организаций можно увидеть, что юридические лица зачастую дублируют императивные положения законодательства Российской Федерации в своих уставах, что предполагает, что уставы дублируют в себе обязательные нормы, которые установлены законом [7].

Этот вывод справедлив и для уставов университетов. Уставы университетов включают положения, которые законодатель считает обязательными для включения. Как правило, уставы университетов включают в себя положения, устанавливаемые Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации».

При анализе уставов российских университетов можно заметить, что большинство из них включают часть положений законодательства России напрямую. Например, в уставе университета часто можно найти такие императивные положения законодательства как указание на то, что университет является юридиче-

ским лицом, имеет самостоятельный баланс, вправе открывать счета в кредитных организациях, включая валютные счета, а также лицевые счета в территориальных органах Федерального казначейства. Кроме того, можно найти общие положения законодательства о наличии у вуза гражданских прав и обязанностей, праве выступать в качестве истца и ответчика, праве иметь печать, бланки, штампы, иную символику и товарные знаки. Все эти положения лишь дублируют императивные нормы законодательства и в их отсутствии университеты бы не лишились соответствующих прав, однако, их дублирование в уставах показывает важность таких норм для существования организаций и обеспечению их интересов.

Далее предлагается рассмотреть подходы к пониманию сущности устава более подробно.

Так, часть учёных считают устав корпоративной сделкой. Такая сделка может быть как односторонней, так и многосторонней. Об односторонней корпоративной сделке следует говорить, когда юридическое лицо учреждается одним учредителем. В свою очередь в ситуации, когда в сделке участвуют два и более учредителя речь идёт о многосторонней сделке. Этот подход подчёркивает, что устав является соглашением между учредителями о правилах и условиях деятельности юридического лица, но он не обязательно является традиционным договором в частноправовом смысле [8].

При этом отметим, что существует и критика подхода о том, что устав может являться сделкой. Так, Д.И. Юсупова, критикуя эту позицию, относит к числу недостатков договорной теории идею, согласно которой в случае объявления устава договором и его недействительности по одному из пунктов юридическое лицо также становится недействительным [9]. Следует отметить, что такая критика является не совсем верной, так как в силу положений ст. 180 Гражданского кодекса Российской Федерации недействительность одной части сделки не порождает недействительность для иных положений такой сделки.

Следует отметить, что существует и иная критика подхода к пониманию устава как сделки. Так, А.А. Гигель указывает, что устав служит иным целям, нежели сделка, он не направлен на регулирование субъективных прав и обязанностей, а определяет правовой статус юридического лица. Кроме того, устав регулирует вопросы содержания и объёма правоспособности юридического лица и объём прав и обязанностей его участников [10].

Представляется возможным не согласиться с вышеприведённым мнением. Регулирование правоспособности юридического лица не лишает устав возможности регулирования субъективных прав и обязанностей его учредителей, а также самого этого лица. Своеобразное отражение корпоративной сделки в некоем «метисе» - смешении в одном документе разных типов иных юридических конструкций позволяет лучше показать, как устав может регулировать отношения в различных сферах в зависимости от конкретного правоотношения. Такой подход сущностно соответствует ранее приведенным размышлениям об уставе, которые высказывал Элиасберг.

Следует признать, что устав действительно сочетает в себе черты многих правовых явлений. С одной стороны, он может рассматриваться как нормативно-правовой акт, поскольку устанавливает правила поведения и порядок функционирования юридического лица. С другой стороны, устав имеет признаки локального акта, действующего в пределах конкретной организации. Кроме того, устав можно рассматривать как сделку между участниками, определяющую их взаимные права и обязанности. Это многообразие объясняет, почему устав может восприниматься различным исследователями с различных точек зрения как нормативный акт, локальный акт или корпоративная сделка.

В современной судебной практике превалирует понимание устава именно как сделки [11]. Хотя такие выводы обычно относятся к уставам коммерческих корпоративных организаций, они могут быть применимы и к вузам, поскольку организационно-правовой статус не изменяет сущности устава. Такой подход предполагает, что уставы заключаются между участниками (учредителями) организации, устанавливая их взаимные права и обязанности. Такой подход подчеркивает договорный характер устава, при котором стороны договариваются о правилах функционирования юридического лица и способах управления им.

Этот подход может быть применён и к вузам, несмотря на их специфический статус. Закон об образовании, регулируя вопросы уставов учебных заведений, устанавливает, что устав вуза разрабатывается и принимается самой организацией, а затем утверждается её учредителем.

Это правило применяется в следующих случаях:

- 1) при создании образовательной организации;
- 2) при реорганизации образовательной организации;
- 3) при внесении значительных изменений или дополнений в устав, требующих его утверждения в новой редакции.

Таким образом, разработка и принятие устава осуществляется самой образовательной организацией. Следовательно, её участие в «сделке» возможно только при реорганизации или принятии устава в новой

редакции. В любом случае устав регулирует вопросы установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей между вузом и его учредителем (учредителями). В связи с этим понимание устава как одной из формы сделок представляется вполне обоснованным.

Несмотря на то, что уставы обладают признаками, позволяющими отнести их к сделкам, уставы могут регламентировать внутренние взаимоотношения в организации, например, между профессорско-преподавательским составом и университетом или университетом и студентами. Устав может устанавливать правила и нормы поведения, права и обязанности обучающихся в рамках учебного процесса, а также определять условия труда, обязанности и права сотрудников образовательной организации.

Например, в зависимости от конкретного университета, в уставе могут быть урегулированы вопросы приёма на обучение, включая процедуры и условия приёма студентов, требования к абитуриентам, порядок проведения вступительных экзаменов и конкурсов (если такие предусмотрены); организации образовательной деятельности, включая сроки освоения образовательных программ, продолжительность учебного года и учебных занятий, порядок оценки знаний студентов, формы контроля успеваемости и аттестации; отчисления из учебного заведения и так далее.

Важно отметить, что обучающиеся и работники образовательных учреждений не влияют на содержание уставов. Они не участвуют в процессе их разработки и утверждения, что исключает возможность квалифицировать их действия как сделки. Уставы разрабатываются и утверждаются учредителями и администрацией университетов, а затем регулируют отношения внутри образовательного учреждения.

Устав образовательной организации может рассматриваться как локальный акт, регулирующий внутренние отношения в организации. В части регулирования отношений власти-подчинения в сфере образования устав вуза выполняет функции регламентации поведения субъектов образовательного процесса, а именно:

- 1) определяет права и обязанности участников образовательного процесса между собой и с университетом;
- 2) устанавливает процедуры и нормы, обязательные для выполнения.
- 3) обеспечивает правовое регулирование локальных процессов.

Таким образом, устав образовательной организации можно рассматривать как многофункциональный документ.

С одной стороны, будучи учредительным документом юридического лица, в отношениях «учредитель-вуз», отношениях между учредителями (если их более одного) или внутренних «корпоративных» отношениях высшего учебного заведения он имеет правовую сущность сделки.

С другой стороны, в отношениях «вертикального характера» – «обучающийся-учебное заведение» и «работник – работодатель» устав следует рассматривать как локальный нормативный акт.

Он действует и как сделка между учредителями и юридическим лицом, устанавливая, изменяя или прекращая гражданские права и обязанности, и как локальный нормативный акт, регулирующий внутренние отношения внутри организации. Это двойственное назначение устава отражает его комплексную правовую природу, что подтверждает его значимость и универсальность в регулировании деятельности образовательных организаций.

Говоря о понятии устава высшего учебного заведения и его признаках, следует отметить, что закон не содержит в себе понятие «устав», лишь указывая, что он является одним из видов учредительных документов (применительно к вузам – единственным) [12].

Устав высшего учебного заведения, как было рассмотрено выше обладает следующими особенностями, которые необходимо учитывать при формулировании дефиниции понятия «устав вуза».

Во-первых, уставы вузов регулируют не только вопросы существования образовательной организации. Помимо административных вопросов уставы регулируют вопросы организации образовательного процесса, а также права и обязанности участников образовательного процесса, как взаимные, так и применительно к образовательному учреждению.

Во-вторых, уставы вузов, как правило, являются типовыми. Вузы с одинаковыми организационно-правовыми формами, статусами, а также учредителями используют одинаковые шаблоны при принятии уставов, что фактически приводит к тому, что уставы разных учебных заведений практически полностью дублируют друг друга.

Представляется также необходимым при определении понятия устава вузов определить признаки уставов высших учебных заведений.

Признаки уставов вузов можно определить, исходя из их функций, содержания и юридического статуса в рамках российского права. Так к признакам уставов вузов можно отнести следующие:

- 1) устав является основным учредительным документом вуза, который определяет его правовой статус, цели и задачи;
- 2) устав обязателен для исполнения всеми участниками образовательного процесса: как самим университетом, так и его работниками и обучающимися;
- 3) устав вуза должен соответствовать императивным нормам законодательства Российской Федерации, в частности, законодательству об образовании. Положения устава вуза не могут противоречить положениям закона;
- 4) устав вуза определяет организационную структуру вуза. Именно в уставе устанавливается перечень органов управления университетом, полномочия таких органов и порядок их формирования;
- 5) устав, как правило, регулирует основные аспекты образовательной деятельности вуза, включая порядок приема студентов, формы и методы обучения, оценку знаний, выдачу дипломов и т.д.;
- 6) устав содержит положения о финансовом обеспечении вузов, в том числе формировании бюджета вуза, управлении его имуществом, а также другие вопросы финансово-экономической деятельности;
- 7) устав, как правило, описывает принципы взаимодействия вуза с внешними организациями, включая государственные органы, другие образовательные учреждения, научные организации и работодателей;
- 8) устав является публичным документом, с которым может ознакомиться любое желающее лицо. Обычно его текст публикуется на официальном сайте вуза;
- 9) устав утверждается учредителем вуза и проходит обязательную государственную регистрацию. Процедура внесения изменений в устав также строго регламентирована и требует соблюдения установленных законодательством процедур.

Эти признаки помогают понять, что устав является основополагающим документом, регулирующим многие аспекты деятельности вуза, обеспечивая его легитимность и соответствие правовым нормам.

Учет вышеупомянутых особенностей в определении понятия устав высшего учебного заведения позволит наиболее полно его определить. Таким образом, устав вуза можно определить как учредительный документ, принимаемый в форме, определяемой учредителем образовательной организации и устанавливающий организационные основы деятельности высшего учебного заведения, права и обязанности участников образовательного процесса, взаимоотношения учредителя учебного заведения и самого учебного заведения в лице его администрации, а также иные вопросы образовательной деятельности.

При анализе возможной классификации уставов вузов, представляется возможным констатировать недостаточную проработанность данного вопроса. В науке отсутствуют достаточные исследования, на основе которых могут быть установлены основания классификации уставов вузов.

Для того, чтобы установить основания, по которым может быть проведена классификация уставов вузов, представляется необходимым проанализировать уставы различных видов вузов, чтобы установить имеющиеся у них признаки, отличающие уставы друг от друга. В этих целях автором были проанализированы уставы шестнадцати вузов различных организационно-правовых форм, различной подчинённости.

Перед началом анализа уставов конкретных университетов следует сделать оговорку, которая будет применима к уставам, пожалуй, всех российских университетов – уставы вузов подробно раскрывают деятельность университетов в различных аспектах [13]. Уставы рассмотренных высших учебных заведений строятся по сходным принципам, тем самым формируя сходную структуру документа, при этом они могут существенно различаться в своём содержании.

Автором было установлено, что уставы СПбГУ и МГУ являются схожими по своей структуре, однако, не в полной мере дублируют положения друг друга в части, касающейся регулирования административных отношений, хотя в общем виде устав крайне напоминают друг друга своим подходом к написанию, структуре университетов и полномочиям. Представляется, что это объясняется особым правовым статусом, который наличествует у обоих университетов, а также тем, что учредителем обоих университетов выступает непосредственно Правительство Российской Федерации.

Уставы ТГУ, ИТМО (университеты, входящие в категорию национальные исследовательские университеты) УрФУ, СФУ (университеты, входящие в категорию федеральные университеты), НГУ им. Ярослава Мудрого, ОГУ им. И.С. Тургенева (т.н. «опорные университеты»), ТУСУР (университет, не имеющий специального статуса) практически являются идентичными друг другу. Вышеуказанное объясняется тем, что уставы этих образовательных учреждений были утверждены одним и тем же органом, в один в 2018 году в период с ноября по декабрь, и по сути своей являются типовыми для высших учебных заведений, учредителем которых является Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Устав Нижегородской академии МВД достаточно подробно регулирует права и обязанности сотрудников и обучающихся академии, как сотрудников органов Министерства внутренних дел Российской Федера-

ции (раздел V устава). Иные вопросы регулирования «вертикальных» отношений в уставе не поднимаются и устав сосредотачивается на регулировании вопросов управления университетом.

Устав Академии ФСБ регулирует исключительно вопросы управления университетом, но фактически не регулирует «вертикальные» отношения между университетом и курсантами, а также университетом и преподавателями, лишь делая отсылку к регулированию прав и обязанностей сотрудников академии и обучающихся посредством законодательства Российской Федерации, общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации, ведомственных правовых актов ФСБ России, контрактов о прохождении военной службы, трудовых договоров.

Отдельного внимания заслуживают уставы негосударственных университетов. Так, при рассмотрении уставов Университета профсоюзов и Университета «Синергия» становится однозначно заметно, что структура устава негосударственного университета может изменяться исключительно в зависимости от усмотрения его органов управления.

Например, устав Университета «Синергия» уделяет существенное внимание «вертикальным» отношениям в части регулирования прав и обязанностей обучающихся. В остальной части в уставе университета регулируются вопросы управления университетом.

В свою очередь Университет Профсоюзов помимо вопросов, урегулированных в уставе Университета «Синергия» регулирует вопросы организации образовательного процесса, научной деятельности в университете, права и обязанности студентов и преподавателей, условия и систему оплаты труда профессорско-преподавательского состава. Кроме «вертикальных» отношений устав безусловно регулирует вопросы управления университетом и финансово-хозяйственные отношения.

Такой подход негосударственных университетов позволяет сделать вывод об отсутствии единого типового подхода к формированию уставов негосударственных университетов. В таком случае в устав могут быть включены любые положения, которые не будут противоречить законодательству Российской Федерации.

Рассмотренные особенности уставов университетов позволяют выделить одно из оснований классификации и соответственно виды уставов вузов.

В связи с тем, что уставы, принятые одним учредителем, как правило, имеют сходную структуру и содержание, уставы можно классифицировать в зависимости от органа, осуществляющего функции учредителя высшего учебного заведения на:

- 1) уставы вузов, функции учредителя в которых выполняет непосредственно Российская Федерация (МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, НИ ВШЭ);
- 2) уставы вузов, функции учредителя в которых выполняет Министерство науки и высшего образования Российской Федерации;
- 3) уставы ведомственных вузов, функции учредителей в которых выполняют профильные министерства и службы;
- 4) уставы негосударственных вузов.

Ещё одним из оснований для классификации уставов вузов могут послужить различия в подходах к финансовым отношениям в уставах вузов. Оговоримся, что указанная классификация будет применима в большей степени применима к государственным высшим учебным заведениям.

В настоящий момент государственные высшие учебные заведения создаются в одной из трёх организационно-правовых форм: автономное учреждение; бюджетное учреждение; казенное учреждение.

Статьи 2 и 3 Федерального закона «Об автономных учреждениях» определяет особенности статуса автономных учреждений в Российской Федерации. Так, имущество автономного учреждения может быть передано ему собственником или приобретено за счёт доходов от деятельности такого учреждения. Полученное имущество в любом случае принадлежит учреждению на праве оперативного управления. В целях контроля за деятельностью автономного учреждения, а также недопущения нецелевого расходования средств, автономное учреждение не вправе без согласия учредителя распоряжаться недвижимым и особо ценным движимым имуществом, которое закреплено за ним собственником или приобретено за счёт средств собственника. Остальным имуществом оно вправе распоряжаться самостоятельно. При этом следует отметить, что доходы автономного учреждения поступают в его самостоятельное распоряжение и используются для достижения целей, ради которых оно создано. Собственник имущества не имеет права на получение доходов, получаемых учреждением. Порядок распределения доходов автономного учреждения отличается от порядка распределения убытков учреждения.

Так, автономное учреждение самостоятельно несёт свои обязательства и отвечает по ним всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом, за исключением недвижимости и особо цен-

ного движимого имущества. Собственник имущества автономного учреждения несёт субсидиарную ответственность по обязательствам учреждения в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации.

В уставах учебных заведений, рассматриваемых в работе и являющихся автономными учреждениями, вопросы хозяйственно-экономической деятельности регулируются в разделах VI, названных «Экономика университета». Эти разделы повторяют положения федерального законодательства, регулирующего деятельность автономных учреждений, что обеспечивает единообразие правового регулирования и соответствует установленным законодательным требованиям.

Следует отметить, что наполнение раздела «Экономика» в различных уставах иногда критикуется некоторыми авторами. Так, Линьков А.Я. указывает, что в уставе РГПУ им. А.И. Герцена недостаточно внимание уделено вопросам наполнения бюджета и расходования средств университетом [14]. Такое замечание будет справедливым для большинства, если не всех, университетов России, так как как было указано ранее раздел «Экономика» обычно наполняется за счёт дублирования положений законодательства России, создавая таким образом общий – единообразный подход, принимаемый всеми университетами.

В свою очередь статус бюджетных учреждений характеризуется следующими признаками, установленными статьей 9.2 Закона о некоммерческих организациях. Так, бюджетное учреждение создается для выполнения государственного или муниципального задания. Это означает, что его основная деятельность направлена на удовлетворение общественных потребностей, определяемых государственными или муниципальными органами. Для реализации этих заданий бюджетное учреждение получает субсидии, которые покрывают расходы, связанные с выполнением поставленных задач.

В вопросах управления имуществом необходимо отметить, что бюджетные учреждения проводят операции с поступающими средствами через лицевые счета в федеральном казначействе или финансовом органе субъекта или муниципального образования. Такой порядок проведения операций направлен на обеспечение контроля за деятельностью бюджетных организаций и обеспечивает прозрачность финансовых операций, а также целевое использование средств.

Подобно автономным организациям имущество бюджетного учреждения находится у него на праве оперативного управления. Учреждение не может продавать или отчуждать имущество без разрешения собственника. Также бюджетное учреждение не может без согласия собственника распоряжаться особо ценным движимым и недвижимым имуществом. В свою очередь крупные сделки могут совершаться бюджетными учреждениями, но только с предварительного согласия соответствующего органа управления, которым как правило, является наблюдательный совет.

Важной особенностью бюджетных учреждений является тот факт, что они не имеют права размещать денежные средства на депозитах в кредитных организациях. Такое ограничение предотвращает риски, связанные с инвестированием бюджетных средств, и гарантирует их использование исключительно для выполнения государственных или муниципальных задач.

Уставы вузов, являющихся бюджетными учреждениями, включают разделы «Экономика университета» и «Учет, отчетность, контроль». Положения этих разделов повторяют требования федерального законодательства, регулирующего деятельность бюджетных учреждений. В уставах вузов не устанавливаются дополнительные ограничения, что обеспечивает их соответствие общим правилам и стандартам для бюджетных учреждений в Российской Федерации.

Финансово-правовой статус казенных учреждений, подчинённых органам государственной власти, определён в статье 161 Бюджетного кодекса РФ. Их деятельность финансируется из соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы. Доходы казенного учреждения, полученные от деятельности, приносящей доход, возвращаются в бюджет.

Казённые учреждения осуществляют операции с бюджетными средствами через лицевые счета в федеральном казначействе, что также обеспечивает контроль за их использованием и гарантирует целевое расходование.

Как и бюджетные, казённые учреждения не имеют права предоставлять и получать кредиты (займы) и приобретать ценные бумаги. Важной особенностью казенных учреждений является тот факт, что им не предоставляются субсидии и бюджетные кредиты.

Подобно иным организациям, в форме которых создаются вузы, имущество казенных учреждений предоставляется им на праве оперативного управления. Казённое учреждение не вправе отчуждать или иным способом распоряжаться имуществом без согласия собственника.

Уставы казенных учреждений, анализируемых в работе, в большинстве своем повторяют положения российского законодательства. Однако, учитывая специфику их статуса, уставы также дополняют законо-

дательные нормы положениями, устанавливающими перечень разрешенных видов экономической деятельности, которые казенное учреждение может осуществлять. Как правило, такие виды деятельности включают в себя оказание платных услуг, проведение научных исследований, образовательную деятельность и другие виды деятельности, которые соответствуют целям учреждения. Кроме того, уставы казенных учреждений подробно описывают правила использования имущества учреждения. Такие положения включают в себя вопросы проведения текущего и капитального ремонта, аренду помещений и оборудования, использование транспортных средств и другие аспекты управления имуществом вуза. Такие положения помогают обеспечить эффективное и целевое использование имущества учреждения.

Таким образом, из положений рассматриваемых законов и уставов, можно классифицировать уставы вузов в зависимости от организационно-правовой формы высших учебных заведений и соответственно их отношениям к финансовым отношениям на:

- 1) уставы вузов, являющихся автономным некоммерческими организациями;
- 2) уставы вузов, являющихся бюджетными учреждениями;
- 3) уставы вузов, являющихся казенным учреждениями.

Такая классификация позволяет устанавливать особенности, связанные с текущим функционированием университетов.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Проведенное исследование уставов вузов позволяет определить устав высшего учебного заведения как учредительный документ, регулирующий «вертикальные» и «горизонтальные» отношения в рамках деятельности университетов. Уставы вузов выполняют множество организационных и хозяйственных функций, включая вопросы организации образовательного процесса, приема на обучение, трудовых отношений и так далее.

Уставы вузов могут быть классифицированы по двум критериям: в зависимости от органа, осуществляющего функции учредителя высшего учебного заведения и в зависимости от организационно-правовой формы высших учебных заведений и соответственно их отношениям к финансовым отношениям.

Список источников

1. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № ВАС-2983/12 от 16.04.2012 // СПС "Консультант Плюс".
2. Петренко И.В. Правовая природа устава общества с ограниченной ответственностью // ЮП. 2010. №5.
3. Элиасберг Е. Представляет ли собой акционерный устав закон или договор // Вестник права и нотариата. 1912. № 33. С. 103 – 105.
4. Шершеневич Г.В. О юридической силе уставов акционерных товариществ // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. С. 119 – 130.
5. Карелина С. И. Правовое регулирование деятельности акционерных обществ (акционерное право). М.: Зерцало. 1998. 256 с.
6. Гутников О.В., Сеницын С.А. Значение и содержание уставов корпораций на современном этапе: новые подходы в условиях цифровизации // Закон. 2019. № 3. С 146 – 157.
7. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. К вопросу о правовой природе устава юридического лица // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. № 1. С. 64 – 79; Козлова Н. В., Филиппова С.Ю. Устав как форма существования юридического лица // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 4 (155). С. 12 – 17.
8. Бекирова Э.Э. Правовая природа устава. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 3. С. 15 – 22; Семенов Д.А. Правовая природа устава юридического лица // Теория и практика современной науки: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. 2022. С. 104 – 106.
9. Юсупова Д.И. Правовая природа устава // Сборник материалов международных научно-практических конференций. М., 2019. С. 114.
10. Гигель А.А. Гражданско-правовая природа устава юридического лица // Цифровая экономика – экономика будущего: исторические предпосылки, правовая основа и экономический эффект: Сборник статей международной научно-практической конференции. Минск, 2019. С. 18 – 20.
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // СПС "Консультант Плюс".

12. Леус М.В. Учредительные документы юридических лиц // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2017. № 1-2 (73-74). С. 54 – 58.

13. Яковленко А.Е. Устав Московского государственного университета и Белорусского государственного университета: сравнительный анализ организационных документов // European Scientific Conference: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 312 – 314.

14. Линьков А.Я. Раздел «Экономика» в новой редакции устава университета // Вестник Герценовского университета. 2009. № 6 (68). С. 12 – 13.

References

1. Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. VAS-2983/12 dated 16.04.2012. SPS "Consultant Plus".

2. Petrenko I.V. Legal nature of the charter of a limited liability company. UP. 2010. No. 5.

3. Eliasberg E. Does the shareholder charter represent a law or an agreement. Bulletin of Law and Notary. 1912. No. 33. P. 103 – 105.

4. Shershenevich G.V. On the legal force of the charters of joint-stock companies. Journal of Civil and Criminal Law. 1889. P. 119 – 130.

5. Karelina S.I. Legal regulation of the activities of joint-stock companies (joint-stock law). M.: Zertsalo. 1998. 256 p.

6. Gutnikov O.V., Sinitsyn S.A. The meaning and content of corporate charters at the present stage: new approaches in the context of digitalization. Law. 2019. No. 3. P. 146 – 157.

7. Kozlova N.V., Filippova S.Yu. On the legal nature of the charter of a legal entity. Bulletin of Moscow University. Series 11, Law. 2017. No. 1. P. 64 – 79; Kozlova N.V., Filippova S.Yu. Charter as a form of existence of a legal entity. Representative power - 21st century: legislation, comments, problems. 2017. No. 4 (155). P. 12 – 17.

8. Bekirova E.E. Legal nature of the charter. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2015. No. 3. P. 15 - 22; Semenov D.A. Legal nature of the charter of a legal entity. Theory and practice of modern science: collected articles of the VIII International scientific and practical conference. 2022. P. 104 – 106.

9. Yusupova D.I. Legal nature of the charter. Collection of materials of international scientific and practical conferences. Moscow, 2019. P. 114.

10. Gigel A.A. Civil law nature of the charter of a legal entity. Digital economy – economy of the future: historical background, legal basis and economic effect: Collection of articles of the international scientific and practical conference. Minsk, 2019. P. 18 – 20.

11. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.06.2020 No. 306-ES19-24912. SPS "Consultant Plus".

12. Leus M.V. Constituent documents of legal entities. Economy. Law. Printing. Bulletin of the KSEI. 2017. No. 1-2 (73-74). P. 54 – 58.

13. Yakovlenko A.E. Charter of Moscow State University and Belarusian State University: comparative analysis of organizational documents. European Scientific Conference: collection of articles of the International scientific and practical conference. 2017. P. 312 – 314.

14. Linkov A.Ya. Section "Economics" in the new edition of the university charter. Bulletin of Herzen University. 2009. No. 6 (68). P. 12 – 13.

Информация об авторе

Савельев С.А., аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, student_aspir@rambler.ru

© Савельев С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 35.081.711

Анализ принципа добросовестности и проблемы его современного понимания

¹ Ушаков В.В.,

¹ Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация: статья посвящена исследованию принципа добросовестности в арбитражном процессе Российской Федерации, его исторической эволюции и современным проблемам применения. На основе историко-правового и сравнительного анализа выявлены ключевые этапы развития принципа: от римской концепции *bona fides* до его закрепления в российском законодательстве после 2010 года. Особое внимание уделено изменениям в Арбитражном процессуальном кодексе РФ, направленным на пресечение злоупотребления процессуальными правами. Автор анализирует специфику применения принципа в арбитражном процессе, включая оценку стандартов деловой практики и разумности действий участников. Исследование выявляет основные проблемы: субъективизм в толковании добросовестности, сложности доказывания недобросовестных действий и противоречия между формальной законностью и справедливостью. В заключение обоснована необходимость совершенствования законодательства через конкретизацию критериев добросовестности и разработку методических рекомендаций для судебной практики. Результаты работы могут быть использованы для повышения предсказуемости арбитражных решений и укрепления доверия к правосудию.

Ключевые слова: принцип добросовестности, арбитражный процесс, злоупотребление правом, судебная практика, процессуальные права, историко-правовой анализ

Для цитирования: Ушаков В.В. Анализ принципа добросовестности и проблемы его современного понимания // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 34 – 40.

Поступила в редакцию: 5 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Analysis of the principle of good faith and problems of its modern interpretation

¹ Ushakov V.V.,

¹ Saratov State Law Academy

Abstract: the article examines the principle of good faith in the arbitration process of the Russian Federation, its historical evolution, and contemporary challenges in application. Through historical-legal and comparative analysis, the key stages of the principle's development are identified: from the Roman concept of **bona fides** to its codification in Russian legislation after 2010. Special attention is paid to amendments in the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation aimed at preventing the abuse of procedural rights. The author analyzes the specifics of applying the principle in arbitration proceedings, including the assessment of business practice standards and the reasonableness of participants' actions. The study reveals key issues: subjectivism in interpreting good faith, difficulties in proving bad-faith actions, and contradictions between formal legality and justice. In conclusion, the necessity of improving legislation through the specification of good faith criteria and the development of methodological recommendations for judicial practice is justified. The results of the study can be used to enhance the predictability of arbitration decisions and strengthen trust in the judiciary.

Keywords: *principle of good faith, arbitration process, abuse of law, judicial practice, procedural rights, historical-legal analysis*

For citation: Ushakov V.V. Analysis of the principle of good faith and problems of its modern interpretation. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 34 – 40.

The article was submitted: April 5, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Принцип добросовестности, будучи краеугольным камнем современной правовой системы, обеспечивает баланс между формальной законностью и требованиями справедливости. Его значение в арбитражном процессе Российской Федерации приобретает особую актуальность в условиях динамично развивающихся экономических отношений, где злоупотребление процессуальными правами нередко становится инструментом недобросовестной конкуренции. Несмотря на закрепление принципа в статье 10 Гражданского кодекса РФ и статье 22.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ), его практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем, включая отсутствие четких критериев оценки добросовестности, субъективизм правоприменения и сложности доказывания недобросовестных действий.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления противоречий между декларативным характером принципа и его операционализацией в арбитражной практике. Реформа 2010 года, внесшая в АПК РФ нормы о пресечении злоупотреблений процессуальными правами, стала важным шагом, однако судебные решения демонстрируют неоднозначность толкования «доброй совести» в контексте экономических споров. Это создает риски снижения предсказуемости судебных решений и доверия к правосудию, что требует глубокого научного осмысления.

Цель исследования – выявить исторические, теоретические и практические аспекты реализации принципа добросовестности в арбитражном процессе, а также разработать рекомендации по совершенствованию его применения.

Задачи:

Проследить эволюцию принципа добросовестности от римского права до современных российских реалий.

Проанализировать специфику его применения в арбитражном процессе после реформы 2010 года.

Выявить ключевые проблемы, связанные с субъективизмом и доказыванием недобросовестности.

Предложить меры по конкретизации критериев добросовестности в законодательстве и судебной практике.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению принципа, объединяющем историко-правовой анализ, критический обзор судебной практики и предложения по системным изменениям. Особое внимание уделяется противоречию между формальным соблюдением закона и требованиями морально-этической составляющей добросовестности.

Гипотеза: Эффективность принципа добросовестности в арбитражном процессе может быть повышена за счет внедрения формализованных критериев оценки поведения сторон, основанных на стандартах делового оборота и судебных прецедентах.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили нормы российского законодательства, постановления высших судов, научные публикации, а также дела из практики арбитражных судов, иллюстрирующие проблемы применения принципа.

Работа вносит вклад в развитие доктрины процессуального права и может быть использована для совершенствования законодательства, методических рекомендаций для судей и учебных курсов по арбитражному процессу.

Результаты и обсуждения

Принцип добросовестности является одним из ключевых элементов современной правовой системы, а его роль в регулировании общественных отношений неуклонно возрастает. Этот принцип пронизывает все отрасли права и служит важным критерием оценки поведения участников правоотношений.

В широком понимании, добросовестность означает честное, справедливое и разумное поведение при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей. Это требование действовать без злого умысла, не злоупотреблять своими правами и учитывать интересы другой стороны [4].

Принцип добросовестности занимает особое место в системе принципов права, выполняя интегрирующую и стабилизирующую функции. Его значение выходит за рамки отдельных отраслей, формируя единые стандарты поведения для всех участников правоотношений. Этот принцип носит межотраслевой характер, что подтверждается его проявлением в различных сферах права. В гражданском праве он выражается в запрете злоупотребления правами и требовании честности при заключении сделок. В трудовом праве добросовестность предполагает добросовестное исполнение работником обязанностей и справедливое отношение работодателя. В административном праве она проявляется в требовании разумности действий государственных органов, например, при применении мер принуждения. В уголовном праве добросовестность может влиять на смягчение наказания, если лицо активно способствовало раскрытию преступления. Данный принцип унифицирует правовую систему, обеспечивая единые этические стандарты в различных отраслях.

Как системообразующий элемент права принцип добросовестности объединяет различные отрасли через единые стандарты поведения, развивается от отраслевого к общеправовому принципу и реализуется через конкретные нормы, обеспечивая баланс интересов сторон. Его развитие связано с углублением взаимодействия права и морали, а также с поиском баланса между формальной законностью и справедливостью. При этом актуальными остаются вопросы совершенствования механизмов применения данного принципа, включая разработку более четких критериев оценки добросовестности и минимизацию субъективизма в правоприменительной практике применительно к теме исследования непосредственно в арбитражном судопроизводстве.

Принцип добросовестности находится в тесной системной взаимосвязи с другими фундаментальными принципами права. выступает конкретным выражением идеи справедливости в правоприменительной практике, если справедливость представляет собой общую философско-правовую категорию, то добросовестность операционализует ее, устанавливая требования к поведению субъектов права. Добросовестность обеспечивает реализацию принципа равенства, устанавливая единые стандарты поведения для всех субъектов права независимо от их статуса и от обратного формирует нормативную основу запрета злоупотребления правами. Кроме того, добросовестность предполагает соразмерность между правами и обязанностями, а также между последствиями действий и причиненным ущербом.

Принцип добросовестности не существует изолированно, а находится в постоянном взаимодействии с другими основополагающими началами права, что усиливает его регулятивный потенциал и способствует достижению целей правового регулирования.

Очевидно, что такой сложный правовой конструкт не мог зародиться в том виде, в котором он существует ныне история развития принципа добросовестности в праве это долгий и сложный процесс, уходящий корнями в античность и продолжающийся до наших дней[5]. Начало принципу добросовестности было положено в Древнем Риме именно в римском праве зародилось понятие «*bona fides*» (добрая воля, добрая совесть), которое стало основой для современного принципа добросовестности. Изначально «*bona fides*» применялась в договорном праве и означала честное и разумное поведение сторон при заключении и исполнении договоров. Для защиты от недобросовестных действий существовал иск «*actio de dolo*» (иск о злоумышлении), позволявший привлекать к ответственности за намеренный обман или злоупотребление правом. Понятие «*aequitas*» (справедливость, беспристрастность) играло важную роль в смягчении формальных норм права и позволяло учитывать конкретные обстоятельства дела для достижения более справедливого результата.

Каноническое право восприняло и развило римские принципы добросовестности, уделив особое внимание моральным аспектам взаимоотношений между людьми. Добросовестность рассматривалась как нравственный долг, вытекающий из христианских ценностей.

Теории естественного права, популярные в эпоху Просвещения, подчеркивали важность моральных принципов и справедливости в праве. Добросовестность тогда рассматривалась как неотъемлемое требование естественного права.

История принципа добросовестности в России XX-XXI веков отражает сложный путь от отрицания «буржуазных» правовых норм до их постепенной реабилитации. Советский период характеризовался формальным неприятием многих классических принципов гражданского права, однако потребность в защите справедливости сохранялась. Постсоветская эпоха, напротив, стала временем возрождения и систематизации добросовестности как ключевой категории гражданского оборота.

В СССР принцип добросовестности не был прямо закреплен в законодательстве, что объяснялось идеологическим неприятием «буржуазного права». Однако отдельные нормы Гражданского кодекса РСФСР 1922 и 1964 годов и судебная практика косвенно отражали его суть.

В ГК РСФСР 1922 года Суды обязаны были руководствоваться «социально-хозяйственным назначением» норм, что позволяло учитывать справедливость. Так ст. 5 ГК РСФСР Запрещала использование гражданских прав в противоречии с их «социальным назначением». Статья 58 признавала недействительными сделки, совершенные под влиянием обмана или угрозы. Это, позволяло судам пресекать злоупотребления, хотя термин «добросовестность» не использовался как уже можно проследить, историческая правовая концепция защиты добросовестного лица сохранилась, хоть и в силу идеологического вектора имела отличные термин от традиционного.

Стоит отметить что использование гражданских прав в соответствии с их «социальным назначением» и добросовестность термины хоть и близкие, но не тождественные. Из буквального понимания, концепция добросовестности дает больший объем свободы судьям при анализе объективной ситуации, в то время как использование гражданских прав в соответствии с их «социальным назначением» хоть и отталкивается от субъективного восприятия лица осуществляющего правосудие в части причинности тех или иных действий и их последующего «социального назначения», все-таки по своей формуле не дает права рассматривать спор как совокупность, а требует анализа каждого правового действия субъекта спора на предмет соответствия тому самому «социальному назначению».

Постсоветский период можно характеризовать как период возрождения традиционной концепции. Принятие Гражданского кодекса РФ (1994 г.) стало поворотным моментом. Статья 10 ГК РФ закрепила принцип добросовестности, запретив злоупотребление правом. Однако статья 10 ГК РФ гласит что «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав <...> Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

То есть в российском праве принцип добросовестности закреплён, но само понятие «добросовестность» законодатель не определяет, что соответственно создает пространство для толкования одного из самых многогранных правовых понятий. Недобросовестность трактуется как действия, противоречащие «доброй совести», даже если они формально законны. Отсюда возникает проблема добросовестность не может быть абсолютно объективной, так как зависит от контекста. Добросовестность контекстуальна а это в свою очередь говорит о том что ключевой критерий добросовестности – намерение. Например: Должник намеренно затягивает судебный процесс, чтобы кредитор не успел включиться в реестр требований. Это позволяет ему сохранить больше имущества, так как неучтённые кредиторы не получают долю при продаже активов. Является ли такие действия добросовестными если должник затягивает процесс для защиты своих интересов, но это косвенно вредит кредитору?

Принцип добросовестности, закреплённый в п. 5 ст. 10 ГК РФ, служит фундаментальной основой гражданских правоотношений. Однако его применение на практике сопряжено с необходимостью тщательного анализа контекста, поскольку добросовестность носит ситуативный характер и тесно связана с субъективными намерениями сторон.

Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». Это постановление конкретизировало понятие злоупотребления процессуальными правами и дало разъяснения судам по вопросам применения статьи 22.2 АПК РФ [2]. В частности, ВАС РФ указал, что под злоупотреблением понимаются действия (бездействие) участников арбитражного процесса, направленные на:

- Воспрепятствование осуществлению правосудия.
- Затягивание процесса.
- Создание необоснованных препятствий для другой стороны.
- Использование процессуальных прав не по назначению.

До 2010 года принцип добросовестности, хотя и подразумевался как общеправовой, не имел столь четкого закрепления и механизмов реализации в арбитражном процессе. Суды при разрешении споров, безусловно, учитывали поведение сторон, однако отсутствовала прямая норма, позволяющая применять санкции за недобросовестное поведение.

Таким образом, можно утверждать, что активное и осознанное применение принципа добросовестности в арбитражном процессе в России началось с 2010 года, после внесения соответствующих изменений в АПК РФ и принятия разъяснений ВАС РФ [1, 2].

В арбитражном процессе этот принцип приобретает некоторые специфические черты, обусловленные особенностями разрешения экономических споров, например, акцент делается на деловую практику, обы-

чаи делового оборота, стандарты поведения, принятые в конкретной отрасли или сфере деятельности. Суд оценивает, действовала ли сторона так, как это принято среди разумных и добросовестных участников рынка в аналогичных обстоятельствах. Презюмировано проявление должной осмотрительности при заключении договора, проверка контрагента, принятие мер к минимизации убытков при нарушении обязательств. Особое внимание уделяется злоупотреблению именно процессуальными правами с целью затягивания процесса, создания необоснованных препятствий для другой стороны, уклонения от исполнения решения суда. Однако не существует критериев оценки соответствия поведения субъекта правоотношений, фактически оценивая то или иное действие как добросовестное или не добросовестное, происходит оценка не сточки зрения доброй совести, а с точки зрения общепринятой практики. Суд активно оценивает действия сторон на предмет добросовестности, исходя из представленных доказательств и обстоятельств дела, суд может самостоятельно истребовать доказательства, если у него возникают сомнения в добросовестности сторон, но суд не прибегает на практике к изучению намерения стороны при осуществлении действия в конкретный отрезок времени, что, объективно говоря, привело бы к замедлению и усложнению разбирательства. Отсюда напрашивается вывод что принцип добросовестности ныне устоявшийся в современной практике не столько отражает принцип доброй совести или соответствия действий каким-то моральным компасам, сколько дает ответ на вопрос: а делают ли так другие?

В целом, принцип добросовестности в арбитражном процессе направлен на обеспечение честной и справедливой конкуренции, стабильности деловых отношений и эффективной защиты прав и законных интересов субъектов. Он требует от участников экономического оборота действовать разумно, осмотрительно и в соответствии с принятыми стандартами поведения, а от арбитражного суда - активно пресекать любые проявления, злоупотребления правом и другие действия, направленные на обход закона или создание необоснованных преимуществ. Однако при глубоком анализе открывается дискуссионная сторона вопроса: если законодателем декларируется принцип добросовестности как элемент правовой системы, позволяющий выходить за формальные рамки для недопущения злоупотребления и нарушения права то в таком случае ограничение этого принципа общепринятой практикой, ограничивает его как инструмент, направленный на решение поставленной задачи. Если же это наоборот норма, устанавливающая «правила поведения» на основе сложившейся практики то отсутствие четких критериев и формализованных признаков добросовестного поведения, создает широкое поле для субъективного толкования.

Другая проблема заключается в сложности доказывания недобросовестности. Как правило, недобросовестные действия тщательно маскируются под формальное соблюдение закона, что затрудняет выявление истинных намерений сторон.

Для эффективной реализации принципа добросовестности в арбитражном процессе необходимо совершенствование законодательства в части конкретизации признаков недобросовестного поведения, или внедрение новой категории дополняющей принцип добросовестности, например категорию нормального – общепринятого поведения.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Исследование принципа добросовестности в арбитражном процессе Российской Федерации позволило выявить его ключевые этапы развития: от римской концепции *bona fides* до современного закрепления в российском законодательстве после 2010 года. Установлено, что принцип добросовестности играет важную роль в обеспечении баланса между формальной законностью и справедливостью, а также в пресечении злоупотребления процессуальными правами.

Анализ судебной практики и законодательных изменений показал, что применение принципа добросовестности сталкивается с рядом проблем, включая субъективизм в толковании, сложности доказывания недобросовестных действий и противоречия между формальной законностью и морально-этическими требованиями. Особое внимание уделено необходимости конкретизации критериев добросовестности и разработке методических рекомендаций для судебной практики.

Результаты исследования подтверждают, что эффективность принципа добросовестности может быть повышена за счет внедрения формализованных критериев оценки поведения сторон, основанных на стандартах делового оборота и судебных прецедентах. Это позволит повысить предсказуемость арбитражных решений и укрепить доверие к правосудию.

Практические рекомендации:

В области совершенствования законодательства:

Конкретизировать критерии добросовестности в Арбитражном процессуальном кодексе РФ.

Разработать методические рекомендации для судей, по оценке добросовестности участников процесса.

В области судебной практики:

Активнее использовать историко-правовой и сравнительный анализ при толковании принципа добросовестности.

Учитывать не только формальные действия сторон, но и их намерения, а также контекст конкретной ситуации.

Реализация принципа добросовестности способствует стабильности правовых отношений и защите прав участников арбитражного процесса.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на минимизацию субъективизма и разработку универсальных критериев оценки добросовестности.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3012
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 17.12.2024) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2011 г., № 3 (первоначальный текст).
3. Горлатых И.А., Худякова Ю.В. Принцип добросовестности в арбитражном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 8, вып. 4. С. 10-14.
4. Казаков Д.Д. Влияние английского принципа «эстоппель» на развитие российской системы права // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 84 – 87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angliyskogo-printsipa-estoppel-na-razvitie-rossiyskoy-sistemy-prava> (дата обращения: 14.03.2025)
5. Калитина М.А. Арбитражное правоприменение принципа добросовестности при субординации требований аффилированных кредиторов // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 226 – 228. URL: <https://moluch.ru/archive/419/93276/> (дата обращения: 14.03.2025)
6. Кийченко А.Н. Этапы становления принципа добросовестности в российском гражданском праве // Новый юридический вестник. 2022. № 1 (34). С. 24 – 26. URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/214/7033/> (дата обращения: 14.03.2025)
7. Минаков С.К. Реализация международного процессуального принципа эстоппель в российском цивилистическом процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 130 – 135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mezhdunarodnogo-protsessualnogo-printsipa-estoppel-v-rossiyskom-tsivilisticheskom-protsesse> (дата обращения: 14.03.2025)
8. Шавыкина И.В. Соотношение принципа эстоппель со смежными принципами // Молодой ученый. 2020. № 8 (298). С. 189 – 192. URL: <https://moluch.ru/archive/298/67592/> (дата обращения: 14.03.2025)
9. Якимова Е.С. Соотношение принципа добросовестности и эстоппеля в российском гражданском праве на современном этапе // Право и управление. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-printsipa-dobrosovestnosti-i-estoppelya-v-rossiyskom-grazhdanskom-prave-na-sovremennom-etape-1> (дата обращения: 14.03.2025)

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 28, 2024). Collected Legislation of the Russian Federation of July 29, 2002 No. 30, Art. 3012
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23.12.2010 No. 63 "On Certain Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" (as amended on 17.12.2024). Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2011, No. 3 (original text).
3. Gorlatykh I.A., Khudyakova Yu.V. The Principle of Good Faith in Arbitration Proceedings. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. 2023. Vol. 8, issue 4. P. 10 – 14.
4. Kazakov D.D. The Influence of the English Principle of "Estoppel" on the Development of the Russian Legal System. Legal Science. 2022. No. 9. P. 84 – 87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angliyskogo-printsipa-estoppel-na-razvitie-rossiyskoy-sistemy-prava> (date of access: 14.03.2025)
5. Kalitina M.A. Arbitration law enforcement of the principle of good faith in the subordination of claims of affiliated creditors. Young scientist. 2022. No. 24 (419). P. 226 – 228. URL: <https://moluch.ru/archive/419/93276/> (date of access: 14.03.2025)

6. Kiychenko A.N. Stages of formation of the principle of good faith in Russian civil law. New legal bulletin. 2022. No. 1 (34). Pp. 24 - 26. URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/214/7033/> (date of access: 14.03.2025)
7. Minakov S.K. Implementation of the international procedural principle of estoppel in the Russian civilistic process. Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2024. No. 4. P. 130 – 135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mezhdunarodnogo-protsessualnogo-printsipa-estoppel-v-rossiyskom-tsivilisticheskom-protseesse> (date of access: 14.03.2025)
8. Shavykina I.V. The relationship between the principle of estoppel and related principles. Young scientist. 2020. No. 8 (298). Pp. 189 - 192. URL: <https://moluch.ru/archive/298/67592/> (date of access: 14.03.2025)
9. Yakimova E.S. The relationship between the principle of good faith and estoppel in Russian civil law at the present stage. Law and Management. 2021. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-printsipa-dobrosovestnosti-i-estoppelya-v-rossiyskom-grazhdanskom-prave-na-sovremennom-etape-1> (date of access: 14.03.2025)

Информация об авторе

Ушаков В.В., аспирант, Саратовская государственная юридическая академия, Valentin-uscha@yandex.ru

© Ушаков В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.77

Этико-правовые границы защиты товарных знаков с религиозной символикой (семантикой): проблемы охраны чувств верующих

¹ Бурнос Е.Н.

¹ кандидат юридических наук,

Партнер-учредитель ООО «Векави Групп»

Аннотация: в статье рассматриваются законодательные и правоприменительные аспекты использования религиозной символики и семантики в контексте товарных знаков. Основная мысль работы заключается в необходимости защиты религиозных чувств граждан от коммерческого использования религиозных обозначений, недопустимости оскорбления чувств верующих, что должно обеспечиваться на законодательном и правоприменительном уровне. Автор системно раскрывает проблему, связанную с использованием религиозной символики и семантики в товарных знаках, исследует законодательные положения, судебные прецеденты, связанные с регистрацией и использованием таких товарных знаков, стремясь выявить правовые пробелы и предложить пути их устранения. Подчеркивается, что предоставление субъектам бизнеса исключительных прав на использование религиозных слов и символов в товарных знаках может нанести ущерб общественным интересам. В статье рассматриваются различные законодательные механизмы, направленные на недопущение оскорбления чувств верующих. Особое внимание уделено нормативным изменениям, направленным на определение процедуры экспертизы товарных знаков с религиозной символикой и семантикой. Автор анализирует некоторые судебные споры, указывая на их разнообразие и неоднозначность решений. Примеры дел демонстрируют, как субъективные оценки могут влиять на правоприменение. В заключении приводятся конкретные предложения для разрешения выявленных в процессе исследования проблем.

Ключевые слова: товарные знаки, чувства верующих, недобросовестная конкуренция, обман потребителей, эзотервошинг, спиритвошинг

Для цитирования: Бурнос Е.Н. Этико-правовые границы защиты товарных знаков с религиозной символикой (семантикой): проблемы охраны чувств верующих // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 41 – 57.

Поступила в редакцию: 5 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Ethical and legal boundaries of trademark protection with religious symbols (semantics): problems of protecting the feelings of believers

¹ Burnos E.N.,

¹ Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),

Founding partner of the limited liability company «Vekavi Group»

Abstract: the article examines the legislative and law enforcement aspects of the use of religious symbols and semantics in the context of trademarks. The main idea of the work is the need to protect the religious feelings of citizens from the commercial use of religious designations, the inadmissibility of insulting the feelings of believers, which should be ensured at the legislative and law enforcement level. The author systematically reveals the prob-

lem associated with the use of religious symbols and semantics in trademarks, examines legislative provisions, judicial precedents related to the registration and use of such trademarks, seeking to identify legal gaps and suggest ways to eliminate them. It is emphasized that granting business entities exclusive rights to use religious words and symbols in trademarks may harm public interests. The article discusses various legislative mechanisms aimed at preventing offending the feelings of believers. Particular attention is paid to regulatory changes aimed at defining the procedure for the examination of trademarks with religious symbols and semantics. The author analyzes some court disputes, pointing out their diversity and ambiguity of decisions. Case examples demonstrate how subjective assessments can influence law enforcement. In conclusion, specific proposals are made to resolve the problems identified in the course of the study.

Keywords: trademarks, feelings of believers, unfair competition, consumer deception, esotervoshing, spirit-washing

For citation: Burnos E.N. Ethical and legal boundaries of trademark protection with religious symbols (semantics): problems of protecting the feelings of believers. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 41 – 57.

The article was submitted: May 5, 2025; Approved after reviewing: June 20, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Актуальность исследования этико-правовых границ защиты товарных знаков с религиозной символикой (семантикой) в коммерческой деятельности обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, она связана с обеспечением защиты чувств верующих, так как религия играет значительную роль в жизни многоконфессионального населения России, и неправильное использование её символов в коммерческих целях снижает гарантии защиты чувств верующих и может являться угрозой традиционным духовным ценностям. Во-вторых, изучение данной тематики раскрывает важные этические аспекты ведения бизнеса и защиты прав потребителей от введения их в заблуждение. Ответственный подход предполагает осознание культурных особенностей различных групп потребителей, внимательное отношение к использованию религиозного контекста (подтекста) в коммерческом продвижении товаров, работ, услуг. Кроме того, в отечественном законодательстве закреплены положения о защите чести, достоинства и свободы совести каждого гражданина. Однако часто возникают ситуации, когда интересы верующих нарушаются посредством маркетинговой деятельности коммерсантов, в том числе актов недобросовестной конкуренции. Изучение механизмов правового регулирования в этой сфере позволит предложить эффективные инструменты для предотвращения недобросовестного использования товарных знаков.

Актуальностью исследования является недостаточное изучение в научной сфере включения в гражданский оборот и защиты товарных знаков с религиозной символикой (семантикой). Несмотря на рост числа споров вокруг этой проблематики, принятые законодательные инициативы, существующие научные разработки пока недостаточны для комплексного решения возникающих проблем. Вместе с тем очевидна необходимость выработки четких практических рекомендаций, позволяющих эффективно предотвращать ситуации, которые могут привести к оскорблению чувств верующих в результате включения в гражданский оборот товарных знаков с религиозной символикой (семантикой).

Цель исследования заключается в разработке и обосновании предложений по улучшению законодательства и практики его применения, обеспечивающих защиту религиозных чувств верующих, а также формировании рекомендаций, направленных на предотвращение конфликтов, возникающих вследствие регистрации и использования товарных знаков, содержащих религиозную символику или семантику.

Задачи – провести анализ существующей нормативно-правовой базы порядка регистрации товарных знаков, в том числе запрета такой регистрации в случае противоречия их общественным интересам и нормам морали, современные законодательные инициативы по теме исследования, проанализировать судебную практику, в частности, последующего оспаривания предоставления правовой охраны товарному знаку, имеющему религиозный контекст, разработать и обосновать практические рекомендации по решению проблемы регистрации товарных знаков с соблюдением принципа недопустимости оскорбления религиозных чувств.

Гипотеза – регистрация и использование товарных знаков, содержащих религиозные обозначения, требуют введения специальных этико-правовых ограничений и прозрачных процедур контроля, которые позволят предотвратить оскорбление религиозных чувств и способствовать развитию здорового делового климата, основанного на взаимном понимании и уважении духовных ценностей.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: историко-юридический метод, теоретический анализ, нормативно-правовой анализ, формально-догматический метод, логико-аналитический метод, компаративный метод, моделирование сценариев, мониторинг средств массовой информации и Интернет-пространства. Применение указанных методов позволило добиться полноты, точности и объективности проведенного исследования, формируя прочную научную основу для дальнейших разработок в рассматриваемом направлении.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная и правовая литература, судебная практика, статистические данные.

Результаты и обсуждения

Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 года № 809 [42] определены основные направления государственной политики с целью сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей в нашей стране. В данном документе подчеркивается значимость христианства, ислама, буддизма, иудаизма и иных религий, которые являются важной составляющей исторического и духовного наследия нашей страны и оказывают существенное воздействие на формирование ценностей, значимых как для верующих, так и для неверующих граждан. При этом Конституцией РФ закреплено, что Россия, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство [13].

В Информационном документе Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений КС РФ 2020 - 2023 годов)» [12] подчеркивается важность достижения консенсуса относительно ценностей, формирующих конституционную идентичность страны. Такой консенсус способствует укреплению политической солидарности. Вера в Бога (ст. 67.1, ч. 2) относится к числу ценностей, имеющих конституционное значение. Защиту этой ценности, проявляющуюся в чувствах верующих, обеспечивают, в том числе, уголовно-правовые механизмы.

Во избежание конфликта между свободой выражения мнений и индивидуальным выбором личности, с одной стороны, и правами верующих – с другой, пределы реализации личной автономии должны определяться с учетом предусмотренных законом ограничений, защищающих интересы общества и соблюдение морали. Осуществление гражданами гарантированных конституционных прав, таких как свобода мысли, слова, творчества, право выражать собственные взгляды и следовать своим убеждениям, ограничено необходимостью уважения аналогичных прав других членов общества. Нарушение указанных границ влечет публично-правовую ответственность нарушителя согласно действующему законодательству, особенно если такие нарушения угрожают общественному порядку или правам конкретных лиц [19].

С целью усиления гарантий по защите чувств верующих, совершенствование условий для уважительного и добросовестного отношения общества и государства к традиционным духовным ценностям многоконфессионального населения России, депутатами Государственной Думы был разработан законопроект № 926231-8 (внесен в Государственную Думу - 26.05.2025) [9]. В пояснительной записке к нему обращается особое внимание на то, что «сегодня наши воины сражаются на фронтах СВО под стягами с ликом Христа, вместе с ними на передовой находятся православные священники, представители мусульманского духовенства, совершают свое пастырское служение среди военнослужащих. В тылу необходимо возвращаться к тем же традиционным ценностям, основой которых является религия. Различные опросы мнения граждан показывают, что подавляющее большинство населения РФ является верующим» [27].

Согласно результатам исследований, проведенных в 2023 году авторитетными организациями – Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [31] и Фондом «Общественное мнение» [41], свыше 70% жителей России считают себя верующими людьми. Аналогичные данные подтвердил опрос, организованный Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета Высшей школы экономики в 2024 году. По итогам этого опроса, 66% участников заявили о своей принадлежности к какой-либо религиозной общине. Среди верующих большинство составляют представители православной церкви (56%), примерно 1% принадлежат к другим направлениям христианства, мусульманской общины принадлежит около 6%, а приверженцы буддизма и иудаизма составляют менее 1% [6].

Следует подчеркнуть, что законодательство многих государств исключает из области правовой защиты товарные знаки, которые противоречат общественным интересам либо нарушают нормы морали. Такой подход закреплен п. 3 ч. «В» ст. 6. quinquies Парижской конвенции по охране промышленной собственности

от 20 марта 1883 г. (далее - Парижская конвенция) [14]. Указанному принципу следует 180 стран, в частности, Китай, Индия, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Бразилия, Канада, Австралия, Мексика, Аргентина, Южная Корея, Швейцария, Турция, Саудовская Аравия, Египет и др.

В свое время, профессор, генеральный директор Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) (за период с 1970 по 1973 гг.) Г. Боденхаузен в своём авторитетном комментарии указал, что товарные знаки, включающие элементы религиозной символики, могут подпадать под запрет как несоответствующие морально-этическим нормам [2]. Например, Законом США о товарных знаках [45] запрещена регистрация товарных знаков, «которые могут порочить или ложно предполагать связь с лицами, живыми или умершими, учреждениями, верованиями или национальными символами...» (ст. 1052(a)).

Ещё в царской России существовали специальные нормы, запрещавшие регистрацию товарных знаков, содержащих надписи или изображения, выражающие неуважительное отношение к религиозным святыням, включая богохульство и кощунство. В частности, законом было установлено ограничение на использование определенных изображений, таких как лик святого, креста, фигур ангела или мучеников с нимбом, агнца с хризмой и других аналогичных иконографических символов (отдел 1, часть 3, пункт «А») [1]. После революции 1917 года и установления советской власти, в связи с преобладанием официальной атеистической идеологии, подобные запреты перестали действовать и фактически исчезли из советского законодательства.

В настоящее время в Договоре от 03.02.2020 г. «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза» определены абсолютные основания для отказа в регистрации товарного знака Союза. К ним относятся обозначения, противоречащие общественным интересам, нарушающие общественный порядок, принципы гуманности и морали. Такие обозначения могут включать, в частности, слова и изображения непристойного содержания, антигуманные призывы, оскорбляющие человеческое достоинство и религиозные чувства [7].

Порядок отказа в регистрации товарных знаков в российском праве регулируется положениями четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) и рядом иных нормативных актов, включая Правила, утверждённые приказом Минэкономразвития России от 20 июля 2015 г. № 482 (далее - Правила № 482) [28], определяющие процедуру подачи документов и проведения экспертизы обозначения, заявленного на регистрацию в качестве товарного знака, знака обслуживания или коллективного знака.

Так, подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ устанавливает запрет на регистрацию обозначений, содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и нравственности.

Основание «противоречие общественным интересам, принципам гуманности и морали» включает в себя три отдельных критерия, каждый из которых важен при оценке соответствия обозначения законодательным требованиям. Для признания обозначения соответствующим этим требованиям необходимо убедиться, что оно соответствует каждому из этих критериев. Однако нарушение хотя бы одного из них является достаточным основанием для отказа в регистрации обозначения в качестве товарного знака. Соответствующая правовая позиция изложена в постановлениях Президиума Суда по интеллектуальным правам (далее - СИП) от 05.06.2020 г. [23] и от 11.12.2020 г. [24] по делу № СИП-793/2019, от 13.07.2020 г. по делу № СИП-698/2019 [25] и от 29.10.2021 г. по делу № СИП-181/2021 [26].

В свою очередь подп. 37 Правил № 482, предусматривает, что к обозначениям, противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали, относятся, среди прочего, слова и изображения непристойного содержания, антигуманные призывы, выражения, унижающие человеческое достоинство, оскорбительные для религиозных чувств верующих, а также знаки, содержащие орфографические ошибки.

Перечень случаев, когда государственная регистрация товарного знака может противоречить общественным интересам, принципам гуманности и морали является открытым, как отмечено в п. 31 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2021) [17].

В четвёртом разделе Рекомендаций Федеральной службы по интеллектуальной собственности (далее - Роспатент) по вопросам экспертизы обозначений отмечается, что обозначения, содержащие термины, нарушающие общественные интересы, принципы гуманности и морали, именуются «скандальными» [30]. Оценка таких обозначений [3] должна учитывать восприятие потребителей и возможные последствия для религиозных чувств верующих. Усматривается, что, например, регистрация обозначения «ВЕЛИКИЙ ПОСТ» для товара «контрацептивные средства» может оскорбить чувства православных христиан, так же как обозначение «ИСПОВЕДАЛЬНАЯЯ» для товара «водка». Аналогично, регистрация обозначения «ГУРАМ – БАЙРАМ» для товара «мясные консервы из свинины» может затронуть чувства мусульман.

Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) неоднократно высказывала свое несогласие относительно регистрации товарных знаков, включающих в свой состав элементы, имеющие религиозную символику,

как в публичном пространстве, в частности, в СМИ, так и в рамках конкретных административных дел. Общая позиция РПЦ состоит в отрицании правомерности государственной регистрации обозначений, воспроизводящих духовные и религиозные ценности [32].

Согласно заявлению Межрелигиозного совета России от 18.10.2021 г. [10], в последние годы в Российской Федерации отмечаются случаи использования в качестве товарных знаков обозначений, воспроизводящих имена святых, их изображения, символику веры и другие объекты, почитаемые представителями различных религиозных течений. Особенную обеспокоенность вызывают ситуации, когда подобные обозначения размещают на алкогольных напитках, что воспринимается как нарушение норм религиозной этики и общественного порядка. Данный документ подчёркивает необходимость защиты духовных ценностей и предотвращения коммерческого использования священных символов и понятий, уважаемых различными конфессиями страны.

Данная позиция основана на том, что товарные знаки, используемые для обозначения алкогольной продукции, ориентированы на широкую аудиторию потребителей, среди которых присутствуют представители различных религиозных групп. Учитывая публичный характер подобной информации, включение в такую продукцию образов или наименований святых может трактоваться как преднамеренное оскорбление чувств верующих и проявление неуважительного отношения к объектам их поклонения, таким как имена Святых.

Официально признанное религиозной конфессией имя Святого или его изображение не может являться исключительным правом какого-либо физического или юридического лица, не относящегося к религиозной организации или учрежденному ею. Следовательно, недопустимо регистрировать в качестве товарных знаков обозначения, воспроизводящие имена, образы Святых, символы веры и прочие священные понятия, которые считаются объектами почитания верующих, особенно если речь идет о маркировке ими алкогольных товаров. Коммерческое использование таких элементов считается крайне неуместным и нарушает принципы уважительного отношения к религиозным ценностям.

В данном заявлении не приводились примеры конкретных случаев использования в качестве товарных знаков обозначений, имеющих «религиозный подтекст» и оскорбляющих религиозные чувства верующих, однако в СМИ сообщалось о том, что «духовенство возмущают, в частности, вина «Душа монаха», «Исповедь грешницы», сигареты «Saint George», а также товарные знаки «Кроткая монашка» и «Батюшка онлайн» [5].

Как отмечает В.М. Мельников, «практика показывает, что зарубежные ведомства регистрируют множество товарных знаков, на которых изображены религиозные символы, в отношении широкого круга товаров. Товарные знаки с религиозными атрибутами, по мнению производителей товаров, привлекают внимание потребителей» [16].

Отечественные производители также активно используют товарные знаки с религиозной семантикой (символикой) для привлечения потребителей.

В свою очередь, 17.07.2024 г. Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко на рамках пленарного заседания палаты регионов также заявила, что «непозволительно продавать алкогольную и табачную продукцию, на этикетках которых используется религиозная символика, имена святых и даже изображаются такие символы, как крест с распятием Иисуса Христа» [15].

В рамках проведенного исследования, автором были проанализированы открытые данные Роспатента о зарегистрированных товарных знаках, размещенных в информационной системе «Поисковая платформа» [43].

Действительно, поисковая платформа выдает информацию о наличии зарегистрированных и действующих в настоящее время товарных знаков, возмущающих духовенство и государственных деятелей: «Душа монаха» (номер государственной регистрации (далее – НГР): 336569, 186378, 287603, 288796); «Исповедь грешницы» (НГР: 199622), «Душа грешницы» (НГР: 250528); «Saint George» (НГР: 212055, 676676, 676009); «Кроткая монашка» (НГР: 208330); «Батюшка онлайн» (НГР: 598107). Также, в данной системе имеются данные о зарегистрированных товарных знаках, воспроизводящих имена святых (□ «СВЯТОЙ»): «Святой Августин» (НГР: 224499); «Святой Валентин» (НГР: 459935); «Святой Георгий» (НГР: 294800); «Святой Мартин» (НГР: 189627; 191181); «Святой Патрик» (НГР: 315974; 315974; 256186); «Святой Трифон» (НГР: 175804); «Святой Форос» (НГР: 610055); «Медицинский центр Святой Марии» (НГР: 805367).

Имеются товарные знаки с изображением религиозных символов, таких как православный крест (□ «святый»): «Святой колодец» (НГР: 194023); православные купола церквей с крестами и кресты (□ «православный»): «Дон Православный» (НГР: 578572), «Крым Православный» (НГР: 600737); «Православный фонд России» (НГР: 123081); «Православный похоронный центр» (НГР: 179968) и др. На рассмотрении Роспатента в разное время находились заявки (□ «святый»): «Святой Винадиктус» (номер 2024757394);

«Святой Георгий» (номер: 2022749854); «Святой Владимир» (номер: 2024731638; 2022766243; 2022701574; 2021709498; 2023748693); «Святой Норберт» (номер: 2019723549).

При этом, на недопустимость использования религиозных символов в названиях алкогольных напитков и размещения религиозных статуй в барах указывал и Верховный Суд РФ [18]. В качестве примера приводилось дело об административном правонарушении, в котором мировой судья установил следующие обстоятельства: в баре, принадлежащем обществу с ограниченной ответственностью, были установлены две статуи Будды, а гостям предлагали алкогольные коктейли с названиями «Будда» и «Будда 2». По результатам рассмотрения дела суд пришел к выводу о наличии в действиях должностного лица - генерального директора общества состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, заключающегося в умышленном публичном осквернении религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики. Санкция за вмененное правонарушение данной статьи предусматривает для должностных лиц штраф в размере от 100 до 200 тысяч рублей.

Об использовании религиозной символики в коммерческих целях высказался и первый заместитель председателя Духовного управления мусульман РФ Д. Мухетдинов, указав, что она «начинает эксплуатироваться недобросовестными людьми, особенно это касается халяльного питания»: «На свиных сосисках и на алкогольных напитках используется эмблема «халяль», и люди, которые доверяют, употребляют это в пищу» [5].

И, действительно, в информационной системе «Поисковая платформа» (□ (здесь и далее означающий слово «фильтр») «халяль») имеются данные о зарегистрированных товарных знаках, использующих слово «халяль», с НГР: 872804, 819324, 502204, 502204, 777704, 632580, 712869, 576679, 527198, 933621, 777297, 571737, 942681, 863995 и др., а также значительное количество заявок, в том числе, поступивших в 2024 году, из которых зарегистрированные уже в 2025 году товарные знаки с маркировкой «халяль», например, для ветчины (НГР: 1092079). Усматривается, что преимущественное количество товаров, на которые зарегистрированы товарные знаки с «халяль», к халяльным товарам относиться не могут, поскольку «все, что приносит вред организму, не соответствует категории «Халяль» (в настоящее время начала складываться судебная практика о признании таких действий «гринвошингом» – актом недобросовестной конкуренции, запрещенным п. 1 ст. 14.2 Закона о защите конкуренции) [40].

Также следует отметить, что в информационной системе «Поисковая платформа» по фильтру «святой» можно увидеть немалое количество зарегистрированных товарных знаков, имеющих в своем названии слово «святой». Например, «святой источник» (НГР: 865562, 746769, 746768, 731757, 627692, 603148, 603149, 582534, 582536, 489351, 484852, 484853, 474907, 399908, 374800, 374799 и др.), «святой вечер» (НГР: 254542), «святой колодец» (НГР: 438930, 413474, 312040, 194023).

В результате можем задать вопрос: являются ли такие товарные знаки актом недобросовестной конкуренции или нет? Полагаем, что да, являются, так как потребитель, покупая, например, воду, может исходить из того, что ее привезли из святого источника, а, следовательно, вода обладает волшебными целебными свойствами. И тут уже усматривается введение в заблуждение не относительно экологических характеристик товара, а указание на его мистические характеристики, что предлагается именовать «эзотервошинг» [4] или даже «спиритвошинг» (английское слово «spirit» (дух) и термин «spiritism» (спиритизм), что подчеркивает религиозный контекст товара).

Классическим примером «спиритвошинга», в понимании автора, можно считать действия юридической фирмы ООО «Покров», которая, используя свое местоположение рядом со Свято-Екатерининским кафедральным собором в г. Краснодар (рис. 1), а также название и вывеску с религиозной семантикой «Покров» (Прим. Покров Пресвятой Богородицы – это православный праздник) и с религиозными символами (эмблема, схожая с православным храмом и слова «ПОКРОВ защиты»), вводит потребителей юридических услуг в заблуждение, используя чувства верующих в коммерческих целях (т.к. потребители могут усмотреть связь данной организации с РПЦ и даже ее покровительство, что создает большее доверие потребителей к юридической фирме и ложное впечатление о качестве юридических услуг).

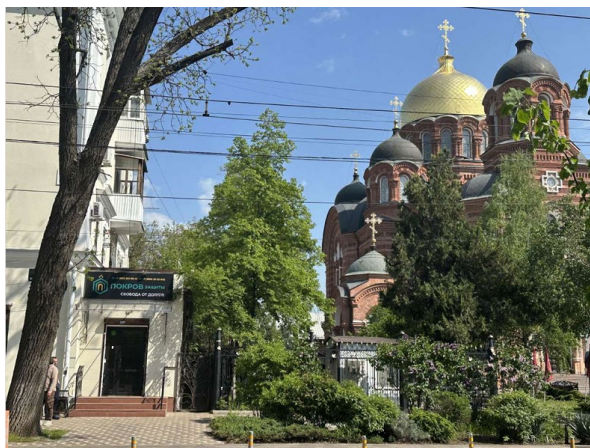

Рис. 1. Фото месторасположения юридической компании ООО «Покров» рядом со Свято-Екатерининским кафедральным собором в г. Краснодар.

Fig. 1. Photo of the location of the legal company OOO Pokrov next to the St. Catherine Cathedral in Krasnodar.

Однако коммерциализация святых образов, символов, понятий не допускается. Данные действия могут также восприниматься как намеренное оскорбление религиозных чувств верующих и унижение объектов их почитания, а также актом недобросовестной конкуренции (по отношению к другим юридическим фирмам). При этом следует отметить, что указанная организация без замечаний Роспатента в 2024 году зарегистрировала товарный знак «Покров защиты юридическая помощь» (НПР: 1037699) с соответствующим изображением (рис. 2), создающим ассоциацию с куполами храма.

Рис. 2. Товарный знак №1037699.

Fig. 2. Trademark No. 1037699.

Механизм противодействия практики введения потребителей в заблуждение относительно свойств товара, при создании впечатления, что продукт обладает какими-то особыми мистическими или сакральными характеристиками, которых на самом деле нет, сводится к административным мерам защиты и инициированию судебного разбирательства.

На практике же, решение по каждому товарному знаку является дискуссионным и оценочным. Так, анализ спорных наименований неоднократно являлся предметом жалоб в КС РФ, примеры которых иллюстрируют крайние случаи интерпретации законодательства.

В частности, гражданин решил оспорить ч. 1 ст. 18 «Язык уголовного судопроизводства» УПК РФ, в той мере, в какой она позволяет в ходе уголовного судопроизводства использовать слова «обеспечение», «бесконтактный», «бесспорно», производные, по мнению заявителя, от слова «бес», что является, с его слов, оскорблением религиозных чувств верующих, потому что эти слова якобы происходят от слова «бес». КС РФ совершенно справедливо не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению [20].

В другом деле, заявитель оспаривал п. 6 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», указав, что он не соответствует указанным положениям Конституции РФ, поскольку вводит повышенный уровень правовой защиты религиозных чувств верующих по сравнению с уровнем правовой защиты чувств атеистов и противоречит конституционному принципу равноправия всех граждан перед законом и судом независимо от их отношения к религии. КС РФ счёл аргументы подателя жалобы недостаточно обоснованными и отказал ему в принятии жалобы к рассмотрению [21].

Рассмотренные примеры демонстрируют широту спектра претензий и порой необоснованность требований, показывая, насколько субъективными и чрезмерными бывают требования некоторых лиц в стремлении защитить якобы ущемляемые права.

На основании проведенного анализа судебной практики последних лет по обозначенному предмету исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Предоставление исключительного права на товарный знак, «окрашенный» религиозной тематикой (символика и семантика), может нанести ущерб общественным интересам и привести к злоупотреблениям в сфере защиты интеллектуальной собственности, а также конкуренции.

Этот вывод сформировался в процессе рассмотрения дела, инициированного обществом с ограниченной ответственностью «Александровы погребя». Заявителем было оспорено решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 05.02.2021 г., которым удовлетворили возражение против предоставления правовой защиты товарному знаку, зарегистрированному под номером свидетельства Российской Федерации № 196200.

По данным судебного дела, 30.09.2020 г. компания «Винный стиль» обратилась в Роспатент с заявлением о прекращении правовой охраны указанного товарного знака применительно ко всей номенклатуре зарегистрированных товаров и услуг. Компания аргументировала свою позицию нарушением требований п. 3 ст. 1483 ГК РФ, поскольку название товарного знака «Saint Vincent» (переводимое как «Святой Викентий») имеет глубокое значение для множества верующих и играет важную роль в их духовной жизни. Регистрация подобного обозначения для маркировки алкогольной продукции рассматривается заявителем как акт, унижающий чувства верующих, создающий у покупателей ошибочное впечатление одобрения такой продукции церковью, что вступает в противоречие с принципами гуманности и морали. В возражении также отмечалось, что введение потребителей в заблуждение относительно места производства товара и местонахождения производителя заключается в том, что Святой Викентий считается покровителем французских виноделов, а в Бургундии ежегодно проходит праздник в честь этого святого – День Святого Викентия. При этом правообладатель оспариваемого товарного знака не имеет отношения к Франции.

Роспатент признал общество «Винный стиль» лицом, заинтересованным в подаче возражения, 05.02.2021 г. принял решение, которым возражение удовлетворил и признал предоставление правовой охраны товарному знаку по свидетельству РФ № 196200 полностью недействительным. В обосновании решения Роспатент указал, что спорный словесный товарный знак переводится на русский язык как «Святой Викентий» и воспроизводит имя святого, почитаемого в православной, католической и англиканской церквях, в связи с чем рассматриваемый спор имеет четко выраженную религиозную тематику.

Не согласившись с указанным решением, ООО «Александровы погребя» подало соответствующее заявление в СИП. 19.08.2021 г. по результатам рассмотрения заявления, суд первой инстанции требования удовлетворил [33], а именно решение Роспатента от 05.02.2021 г. признано недействительным; обязал Роспатент повторно рассмотреть возражение общества «Винный стиль» против предоставления правовой охраны товарному знаку по свидетельству РФ № 196200.

Показательно то, что суд первой инстанции не счел необходимым принять во внимание позицию Русской Православной Церкви, пояснив, что представленные заключения Московской духовной академии и правового управления Московского патриархата не могут сами по себе служить достаточным основанием для выводов Роспатента о нарушении закона в отношении рассматриваемого товарного знака. Это стало ключевым аргументом в кассационной жалобе Роспатента, где ведомство подчеркнуло, что именно обращения Московского патриархата и Московской духовной академии выступают главными доказательствами того, что оспариваемое обозначение способно задеть чувства верующих. Дополнительно Роспатент акцентировал внимание на факте регистрации данного товарного знака в отношении алкогольной продукции (товары 33-го класса Международной классификации товаров и услуг), считая этот аспект дополнительным фактором, подтверждающим возможность нанесения ущерба религиозным чувствам.

Президиум СИП признал выводы нижестоящего суда несостоятельными, постановив, что основным вопросом при рассмотрении данного спора должна была стать не сама возможность использования конкретного обозначения и последствия такого использования, а законность предоставления отдельному лицу исключительных прав на данное обозначение в целях индивидуализации производимых им товаров.

Кассационный суд счел, что суд первой инстанции неверно определил важные для дела обстоятельства, сосредоточившись на проверке того, способно ли оспариваемое обозначение, используемое на винной продукции, оскорблять чувства верующих. Однако эти обстоятельства относились исключительно к дополнительному доводу, представленному Роспатентом, а именно возможности оскорбления религиозных чувств при использовании имени святого на алкогольной продукции. Вывод суда первой инстанции о несогласии с позицией Роспатента относительно недопустимости применения имени святого на винных изделиях не ставит под сомнение правильность основного заключения административного органа о том, что на обозначение

ния, являющиеся частью общей духовной культуры, нельзя предоставлять исключительные права одному лицу для индивидуализации его товаров. Эти выводы были обоснованно поддержаны судом [26].

2. Наличие религиозных элементов в товарных знаках, зарегистрированных для алкогольной продукции, может оскорбить чувства верующих и ввести потребителей в заблуждение относительно происхождения товара.

Практически параллельно с вышеуказанным спором рассматривалось дело по оспариванию ООО «Александровы погреба» решения Роспатента от 30.06.2021 г. о признании недействительной правовой охраны товарного знака «Saint Vincent Cote d'Or», посчитавшего выводы Роспатента о смысле обозначения «Saint Vincent» («Святой Викентий») неверными. Заявитель утверждал, что заключения Московской Патриархии и Московской духовной академии, использованные Роспатентом, являются предвзятыми и недопустимыми доказательствами, поскольку ранее аналогичные запросы делались обществом «Винный стиль». Также заявитель подчеркивал, что такие заключения не отражают официальную позицию РПЦ и представляют собой частные мнения отдельных лиц. Заявитель также обращал внимание на регистрацию Роспатентом других товарных знаков с именами святых и религиозной символикой без претензий со стороны заинтересованных лиц. Кроме того, общество ссылалось на заключения религиоведов и теологов, а также на позицию священнослужителей, которые не увидели нарушений моральных норм или оскорблений религиозных чувств при использовании обозначений «SAINT VINCENT» и «St. Vincent» для винной продукции. Заявитель отметил игнорирование Роспатентом результатов социологических исследований, показывающих, что большинство верующих потребителей не видят ничего негативного в этих обозначениях. Также было отмечено, что Роспатент не учел аргументы о связи Святого Винсента с виноделием и культурой употребления вина.

Однако в удовлетворении заявления ООО «Александровы погреба» было отказано [34], в том числе в связи с тем, что в деле № СИП-181/2021 и в рамках рассмотрения этого дела исследовалась правомерность включения в состав товарного знака одних и тех же словесных элементов («SAINT VINCENT» / «Saint Vincent»), имеющих тождественное семантическое значение. СИП пришел к выводу о том, что при рассмотрении дела он не может прийти к иным выводам, нежели те, к которым пришел Президиум СИП в деле № СИП-181/2021.

К аналогичным выводам пришел СИП, отказав в удовлетворении заявления ООО «Александровы погреба» о признании незаконным решения Роспатента от 30.06.2021 г., которым была аннулирована охрана товарного знака «La Legende Saint Vincent» по свидетельству РФ № 800527 в отношении некоторых товаров 32-го класса и всех товаров 33-го класса Международной классификации товаров и услуг [35].

В деле по иску ООО «Александровы погреба» о признании недействительным решения Роспатента от 07.07.2021 г., которым была отменена регистрация словесного товарного знака «San Lorenzo» под номером свидетельства РФ № 515031 [36], СИП руководствовался уже сложившейся правовой практикой. Примечательно, что суд отказал в назначении судебной лингвистической экспертизы по запросу ООО «Александровы погреба», которое просило выяснить, обладает ли обозначение «SAN LORENZO» религиозной семантикой.

В аналогичном порядке рассмотрено и дело по заявлению ООО «Александровы погреба» о признании незаконным решения Роспатента от 07.07.2021 г., принятого по результатам рассмотрения возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку «Colle San Lorenzo» по свидетельству РФ № 772790 [37].

3. Использование иностранного языка само по себе не является основанием для регистрации товарного знака, в отношении которого установлено его несоответствие требованиям подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ.

Данный вывод сформирован вступившим в силу решением СИП от 11.08.2023 г. по делу № СИП-522/2023. Суть спора заключалась в следующем: индивидуальный предприниматель обратился с заявлением о признании недействительным решения Роспатента от 18.05.2023 г., которым было отказано в удовлетворении возражения на решение об отказе в государственной регистрации словесного обозначения «Santo Spirito» в качестве товарного знака. Причиной отказа в государственной регистрации товарного знака по заявке № 2022728709, состояла в заключении проведенной экспертизы, установившей, что слово «Santo Spirito» буквально переводится как «Святой Дух», представляя собой важный религиозный символ сразу для нескольких мировых конфессий. Эксперты пришли к выводу, что регистрация такого обозначения в качестве товарного знака способна привести к оскорблению чувств верующих и нарушению морально-нравственных устоев общества, особенно в тех ситуациях, когда данное обозначение

применяется для продуктов питания, напитков, включая алкоголь, либо ассоциируется с деятельностью развлекательной сферы, например, ночной клубной индустрией.

Установив правомерность отказа Роспатента в удовлетворении возражения предпринимателя, СИП оставил заявление без удовлетворения [38].

4. Сформированная ранее судебная практика не только не пресекла желание коммерсантов регистрировать товарные знаки с религиозной символикой и семантикой (например, Роспатентом в 2024 году отказано в государственной регистрации товарного знака по заявке № 2022785591 (товарный знак «МАГАЗИН СВЕТ ИСЛАМА» [8]), но и стимулировала новые судебные разбирательства, цель которых пересмотреть ранее принятые решения о регистрации товарных знаков, в том числе с международной регистрацией.

Так, в 2024 году СИП рассмотрел дело, предметом которого являлось обжалование решения Роспатента от 31.08.2023 г., которым исследовался вопрос правомерности предоставления правовой охраны на территории Российской Федерации международному товарному знаку № 1367150 [39].

Заявитель аргументировала свое требование тем, что товарный знак «ST-REMY» воспроизводит имя Святого Ремигия, чье имя имеет большое значение для католического сообщества. Она утверждала, что признание и защита прав на этот товарный знак могли бы негативно повлиять на чувства верующих, создавая ситуацию, при которой общественное мнение было бы возмущено подобным использованием имени святого. Таким образом, заявительница настаивала на том, что такое использование противоречит публичным интересам и нормам морали.

Особенностью данного дела стало то, что суд принял во внимание результаты опроса общественного мнения, хотя в предыдущих аналогичных делах такие опросы отклонялись. В делах «Александровых погребов» также поднималась эта проблема, где заявитель ссылался на дело «Бесогона».

Для сравнения можно обратиться к решению СИП от 16.02.2022 г. по делу № СИП-1035/2021 и решению СИП от 02.02.2022 г. по делу № СИП-1026/2021.

В заявлении ООО «Александровы погребов» указано, что подход Роспатента к оценке способности оспариваемого товарного знака оскорблять религиозные чувства верующих, использованный в решении от 05.01.2021 г., противоречит практике Роспатента и СИП, в частности, выраженной в решении по делу № СИП-575/2019, касающемся соответствия товарных знаков требованиям подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ.

Тем не менее, суд указал, что как при принятии оспариваемого решения, так и в приведенных заявителем решениях Роспатента и СИП использовались одни и те же подходы к оценке соответствия предоставления правовой охраны товарным знакам. Разница в результатах рассмотрения данных дел обусловлена различной совокупностью доказательств, представленных для подтверждения или опровержения способности обозначений оскорблять религиозные чувства верующих.

Например, при рассмотрении дела № СИП-575/2019 СИП получил ответы от специалистов, которые свидетельствовали о неоднозначном восприятии спорного обозначения. Однако в оспариваемом решении Роспатент учитывал официальную позицию РПЦ, которая подтверждала несоответствие предоставления правовой охраны товарного знака по свидетельству РФ № 515031 требованиям нормам права.

Следует учитывать, что экспертиза обозначения производится непосредственно в процессе подачи заявки на регистрацию товарного знака. Согласно п.1 ст. 1499 ГК РФ, данная процедура включает проверку заявленного обозначения на предмет его соответствия установленным законом требованиям, предусмотренным ст.ст.1477 и 1483 ГК РФ. При этом, экспертиза направлена на выявление несоответствий и потенциальных нарушений правил, установленных законодательством для регистрации товарных знаков.

Представляется, что не без учета вышеуказанной судебной практики, Федеральный закон от 22.07.2024 г. № 190-ФЗ [44] дополнил п. 1 ст. 1499 ГК РФ положением о специальной экспертизе обозначений с религиозной символикой (семантикой). По задумке законодателя, такая экспертиза исключит как намеренные, так и непредумышленные действия, оскорбляющие чувства верующих, а правообладатель получит более устойчивое исключительное право на товарный знак.

Приказом Минэкономразвития России от 20.09.2024 г. № 593 [29] были внесены соответствующие изменения в Правила № 482, что было положительно отмечено в Межрелигиозном совете России [11]. Теперь, если заявленное обозначение содержит религиозную символику, включающую изображения объектов религиозного назначения, религиозные символы, слова с религиозной направленностью, изображения и имена божеств или других почитаемых личностей, Роспатент в течение 5 рабочих дней направляет сведения о заявке в Межрелигиозный совет России, который, в свою очередь, привлекает централизованные религиозные организации для подготовки заключения о возможности или невозможности регистрации такого обозначения в качестве товарного знака.

Рассмотрение заявки приостанавливается до получения заключения Межрелигиозного совета России, но не более чем на месяц дня направления сведений о заявке. Однако важно указать, что заключение Межрелигиозного совета России учитывается при проведении экспертизы заявленного обозначения с религиозной символикой (семантикой) в случае его поступления в Роспатент до принятия решения по заявке и не учитывается при его поступлении в Роспатент после принятия решения по заявке (пункт 36(3)).

В данном правовом регулировании (в части указанного срока) автор находит его недостаточным для обеспечения полной и всесторонней оценки соответствия заявленного товарного знака требованиям подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ. В настоящее время отсчёт времени для предоставления Межрелигиозным советом России заключения начинается непосредственно с даты отправки запроса. Тем не менее, реальная дата получения может существенно отличаться, особенно если доставка занимает несколько дней или даже недель.

Адресат может физически получить письмо намного позже, чем оно было отправлено, что уменьшает количество дней, оставшихся для выполнения требуемых действий. Кроме того, возможны различные задержки, вызванные проблемами с работой почтовой службы, ошибками в адресе или другими непредвиденными обстоятельствами. В таких случаях существует риск пропуска установленного срока.

В связи с этим, автор считает, что необходимо заменить формулировку «...но не более чем на месяц со дня направления сведений о заявке в Межрелигиозный совет России» на «но не более чем на месяц со дня получения сведений о заявке в Межрелигиозном совете России». Это позволит усовершенствовать процедуру оценки товарных знаков действующим нормам права и минимизировать количество обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Выводы

Проведенный анализ показал наличие значительных недостатков в регулировании процесса регистрации товарных знаков и обеспечении принципа недопущения оскорбления религиозных чувств верующих.

Для их разрешения предлагается совершить следующие действия:

1. Необходимо разработать универсальный алгоритм оценки товарных знаков на соответствие требованиям подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, выделяя критерии, связанные с религиозными аспектами (семантикой или символикой), а также религиозным подтекстом. Вот несколько примеров ситуаций, которые стоит учесть:

- Имя святого совпадает с именем основателя бренда: например, «Remi Martin» является одновременно и именем святого, и именем основателя бренда. В таком случае необходимо оценить, как данное обозначение воспринимается потребителями. Возможно, бренд ассоциируется именно с личностью его основателя, а не с религиозной личностью.

- Имя святого отсутствует, но написание вызывает соответствующие ассоциации у потребителя. Например, название «Винедикт» может восприниматься некоторыми потребителями как производное от имени святого Винсента, хотя прямого указания на святого в названии нет. Важно понимать, как такое восприятие влияет на религиозные чувства потребителей.

Подобные случаи требуют внимательного анализа контекста, восприятия целевой аудиторией и возможных ассоциаций, чтобы избежать конфликтов с общественными интересами и моралью.

2. Ввести на законодательном уровне недопустимость государственной регистрации в качестве товарных знаков обозначений, не только воспроизводящих имена святых, их образы, но и названия религиозных праздников (например, «ВЕЛИКИЙ ПОСТ» (номер заявки: 2015702990), «СЕДМИЦА ПРАВОСЛАВНАЯ» (номер заявки: 2015702997), «ПОКРОВ» (ГРН: 1037699)), а также их интерпретации (например, «ПАСХАЛЬНОЕ ВИНО», номер заявки: 2022730951).

3. Исходя из выводов исследования, судебной практики и изменений законодательства, а также политикой государства, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и противодействие деструктивной идеологии, представляется необходимым провести «инвентаризацию» действующих товарных знаков, имеющих «религиозный контекст (подтекст)», в том числе тех, которые могут быть квалифицированы как «спиритвошинг». Это позволит принять меры по устранению выявленных случаев недобросовестной практики использования образов, символов и концепций, связанных с духовными практиками, религиями или мистическими учениями, предотвратит злоупотребления, недобросовестную конкуренцию и обман потребителей.

С целью реализации данного предложения необходимо исключить установление срока давности (ограничение сроков) для предъявления требований об оспаривании регистрации товарных знаков с религиозной символикой или семантикой, а также установить соответствующую процедуру

«инвентаризации», определить уполномоченных лиц и порядок привлечения для дачи заключения Межрелигиозного совета России (по аналогии с процедурой получения заключения Межрелигиозного совета России при рассмотрении заявки, поданной на регистрацию).

4. Необходимо разрешить вопрос, поднятый ООО «Александровы погребя», в отношении процедуры подачи возражений против предоставления правовой охраны уже зарегистрированным товарным знакам (определение КС РФ от 31.05.2022 г. № 1317-О [22]). В своей жалобе они выразили несогласие с положениями подп. 1 п. 2 ст. 1512 и п. 2 ст. 1513 ГК РФ, указав что эти нормы позволяют признавать недействительными правовые акты о предоставлении охраны товарным знакам на основании не подкреплённых никакими обоснованными доказательствами возражений третьих лиц, которые утверждают, что они относятся к верующим и что обозначение оскорбляет их религиозные чувства.

Действительно, российское законодательство не содержит чётких критериев заинтересованности в подаче таких возражений. При этом текущая судебная практика допускает признание заинтересованным лицом участника судебного спора с правообладателем товарного знака, что создаёт неопределённость и возможность злоупотреблений правом.

Таким образом, автор считает, что необходимо уточнить, какие лица могут считаться заинтересованными в подаче возражений против предоставления правовой охраны товарным знакам, к таким лицам предлагается отнести Межрелигиозный совет России.

Приведенные предложения направлены на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и противодействие деструктивной идеологии, повышение прозрачности и справедливости процедур, связанных с регистрацией и последующей защитой товарных знаков, что позволит избежать оскорбления религиозных чувств верующих, содной стороны, а с другой – будет способствовать более тщательной проработке предпринимателями вопросов «брендинга» и «нейминга».

Список источников

1. Аглицкий А. и Миткевич В. Защита промышленной собственности. Товарные знаки, С.-Петербург, 1910 г., 83 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/07/main/228-e.pdf> (дата обращения: 10.02.2025)
2. Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий, М.: Прогресс, 1977, 310 с.
3. Бурнос Е.Н. К вопросу о «презумпции скандальности» фирменного наименования юридического лиц // Интеллектуальная собственность // Промышленная собственность. 2025. № 1. С. 58 – 65.
4. Бурнос Е.Н. Недобросовестная реклама: реклама «сверхъестественных» услуг и «эзотервошинг» // Юридическая гносеология. 2025. № 1. С. 62 – 71.
5. В коммерции не останется ничего святого // Газета «Коммерсантъ» № 95/П, 3 июня 2024 г.; [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6744266> (дата обращения: 02.01.2025)
6. Верующие россияне чаще помогают другим. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7344413> (дата обращения: 30.01.2025)
7. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза (Подписан в г. Москве 03.02.2020) // СЗ РФ, № 31, 2 августа 2021 г.
8. Заключение Палаты по патентным спорам от 25.10.2024 г. (Приложение к решению Роспатента от 29.11.2024 по заявке № 2022785591/33) «Об отказе в государственной регистрации товарного знака». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2025)
9. Законопроект № 926231-8 «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/926231-8> (дата обращения: 30.01.2025)
10. Заявление Межрелигиозного совета России о недопустимости государственной регистрации в качестве товарных знаков обозначений, воспроизводящих религиозные символы. [Электронный ресурс]. URL: https://interreligious.ru/documents/documents_61.html (дата обращения: 02.01.2025)
11. Заявление Межрелигиозного совета России. [Электронный ресурс]. URL: https://interreligious.ru/documents/statements/statements_62.html (дата обращения: 30.01.2025)
12. Информация КС РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020-2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 02.01.2025)

13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), № 0001202210060013, 6 октября 2022 г.

14. Конвенция по охране промышленной собственности» (Заключена в Париже 20.03.1883) // Закон. № 7. 1999 (извлечение).

15. Матвиенко заявила о недопустимости изображать распятие на бутылках с алкоголем // Парламентская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/matvienko-zayavila-o-nedopustimosti-izobrazhat-raspyatie-na-butylkakh-s-alkogolem.html> (дата обращения: 02.01.2025)

16. Мельников В.М. Товарные знаки за рубежом. Практика ведомств и судов. М: ИНИЦ Роспатента, 2000. 208 с.

17. Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 2021.

18. Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьёй 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» КоАП РФ (утв. Президиумом ВС РФ 26.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, 2019.

19. Определение КС РФ от 23.10.2014 г. № 2521-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.05.2025).

20. Определение КС РФ от 25.06.2024 г. № 1457-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Серых Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 18, статьей 75, частью третьей статьи 195 и статьей 271 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2025)

21. Определение КС РФ от 28.06.2022 г. № 1690-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Круглова Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав рядом нормативных положений» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2025)

22. Определение КС РФ от 31.05.2022 г. № 1317-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Александровы погребя» на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 2 статьи 1512 и пунктом 2 статьи 1513 Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2025)

23. Постановление Президиума СИП от 05.06.2020 г. № С01-507/2020 по делу № СИП-793/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2025)

24. Постановление Президиума СИП от 11.12.2020 г. № С01-507/2020 по делу № СИП-793/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2025)

25. Постановление Президиума СИП от 13.07.2020 г. № С01-661/2020 по делу № СИП-698/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2025)

26. Постановление Президиума СИП от 29.10.2021 г. № С01-1734/2021 по делу № СИП-181/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2025)

27. Пояснительная записка к законопроекту № 926231-8 «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в части использования религиозных символов в средствах массовой информации). [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/926231-8> (дата обращения: 30.01.2025)

28. Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 г. № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 20 августа 2015 г.

29. Приказ Минэкономразвития России от 20.09.2024 г. № 593 «О внесении изменений в Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 20 июля 2015 г. № 482» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2024 № 79605) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30 сентября 2024 г.

30. Приказ Роспатента от 23.03.2001 г. № 39 «Об утверждении Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2025)

31. Религия и общество: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring?ysclid=mbc0tt98ee591542982> (дата обращения: 30.05.2025).

32. Решение СИП от 19.03.2025 г. по делу № СИП-1350/2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2025)

33. Решение СИП от 19.08.2021 г. по делу № СИП-181/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2025)

34. Решение СИП от 16.12.2021 г. по делу № СИП-1031/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2025)

35. Решение СИП от 02.02.2022 г. по делу № СИП-1026/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2025)

36. Решение СИП от 16.02.2022 г. по делу № СИП-1035/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2025)

37. Решение СИП от 31.01.2022 г. по делу № СИП-1034/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2025)

38. Решение СИП от 11.08.2023 г. по делу № СИП-522/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2025)

39. Решение СИП от 20.06.2024 г. по делу № СИП-1293/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2025)

40. Решение Арбитражного суда Республики Ингушетия от 20.05.2024 г. по делу № А18-3487/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.05.2025).

41. Русская православная церковь: вероисповедание и воцерковлённость. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15172?ysclid=mbc0ybtcii893791012> (дата обращения: 30.04.2025)

42. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ, № 46, 14 ноября 2022 г.

43. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент). [Электронный ресурс]. URL: <https://searchplatform.rospatent.gov.ru/trademarks> (дата обращения: 20.04.2025)

44. Федеральный закон от 22.07.2024 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ, № 31, 29 июля 2024 г.

45. U.S. Trademark Law: Rules of Practice & Federal Statutes (USPTO, Updated on January 1, 2023). URL: https://wipolex-resources-eu-central-1-358922420655.s3.amazonaws.com/edocs/lexdocs/laws/en/us/us460en_1.pdf (дата обращения: 10.02.2025)

References

1. Aglitsky A. and Mitkevich V. Protection of Industrial Property. Trademarks, St. Petersburg, 1910, 83 p. [Electronic resource]. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/07/main/228-e.pdf> (date of access: 10.02.2025)

2. Bodenhausen G. Paris Convention for the Protection of Industrial Property. Commentary, Moscow: Progress, 1977, 310 p.

3. Burnos E.N. On the issue of the "presumption of scandalousness" of the trade name of a legal entity. Intellectual Property. Industrial Property. 2025. No. 1. P. 58 – 65.

4. Burnos E.N. Unfair advertising: advertising of “supernatural” services and “esoteric shing”. Legal gnoseology. 2025. No. 1. P. 62 – 71.

5. Nothing sacred will remain in commerce. Kommersant newspaper No. 95/P, June 3, 2024; [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6744266> (date of access: 01.02.2025)

6. Religious Russians help others more often. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7344413> (date of access: 30.01.2025)
7. Agreement on Trademarks, Service Marks and Appellations of Origin of Goods of the Eurasian Economic Union (Signed in Moscow on 03.02.2020). SZ RF, No. 31, August 2, 2021
8. Conclusion of the Chamber for Patent Disputes dated 25.10.2024 (Appendix to the decision of Rospatent dated 29.11.2024 for application No. 2022785591/33) "On refusal of state registration of a trademark". [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.01.2025)
9. Bill No. 926231-8 "On Amending Article 3 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" [Electronic resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/926231-8> (date of access: 30.01.2025)
10. Statement of the Interreligious Council of Russia on the inadmissibility of state registration of designations reproducing religious symbols as trademarks. [Electronic resource]. URL: https://interreligious.ru/documents/documents_61.html (date of access: 02.01.2025)
11. Statement of the Interreligious Council of Russia. [Electronic resource]. URL: https://interreligious.ru/documents/statements/statements_62.html (date of access: 30.01.2025)
12. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation "Current constitutional and legal aspects of ensuring economic, political and social solidarity: for the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2020-2023)" (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.11.2023). [Electronic resource]. URL: <http://www.ksrf.ru> (date accessed: 02.01.2025)
13. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru), No. 0001202210060013, October 6, 2022
14. Convention for the Protection of Industrial Property (Concluded in Paris on 20.03.1883). Law. No. 7 1999 (extract).
15. Matviyenko declared the inadmissibility of depicting the crucifixion on bottles of alcohol. Parliamentary newspaper. [Electronic resource]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/matvienko-zayavila-o-nedopustimosti-izobrazhat-raspyatie-na-butylkakh-s-alkogolem.html> (date accessed: 02.01.2025)
16. Melnikov V.M. Trademarks abroad. Practice of departments and courts. M: INITs Rospatent, 2000. 208 p.
17. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2021) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 07.04.2021). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 7. 2021.
18. Review of judicial practice in cases of administrative offenses provided for in Article 5.26 "Violation of the legislation on freedom of conscience, freedom of religion and religious associations" of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 26, 2019). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 12, 2019.
19. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 23, 2014 No. 2521-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Maria Vladimirovna Alekhina regarding the violation of her constitutional rights by part two of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation." [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: May 30, 2025).
20. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 25.06.2024 No. 1457-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Vladimir Nikolaevich Serykh Regarding the Violation of His Constitutional Rights by Part One of Article 18, Article 75, Part Three of Article 195, and Article 271 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation." [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date accessed: 30.01.2025)
21. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 28.06.2022 No. 1690-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Alexander Gennadiyevich Kruglov Regarding the Violation of His Constitutional Rights by a Number of Regulatory Provisions" [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date accessed: 30.01.2025)
22. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 31.05.2022 No. 1317-O "On refusal to accept for consideration the complaint of the limited liability company Aleksandrovy Pogreba regarding the violation of its constitutional rights by subparagraph 1 of paragraph 2 of Article 1512 and paragraph 2 of Article 1513 of the Civil Code of the Russian Federation." [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.01.2025)
23. Resolution of the Presidium of the SIP dated 05.06.2020 No. S01-507/2020 in case No. SIP-793/2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.01.2025)

24. Resolution of the Presidium of the SIP dated 11.12.2020 No. S01-507/2020 in case No. SIP-793/2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.01.2025)
25. Resolution of the Presidium of the SIP dated 13.07.2020 No. S01-661/2020 in case No. SIP-698/2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.01.2025)
26. Resolution of the Presidium of the SIP dated 29.10.2021 No. S01-1734/2021 in case No. SIP-181/2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.01.2025)
27. Explanatory note to bill No. 926231-8 "On Amending Article 3 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" (regarding the use of religious symbols in the media). [Electronic resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/926231-8> (date accessed: 30.01.2025)
28. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 20.07.2015 No. 482 "On approval of the Rules for drafting, submitting and reviewing documents that are the basis for performing legally significant actions on state registration of trademarks, service marks, collective marks, Requirements for documents contained in an application for state registration of a trademark, service mark, collective mark, and documents attached thereto and their forms, the Procedure for converting an application for state registration of a collective mark into an application for state registration of a trademark, service mark and vice versa, the List of information indicated in the form of a certificate for a trademark (service mark), the form of a certificate for a collective mark, the form of a certificate for a trademark (service mark), forms of certificate for a collective mark". Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, August 20, 2015
29. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated September 20, 2024 No. 593 "On Amendments to the Rules for Drafting, Submitting and Considering Documents That Are the Basis for Performing Legally Significant Actions on State Registration of Trademarks, Service Marks, Collective Marks, Approved by Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated July 20, 2015 No. 482" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on September 27, 2024 No. 79605). Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, September 30, 2024
30. Order of Rospatent dated March 23, 2001 No. 39 "On Approval of Recommendations on Certain Issues of Examination of Declared Designations." [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.01.2025)
31. Religion and Society: Monitoring. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring?ysclid=mbc0tt98ee591542982> (date of access: 30.05.2025).
32. Decision of the SIP dated 19.03.2025 in case No. SIP-1350/2024. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.04.2025)
33. Decision of the IP Court of 19.08.2021 in case No. SIP-181/2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.04.2025)
34. Decision of the IP Court of 16.12.2021 in case No. SIP-1031/2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.04.2025)
35. Decision of the IP Court of 02.02.2022 in case No. SIP-1026/2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.04.2025)
36. Decision of the IP Court of 16.02.2022 in case No. SIP-1035/2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.04.2025)
37. Decision of the IP Court of 31.01.2022 in case No. SIP-1034/2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.04.2025)
38. Decision of the IP Court of 11.08.2023 in case No. SIP-522/2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.04.2025)
39. Decision of the SIP dated 20.06.2024 in case No. SIP-1293/2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.04.2025)
40. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Ingushetia dated 20.05.2024 in case No. A18-3487/2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.05.2025).
41. Russian Orthodox Church: religion and churchliness. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15172?ysclid=mbc0ybtcii893791012> (date accessed: 30.04.2025)
42. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values". SZ RF, No. 46, 14 November 2022
43. Federal Service for Intellectual Property (Rospatent). [Electronic resource]. URL: <https://searchplatform.rospatent.gov.ru/trademarks> (date of access: 20.04.2025)

44. Federal Law of 22.07.2024 No. 190-FZ "On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". SZ RF, No. 31, July 29, 2024

45. U.S. Trademark Law: Rules of Practice & Federal Statutes (USPTO, Updated on January 1, 2023). URL: https://wipolex-resources-eu-central-1-358922420655.s3.amazonaws.com/edocs/lexdocs/laws/en/us/us460en_1.pdf (accessed: 10.02.2025)

Информация об авторе

Бурнос Е.Н., кандидат юридических наук, Партнер-учредитель ООО «Векави Групп»

© Бурнос Е.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 34.096

Актуальные проблемы судебной статистики по уголовному праву в Российской Федерации

¹ Фадеева М.А., ¹ Селезнев Р.Н.,

¹ Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: в данной статье рассматриваются актуальные проблемы, касающиеся судебной статистики, включая сложности, возникающие при сборе, систематизации и интерпретации информации. Одним из ключевых вызовов является недостаток доступной информации, что значительно ограничивает возможности для полноценного анализа судебных процессов. Многие судебные органы не располагают необходимыми ресурсами для ведения комплексной отчетности, что приводит к невозможности формирования целостной картины состояния правосудия.

Еще одной серьезной проблемой является отсутствие единой системы организации судебной информации. На сегодняшний день различные судебные учреждения используют разрозненные подходы к сбору и обработке данных, что создает затруднения в последующей интерпретации полученных результатов. Разнообразие методик и критериев оценки приводит к тому, что статистические данные часто оказываются несопоставимыми между собой.

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть возможные пути решения указанных проблем, а также выдвигаются рекомендации по созданию единой системы сбора и анализа судебной статистики. Это позволит не только улучшить качество исследований в данной области, но и повысить эффективность функционирования судебной системы в целом.

Ключевые слова: судебная статистика, статистический учет данных, судебная система РФ, актуальные проблемы статистики

Для цитирования: Фадеева М.А., Селезнев Р.Н. Актуальные проблемы судебной статистики по уголовному праву в Российской Федерации // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 58 – 62.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Current problems of judicial statistics on criminal law in the Russian Federation

¹ Fadeeva M.A., ¹ Seleznev R.N.,

¹ Far Eastern Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: this article discusses current issues related to judicial statistics, including the difficulties encountered in collecting, systematizing, and interpreting information. One of the key challenges is the lack of available information, which significantly limits the possibilities for a full-fledged analysis of court proceedings. Many judicial authorities do not have the necessary resources to conduct comprehensive reporting, which makes it impossible to form a complete picture of the state of justice.

Another serious problem is the lack of a unified system for organizing judicial information. To date, various judicial institutions use disparate approaches to data collection and processing, which makes it difficult to interpret the results later. The variety of assessment methods and criteria leads to the fact that statistical data often turn out to be incompatible with each other.

Within the framework of this article, it is proposed to consider possible solutions to these problems, as well as recommendations for creating a unified system for collecting and analyzing judicial statistics. This will not only improve the quality of research in this area, but also increase the efficiency of the judicial system as a whole.

Keywords: *judicial statistics, statistical accounting of data, judicial system of the Russian Federation, actual problems of statistics*

For citation: Fadeeva M.A., Seleznev R.N. Current problems of judicial statistics on criminal law in the Russian Federation. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 58 – 62.

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Судебная статистика является одним из самых важных элементов в оценке эффективности деятельности суда по осуществлению правосудия, также не менее важна её роль в формировании государственной политики в сфере правоохранительных органов и правотворческой инициативы, ведь государство благодаря судебной статистике, способно отслеживать количество преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации, и принимать необходимые меры по ужесточению слишком мягких норм в законе. Также именно государственные органы в системе юстиции занимают важную роль в обеспечении прозрачности судебной статистики в России. Однако существует множество проблем, связанных с судебной статистикой, которые до сих пор остаются актуальными и требуют незамедлительных мер по их решению [1-3].

В статье рассматриваются самые волнующие и актуальные проблемы судебной статистики, их причины и возможные пути решения.

Материалы и методы исследований

В основу работы легли данные официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, МВД и прокуратуры за 2020-2024 гг. [5, с. 1-2]. Использованы методы сравнительного анализа, экспертные оценки публикаций в научных журналах за последние 5 лет, а также интервью с сотрудниками судебных органов. Для выявления противоречий в данных применялся контент-анализ открытых источников, включая порталы государственных ведомств [6, с. 2].

Результаты и обсуждения

Актуальной проблемой в системе судебной статистики до сих пор остается неполнота информации, то есть неполноценная и не объективная информация, которая поступает из разных информационных каналов [8, с. 1]. Зачастую сайты государственных ведомств и органов публикуют данные, связанные с осуществлением правосудия судами, разные. Еще можно отметить что данные, которые публикуются на общедоступных сайтах и интернет-порталах, являются обобщенными, что сильно затрудняет совершать следующие этапы детального анализа судебной статистики по определенным преступлениям, категориям лиц или по возрастному цензу, среди преступников, данная информация часто агрегируется, что не позволяет оценить реальную динамику

Вот особенности данной проблемы:

- Нет детализации по категориям дел – например, статистика по уголовным делам часто объединяет тяжкие преступления (убийства, наркоторговлю) с малозначительными правонарушениями, что искажает реальную картину.
- Отсутствует региональная специфика – данные по некоторым субъектам РФ (особенно по делам, связанным с экстремизмом, коррупцией или протестными акциями) могут намеренно не детализироваться.
- Скрывается динамика оправдательных приговоров – по официальной статистике, их доля в уголовном судопроизводстве составляет менее 1%, что вызывает вопросы о возможном искусственном занижении.

На данный момент можно отметить еще очень насущную проблему, которая сильно мешает более детально изучать уголовные преступления и их динамику в системе суда и его осуществления правосудия. В Российской Федерации до сих пор отсутствует единая систематизированная методология сбора и обработки данных судебной статистики. Существует несколько крупных источников, в которых находится информация, однако она либо находится в обобщенной форме из-за чего страдает детальный анализ, либо информации нет вовсе по особым цензам в судебной статистике, либо информация устарела ко времени обращения на сайты. Такие государственные структуры как МВД, прокуратура и Судебный департамент при

ВС РФ пользуются разными системами и форматами, что в свою очередь приводит к противоречиям данных, размещенных на официальных интернет-порталах данных государственных органов.

Нельзя также не рассмотреть еще не менее важную и волнующую проблему в современной судебной статистике – Проблема доступа к данным и отсутствие прозрачности. Несмотря на процесс цифровизации и компьютеризации, наличие многих цифровых технологий, доступ к судебной статистике остается ограниченным для многих групп населения. Многие базы данных в которых содержатся сведения о статистике осуществления судом правосудия, вынесения приговоров и решений, количества рассматриваемых дел по определенной категории – являются не всегда в открытом доступе для граждан. Данная проблема делает труднодоступной задачей детальный анализ судебной статистики [10, с. 1, 2].

При рассмотрении основных волнующих проблем в области судебной статистики по уголовным делам в России, обязательно нужно изучить последствия данных проблем и возможные пути их решения.

Одним из самых опасных последствий существующих проблем в судебной статистике – Искажение картины правосудия. При описанных выше проблемах, граждане Российской Федерации получают искаженное представление о деятельности суда в осуществлении правосудия, в основном информация поступает из неофициальных источников, где нередко допускаются ошибки в информации, и откровенная фальсификация с целью заставить людей сомневаться в важности работы суда.

Вторым крайне важным негативным последствием, порождаемым проблемами судебной статистики, является - Некорректные управленческие решения, в области законотворческой инициативы. Законодательная инициатива не может в полной мере охватывать весь спектр дел, которые должным образом не отражены и не показаны в судебной статистике из-за отсутствия общей системы и точных общих данных по всем внутренним системам, которые участвуют в судебной статистике по уголовным делам. Это очень сильно влияет на законотворческие инициативы, в том числе не регулируется строгость отдельных наказаний при высоком уровне данного преступления.

И третьей проблемой, которая уже была поднята в данной статье выделяется - Снижение доверия к судебной системе – отсутствие прозрачности подрывает авторитет правосудия в глазах населения Российской Федерации. А для правильного осуществления правосудия необходимо доверие и поддержка со стороны населения и вера граждан, что суд восстановит возникшую несправедливость, назначая наказание. При отсутствии полноценных данных о работе суда люди не могут доверять правоохранительным органам и в особенности суду.

Для улучшения качества работы судебной статистики в Российской Федерации можно предложить ряд улучшений, направленных на систематизацию данных и созданию общей и единой системы данных, касающихся уголовных дел, количества осужденных и контингента преступности. Во-вторых, нужно обеспечить открытость данных – публиковать статистику в интернет пространстве из официальных источников.

В-третьих, необходимо при создании общей унифицированной системы учета данных предусмотреть – Автоматизирование процессов – для улучшения самого учета и анализа данных, внедрить системы сквозного учета дел от возбуждения до исполнения приговора.

И последним возможным путем решения проблем и негативных последствий, можно отнести – Ввод независимого аудита – привлечение экспертов и научных организаций к анализу судебной статистики может закрыть сразу два негативных последствия, представленных в данной статье. Во-первых, независимая проверка сможет выявить проблемы и донести до законотворческого органа о возможных ошибках в судебной статистике. Во-вторых, именно независимый аудит от научных организаций позволит населению больше доверять системе судебной статистики, что благоприятно отразится на всей системе в целом.

Выводы

В каждой системе независимо от положения будут возникать проблемы и самым важным действием, направленным на их решение, - является анализ и принятие решений по улучшению данной системы. Судебная статистика по уголовным делам в Российской Федерации развита недостаточно сильно по сравнению с аналогичными системами в России, поэтому крайне важно развивать и улучшать ее. Ведь совершенствование судебной статистики – важный шаг к повышению прозрачности и эффективности правосудия в РФ.

Список источников

1. Попаденко Е.В. Судебная статистика: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 197 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-17228-7 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/568612> (дата обращения: 02.02.2025)
2. Касьянов Р.А., Евдокимов М.А., Гулиев А.о.Ш. Правовые аспекты статистической деятельности в ЕС: проекция на ЕАЭС // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 1. С. 142 – 151. DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(1).142-151
3. Васильев Д.С. Показатели судебной статистики как критерии оценки судебной деятельности // Право и политика. 2021. № 3. С. 79 – 100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-sudebnoy-statistiki-kak-kriterii-otsenki-sudebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 30.01.2025)
4. Соломоно Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2023. Т. 20. № 4. С. 57 – 65. DOI 10.24147/1990-5173.2023.20(4).57-65
5. Официальная статистика уголовного судопроизводства (2024 г.) [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 01.02.2024)
6. Зубов В.В. Информационная политика Российской Федерации: юридико-управленческий аспект // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 1. С. 73 – 80.
7. Кирющенко И.И. Искусственный интеллект как инструмент анализа судебных ошибок // Юриспруденция: теория и практика. 2024. № 4. С. 49 – 55.
8. Мательский А.Ф. Цифровое право как новая юридическая реальность // Право.by. 2025. № 1 (93). С. 163 – 171.
9. Газимагомедов М.А. Вопросы теории статистики судебных решений в уголовном процессе // Образование и право. 2018. № 2. С. 160 – 165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-teorii-statistiki-sudebnyh-resheniy-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 01.02.2025)
10. Оганджянц С.И. Судебная статистика – статистика судопроизводства // НАУ. 2015. №6-2 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-statistika-statistika-sudoproizvodstva> (дата обращения: 02.02.2025)
11. Андриушечкина И.Н., Ковалев Е.А., Савюк Л.К., Бикбулатов Ю.А. Правовая статистика: учебник и практикум для вузов / под ред Л.К. Савюка. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 459 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-17360-4 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/559683> (дата обращения: 28.01.2025)

References

1. Popadenko E.V. Judicial statistics: textbook for universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 197 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-17228-7. Educational platform Yurait [web-site]. URL: <https://urait.ru/bcode/568612> (date of access: 02.02.2025)
2. Kasyanov R.A., Evdokimov M.A., Guliev A.o.Sh. Legal aspects of statistical activities in the EU: projection on the EAEU. Law enforcement. 2025. Vol. 9. No. 1. P. 142 – 151. DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(1).142-151
3. Vasiliev D.S. Indicators of judicial statistics as criteria for assessing judicial activity. Law and Politics. 2021. No. 3. P. 79 – 100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-sudebnoy-statistiki-kak-kriterii-otsenki-sudebnoy-deyatelnosti> (date of access: 30.01.2025)
4. Solomono E.V. Concept and features of artificial intelligence. Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2023. Vol. 20. No. 4. P. 57 – 65. DOI 10.24147/1990-5173.2023.20(4).57-65
5. Official statistics of criminal proceedings (2024) [Electronic resource]. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/11/s/1> (date of access: 01.02.2024)
6. Zubov V.V. Information policy of the Russian Federation: legal and managerial aspect. Problems of Economics and Legal Practice. 2025. Vol. 21. No. 1. P. 73 – 80.
7. Kiryushchenko I.I. Artificial Intelligence as a Tool for Analyzing Judicial Errors. Jurisprudence: Theory and Practice. 2024. No. 4. P. 49 – 55.
8. Matelsky A.F. Digital Law as a New Legal Reality. Pravo.by. 2025. No. 1 (93). P. 163 – 171.
9. Gazimagomedov M.A. Issues of the Theory of Statistics of Court Decisions in Criminal Procedure. Education and Law. 2018. No. 2. P. 160 – 165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-teorii-statistiki-sudebnyh-resheniy-v-ugolovnom-protsesse> (date of access: 01.02.2025)

10. Ogandzhanyants S.I. Judicial Statistics – Statistics of Legal Proceedings. NAU. 2015. No. 6-2 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-statistika-statistika-sudoproizvodstva> (date of access: 02.02.2025)

11. Andryushechkina I.N., Kovalev E.A., Savyuk L.K., Bikbulatov Yu.A. Legal statistics: textbook and workshop for universities. edited by L.K. Savyuk. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: Publishing house Yurait, 2025. 459 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-17360-4. Educational platform Yurait [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/559683> (date of access: 28.01.2025)

Информация об авторах

Фадеева М.А., Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Селезнев Р.Н., преподаватель, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

© Фадеева М.А., Селезнев Р.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.4:332.8

Гражданско-правовые аспекты регулирования института участия в долевом строительстве в РФ

¹Чупин И.В.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: данная работа посвящена изучению частноправовых механизмов регламентации системы участия в совместном возведении жилых объектов на территории России с принятием во внимание актуальных нормативных новелл и направлений юрисдикционной деятельности. Задача исследования состоит в многоаспектном изучении правового статуса участников соглашения о долевом строительстве, обнаружении коллизий и лакун в существующей нормативной базе, а также в установлении векторов оптимизации механизмов охраны интересов субъектов совместного строительства. В процессе исследования подверглись изучению основополагающие правовые документы, проводился анализ постановлений судебных инстанций различных уровней, а также научных трудов признанных экспертов в сфере частного права. Особое внимание уделялось вопросам перехода к проектному финансированию, использованию эскроу-счетов, а также проблемам, возникающим при банкротстве застройщиков и реализации прав дольщиков в судебном порядке. Методологическая база исследования включала диалектический, сравнительно-правовой, системный и функциональный подходы, что позволило выявить внутренние противоречия правового регулирования и предложить пути их преодоления. Практическая значимость результатов заключается в возможности их использования для совершенствования законодательства, формирования единой судебной практики, а также при разработке методических рекомендаций для юристов и специалистов строительной отрасли.

Ключевые слова: долевое строительство, гражданско-правовое регулирование, судебная практика, застройщик, дольщик, проектное финансирование, эскроу-счета, защита прав

Для цитирования: Чупин И.В. Гражданско-правовые аспекты регулирования института участия в долевом строительстве в РФ // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 63 – 68.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Civil law aspects of regulating the institute of participation in shared-construction in the Russian Federation

¹Chupin I.V.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: this article examines the civil law aspects of regulating the institute of participation in shared-construction in the Russian Federation, taking into account recent legislative changes and trends in judicial practice. The purpose of the study is to provide a comprehensive analysis of the legal status of the parties to the shared-construction agreement, identify contradictions and gaps in the current regulation, and determine directions for improving the system of protecting the rights of shared-construction participants. The study involved reviewing key regulatory acts, analyzing decisions of federal and regional courts, as well as scientific publications by leading experts in civil law. The methodological framework of the research included dialectical, comparative-legal, systemic, and functional approaches, which allowed for identifying internal contradictions in legal regulation and proposing ways to overcome them. The applied value of the findings is manifested in their capacity to enhance regula-

tory frameworks, establish consistent jurisprudential approaches, and create guidance materials for legal practitioners and construction sector specialists.

Keywords: *shared-construction, civil law regulation, judicial practice, developer, equity holder, project financing, escrow accounts, rights protection*

For citation: Chupin I.V. Civil law aspects of regulating the institute of participation in shared-construction in the Russian Federation. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 63 – 68.

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Гражданско-правовое регулирование долевого строительства остается актуальной проблемой юридической науки и практики. Переход к проектному финансированию с эскроу-счетами, инициированный Правительством РФ для минимизации рисков и защиты прав дольщиков, стал важным этапом развития отраслевого законодательства [1].

Однако новая система не устранила прежние проблемы и породила новые: неоднозначность правового положения сторон, пробелы в регулировании ответственности застройщика, вопросы перехода прав при банкротстве. Сохраняются риски недобросовестного поведения участников рынка, требующие совершенствования механизмов защиты дольщиков.

Цель исследования – комплексный анализ правовых основ института долевого строительства и выявление направлений совершенствования регулирования. Задачи: изучение нормативных актов, рассмотрение теоретических подходов к договору долевого участия, исследование прав и обязанностей сторон, анализ судебной практики.

Гипотеза исследования. Действующее регулирование долевого строительства, несмотря на реформы, сохраняет существенные пробелы в квалификации прав и обязанностей сторон и недостаточность механизмов защиты участников, особенно при банкротстве застройщиков.

Степень научной разработанности подтверждается трудами ведущих цивилистов М.И. Брагинского, В.В. Витрянского [13] и других исследователей, анализирующих особенности договора долевого участия и пробелы законодательства.

Объект исследования – гражданско-правовые отношения по договору долевого строительства; предмет – нормы регулирования, научные концепции и судебная практика в данной сфере.

Материалы и методы исследований

Нормативная база исследования включает Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ, определяющий принципы регулирования отношений между застройщиком и дольщиком, положения Гражданского кодекса РФ [2], законы о защите прав потребителей, подзаконные акты и постановления высших судебных инстанций [3].

Анализ основывался на судебной практике федеральных [7] и региональных судов [8], отражающей современные тенденции разрешения споров между дольщиками и застройщиками, подходы к квалификации прав и обязанностей сторон.

Источники исследования составили научные публикации ведущих цивилистов, монографии и диссертации, освещающие эволюцию института долевого строительства и его гражданско-правовую природу, что позволило выявить различные точки зрения и пробелы законодательства.

Методология исследования базировалась на диалектическом принципе с целью обнаружения внутренних противоречий и закономерностей эволюции данной правовой сферы; компаративистском изучении для проведения параллелей с международным опытом; комплексном и телеологическом анализе для формирования всестороннего понимания механизма долевого строительства; а также применении логических операций - обобщения, индуктивного и дедуктивного рассуждения, а также анализа и синтеза.

Результаты и обсуждения

Анализ правовой природы договора участия в долевом строительстве показывает его сложную и неоднозначную конструкцию [19]. Хотя указанный договор не получил прямого закрепления в российском Гражданском кодексе, в академических кругах продолжают активные теоретические споры касательно его правовой природы – причисления к существующей категории договорных отношений либо выделения в качестве отдельного юридического института. Отдельные авторы, например Е.Б. Козлова, обращают внимание на путаницу, возникающую при попытках включить в определение договора элементы организаци-

онной деятельности, что затрудняет его однозначную классификацию [15]. Наиболее обоснованной видится позиция, согласно которой договор участия в долевом строительстве является двусторонним, возмездным и консенсуальным соглашением, обладающим комплексным предметом, включающим как деятельность по созданию объекта, так и последующую передачу результата дольщику [16].

Законодательное регулирование долевого строительства прошло значительную эволюцию: от первоначального урегулирования частных инвестиций через ФЗ № 214-ФЗ до внедрения жестких механизмов контроля в ответ на банкротства застройщиков и злоупотребления недобросовестных компаний.

К основным элементам и условиям договора долевого участия относятся предмет, стороны, цена, сроки исполнения, а также требования к проектной декларации. В юридической литературе выделяются различные подходы к определению предмета договора [11].

Вопрос о том, насколько правомерно распространять нормы потребительского права на договорные отношения в сфере долевого участия в строительных проектах, на протяжении многих лет остается предметом активных дискуссий среди правоведов и представителей судебной власти. Изначально возможность использования положений федерального закона от 7 февраля 1992 года № 2300-1, регулирующего потребительские права [3], в контексте подобных правоотношений воспринималась как усиленная защитная мера для физических лиц, вкладывающих средства в строительство жилья. Такой подход предоставлял им доступ к более широкому спектру правовых инструментов защиты, в том числе к возможности требовать выплаты пени, возмещения нематериального ущерба и денежных санкций в случае отказа ответчика добровольно исполнить предъявленные требования [17].

Значимым аспектом стала и коллизия между нормативными актами разного уровня. Так, Постановление Правительства РФ № 442 ограничивает применение отдельных положений Закона о защите прав потребителей к передаче объектов долевого строительства только в той части, в какой это прямо предусмотрено ФЗ № 214. Однако приоритет федерального закона над подзаконным актом позволяет судам делать выбор в пользу применения закона, если это способствует защите прав граждан [10].

Анализ правового регулирования долевого строительства выявляет принципиальные противоречия. Во-первых, отсутствие в ГК РФ специальных норм о договоре долевого участия создает пробелы в определении его правовой природы, вследствие чего суды применяют аналогию или нормы иных договоров, что не обеспечивает правовой определенности.

Во-вторых, практика демонстрирует злоупотребления правом дольщиков, использующих нормы о защите прав потребителей для получения чрезмерных компенсаций, что негативно влияет на финансовую устойчивость застройщиков и инвестиционную привлекательность сектора.

В-третьих, недостаточная регламентация урегулирования споров о качестве объектов долевого строительства: при установленных сроках устранения недостатков (до 60 дней) отсутствуют четкие стандарты оценки качества и механизмы независимой экспертизы, что приводит к затяжным судебным процессам.

Судебная практика по договорам долевого участия демонстрирует защиту интересов дольщиков при взыскании неустоек за нарушение сроков передачи объектов [6]. Суды квалифицируют дольщиков как слабую сторону, применяя нормы ФЗ № 214-ФЗ и Закона «О защите прав потребителей» [8, 9, 10]. Однако высшие судебные инстанции часто уменьшают размеры неустоек, руководствуясь принципами разумности и соразмерности [5].

Недобросовестные практики включают затягивание сроков строительства, манипуляции с договорами, предоставление недостоверной информации и двойную продажу объектов. Защита осуществляется через индивидуальные и коллективные инструменты: судебные иски, компенсационные фонды, страхование эскроу-счетов [12], государственный контроль и реестры проблемных объектов [14].

Проектное финансирование через эскроу-счета повысило защищенность средств дольщиков, ограничив нецелевое использование привлеченных средств и минимизировав риски банкротств [4]. Нововведения привели к удорожанию строительства и очищению рынка от недобросовестных игроков, но ограничили доступ небольших застройщиков, требуя дальнейшей адаптации нормативной базы.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило наличие значимых пробелов в гражданско-правовом регулировании долевого строительства, несмотря на внедрение проектного финансирования с эскроу-счетами [18]. Анализ показал, что современное регулирование основывается на сочетании норм ФЗ № 214-ФЗ, ГК РФ и закона о защите прав потребителей, что повышает защиту дольщиков, но создает противоречия в правоприменении. Переход к проектному финансированию существенно повысил защищенность средств граждан и снизил риски банкротства застройщиков, однако породил дополнительные вызовы, связанные с увеличением финансовой нагрузки на застройщиков и сокращением участников рынка.

Эффективность правового регулирования института долевого строительства зависит от баланса интересов сторон, прозрачности рынка и наличия действенных процедур защиты прав дольщиков. В качестве практических рекомендаций следует выделить необходимость совершенствования стандартов качества строительства, процедур независимой экспертизы, унификацию подходов к определению размера неустоек и компенсаций, а также предупреждение недобросовестных практик. Продолжение системных реформ включает: дополнение нормативной базы специальными нормами об исполнении и ответственности по договорам долевого участия; разработку единых стандартов независимой экспертизы и механизмов досудебной защиты; усиление контроля за застройщиками и расширение альтернативных способов разрешения споров; мониторинг эффективности проектного финансирования с гибкой корректировкой механизмов реализации.

Список источников

1. Федеральный закон от 30.12.2004 N 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2025)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2025)
3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2025)
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2025)
5. Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 N 423 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2025)
6. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013) (ред. от 04.03.2015) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2025)
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2025)
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.05.2018 по делу N 33-19742/2018 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2025)
9. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.01.2021 N АПЛ20-472 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2025)
10. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2020 N АКПИ20-430 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф». Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.02.2025)
11. Беляева О.А. К вопросу об определении предмета договора строительного подряда // Достижения науки и образования. 2021. № 5 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-predmeta-dogovora-stroitel'nogo-podryada> (дата обращения: 21.02.2025)
12. Борисова Л.В. Счета эскроу как механизм защиты прав участников долевого строительства в условиях банкротства застройщика // Право и экономика. 2020. № 1. С. 33 – 36.
13. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право (общие положения). М.: Статут, 1997. С. 125.

14. Вдовина Е.Е. Правовые проблемы защиты прав дольщиков // Актуальные исследования студентов и аспирантов в области гуманитарных, общественных, юридических и экономических наук: общественное научное мероприятие: сборник тезисов: в 2 ч. Хабаровск, 01 марта – 17 2013 года. Том Часть 1. Хабаровск: Хабаровская государственная академия экономики и права, 2014. С. 26 – 28.
15. Козлова Е.Б. Организационные договоры: понятие и классификация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 3– 9.
16. Лебедев М.Д., Саввоев С.А. Долевое строительство в современной России: проблемы и перспективы // Исследования молодых ученых: материалы VI Международной научной конференции, Казань, 20-23 января 2020 года. Казань: Молодой ученый, 2020. С. 33 – 38.
17. Савушкина П.М. Особенности применения законодательства о защите прав потребителей к отношениям долевого строительства // Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, магистрантов и молодых ученых, Москва, 25 апреля 2018 года. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2021. С. 304 – 306.
18. Степанов Н.А. Договор эскроу и жилищные правоотношения // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 1 (26). С. 20 – 25.
19. Шмычкова У. К вопросу о правовой природе договора участия в долевом строительстве / У. Шмычкова // Сравнительное правоведение в условиях интернационализации науки и образования: материалы IV Всероссийской научной конференции молодых ученых Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, Москва, 20 апреля 2022 года / редкол.: М.Ю. Воронин и др. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 389 – 393.

References

1. Federal Law of 30.12.2004 N 214-FZ (as amended on 26.12.2024) "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus Prof". Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 21.02.2025)
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 08.08.2024, as amended on 31.10.2024) [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus Prof". Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 21.02.2025)
3. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 N 2300-1 (as amended on 08.08.2024) "On the Protection of Consumer Rights" [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus Prof". Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 21.02.2025)
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2012 N 17 "On the consideration by courts of civil cases on disputes over the protection of consumer rights" [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus Prof". Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 21.02.2025)
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 02.04.2020 N 423 [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus Prof". Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 21.02.2025)
6. Review of the practice of resolving disputes by courts arising in connection with the participation of citizens in shared construction of apartment buildings and other real estate (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 04.12.2013) (as amended on 04.03.2015) [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus Prof". Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 21.02.2025)
7. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 14.11.2018) (as amended on 26.12.2018) [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus Prof". Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 21.02.2025)
8. Appellate ruling of the Moscow City Court dated 04.05.2018 in case No. 33-19742/2018 [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus Prof". Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 21.02.2025)
9. Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.01.2021 N APL20-472 [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus Prof". Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 21.02.2025)
10. Decision of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.10.2020 N AKPI20-430 [Electronic resource]. SPS "Consultant Plus Prof". Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 21.02.2025)

11. Belyaeva O.A. On the issue of determining the subject of a construction contract. Achievements of science and education. 2021. No. 5 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-predmeta-dogovora-stroitel'nogo-podryada> (date of access: 21.02.2025)
12. Borisova L.V. Escrow accounts as a mechanism for protecting the rights of participants in shared construction in the event of bankruptcy of the developer. Law and Economics. 2020. No. 1. P. 33 – 36.
13. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law (general provisions). Moscow: Statut, 1997. P. 125.
14. Vdovina E.E. Legal issues of protecting the rights of equity holders. Current research by students and post-graduates in the field of humanitarian, social, legal and economic sciences: public scientific event: collection of abstracts: in 2 parts. Khabarovsk, March 01 – 17 2013. Volume Part 1. Khabarovsk: Khabarovsk State Academy of Economics and Law, 2014. P. 26 – 28.
15. Kozlova E.B. Organizational agreements: concept and classification. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2011. No. 5. P. 3 – 9.
16. Lebedev M.D., Savvov S.A. Shared construction in modern Russia: problems and prospects. Research of young scientists: materials of the VI International scientific conference, Kazan, January 20-23, 2020. Kazan: Young scientist, 2020. P. 33 – 38.
17. Savushkina P.M. Features of the application of legislation on the protection of consumer rights to shared construction relations. Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference of graduate students, applicants, master's students and young scientists, Moscow, April 25, 2018. Moscow: Russian State University of Justice, 2021. P. 304 – 306.
18. Stepanov N.A. Escrow agreement and housing legal relations. Actual problems of our time: science and society. 2020. No. 1 (26). P. 20 – 25.
19. Shmychkova U. On the legal nature of the agreement on participation in shared construction. Comparative law in the context of the internationalization of science and education: materials of the IV All-Russian scientific conference of young scientists of the Institute of International Law and Justice of Moscow State Linguistic University, Moscow, April 20, 2022. editorial board: M.Yu. Voronin et al. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2022. P. 389 – 393.

Информация об авторе

Чупин И.В., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, chupin-ilv@yandex.ru

© Чупин И.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.55

Отзыв муниципального депутата как форма муниципально-правовой ответственности

¹ Казанцева О.Л., ¹ Еремейкина Л.Л.,
¹ Алтайский государственный университет

Аннотация: в статье представляется комплексный анализ института отзыва муниципального депутата в условиях трансформации законодательства в сфере местного самоуправления. Констатируется, что современная внутренняя государственная политика с принятием нового Федерального закона о местном самоуправлении 2025 года №33-ФЗ все меньше связывает депутатов представительных органов муниципальных образований обязательствами перед населением.

Отмечается, что институт отзыва муниципального депутата является дискуссионным в юридической науке. Законодательное упоминание отзыва муниципального депутата не означает наличие императивного мандата и наказов избирателей, но при этом депутат выполняет представительскую функцию, а, следовательно, должен руководствоваться интересами своих избирателей. Население должно также иметь возможность контролировать работу избранного депутата и влиять на срок его полномочий при наличии веских оснований, свидетельствующих о невыполнении им своих обязанностей.

Авторами отмечается ограниченность практики применения отзыва муниципального депутата в российском государстве на современном этапе, что демонстрирует усложненный порядок его реализации. Принятие нового Федерального закона №33 и вовсе затруднит эту процедуру.

Авторами отмечается важность сохранения института отзыва муниципального депутата как формы муниципально-правовой ответственности перед населением, обосновывается необходимость сохранения и регламентации данной формы и предлагаются меры по его совершенствованию.

Ключевые слова: местное самоуправление, отзыв, муниципальный депутат, муниципальное образование, ответственность, законодательство, муниципально-правовая ответственность

Для цитирования: Казанцева О.Л., Еремейкина Л.Л. Отзыв муниципального депутата как форма муниципально-правовой ответственности // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 69 – 75.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Recall of a municipal deputy as a form of municipal legal responsibility

¹ Kazantseva O.L., ¹ Eremeikina L.L.,
¹ Altai State University

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of the institution of recall of a municipal deputy in the context of the transformation of legislation in the field of local self-government. It is stated that modern domestic state policy, with the adoption of the new Federal Law on Local Self-Government of 2025 No. 33-FZ, is less and less binding on deputies of representative bodies of municipalities with obligations to the population.

It is noted that the institution of recall of a municipal deputy is controversial in legal science. The legislative mention of the recall of a municipal deputy does not mean that there is an imperative mandate and instructions from voters, but at the same time the deputy performs a representative function, and, therefore, must be guided by

the interests of his constituents. The population should also be able to control the work of an elected deputy and influence his term of office if there are good reasons indicating that he has failed to fulfill his duties.

The authors note the limited practice of applying the recall of a municipal deputy in the Russian state at the present stage, which demonstrates the complicated procedure for its implementation. The adoption of the new Federal Law No. 33 will complicate this procedure altogether.

The authors note the importance of preserving the institution of recall of a municipal deputy as a form of municipal legal responsibility to the public, substantiate the need to preserve and regulate this form, and propose measures to improve it.

Keywords: *local government, recall, municipal deputy, municipal entity, responsibility, legislation, municipal legal responsibility*

For citation: Kazantseva O.L., Ereimeikina L.L. Recall of a Municipal Deputy as a Form of Municipal Legal Responsibility. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 69 – 75.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена важностью и значимостью форм непосредственного осуществления местного самоуправления, поскольку их наличие и реализация являются атрибутом правового демократического государства и дают возможность населению как специфическому субъекту местного самоуправления непосредственно принимать обязательные для исполнения решения на муниципальном уровне.

Глава 5 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №131) закрепила открытый перечень форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления, в числе которых значилось голосование по отзыву депутата, члена выборного органа и выборного должностного лица местного самоуправления (ст.24) [1]. Новый закон, принятый 20 марта 2025 г., такую форму не содержит, что в условиях пробельности регулирования может породить еще большие проблемы в реализации демократического института отзыва муниципального депутата [2].

В этой связи представляет научный и практический интерес перспектива реализации отзыва как формы муниципально-правовой ответственности в условиях меняющегося законодательства в сфере местного самоуправления.

Цель исследования – комплексный анализ изменений действующего законодательства о местном самоуправлении в части регламентации института отзыва депутата представительного органа муниципального образования, выявление сложностей, стоящих на пути его развития, и разработка предложений по его совершенствованию.

Задачи – провести исследование правового закрепления и реализации института отзыва муниципально-го депутата в условиях трансформации законодательства о местном самоуправлении, определить основные тенденции.

Гипотеза – сохранение на законодательном уровне и практическая реализация института отзыва муниципального депутата повысит уровень ответственности членов представительного органа муниципального образования и позволит избирателям обеспечить контроль за их работой.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования выступили нормы действующего законодательства, регламентирующие отзыв муниципального депутата, правовые позиции Конституционного Суда РФ и научная литература по теме исследования. В процессе работы подлежали применению такие методы как системный, формально-логический, сравнительно-правовой, синергетический, а также метод анализа, что позволило всестороннее и комплексно подойти к изучению института отзыва муниципального депутата, выявить имеющиеся в нем проблемы и сформулировать собственные предложения по его совершенствованию.

Таким образом, в условиях меняющегося законодательства проведенное исследование является актуальным и своевременным, имеющим теоретическую и практическую значимость для развития института отзыва муниципального депутата как формы муниципально-правовой ответственности.

Результаты и обсуждения

Изначально институт отзыва муниципального депутата был закреплен в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 г. [3]. Впоследствии Конституционный Суд РФ сформулировал свою позицию, рассматривая отзыв как элемент прямой демократии (постановление от 24 декабря 1996 г.). В дальнейшем, в решении от 7 июня 2000 г., Конституционный Суд подчеркнул, что применение этого института не должно дестабилизировать деятельность избранных представителей, так как и выборы, и отзыв являются проявлениями демократии. В демократическом правовом государстве основанием для отзыва депутата могут служить исключительно его противоправные действия, подтвержденные вступившим в законную силу решением суда [4, 5].

2 апреля 2002 г. Конституционный Суд вынес постановление, в котором указал на необходимость подтверждения в судебном порядке связи между жалобами граждан и действиями или бездействием избранного должностного лица [6]. Кроме того, было установлено, что норма подписей в поддержку начала отзыва должна быть не менее числа подписей, требуемых при выдвижении на выборах, а за отзыв должно проголосовать не меньшее количество граждан, чем за избрание.

По смыслу Федерального закона №131 институт отзыва депутата не является общим принципом организации представительных органов (к примеру, если депутаты избираются по пропорциональной системе, институт отзыва не применяется, потому что нет персональной ответственности депутата).

Ст. 24 этого же закона определила, что отзыв возможен по инициативе населения в порядке, предусмотренном федеральном законодательстве и принимаемыми на основе его законами субъектов РФ, а основания и порядок отзыва регламентируются уставами муниципальными образований [1]. При этом отсутствие регионального закона об отзыве не препятствует его введению уставами муниципальных образований.

Представляется, что институт отзыва муниципального депутата является неотъемлемой частью самого местного самоуправления, гарантированного Основным законом государства и определяется его правовой природой. В соответствии с ч.2 ст.130 Конституции РФ местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления [7]. Поскольку перечень этих форм открыт, отзыв депутатов возможен на основании Конституции РФ и не требует обязательного закрепления в федеральном законе о местном самоуправлении. Однако единый подход к институту отзыва на федеральном уровне обеспечил бы дополнительную правовую защиту права граждан на отзыв и устранил бы вопросы, связанные с процедурой его проведения.

Учитывая, что отзыв является инструментом прямой демократии, муниципальная ответственность в виде отзыва депутатов при потере доверия со стороны населения вполне закономерна, но требует четкой правовой регламентации. Тем не менее, Конституционный Суд РФ в своих решениях указывает, что утрата доверия не является конституционным основанием для отзыва [6].

Вместе с тем, на практике решение о порядке отзыва, его основаниях и сроках проведения передается на усмотрение субъектов РФ и муниципальных образований. Отсутствие четких законодательных указаний для регулирования этого института приводит к различным подходам в определении оснований и правил проведения отзыва, что неизбежно нарушает принцип правовой определенности. Часто эти вопросы остаются без должного правового регулирования на региональном и муниципальном уровнях, что затрудняет реализацию права граждан на отзыв депутата, снижает авторитет представительного органа и подрывает демократические основы местного самоуправления.

В современном мире с развитием информационных технологий становится более прозрачной и открытой деятельность органов местного самоуправления и лиц, замещающих муниципальные должности [8, с. 83]. Возрастающий объем информации о представителях власти в процессе их деятельности может подорвать доверие к их личностным и деловым качествам, что потребует предоставления возможности досрочного и принудительного прекращения полномочий депутата без ожидания новых выборов. Как справедливо отмечает Е.С. Шугрина, для оценки навыков принятия решений депутатами избирателю требуется время, и соответственно он должен иметь возможность корректировать работу депутатов, что соответствует принципам демократии [9, с. 14].

В целом, как и презюмируется в теории свободного мандата, преимуществом которого является отсутствие влияния извне на члена представительного органа, руководство при принятии решений депутатом исключительно собственным правосознанием и нормами права. Однако при этом нивелируется главная функция муниципального депутата – представительство интересов населения муниципального образования, поскольку принимаемые решения не всегда отражают волю населения и принимаются в его интересах.

Представительный орган является коллегиальным, что предполагает отсутствие преференций для определенной части граждан и учет мнения различных социальных групп.

Новый Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» вовсе не предусматривает отзыв в качестве формы непосредственного участия граждан в местном самоуправлении, что продолжило тенденцию признания утратившими силу региональных законов, регламентирующих отзыв муниципальных депутатов.

Отсутствие регламентированной и структурированной процедуры отзыва вкупе с низкой правовой культурой представителей депутатского корпуса, которые не олицетворяют себя с избирателями и их нуждами, приводит к тому, что депутаты ориентируются на поддерживающий их крупный капитал, а не на действительные потребности и нужды населения. В таком случае в отношениях между избирателями и избранными отсутствует взаимосвязь и ответственность.

Такая ситуация неприемлема в правовом государстве, поскольку это противоречит изложенной в Постановлении от 02.04.2002 № 7-П позиции Конституционного Суда РФ, в которой подчеркивается, что надлежащее исполнение обязательств, взятых непосредственно перед населением, является императивом демократического правового государства при построении системы муниципальной власти.

В то же время следует предоставить гарантии отзываемому лицу, он должен иметь возможность объяснить избирателям возникшие обстоятельства, и не может быть отозван по политическим причинам или по причине отсутствия эффективности его работы, несмотря на все его старания и прилагаемые усилия. Однако такие гарантии тоже не предусмотрены [10, с. 67]

Среди проблем проведения и реализации процедуры отзыва следует отметить порог избирателей от всех зарегистрированных в избирательном округе, который составляет пятьдесят процентов. Это представляется чрезмерным для отзыва депутата. Хотя Конституционный Суд РФ в своем Определении от 21.11.2022 № 3162-О отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аксеновой Е.И., по мнению которой положения части 2 статьи 24 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривают завышенные требования в части установления минимального числа голосов избирателей, необходимого для отзыва депутата, по сравнению с условиями его избрания [11].

Для обоснования важности данного института отзыва муниципального депутата следует обратиться к его правовой природе, которая тесно связана с основаниями его применения. По нашему мнению, необходимо рассматривать отзыв в широком смысле как следствие отсутствия у депутата муниципального образования позитивной ответственности (то есть осознания чувства долга перед избирателями), как контроль со стороны населения за деятельностью депутатского корпуса. Именно поэтому под основаниями следует понимать не только несоблюдение законов, подтвержденные судебными решениями, но и ненадлежащее по мнению избирателей исполнение полномочий депутатом. Тогда и вопросы касательно того, если обвинительный приговор по реабилитирующим основаниям в отношении депутата отменен, а его полномочия уже прекращены, будут неактуальны [12].

Отзыв муниципального депутата нуждается в совершенствовании и развитии как демократический институт на местном уровне, несмотря на наличие проблем [13, 14]. Его сохранение поможет населению участвовать в управлении делами государства, почувствовать себя причастным к решению проблем в месте его проживания и ощутить ответственность за свой выбор муниципальных депутатов, а депутатов будет мотивировать эффективно и ответственно выполнять свои обязательства и стимулировать к принятию взвешенных решений.

Таким образом, отзыв депутата как институт непосредственной демократии призван повысить уровень доверия граждан к правовой системе и публичной власти и обеспечить истинное представительство избирателей – населения муниципального образования.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать достижение поставленных целей, успешное выполнение задач и подтверждение выдвинутой гипотезы.

Анализ нормативной правовой базы местного самоуправления, правовых позиций Конституционного Суда РФ и научных работ позволяет заключить, что процедура отзыва депутата представительного органа муниципального образования – важный элемент непосредственного осуществления местного самоуправления в России и значимая форма муниципальной ответственности. Этот механизм отражает сущность местного самоуправления, гарантированного Конституцией РФ, и является логичным продолжением самой идеи самоуправления.

Представительный орган, формируемый посредством муниципальных выборов, призван защищать интересы жителей и обладает правом принимать решения от их имени. Однако, как показывает практика, в деятельности муниципальных депутатов нередко встречаются изъяны, неисполнение обязанностей или злоупотребления, в связи с чем отзыв может стать конструктивным решением.

Реформирование местного самоуправления и изменения в законодательстве в последнее десятилетие указывают на усиление централизации власти и тенденцию к подчинению местного самоуправления государственной власти. Это проявляется в сокращении возможностей для прямого участия граждан в управлении на местах, что нашло отражение в Федеральном законе от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ. Отсутствие в этом законе регламентации института отзыва депутатов и выборных должностных лиц является серьезным пробелом, поскольку фиксация основных форм гражданского участия в местном самоуправлении в базовом федеральном законе представляется необходимой.

Институт отзыва муниципального депутата как мера муниципально-правовой ответственности перед населением обладает большим потенциалом. Однако законодатель недостаточно внимания уделяет ему, а принятие нового закона усиливает тенденцию к ограничению влияния населения на деятельность органов и должностных лиц местного самоуправления.

Муниципальные выборы остаются основным инструментом учета мнения граждан, поэтому избиратели должны иметь возможность контролировать работу избранных представителей и влиять на прекращение их полномочий досрочно. Недостаток четких правил и правовых гарантий препятствует развитию этого института. Поскольку отзыв депутата на местном уровне является неотъемлемой частью местного самоуправления, он должен быть закреплен в соответствующем законодательстве. Рекомендуется включить его в главу 5 Федерального закона от 20 марта 2023 г. №33 и предусмотреть во всех уставах муниципальных образований. При этом процедура отзыва должна быть унифицированной, реализуемой на практике, соответствовать правовым позициям Конституционного Суда РФ и способствовать повышению ответственности депутатов перед избирателями.

Список источников

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета, 8 октября 2003 г.
2. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Российская газета, 26 марта 2025 г.
3. Федеральный закон от 28.08.1995 №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 г. (утратил силу) // Российская газета, 1 сентября 1995 г.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.1996 № 21-П «По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 348.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Российская газета, 21 июня 2000 г.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления" и Закона Чукотского автономного округа "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Чукотском автономном округе" в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст. 3. М., 2020. 63 с.
8. Савостьян Г.О. Свободный мандат и отзыв в РФ // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4(208). С. 83 – 86.
9. Шугрина Е.С. Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления // Государственное управление. 1998. № 8. С. 19-15.
10. Макарец А.А., Шерстобоев О.Н. Отзыв выборных лиц местного самоуправления: правовая регламентация и проблемы реализации // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1 (23). С. 58 – 82.

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.11.2022 № 3162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аksenовой Елены Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 333 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и положениями части 2 статьи 24 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/>

12. Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность депутата законодательного органа государственной власти, представительного органа местного самоуправления в Российской Федерации: основания классификации и проблемы реализации // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 127 – 143.

13. Чепенко Я.К., Богданова П.А. Проблемы института отзыва депутатов на муниципальном уровне // Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 2 (36). С. 72 – 77.

14. Станкин А.Н., Шайхуллин М.С. Отзыв депутата представительного органа муниципального образования // Образование и право. 2023. № 6. С. 189 – 193.

References

1. Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ (as amended on 13.12.2024) "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta, October 8, 2003

2. Federal Law of 20.03.2025 No. 33-FZ "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Authority". Rossiyskaya Gazeta, March 26, 2025

3. Federal Law of 28.08.1995 No. 154-FZ "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation" of 1995 (repealed). Rossiyskaya Gazeta, September 1, 1995

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.12.1996 No. 21-P "On the case of verifying the constitutionality of the Law of the Moscow Region of April 28, 1995 "On the procedure for recalling a deputy of the Moscow Regional Duma" in connection with the request of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 348.

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 7, 2000 No. 10-P "On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law "On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta, June 21, 2000.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 2, 2002 No. 7-P "On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Law of Krasnoyarsk Krai "On the Procedure for Recalling a Deputy of a Representative Body of Local Self-Government" and the Law of the Koryak Autonomous Okrug "On the Procedure for Recalling a Deputy of a Representative Body of Local Self-Government, an Elected Official of Local Self-Government in the Koryak Autonomous Okrug" in connection with the complaints of applicants A.G. Zlobin and Yu.A. Khnaev". Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 14. Art. 1374.

7. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020), Art. 3. M., 2020. 63 p.

8. Savostyan G.O. Free mandate and recall in the Russian Federation. Law and state: theory and practice. 2022. No. 4 (208). P. 83 – 86.

9. Shugrina E.S. Responsibility of local government bodies and officials. Public administration. 1998. No. 8. Pp. 19-15.

10. Makartsev A.A., Sherstoboev O.N. Recall of elected local government officials: legal regulation and implementation problems. Grazhdanin. Elections. Power. 2022. No. 1 (23). P. 58 – 82.

11. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 21.11.2022 No. 3162-О "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aksenova Elena Ivanovna on the violation of her constitutional rights by part 2 of article 333 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and the provisions of part 2 of article 24 of the Federal Law "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". Website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://www.ksrf.ru/>

12. Kondrashev A.A. Constitutional and legal liability of a deputy of the legislative body of state power, representative body of local self-government in the Russian Federation: grounds for classification and problems of implementation. Russian Law Journal. 2011. No. 1. P. 127 – 143.

13. Chepenko Ya.K., Bogdanova P.A. Problems of the Institute of Recall of Deputies at the Municipal Level. Citizen. Elections. Power. 2025. No. 2 (36). P. 72 – 77.

14. Stankin A.N., Shaikhullin M.S. Recall of a Deputy of a Representative Body of a Municipal Formation. Education and Law. 2023. No. 6. P. 189 – 193.

Информация об авторах

Казанцева О.Л., кандидат юридических наук, доцент, Алтайский государственный университет, verwaltung@mail.ru

Еремейкина Л.Л., Алтайский государственный университет, lada.rayskaya2107@mail.ru

© Казанцева О.Л, Еремейкина Л.Л., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.62

Проблематика уголовно-правовой охраны жизни неродившегося ребенка

¹ Кукушкин Н.П.,

² Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу уголовно-правового регулирования общественно опасных деяний, посягающих на неродившегося ребенка. Автором обозначается общеправовая проблематика определения субъектности физического лица, включая вопросы предоставления правовой защиты неродившемуся ребенку (плоду, эмбриону человека). На основе анализа научной литературы и законодательства в работе обосновывается занятый российским законодателем компромиссный подход, суть которого сводится в установлении определенных законодательных мер, направленных на предотвращение посягательств против неродившегося ребенка с одновременным непризнанием наличия у неродившегося ребенка статуса субъекта уголовного права. Также автором обозначается тенденция к совершенствованию законодательных мер защиты неродившихся детей, включая введение мер правовой охраны граждан от посягательств, совершенных до момента их рождения, что соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ. В завершение в работе приведены аргументы против подхода, направленного на признание за неродившимся ребенком полноценного статуса субъекта права.

Ключевые слова: неродившийся ребенок, уголовно-правовая охрана плода, прерывание беременности, права неродившегося человека, правоспособность зачатого ребенка

Для цитирования: Кукушкин Н.П. Проблематика уголовно-правовой охраны жизни неродившегося ребенка // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 76 – 80.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The problems of criminal law protection of the life of an unborn child

¹ Kukushkin N.P.,

² Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of the criminal law regulation of socially dangerous acts encroaching on an unborn child. The author outlines the general legal issues of determining the subjectivity of an individual, including issues of providing legal protection to an unborn child (fetus, human embryo). Based on the analysis of scientific literature and legislation, the paper substantiates the compromise approach taken by the Russian legislator, the essence of which is to establish certain legislative measures aimed at preventing attacks against an unborn child while not recognizing the status of an unborn child as a subject of criminal law. The author also outlines a trend towards improving legislative measures to protect unborn children, including the introduction of measures to legally protect citizens from attacks committed before their birth, which corresponds to the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation. In conclusion, the paper presents arguments against the approach aimed at recognizing the unborn child's full-fledged status as a subject of law.

Keywords: unborn child, criminal protection of the fetus, termination of pregnancy, rights of the unborn person, legal capacity of the conceived child

For citation: Kukushkin N.P. The problems of criminal law protection of the life of an unborn child. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 76 – 80.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Цель исследования – изучение основных проблемных вопросов уголовно-правовой охраны неродившегося ребенка

Задачи – на основе анализа научной литературы, нормативных актов и судебной практики проанализировать основные особенности уголовно-правовой регламентации общественно опасных деяний, посягающих на неродившегося ребенка (плод, эмбрион человека), а также выявить проблематику регулирования данных общественных отношений

Гипотеза – общепризнанно, что неродившийся ребенок в виде плода в утробе матери не является субъектом права, что означает невозможность признания наличия у него субъективных прав и обязанностей, в том числе прав, охраняемых уголовным законодательством. В то же время реальная законодательная практика демонстрирует, что законодатель устанавливает составы преступлений, направленные на предотвращение противоправных посягательств на существование ("жизнь") неродившегося ребенка, что, однако, с юридико-технической точки зрения реализуется через внедрение составов преступлений, формально направленных против интересов матери неродившегося ребенка. В то же время, такой подход, хоть и является оптимальным с точки зрения возможности предоставления уголовно-правовой защиты неродившемуся ребенку в отсутствие признания его субъектности, не лишен определенных недостатков. В частности, такой подход не позволяет признавать субъектность неродившегося ребенка для целей верной квалификации направленных против него посягательств, даже если их совершение имело место до момента рождения ребенка. Изложенное подтверждает перспективность научного исследования проблематики, что, однако, не отменяет необходимости в осторожном подходе к признанию за неродившимся ребенком статуса субъекта, для чего отсутствуют как социально-политические основания.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, отечественного и иностранного законодательства.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

Определение момента появления у человека как физического лица субъектности и, соответственно, возникновения у него охраняемых государством прав, в том числе права на охрану жизни и здоровья, уже длительный период времени выступает предметом научных дискуссий, уровень остроты которых заметно повышается ввиду связанных с проблематикой социальных, этических и медицинских нюансов. Несмотря на разнообразие подходов о том, в какой момент человек как субъект права возникает на свет и приобретает свою субъектность (например, момент первого вдоха или крика новорожденного ребенка либо же момент отделения плаценты от стенок матки) [1], научное сообщество преимущественно едино во мнении о том, что зачатый, но еще не родившийся ребенок (то есть плод в утробе матери) не может считаться субъектом права в виде гражданина (физического лица) [2].

Несмотря на вышеизложенные догматические постулаты об отсутствии у неродившегося ребенка правосубъектности, реально складывающаяся законодательная практика свидетельствует о существовании как минимум предпосылок для формирования более компромиссного подхода, сводящегося, если не к полному признанию правоспособности плода, то к необходимости предоставления ему определенной правовой охраны.

Например, системный анализ положений Уголовного кодекса РФ ("УК РФ") [3] демонстрирует явное стремление законодателя повысить уровень правовой охраны неродившегося ребенка, предусматривая ряд составов преступлений, объектом которых в той или иной форме является само существование неродившегося ребенка как сформированного в утробе матери плода. В частности, статьей 123 УК РФ воспрещается незаконное совершение операции по искусственному прерыванию беременности, что ведет к гибели сформированного плода. Не менее показательным является норма ч. 1 ст. 111 УК РФ, из которой следует, что

само по себе прерывание беременности уже признается достаточным фактом, формирующим признак причинения тяжкого вреда здоровью человека.

Помимо изложенного, кодексом предусматриваются специальные (квалифицированные) составы преступления, которыми ужесточается уголовная ответственность в случае совершения противоправных действий в отношении женщины, находящейся в состоянии беременности, поскольку совершение такого рода преступлений неминуемо влечет либо гибель плода либо существенный риск такой гибели (например, п. "г" ч. 2 ст. 105 или п. "в" ч. 2 ст. 117 УК РФ).

Следует отметить, что такой законодательный подход по установлению правовой защиты неродившегося ребенка имеет межотраслевой характер, что подтверждается некоторыми нормами иных законодательных сфер.

Например, нормами статей 1163 и 1166 Гражданского кодекса РФ [4] предусматриваются правила о приостановлении выдачи свидетельства о праве на наследство, а также приостановлении процедуры раздела наследственного имущества при наличии информации о существовании зачатого, но еще не родившегося ребенка наследодателя (то есть еще не родившегося, но потенциального наследника в будущем).

Не менее удачным примером является норма ч. 2 ст. 6.32 КоАП РФ [5], которой предусматривается административное наказание за совершение операции по искусственному прерыванию беременности в нарушение законодательно установленных сроков для её проведения.

Изложенное в совокупности подтверждает, что законодательная практика, очевидно предопределенная политико-правовыми соображениями, направлена на закрепление и развитие так называемого "охранительного" подхода к вопросу защиты неродившегося ребенка – несмотря на отсутствие формального признания у плода статуса субъекта права (и, соответственно, возможности быть потерпевшим для целей уголовно-правового регулирования), законодатель предусматривает ряд норм, направленных на предотвращение совершения общественно опасных деяний, в результате которых неродившийся ребенок может прекратить своё существование, не появившись на свет.

С некоторой долей условности можно утверждать о восприятии уголовно-правовым регулированием феномена "наситурус" (*nasciturus*), суть которого заключается в признании определенных прав у еще не появившегося на свет плода (зародыша) ребенка [6]. В особенности революционным в данном ключе является недавно сформированная правовая позиция Конституционного Суда РФ, которым было признано допустимым взыскание компенсации морального вреда, причиненного смертью родственника (отца), даже если в момент причинения такого вреда потерпевший являлся зачатым, но еще не родившимся ребенком [7].

Очевидно, что применительно к обсуждаемым вопросам уголовно-правовой охраны неродившегося ребенка, возможно помыслить возникновение подобных тонких ситуаций, требующих эффективного правового решения.

Например, при причинении вреда плоду ребенка в результате неправомерных действий третьих лиц извне, в результате которых не произошло прерывание беременности, возможно последующее нарушение в развитии плода или осложнение процесса родов, вследствие чего новорожденный ребенок может появиться на свет с определенными дефектами и отклонениями. Можно ли в таком случае считать, что противоправное посягательство было направлено не только (и даже не столько) против матери, сколько против самого плода и впоследствии родившегося ребенка? В данном ключе вновь возникает догматическая дилемма в виде несовпадения момента совершения общественно опасного деяния и момента возникновения правоспособности у еще не появившегося на свет "потерпевшего". Если же следовать логике заданного Конституционным Судом РФ прогрессивного подхода, правовая система должна находить ответ на данный вопрос, чего, однако, не наблюдается в сложившихся на данный момент реалиях уголовно-правового регулирования.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что вопросы о том, имеет ли новорожденный ребенок статус потерпевшего и каким образом следует квалифицировать действия лица, причинившего вред, остаются неразрешенными действующим правовым регулированием.

Текущая модель уголовно-правовой охраны "интересов" неродившегося ребенка основана на компромиссном подходе. С одной стороны, законодателем вводится ряд мер, направленных на охрану общественных отношений по поводу защиты сформированного в утробе матери плода ребенка до его рождения, что выражается в установлении ряда правовых норм, устанавливающих (ужесточающих) уголовную ответственность за совершение действий по прерыванию беременности как напрямую в отношении плода (например, ст. 123 УК РФ), так и в отношении плода "косвенно", то есть через совершение преступлений в

отношении беременной женщины, в результате которых наступает гибель либо угроза гибели плода (например, п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Во всяком случае, текущее уголовно-правовое регулирование, основанное на отсутствии у неродившегося ребенка правосубъектности, основывается на "отражающем" методе защиты интересов такого неродившегося ребенка, что подразумевает установление повышенного уровня уголовно-правовой охраны женщины, носящей плод неродившегося ребенка, интересы которой презюмируются совпадающими с условно выделяемыми "интересами" неродившегося ребенка, воля которого не может никаким иным образом выражаться вовне, кроме как поведением матери.

Представляется, что такой подход, несмотря на наличие в нем определенных методологических недостатков, является оптимальным в контексте текущего уровня развития уголовно-правовой и общей правовой теории. Более радикальные изменения, в том числе в виде признания у неродившегося ребенка (плода, эмбриона и т.п.) статуса субъекта права порождало бы множество коллизий и пробелов, включая вопросы об основаниях уголовной ответственности матери в случае искусственного прерывания беременности, что не представляется возможным с учетом сложившейся законодательной политики и настроений в обществе.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что текущее уголовно-правовое регулирование основывается на подходе, сводящемся к признанию отсутствия у неродившегося ребенка статуса субъекта права, что влечет невозможность признания за ним статуса потерпевшего и, соответственно, предопределяет отсутствие уголовно-правовых составов преступления, запрещающих деяния, направленные непосредственно против прав и интересов неродившегося ребенка как такового.

Продемонстрировано, что уголовно законодательство, коррелируя с законодательным опытом иных отраслей права, устанавливает ряд составов преступлений, предотвращающих совершение общественно опасных деяний, посягающих на существование неродившегося ребенка, что выражается в установлении наказуемости деяний, в результате которых наступает прерывание беременности либо риск такого прерывания.

Установлено наличие проблематики в виде отсутствия правового регулирования вопросов защиты прав неродившегося ребенка при совершении общественно опасного деяния до момента рождения ребенка. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, носящей универсальный характер, такая ситуация должна получать правовое регулирование в виде признания факта нарушения и возможности защиты прав человека, даже при их нарушении в момент до его рождения, что актуально и для сферы уголовного права, в рамках которой данная проблематика не получила какого-либо правового решения.

Аргументировано отсутствие правовых оснований для признания полноценной субъектности у неродившегося ребенка (как минимум, для целей уголовно-правовой сферы), что влекло бы возникновение множества коллизий и пробелов, включая возникновение проблематики уголовной ответственности самой беременной женщины при прерывании беременности, на что отсутствуют социальные и политические предпосылки.

Список источников

1. Грачева Ю.В., Ермакова Л.Д., Есаков Г.А. и др. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. С. 84.
2. Тищенко Е.В. Проблемы демаркации начала человеческой жизни // Конституционное и муниципальное право. 2018. N 9. С. 63 – 66.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Российская газета. N 113. 18.06.1996. N 114.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 N 146-ФЗ // Российская газета. N 233. 28.11.2001.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Парламентская газета. N 2-5. 05.01.2002.
6. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. С. 118.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 N 7-П "По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой" // СПС "Консультант Плюс".

References

1. Gracheva Yu.V., Ermakova L.D., Esakov G.A., et al. Criminal Law of the Russian Federation. Special Part: textbook. edited by L.V. Inogamova-Khegay, A.I. Raroga, A.I. Chuchaev. 2nd ed., corr. and add. M.: CONTRACT, INFRA-M, 2009. P. 84.
2. Tishchenko E.V. Problems of Demarcation of the Beginning of Human Life. Constitutional and Municipal Law. 2018. N 9. P. 63 – 66.
3. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 113. 18.06.1996. N 114.
4. Civil Code of the Russian Federation of 26.11.2001 N 146-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 233. 28.11.2001.
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 N 195-FZ. Parliamentary Newspaper. N 2-5. 05.01.2002.
6. Velyaminov G.M. International Law: Experiences. Moscow: Statut, 2015. Page 118.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.03.2023 N 7-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 2 of Article 17 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.V. Grigorieva". SPS "Consultant Plus".

Информация об авторе

Кукушкин Н.П., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия,
aspirant.law@rambler.ru

© Кукушкин Н.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.34

Проблема рецидива: мошенничество как одна из наиболее распространённых форм преступной деятельности среди осуждённых

¹ Евсеев А.Д., ¹ Никитина Н.В., ¹ Бабкина Ф.А.,

¹ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: рецидив мошенничества – серьёзная социальная проблема, указывающая на недостаточную эффективность мер по реабилитации осуждённых и профилактике преступлений. В статье рассматривается рецидив как повторное совершение мошеннических действий после отбытия наказания, анализируются его причины и предлагаются возможные пути решения. Основное внимание уделено социально-экономическим, психологическим и организационным факторам, способствующим рецидиву. Подчёркивается, что осуждённые сталкиваются с трудностями в интеграции в общество, стигматизацией и отсутствием стабильного источника дохода, что часто приводит к возвращению к преступной деятельности. В качестве мер профилактики автор предлагает развитие программ психологической помощи, профессионального обучения, социального сопровождения и трудоустройства. Также подчёркивается значимость межведомственного взаимодействия и участия государства, НКО и бизнеса в создании устойчивой системы поддержки. Приводится статистика и экспертные мнения, подтверждающие необходимость комплексного подхода к решению проблемы. В заключение автор утверждает, что снижение рецидива возможно при объединении усилий всех заинтересованных сторон и создании эффективной системы социальной адаптации. Работа ориентирована на специалистов в области криминологии, права и социальной работы, а также на всех, заинтересованных в снижении уровня преступности и успешной реабилитации осуждённых.

Ключевые слова: рецидив, мошенничество, преступная деятельность, преодоление рецидива

Для цитирования: Евсеев А.Д., Никитина Н.В., Бабкина Ф.А. Проблема рецидива: мошенничество как одна из наиболее распространённых форм преступной деятельности среди осуждённых // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 81 – 85.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The problem of recidivism: fraud as one of the most common forms of criminal activity among convicts

¹ Evseev A.D., ¹ Nikitina N.V., ¹ Babkina F.A.,

¹ National Research University of Higher School of Economics

Abstract: fraud recidivism is a serious social issue, indicating the inefficiency of current rehabilitation and crime prevention measures. This article explores fraud recidivism as the repeated commission of fraudulent acts after release from incarceration, examines its root causes, and suggests possible solutions. Special attention is given to socioeconomic, psychological, and institutional factors contributing to repeat offenses. The paper highlights the challenges faced by former offenders, such as stigmatization, lack of stable income, and poor integration into society, which often lead to reoffending. The author proposes preventive measures including psychological support, vocational training, social mentoring, and job creation. The importance of inter-agency cooperation and the active involvement of the state, NCOs, and private sector in building a sustainable support system is emphasized. Statistical data and expert opinions support the need for a comprehensive approach. The author concludes that reducing

fraud recidivism is achievable through a unified effort of all stakeholders and the establishment of an effective social reintegration system. This work is intended for professionals in criminology, law, and social work, as well as anyone interested in reducing crime rates and promoting successful rehabilitation of offenders.

Keywords: recidivism, fraud, criminal activity, overcoming recidivism

For citation: Evseev A.D., Nikitina N.V., Babkina F.A. The problem of recidivism: fraud as one of the most common forms of criminal activity among convicts. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 81 – 85.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 7, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Рецидив преступлений – это повторное совершение преступления лицом, ранее осуждённым за совершение аналогичного или иного преступления. Проблема рецидива является одной из наиболее острых проблем современного общества, поскольку она свидетельствует о неэффективности существующих мер по предотвращению преступлений и реабилитации осуждённых.

Мошенничество – это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием. Мошенничество относится к числу интеллектуальных преступлений, которые требуют от преступника определённых знаний и навыков. Это делает его одним из наиболее привлекательных видов преступной деятельности для осуждённых, которые уже имеют опыт совершения преступлений.

Целью данной статьи является анализ проблемы рецидива мошенничества среди осуждённых и разработка рекомендаций по её решению. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить статистику рецидива мошенничества среди осуждённых;
- выявить факторы, способствующие рецидиву мошенничества;
- разработать рекомендации по профилактике рецидива мошенничества.

Мошенничество охватывает широкий спектр преступных действий, от финансовых махинаций до интернет-афёры. Дистанционным мошенничеством является вид мошенничества, осуществляемого преступником дистанционно, по большей части используя телефонные либо компьютерные сети, через которые он путем обмана воздействует на потерпевшего и убеждает его передать свое имущество удаленным способом [10]. В последние годы наблюдается рост числа осуждённых за мошеннические действия, что вызывает необходимость в изучении причин рецидива и разработке стратегий для его предотвращения. Понимание факторов, способствующих повторному совершению преступлений, является ключевым для разработки эффективных программ реабилитации и для обеспечения общественной безопасности. [5].

Материалы и методы исследований

В данной статье применялись методы анализа и синтеза научной литературы, нормативно-правовых актов, а также обобщения теоретических подходов к пониманию рецидива мошенничества. Исследование основывается на междисциплинарном анализе, включающем криминологические, психологические и социологические концепции, что позволило рассмотреть рецидив мошенничества как сложное социально-правовое явление. Сравнительно-правовой метод использовался для анализа различных теоретических моделей профилактики рецидива в международной практике. Также применялся метод концептуализации, направленный на формулирование авторского видения причин рецидива и возможных направлений реабилитационной политики. Все выводы и рекомендации основаны на логическом осмыслении существующих теоретических разработок в области уголовного права, пенологии и социальной адаптации.

Результаты и обсуждения

Статистика рецидива мошенничества показывает, что эта проблема является весьма актуальной. По данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), около 30% осуждённых за мошенничество совершают повторные преступления после освобождения. Это свидетельствует о том, что существующие меры по реабилитации осуждённых недостаточно эффективны. На данный момент исправительные учреждения предоставляют базовые механизмы поддержки, однако статистика показывает необходимость использования индивидуального подхода, при котором возможно учесть мотивы и психологические факторы, влияющие на конкретный эпизод противоправного действия. Кроме того, стигматизация ранее осуждённых препятствует интеграции их в социум. Боязнь работодателей принимать на работу лиц с криминальным прошлым приводит к еще большей экономической нестабильности и чувству невозможности освоиться в

обществе, что может подтолкнуть осужденного к возвращению в преступную деятельность как к средству выживания.

Факторы, способствующие рецидиву мошенничества, можно разделить на несколько групп:

1. Социально-экономические факторы: низкий уровень жизни, безработица, отсутствие перспектив на будущее. Эти факторы создают условия, при которых осуждённые вынуждены совершать преступления для обеспечения своих потребностей [8]. Вышеперечисленные факторы могут послужить триггером для ранее осужденных, оправдывающих свои преступления экономической необходимостью. Более того, ввиду недостаточной психологической помощи ранее осужденным, криминальный путь может казаться им единственным доступным способом для обеспечения своих базовых нужд.

2. Психологические факторы: склонность к риску, импульсивность, агрессивность. Эти факторы способствуют совершению преступлений даже в условиях риска быть пойманным [3]. Важно отметить, что люди, обладающие высокой степенью импульсивности, часто не могут оценить уровень опасности от своих действий. Склонность к риску может придавать ложное чувство безнаказанности из-за физиологических факторов, таких как выброс гормонов в организм.

3. Организационные факторы: недостаточная работа правоохранительных органов, неэффективная система реабилитации осуждённых. Эти факторы не позволяют предотвратить рецидив преступлений [6]. Неэффективные методы расследования преступлений и не всегда эффективная работа правоохранительных органов приводит к уверенности мошенников в своей безнаказанности. Вместе с тем, отсутствие результативной психологической помощи осужденным лишает их возможности в адекватной социализации за пределами преступного мира. На данный момент отсутствуют надлежащие методы интеграции ранее осужденного в общество, способные в полной мере предоставить поддержку и понимание для минимизации вероятности рецидива.

Для решения проблемы рецидива мошенничества необходимо разработать комплекс мер, направленных на профилактику этого явления. К таким мерам можно отнести:

- создание рабочих мест для осуждённых после освобождения;
- организация психологической помощи осуждённым;
- повышение эффективности работы правоохранительных органов;
- совершенствование системы реабилитации осуждённых.

Создание рабочих мест для осуждённых позволит им получить стабильный источник дохода и избежать необходимости совершать преступления для удовлетворения своих потребностей [9]. Автору представляется, что подобная мера создает условия для жизни осужденного вне преступного мира, что снижает вероятность рецидива преступлений.

Организация психологической помощи поможет осуждённым преодолеть психологические проблемы, которые способствуют рецидиву преступлений. Обязательная терапия может помочь разобраться с психологическими особенностями и травмами осужденных, ввиду которых они совершали противоправные действия. Также психологическая поддержка даст возможность осужденным сформировать устойчивую психику и положительные установки по отношению к дальнейшей жизни.

Повышение эффективности работы правоохранительных органов позволит более эффективно выявлять и пресекать преступления, а также привлекать виновных к ответственности. Данный метод приблизит граждан к отказу от противоправных действий ввиду большего доверия к государству и органам и страха перед санкциями за нарушения закона.

Совершенствование системы реабилитации осуждённых позволит создать условия для их успешной адаптации в обществе и предотвращения рецидива [4]. Интеграция ранее осужденных в жизнь зачастую проходит отрицательно, так как общество опасается принимать людей подобного типа и часто относится к ним пренебрежительно, с недоверием, что формирует негативные установки для ранее осужденного и впоследствии желание вернуться в преступную среду, где его не осудят. Автор предлагает создать положительную атмосферу внутри общества, что создаст не только индивидуальную, но и общественную ценность, так как интегрированные граждане не будут ощущать себя лишними в правовом государстве.

Пути преодоления рецидива

1. Программы социальной реабилитации

Эффективные программы социальной реабилитации должны включать поддержку со стороны семьи, друзей и сообщества. Важно создать условия для восстановления социальных связей и формирования положительного окружения. Понимания динамики взаимоотношений может существенно повлиять на успех реабилитации, так как социальная изоляция является одним из основных факторов, влияющих на рецидив преступлений.

2. Психологическая поддержка

Обеспечение доступа к психологической помощи и терапии может помочь осуждённым справиться с внутренними конфликтами и стрессом. Психологическая поддержка играет важную роль в процессе реабилитации. Консультации с квалифицированными специалистами могут не только решить конкретные психологические проблемы, но и повысить эмоциональную устойчивость и навыки саморегуляции. Разработка программ, включающих когнитивно-поведенческую терапию, может помочь изменить восприятие правонарушителями своих проблем, что в конечном итоге способствует более устойчивому выздоровлению.

3. Образовательные программы

Образование и профессиональная подготовка могут значительно снизить риск рецидива. Программы, направленные на повышение квалификации и обучение новым навыкам, помогут осуждённым найти стабильную работу. Кроме того, специализированные курсы, направленные на развитие критического мышления и навыков решения проблем, могут помочь им справляться с трудными жизненными ситуациями, не прибегая к преступной деятельности. Сотрудничество с местными работодателями по организации стажировок и гарантированного трудоустройства также имеет жизненно важное значение для укрепления этого образовательного подхода.

4. Финансовая помощь и поддержка

Предоставление временной финансовой помощи или доступа к ресурсам для создания собственного бизнеса может уменьшить экономическую зависимость от криминальных источников дохода. Автору видится возможность предоставления особых грантов и кредитов для некоторых категорий осужденных. Данная превентивная мера может сыграть роль в повышении финансовой грамотности, формированию устойчивых финансовых привычек, возможности осужденного содержать себя и своих близких.

5. Поддержка на этапе выхода из мест лишения свободы

Создание систем поддержки для осуждённых на этапе выхода из мест лишения свободы является важным шагом в предотвращении рецидива. Это может включать менторство, помощь в трудоустройстве и доступ к социальным услугам [7]. Не менее важным представляется оценка эффективности подобных программ для создания системы, которая позволит наименее болезненно осужденным интегрироваться в новые жизненные обстоятельства, что в конечном итоге повлияет на снижение уровня преступности.

Выводы

Проблема рецидива мошенничества является актуальной проблемой современного общества. Рецидив мошенничества свидетельствует о неэффективности существующих мер по реабилитации осуждённых и предотвращению преступлений. Для решения этой проблемы необходимо разработать комплекс мер, направленных на профилактику рецидива. Создание рабочих мест, организация психологической помощи, повышение эффективности работы правоохранительных органов и совершенствование системы реабилитации осуждённых. Понимание факторов, способствующих повторному совершению преступлений, и разработка эффективных программ реабилитации могут значительно снизить уровень рецидива. Объединение усилий государства, общества и частного сектора является необходимым условием для успешной реинтеграции осужденных и снижения уровня мошенничества в обществе. Это основные направления работы по решению проблемы рецидива мошенничества.

Список источников

1. Мубаракова Е.Н. Развитие мошенничества как одного из видов преступления общеуголовной направленности на территории РФ с 2019 по 2023 год // Молодой ученый. 2023. № 43 (490). С. 175 – 177.
2. Электронный журнал «Ведомости» «СК оценил ущерб от мошенников за девять месяцев 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/12/05/1079559-sk-otsenil-uscherb-ot-moshennikov> (дата обращения 25.02.2025)
3. Anderson R., Henson G. Recidivism in Fraud Offenders: A Psychological Perspective // Journal of Criminal Justice. 2020. № 12. P. 3 – 5.
4. Brown T., Green M. The Role of Education in Reducing Recidivism: Evidence from Recent Studies // Journal of Correctional Education. 2018. № 3. P. 1 – 7.
5. Farrall S., Bowling B. Structuration, Human Development and Crime: A Critical Review of the Literature // Theoretical Criminology. Vol. 39 (2). P. 253 – 260.
6. Jones A., Taylor K. Social Reintegration of Offenders: Challenges and Solutions // Social Work Review. 2021. № 8. P. 1 – 9.
7. Petersilia J. When Prisoners Come Home: Parole and Prisoner Reentry// Oxford University Press. NCJ Number 200348. 2003. P. 2 – 5.

8. Smith J., Wesson L. Economic Factors Influencing Recidivism Rates among White-Collar Criminals // *Crime Delinquency*. 2019. № 6. P. 2 – 3.
9. Tonry M. *Why Punish? How Much? A Reader on Punishment* // Oxford University Press. 2013. P. 51 – 70.
10. Лустин В.И. Дистанционные мошенничества // *Закон и власть*. 2023. № 5. С. 67 – 74.

References

1. Mubarakova E.N. Development of fraud as one of the types of general criminal offenses in the territory of the Russian Federation from 2019 to 2023. *Young scientist*. 2023. No. 43 (490). P. 175 – 177.
2. Electronic journal "Vedomosti" "SK assessed the damage from fraudsters for nine months of 2024" [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/12/05/1079559-sk-otsenil-uscherb-ot-moshennikov> (date of access: 02.25.2025)
3. Anderson R., Henson G. Recidivism in Fraud Offenders: A Psychological Perspective. *Journal of Criminal Justice*. 2020. No. 12. P. 3 – 5.
4. Brown T., Green M. The Role of Education in Reducing Recidivism: Evidence from Recent Studies. *Journal of Correctional Education*. 2018. No. 3. P. 1 – 7.
5. Farrall S., Bowling B. Structuration, Human Development and Crime: A Critical Review of the Literature. *Theoretical Criminology*. Vol. 39(2). P. 253 – 260.
6. Jones A., Taylor K. Social Reintegration of Offenders: Challenges and Solutions. *Social Work Re-view*. 2021. No. 8. P. 1 – 9.
7. Petersilia J. *When Prisoners Come Home: Parole and Prisoner Reentry*. Oxford University Press. NCJ Number 200348. 2003. P. 2 – 5.
8. Smith J., Wesson L. Economic Factors Influencing Recidivism Rates among White-Collar Criminals. *Crime Delinquency*. 2019. No. 6. P. 2 – 3.
9. Tonry M. *Why Punish? How Much? A Reader on Punishment*. Oxford University Press. 2013. P. 51 – 70.
10. Lustin V.I. Remote Fraud. *Law and Power*. 2023. No. 5. P. 67 – 74.

Информация об авторах

Евсеев А.Д., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 109028, г. Москва, Большой Трехсвятительский переулок, д. 3, evseev.alex@hse.ru

Никитина Н.В., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 109028, г. Москва, Большой Трехсвятительский переулок, д. 3, nvnikitina_1@edu.hse.ru

Бабкина Ф.А., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 109028, г. Москва, Большой Трехсвятительский переулок, д. 3, fababkina@edu.hse.ru

© Евсеев А.Д., Никитина Н.В., Бабкина Ф.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.5

Искусственный интеллект в структуре гражданско-правовых отношений

¹ Ишеков К.А., ¹ Проничева Е.А.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме определения правового положения искусственного интеллекта (ИИ) в условиях стремительного развития технологий. Авторы рассматривают ИИ как сложный объект гражданско-правового регулирования, анализируют современные подходы к его квалификации в качестве субъекта или объекта частного права. В статье подчеркивается, что действующее законодательство не успевает за технологическими изменениями, что создает правовые пробелы и неопределенности.

Особое внимание уделено международному опыту регулирования ИИ, включая примеры предоставления правосубъектности роботам и чат-ботам в зарубежных странах. Авторы предлагают рассматривать ИИ как «цифровой актив», что позволит учесть его уникальные характеристики без радикальных изменений в законодательстве.

В заключение статьи формулируются рекомендации по совершенствованию гражданско-правового регулирования ИИ, включая необходимость разработки комплексных подходов к правовому положению ИИ, его классификации и внедрения механизмов контроля за его применением.

Ключевые слова: искусственный интеллект, объект гражданского права, электронное лицо, цифровой актив, правосубъектность, правовой статус, квазисубъект права

Для цитирования: Ишеков К.А., Проничева Е.А. Искусственный интеллект в структуре гражданско-правовых отношений // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 86 – 93.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Artificial intelligence in the structure of civil law relations

¹ Ishekov K.A., ¹ Pronicheva E.A.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the urgent problem of determining the legal status of artificial intelligence (AI) in the context of the rapid development of technology. The authors consider AI as a complex object of civil law regulation, analyze modern approaches to its qualification as a subject or object of private law. The article emphasizes that the current legislation does not keep pace with technological changes, which creates legal gaps and uncertainties. Special attention is paid to the international experience of AI regulation, including examples of granting legal personality to robots and chatbots in foreign countries. The authors propose to consider AI as a "digital asset", which will allow taking into account its unique characteristics without radical changes in legislation. In conclusion, the article formulates recommendations for improving the civil law regulation of AI, including the need to develop integrated approaches to the legal status of AI, its classification and the introduction of control mechanisms for its use.

Keywords: artificial intelligence, object of civil law, electronic person, digital asset, legal personality, legal status, quasi-legal entity

For citation: Ishekov K.A., Pronicheva E.A. Artificial intelligence in the structure of civil law relations. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 86 – 93.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 7, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Бурное развитие информационных технологий, связанное в том числе с использованием искусственного интеллекта в различных сферах деятельности государства и общества, диктует необходимость переосмысления подходов к субъектно-объектному составу правоотношений, требует более четкого определения правового положения ИИ в сложных процессах взаимодействия элементов правовой системы.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу гражданско-правовых отношений актуализирует ряд важных вопросов: можно ли говорить о формировании системы цифровых субъектов гражданского права? Возможно ли рассматривать ИИ как один из них? Применимы ли традиционные нормы о правоспособности и деликтоспособности к цифровым субъектам и квазисубъектам?

Взаимодействие участников гражданских правоотношений в информационных системах ставит перед юридической наукой и законодателем задачу определения особенностей такого взаимодействия, поскольку цифровые права порождают специфическую связь между их участниками. Судебная практика исходит из того, что любые действия в цифровой среде совершаются идентифицируемым лицом. Все вышеизложенные аспекты стали предметом научного интереса авторов статьи.

Целью исследования является определение правовой природы ИИ, выявление особенностей его правового положения в системе гражданского права, разработка рекомендаций по совершенствованию гражданского законодательства в этой области.

Задачи исследования: рассмотреть текущие подходы к гражданско-правовому регулированию ИИ в России; определить место ИИ в структуре гражданско-правовых отношений, разработать предложения по совершенствованию Гражданского кодекса РФ и специальных законов в сфере ИИ.

Гипотезы исследования:

1. ИИ не может быть признан полноценным субъектом права в силу отсутствия у него сознания, воли и способности к самостоятельному участию в общественных отношениях.
2. Правовой статус ИИ должен быть определен как «цифровой актив», что позволит учесть его уникальные характеристики и минимизировать необходимость радикальных изменений в законодательстве.
3. Разработка комплексного правового регулирования ИИ требует учета международного опыта и адаптации существующих норм к новым технологическим реалиям.
4. Признание ИИ квазисубъектом права может стать компромиссным решением для урегулирования его деятельности и разграничения юридической ответственности в случае его неправомерного использования.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный) методы исследования.

В контексте эмпирических методов изучены кейсы использования ИИ и их правовых последствий, проведен анализ судебной практики и решений, связанных с ИИ, экспертные интервью с юристами, разработчиками ИИ и представителями государственных органов. Методы моделирования включают в себя разработку предложений по классификации ИИ и механизмам регулирования.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература в области права, технологий и этики ИИ, научные исследования: труды российских и зарубежных ученых по вопросам правового статуса ИИ, рекомендации международных организаций и форумов, судебная практика.

Результаты и обсуждения

В контексте российского законодательства актуальна проблема фрагментарного нормативного урегулирования сферы ИИ, которое преимущественно сосредоточено в стратегических доктринах как ключевом механизме поддержки цифровизации экономики посредством интеграции ИИ, таких как Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 [3].

Существующее гражданское законодательство не в полной мере адаптировано к современным технологическим реалиям. В связи с этим для преодоления разрыва между нормативной правовой базой и фактическими правоотношениями, а также в целях эффективного внедрения инновационных технологий, включая системы ИИ, в России был разработан специальный механизм экспериментальных правовых режимов (ЭПР), установленный Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ [2]. С одной стороны, Закон

позволяет временно смягчить условия для тестирования ИИ-решений. С другой стороны, ограничен кругом участников и не гарантирует дальнейшего внедрения успешных разработок в гражданско-правовую практику.

В международном масштабе наблюдается отсутствие четкой правовой квалификации ИИ и унифицированных нормативных требований к нему. В зарубежной практике применяются уникальные подходы к наделению субъективными правами ИИ: от частичного признания правосубъектности до выдачи гражданства (Саудовская Аравия), предоставления резидентских прав чат-ботам (Япония) и даже патентов для ИИ (Южная Африка) [10].

Представленные случаи показывают отсутствие общепринятой модели регулирования ИИ, что порождает правовую неясность. Государства, стремясь найти равновесие между развитием технологий и правовой защитой, действуют методом проб и ошибок. Разнообразие применяемых стратегий создает противоречия в зарубежном законодательстве, обуславливая необходимость разработки общих руководящих принципов для регламентации правового положения ИИ.

В последние годы наблюдается тенденция формального наделения ИИ-систем элементами правосубъектности, что ставит перед правовой наукой принципиально новые вопросы. Например, в 2017 г. в Саудовской Аравии робот Sophia (Hanson Robotics) стал первым ИИ, получившим гражданство; в 2018 г. в г. Токио (Япония) чат-бот Shibuya Mirai («будущее») получил статус «жителя» района Сибуя, будучи виртуальным агентом для взаимодействия с населением; в Эстонии разрабатывается концепция «Закона Кратта», в которой предлагается тест для определения уровня автономности ИИ и связанных с ним прав [4].

Действительно, на наш взгляд, современные представления об ИИ значительно изменились: от узконаправленных алгоритмов до сложных автономных систем, обладающих способностью к обучению, принятию решений и даже проявлению творческих качеств. Этот процесс требует пересмотра существующих правовых подходов, поскольку традиционные юридические нормы, разработанные для регулирования общественных отношений, где технологии остаются неизменными, зачастую не подходят для динамичных и самообучающихся ИИ-систем. Иначе говоря, возможны две крайности: гражданское законодательство может развиваться либо по пути чрезмерного регулирования, тормозящего инновации в области ИИ, либо столкнется с правовыми пробелами в отношении вопросов, возникающих при использовании автономных систем.

Следует отметить, что специфическая черта ИИ – невозможность заранее предсказать точные действия ИИ в новой ситуации, поскольку обрабатываемый им объем данных не может быть осознан человеческим мозгом, а внутреннее состояние системы не может быть редуцировано к понятным человеку причинно-следственным связям. Основной целью ИИ в настоящее время является моделирование аналитического механизма, осуществляемого человеком. Примером системы ИИ на основе нейронной сети является голосовой помощник, разработанный компанией «Яндекс» [11].

На сегодняшний день в гражданско-правовых отношениях системы с ИИ рассматриваются как объекты согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ (вещи, цифровые права, иное имущество), что означает отсутствие у них правосубъектности» [1]. Однако их правовой режим требует уточнения, поскольку они обладают свойствами, выходящими за рамки традиционных объектов гражданских прав. Государства-члены Европейского союза в рамках Европейского парламента рассматривают возможность наделения ИИ ограниченной правосубъектностью. Например, в 2017 году депутаты Европарламента выдвинули инициативу по введению для автономных роботов особого юридического статуса – «электронной личности» [7]. Следствием наделения ИИ правосубъектностью будет то, что такие устройства будут иметь не только права, но и обязанности.

Как представляется, сегодня способность ИИ к абсолютно самостоятельным действиям сильно преувеличена. Функционируя исключительно в рамках узкоспециализированных задач, определенных человеком-оператором, слабый ИИ не соответствует базовым критериям правосубъектности (способности осознавать последствия собственных действий, самосознания как признака личности, автономного целеполагания). Как видится, в текущей ситуации отсутствие осознанного волеизъявления в действиях ИИ пока не позволяет рассматривать его как субъекта гражданского права, хотя этот вопрос может быть пересмотрен в будущем.

Указанные выше примеры правового регулирования носят символический характер, но создают основания для развития правовой базы в будущем, в случае появления сильного ИИ. Если сильный ИИ действительно достигнет характеристик обладания самосознанием, проявления автономности, осознания последствий и наличия автономного целеполагания, возможно, тогда вопрос о его правосубъектности станет крайне актуальным и потребует фундаментального пересмотра существующих гражданско-правовых норм.

Однако, важно подчеркнуть, что создание сильного ИИ – это пока что задача будущего, и его появление не является неизбежным.

Сказанное актуализирует вопрос о возможности трансформации ИИ от роли объектов к субъектам правовых отношений. При первом приближении наделение ИИ полной правосубъектностью представляется маловероятным. Однако, как показывает зарубежный опыт, эта проблема привлекает внимание юридического сообщества.

Думается, что государство, обладая широкими возможностями правового воздействия, вправе самостоятельно определять правовой режим ИИ, устанавливая его правовое положение как субъекта или объекта права в зависимости от наличия тех или иных факторов (уровня развития технологий, сложившейся концепции правопонимания, правовых традиций, общественного мнения и т.п.).

Проблема определения правового положения ИИ является предметом острых дискуссий в юридическом сообществе. Как справедливо отмечено, современные технологии, включая ИИ, создают предпосылки для формирования «субъектно-объектных образований» в праве – гибридных конструкций, сочетающих элементы правосубъектности и функциональной подчинённости [6]. Таким образом, в науке обосновывается тезис о необходимости дифференцированного подхода к регулированию ИИ, исключающего его однозначную квалификацию исключительно как объекта права.

В целом в юридической науке сформировалось два основных подхода. Согласно первому – ИИ рассматривается как особый элемент правового пространства [13]; второй подход предполагает возможность признания его уникальным субъектом права, опираясь на тенденцию делегирования человеческих функций автоматизированным системам – идею Ю.А. Тихомирова [12]. Последняя тенденция находит свое выражения в практической плоскости. В частности, в ноябре 2022 г. корпорация OpenAI представила чат-бота ChatGPT, способного к самостоятельной генерации текстов, решению задач и программированию, что вновь подняло вопрос о перспективах замещения ИИ человеческой рабочей силы [15].

В отличие от признания ИИ субъектом права, требующего определения специального правового статуса по аналогии с юридическими лицами, подход признания ИИ объектом права, на наш взгляд, более приемлем, поскольку обеспечивает правовую определенность при минимальной модификации нормативно-правовой базы. Данный подход не требует кардинальной переработки действующего законодательства, исключает необходимость формирования принципиально новых гражданско-правовых институтов и позволяет использовать уже существующие механизмы гражданско-правового регулирования. Достаточно внести корректировки и детализировать существующие нормы для обеспечения эффективного гражданско-правового регулирования основных вопросов взаимодействия ИИ.

В случае признания ИИ субъектом права, положительным моментом будет наличие у него деликтоспособности, при которой система сможет нести юридическую ответственность за свои действия (или бездействие), включая причинение ущерба. Как видится, в решении данного вопроса заинтересованы в первую очередь разработчики и производители систем на основе ИИ, поскольку действующее законодательство позволяет привлекать их к ответственности из-за дефектов продукции, оснащенной ИИ. Присвоение роботам статуса «электронной личности» создает условия для минимизации неблагоприятных последствий создателям продукции с использованием ИИ.

Как представляется, возможное наделение ИИ элементами правосубъектности не должно создавать основания для полного исключения из правоотношений разработчиков и пользователей ИИ. Последние в процессе создания и использования технологий ИИ должны руководствоваться нормами этики, а также иметь законодательно установленные субъективные права и исполнять юридические обязанности.

Альтернативой признания ИИ субъектом гражданских правоотношений является суждение о наделении системы ИИ статусом квазисубъекта права, обладающего «отдельными элементами правосубъектности при невозможности придания ему статуса полноценного субъекта права» [5]. Это означает, что ИИ может обладать ограниченным набором прав и обязанностей, достаточным для выполнения определенных функций и несения ответственности за свои действия, но не в полном объеме, как у физического или юридического лица. В частности, он может заключать договоры в рамках четко определенных алгоритмов (например, автоматизированных торговых систем) или управлять умными контрактами в блокчейне.

Важно отметить, что концепция квазисубъектности не является новой. В правовых системах зарубежных стран уже существуют примеры квазисубъектов – например, трасты или фонды, которые обладают определенными правами и обязанностями, но не являются полноценными субъектами права.

В отличие от квазисубъекта, концепция электронного лица, например, предложенная в резолюции Европарламента 2017 г., предполагает полное признание ИИ самостоятельным субъектом права [9]. Подразуме-

вается, что электронное лицо может заключать договоры, владеть имуществом, подавать иски в суд и нести ответственность за свои действия самостоятельно, без прямого участия человека.

Сравнивая эти концепции, отметим, что ключевым аспектом теории квазисубъектности является ограниченность и зависимость от человека, тогда как концепция электронного лица стремится к провозглашению автономности и самостоятельности ИИ в гражданско-правовом контексте.

Если выбирать между этими двумя концепциями, то концепция квазисубъекта на текущем этапе развития ИИ представляется более прагматичной, поскольку позволяет сохранить контроль над ИИ как продуктом человеческой деятельности и избежать радикального пересмотра существующей системы гражданско-правового законодательства. Признание ИИ полноценным субъектом права, то есть наделение его статусом электронного лица, на наш взгляд, сопряжено с серьезными рисками, связанными с непредсказуемостью его действий и сложностью контроля за ним.

Вместе с тем признание за ИИ статуса субъекта или квазисубъекта права в настоящее время представляется преждевременным. ИИ объективно не обладает ключевыми свойствами, которые характеризуют субъекта права. Его деятельность, по сути, является производной от человеческой воли и интересов. Без участия человека ИИ не способен функционировать и принимать решения. Наделение ИИ статусом субъекта права на сегодняшний день не имеет практической ценности и не решает реальных правовых задач.

Полагаем, что сосредоточение усилий на разработке правовых механизмов, регулирующих ответственность и действия человека, использующего ИИ, представляется более эффективным и обоснованным подходом к разрешению ключевых проблем гражданско-правового регулирования ИИ.

Наряду с этим развитие указанных выше концепций не должно быть полностью отвергнуто. По мере совершенствования технологий ИИ и разработки механизмов обеспечения его безопасности и прозрачности, возможность наделения ИИ статусом квазисубъекта либо электронного лица может стать вполне оправданной.

В то же время большинство исследователей сходятся во мнении о том, что на текущем этапе ИИ не является субъектом права, его следует рассматривать как объект правового регулирования [11,14]. Соглашаясь в целом с данным подходом, отметим, что ИИ не подпадает под все признаки традиционного объекта права, а обладает рядом особенностей, которые усложняют его однозначное отнесение к данной категории. Объекты гражданского права пассивны и управляются человеком, тогда как ИИ может принимать решения без прямого вмешательства человека (например, системы управления беспилотниками), что сближает его с субъектами права. Традиционные объекты гражданского права, как правило, обладают стабильностью, а ИИ постоянно обучается и развивается, его функциональность и поведение могут меняться со временем, что делает его определение и классификацию сложной задачей. ИИ не имеет физического воплощения, что затрудняет применение норм, регулирующих материальные объекты. Функциональность ИИ зависит от качества и объема данных, на которых он обучается, что создает риски, связанные с защитой данных и обеспечением их достоверности.

В таком случае, думается, что классический подход к структурированию правоотношений на объект и субъект права не в полной мере подходит к характеристике ИИ и может оказаться неэффективным. Для решения данной концептуальной проблемы ИИ предлагается рассматривать в промежуточном положении между субъектом и объектом права в качестве цифрового актива. ИИ существует в цифровой форме, как алгоритм и набор данных и на практике ассоциируется с доменными именами, токенами, виртуальными аккаунтами и другими нематериальными ресурсами. В данном значении ИИ обладает уникальными гражданско-правовыми характеристиками:

- цифровой формой существования без необходимости физического воплощения;
- наличием потребительской ценности в виртуальной среде;
- возможностью полноценного участия в гражданском обороте.

Подход к квалификации ИИ как «цифрового актива» представляется наиболее приемлемым, поскольку он учитывает комплексный характер его особенностей. Традиционная же классификация в рамках существующих правовых категорий приводит лишь к упрощенному восприятию и не отражает всего спектра его свойств.

Некоторые ученые считают целесообразным приравнять правовое положение ИИ к положению юридического лица [8]. Это подразумевает наделение ИИ в гражданском праве искусственным субъектом права, созданным законом для целей правового регулирования, подобно юридическим лицам, которые гражданское законодательством признает условными носителями прав и обязанностей, несмотря на их нематериальную природу. Основным аргументом этой идеи выступает социальная необходимость, позволяющая гарантировано регулировать действия ИИ и привлекать его к ответственности.

При теоретическом осмыслении указанного довода, можно предположить, что, как и юридическое лицо, ИИ может действовать автономно, иметь обособленные функции и формально участвовать в правоотношениях. Однако, по нашему мнению, несмотря на определенные сходства в формальном аспекте, между характеристиками ИИ и юридических лиц существуют принципиальные различия. Так, юридическое лицо формируется посредством первоначального объединения людей, тогда как у ИИ нет изначальной связи с человеческим объединением. Он создаётся технологически, а не через договор учредителей. В отличие от юридических лиц, чья деятельность опосредована действиями конкретных физических лиц, поведенческая и волевая способность ИИ формируется и реализуется автономно. Более того, в текущих правовых условиях, даже при наличии законодательных положений, разрешающих ИИ приобретать собственность, фактическое распоряжение имуществом будет зависеть от физических лиц.

Указанные тезисы подтверждают ключевые отличия рассматриваемых категорий и, на наш взгляд, если признание юридического лица исторически обосновано экономической целесообразностью и потребностью в правовом оформлении коллективной деятельности человека, то признание подлинной субъектности ИИ может нести потенциальные риски нарушения принципа правовой определённости. Эта проблема возникает из-за технологической природы ИИ, которая в отличие от социально-экономической сущности юридических лиц, не обеспечивает необходимой предсказуемости и стабильности в правоотношениях.

Признавая актуальность вопросов о правовом статусе ИИ, на наш взгляд, необходимо разработать специальные правовые нормы, регулирующие деятельность систем ИИ, а также урегулировать статус ИИ как цифрового актива в рамках проекта закона «О цифровых правах».

С нашей точки зрения, закон «О цифровых правах» должен охватывать определение правового положения ИИ как особого объекта правоотношений – цифрового актива. Важно разработать классификацию различных видов ИИ (например, генеративные модели, автономные системы, узкоспециализированный ИИ), критерии отнесения системы к ИИ и к каждому виду, установить их правовые характеристики.

Проектируемый закон «О цифровых правах» будет регулировать не только ключевые аспекты цифровых прав, включая регулирование цифровых активов, смарт-контрактов и блокчейн-технологий, но и несомненно, должен стать основой для регулирования ИИ. Необходимо также провести адаптацию договорных конструкций с участием ИИ (например, урегулировать заключение смарт-контрактов с участием ИИ, правила купли-продажи, лицензирования, аренды ИИ).

Наряду с этим для полноценного регулирования ИИ в гражданском праве предлагаем внести поправку в Гражданский кодекс РФ, включив ИИ в перечень объектов гражданских прав. Дополнить ст. 128 ГК РФ, закрепив ИИ как особый объект гражданских прав наряду с вещами, цифровыми правами и иным имуществом. Следует указать, что ИИ – это алгоритмическая система, способная к автономному принятию решений на основе данных, но не являющаяся субъектом права. Это создаст гражданско-правовую определённость, позволит применять к ИИ общие нормы об объектах гражданского оборота, но исключит его признание субъектом гражданского права.

Таким образом, законодательное закрепление положения ИИ в качестве цифрового актива позволит сформировать правовую определённость в отношениях, связанных с ИИ.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что на текущий момент независимо от достигнутого уровня технологического прогресса и его дальнейшего развития, ИИ остается упрощенной имитацией сложнейших процессов человеческого мозга, эволюционировавшего на протяжении миллионов лет.

Анализ гражданско-правовой практики подтверждает, что ИИ остается инструментом (объектом), а не субъектом права, но его усложняющаяся функциональность требует адаптации законодательства. Суды отказывают в признании самостоятельной правосубъектности ИИ. На наш взгляд, на сегодняшний день признание ИИ самостоятельным субъектом гражданского права представляется преждевременным и потенциально опасным. Данный подход не решит, а усугубит проблемы гражданско-правового регулирования.

Также сохраняет свою актуальность проблема гражданско-правового вакуума в сфере регулирования ИИ, что обуславливает острую потребность разработки принципиально новой модели комплексного гражданско-правового регулирования отношений в данной сфере. Станет ли ИИ благом или проблемой — во многом зависит от людей. Этические перспективы будущего, связанные с ИИ, требуют от нас не только технологических решений, но и глубокого осмысления нашего отношения к этим технологиям и их влияния на общество.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.
4. Искусственный интеллект официально получил вид на жительство в Токио. [Электронный ресурс] URL: <https://tproger.ru/news/ai-shibuya-mirai> (дата обращения: 30.01.2025)
5. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Искусственный интеллект как квазисубъект права: теоретико-правовые основания // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 117 – 130.
6. Малько А.В., Ишеков К.А., Черкасов К.В. Предвидение в науке административного права (По трудам юбиляра – учёного-административиста П.П. Сергуна) // Государство и право. 2023. № 10. С. 119 – 124.
7. Медведев Ю. Роботов предложили наделить статусом «электронной личности» [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2017/01/24/robotov-predlozhili-nadelit-statusom-elektronnoj-lichnosti.html> (дата обращения: 10.02.2025)
8. Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 018. № 4. С. 1 – 8.
9. Нормы гражданского права о робототехнике: Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года, Кодекс этики для разработчиков робототехники [Электронный ресурс] URL: <https://robotrends.ru/pub/1725/normy-grazhdanskogo-prava-o-robototekhnike-i-hartiya-robototekhniki> (дата обращения: 23.01.2025)
10. Правосубъектность искусственного интеллекта: возможно ли? Правовой и морально-этический аспект. [Электронный ресурс] URL: <https://zuykov.com/about/articles/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-vozmozno-li-pravovoi-i-moralno-eticheskii-aspekt/> (дата обращения: 15.0.2025)
11. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 75 – 85.
12. Тихомиров Ю.А. Искусственный интеллект и право: новые грани взаимодействия // Государство и право. 020. № 5. С. 6 – 15.
13. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. 90 с.
14. Чеховская С.А. К вопросу о правовом статусе систем искусственного интеллекта // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: «Инфотропик Медиа», 2021. С. 122 – 135.
15. Шатов Е. Дивный новый чат: кто составит конкуренцию ChatGPT/ [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/501403-divnyj-novyj-cat-kto-sostavit-konkurenciu-chatgpt?ysclid=mas7phklt9848698428> (дата обращения: 17.02.2025)

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024). Coll. Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation" (as amended on August 8, 2024). Coll. Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017
3. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended on 15.02.2024). Coll. legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700.
4. Artificial intelligence officially received a residence permit in Tokyo. [Electronic resource] URL: <https://tproger.ru/news/ai-shibuya-mirai> (date accessed: 30.01.2025)
5. Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O. Artificial intelligence as a quasi-subject of law: theoretical and legal grounds. Journal of Russian Law. 2021. No. 12. P. 117 – 130.
6. Malko A.V., Ishekov K.A., Cherkasov K.V. Foresight in the Science of Administrative Law (Based on the works of the jubilee – the scholar-administrative lawyer P.P. Sergun). State and Law. 2023. No. 10. P. 119 – 124.

7. Medvedev Yu. Robots were proposed to be granted the status of "electronic personality" [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2017/01/24/robotov-predlozhili-nadelit-statusom-elektronnoj-lichnosti.html> (date of access: 10.02.2025)
8. Morkhat P.M. On the issue of legal capacity of the "electronic person". Legal studies. 018. No. 4. P. 1 – 8.
9. Civil law norms on robotics: Resolution of the European Parliament of 16 February 2017, Code of Ethics for Robotics Developers [Electronic resource] URL: <https://robotrends.ru/pub/1725/normy-grazhdanskogo-prava-o-robototekhnike-i-hartiya-robototekhniki> (date of access: 23.01.2025)
10. Legal capacity of artificial intelligence: is it possible? Legal and moral-ethical aspect. [Electronic resource] URL: <https://zuykov.com/about/articles/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-vozmozhno-li-pravovoi-i-moralno-eticheskii-aspekt/> (date accessed: 15.0.2025)
11. Somenkov S.A. Artificial Intelligence: From Object to Subject. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2019. No. 2. P. 75 – 85.
12. Tikhomirov Yu.A. Artificial Intelligence and Law: New Facets of Interaction. State and Law. 020. No. 5. Pp. 6–15.
13. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: A Tutorial. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2020. 90 p.
14. Chekhovskaya S.A. On the Legal Status of Artificial Intelligence Systems. Subject of Law: Stability and Dynamics of Legal Status in the Context of Digitalization: Collection of Scientific Papers. edited by D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo. Moscow: Infotropic Media, 2021. P. 122 – 135.
15. Shatov E. Brave New Chat: Who Will Compete with ChatGPT/ [Electronic Resource] URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/501403-divnyj-novyj-cat-kto-sostavit-konkurenciu-chatgpt?ysclid=mas7phklt9848698428> (date of access: 02.17.2025)

Информация об авторах

Ишеков К.А., доктор юридических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; профессор, Московский финансово-промышленный университет Синергия; 125190, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 80, корпус Г, ishekov77@mail.ru

Проницева Е.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, 125190, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 80, корпус Г, i@urstcont.ru

© Ишеков К.А., Проницева Е.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 347.961

Внедрение цифрового формата в нотариальную деятельность

¹ Макаева М.К.,

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Аннотация: статья посвящена внедрению цифрового формата в нотариальную деятельность Российской Федерации, а также проанализировать отдельные аспекты изменений действующего законодательства. Внимание уделено единой информационной технологии системе нотариата и электронному документообороту, выделены характерные признаки цифровизации отдельных нотариальных действий. Определены некоторые проблемы применения цифровых технологий в нотариальном производстве в России, предложены пути решения рассматриваемых проблем, без устранения которых невозможно полноценно реализовать концепцию цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, нотариальная деятельность, нотариус, нотариальная система, электронный нотариат, Федеральная нотариальная палата, законодательная база, нормативная база. единая информационная система персональных данных, нотариальный архив

Для цитирования: Макаева М.К. Внедрение цифрового формата в нотариальную деятельность // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 94 – 99.

Поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Implementation of the digital format in notary activity

¹ Makaeva M.K.,

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Abstract: the article is devoted to the introduction of the digital format into the notary activity of the Russian Federation, as well as to analyze certain aspects of changes in current legislation. Attention is paid to the unified information technology of the notary's system and electronic document management, the characteristic features of digitalization of individual notarial actions are highlighted. Some problems of the use of digital technologies in notary production in Russia are identified, ways of solving the problems under consideration are proposed, without eliminating which it is impossible to fully implement the concept of digitalization.

Keywords: digitalization, notary activity, notary, notary system, electronic notary, Federal Notary Chamber, legislative framework, regulatory framework. unified information system of personal data, notary archive

For citation: Makaeva M.K. Implementation of the digital format in notary activity. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 94 – 99.

The article was submitted: April 10, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В современном мире, характеризующемся стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни, нотариальная деятельность, как важный элемент правовой системы, не может оставаться в стороне от процессов технологической трансформации. Традиционно консервативный характер нотариата, обусловленный необходимостью обеспечения юридической надежности и защиты прав граждан, требует взвешенного и обоснованного подхода к внедрению цифровых технологий. Однако, потенциальные преимущества цифровизации, такие как повышение доступности нотариальных услуг, сокращение временных и финансовых издержек, а также улучшение прозрачности и безопасности совершаемых действий, делают актуальным исследование возможностей и перспектив внедрения цифрового формата в нотариальную практику. В связи с этим, вопросы адаптации нотариата к цифровой эпохе, разработки эффективных механизмов интеграции цифровых инструментов и правового регулирования новых видов нотариальных действий приобретают особую значимость.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ процессов внедрения цифрового формата в нотариальную деятельность в Российской Федерации, выявление проблем и перспектив, а также разработка практических рекомендаций по оптимизации цифровизации нотариальной практики. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: изучение теоретических основ цифровизации нотариальной деятельности, анализ нормативно-правового регулирования цифрового нотариата в России и за рубежом, выявление факторов, влияющих на эффективность внедрения цифровых технологий в нотариальную практику, определение основных направлений совершенствования цифрового нотариата в России.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу процессов внедрения цифрового формата в нотариальную деятельность, с учетом специфики российского правового регулирования и практики. В работе предложена классификация цифровых нотариальных действий, выявлены основные проблемы и перспективы развития цифрового нотариата в России, а также разработаны практические рекомендации по оптимизации цифровизации нотариальной практики, направленные на повышение доступности, эффективности и безопасности нотариальных услуг. В частности, предлагается концепция совершенствования нормативно-правового регулирования цифрового нотариата, учитывающая необходимость защиты прав и законных интересов граждан, а также обеспечения юридической надежности совершаемых нотариальных действий.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие нотариальную деятельность, научные публикации в области теории государства и права, гражданского права, информационного права, а также материалы научно-практических конференций и семинаров, посвященных вопросам цифровизации правовой сферы. Методологической основой исследования является комплексный подход, включающий в себя общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия) и специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм). Эмпирическую базу исследования составили данные статистической отчетности Федеральной нотариальной палаты, результаты социологических опросов нотариусов и граждан, а также анализ практики применения цифровых технологий в нотариальной деятельности в различных регионах Российской Федерации.

Результаты и обсуждения

В эпоху цифровой трансформации общества и экономики, нотариат, как важный институт гражданского права, не может оставаться в стороне от современных тенденций. Внедрение цифрового формата в нотариальную деятельность – это не просто веяние времени, а объективная необходимость, обусловленная потребностями граждан и юридических лиц в быстром, удобном и безопасном совершении нотариальных действий. Переход к цифровому нотариату открывает новые возможности для повышения эффективности работы нотариусов, расширения спектра оказываемых услуг и снижения транзакционных издержек. Однако, этот процесс сопряжен с рядом вызовов, связанных с обеспечением кибербезопасности, защитой персональных данных и необходимостью совершенствования нормативно-правовой базы [4, с. 42].

Цифровизация нотариальной деятельности предполагает комплексную трансформацию, охватывающую различные аспекты работы нотариуса. Прежде всего, это переход на электронный документооборот, который позволяет существенно сократить время на подготовку и оформление документов, а также снизить затраты на хранение и транспортировку бумажных носителей. Внедрение электронных подписей и цифровых печатей обеспечивает юридическую значимость электронных документов и упрощает процесс их обмена между нотариусами, государственными органами и другими участниками гражданского оборота [10, с. 378].

Начиная с 2013 года, в академических кругах и специализированной литературе все чаще встречается термин "электронный нотариус". По мнению В.В. Яркова, это понятие охватывает целый спектр действий, направленных на сбор, передачу и безопасное хранение важной с юридической точки зрения информации. Кроме того, "электронный нотариус" предполагает совершение нотариальных процедур и взаимодействие с государственными органами в цифровом формате, используя общедоступные сети связи и электронную подпись нотариуса. Прежде чем обсуждать внедрение цифровых технологий в нотариальную практику, важно четко понимать, что подразумевается под этим термином [6, с. 104].

Одним из ключевых направлений цифровизации нотариата является создание и развитие единой информационной системы нотариата (ЕИС), которая объединяет все нотариальные конторы страны в единую сеть. ЕИС обеспечивает оперативный доступ к информации о совершенных нотариальных действиях, реестрах уведомлений о залоге движимого имущества, реестрах брачных договоров и других важных данных (Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1)). Это позволяет нотариусам оперативно проверять юридическую чистоту сделок, выявлять возможные риски и обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Внедрение цифровых технологий также открывает новые возможности для оказания нотариальных услуг в дистанционном формате. В частности, Федеральным законом от 27.12.2019 N 480-ФЗ были внесены изменения в Основы законодательства о нотариате, предусматривающие возможность совершения отдельных нотариальных действий удаленно, с использованием видеосвязи и усиленной квалифицированной электронной подписи. Это позволяет гражданам и юридическим лицам получать нотариальные услуги, не выходя из дома или офиса, что особенно актуально для лиц, проживающих в отдаленных районах или имеющих ограниченные возможности передвижения.

Однако, внедрение цифрового формата в нотариальную деятельность сопряжено с рядом вызовов, требующих внимания и решения. Прежде всего, это вопросы кибербезопасности и защиты персональных данных. Нотариусы работают с конфиденциальной информацией, и утечка или несанкционированный доступ к этим данным может иметь серьезные последствия для граждан и юридических лиц. Поэтому необходимо обеспечить высокий уровень защиты информационных систем нотариата от киберугроз, а также строго соблюдать требования законодательства о защите персональных данных (Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ "О персональных данных").

Еще одним важным аспектом является необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей нотариальную деятельность в цифровом формате. Существующие нормативные акты не всегда в полной мере учитывают особенности совершения нотариальных действий в электронной форме, что может создавать правовую неопределенность и затруднять работу нотариусов. Поэтому необходимо разработать и принять нормативные акты, которые четко регламентируют порядок совершения нотариальных действий в цифровом формате, устанавливают требования к электронным документам и электронным подписям, а также определяют ответственность нотариусов за нарушение этих требований [3, с. 60].

Кроме того, необходимо обеспечить доступность цифровых нотариальных услуг для всех граждан и юридических лиц, независимо от их места проживания и уровня цифровой грамотности. Для этого необходимо развивать инфраструктуру связи в отдаленных районах, проводить обучение нотариусов и их сотрудников работе с цифровыми технологиями, а также оказывать консультационную поддержку гражданам и юридическим лицам по вопросам использования цифровых нотариальных услуг [5, с. 216].

Перспективы развития цифрового нотариата связаны с интеграцией с другими государственными информационными системами и платформами. Например, интеграция с Единым государственным реестром недвижимости (ЕГРН) позволит нотариусам оперативно получать актуальную информацию об объектах недвижимости, что упростит и ускорит процесс совершения сделок с недвижимостью. Интеграция с порталом государственных услуг позволит гражданам и юридическим лицам подавать заявления на совершение нотариальных действий в электронной форме, а также получать информацию о статусе рассмотрения их заявлений [2].

Одним из перспективных направлений является использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в нотариальной деятельности. ИИ может быть использован для автоматизации рутинных операций, таких как проверка документов, выявление возможных ошибок и рисков, а также для подготовки проектов нотариальных актов. Это позволит нотариусам сосредоточиться на более сложных и ответственных задачах, требующих профессионального суждения и опыта.

Важным аспектом развития цифрового нотариата является повышение уровня доверия граждан и юридических лиц к электронным нотариальным действиям. Для этого необходимо обеспечить прозрачность и понятность процедур совершения нотариальных действий в электронной форме, а также гарантировать

надежность и безопасность информационных систем нотариата. Важную роль в этом играет повышение цифровой грамотности населения и разъяснение преимуществ и возможностей цифрового нотариата [7, с. 150].

Развитие цифрового нотариата также предполагает активное взаимодействие с международным нотариальным сообществом. Обмен опытом и лучшими практиками с зарубежными коллегами позволит российскому нотариату использовать передовые технологии и решения, а также гармонизировать нормативно-правовую базу в сфере цифрового нотариата. Это будет способствовать повышению конкурентоспособности российского нотариата на международном уровне и привлечению иностранных инвестиций.

В июле 2022 года, а точнее 14 числа, в России был принят Федеральный закон № 339-ФЗ, который в профессиональной среде окрестили законом "О нотариальных архивах". Этот закон, вносящий изменения в ряд законодательных актов, начал действовать с 11 января 2023 года. Впервые на территории Российской Федерации были четко установлены правила, регулирующие порядок хранения нотариальных документов, как в бумажном, так и в электронном виде. Закон также определяет, как использовать и хранить документы, которые оставались у нотариусов после совершения ими нотариальных действий, а также документы нотариусов, которые больше не занимают свои должности. Кроме того, были конкретизированы правила хранения документов в государственных нотариальных конторах и нотариальных документов, находящихся в ведении органов местного самоуправления [8, с. 850].

В целом, для граждан, обращающихся к нотариусу, упростится процедура получения архивных нотариальных документов. Граждане получили право на получение копий и справок из архивов нотариальных палат как в бумажном, так и в электронном формате. Данное нотариальное действие оплачивается по тарифам, установленным Законом «О нотариальных архивах».

Традиционно нотариальные документы оформлялись на бумажном носителе и хранились в нотариальных архивах. Нотариальный архив представляет собой совокупность нотариальных документов, собранных и систематизированных в соответствии с установленными правилами. Нотариальные архивы обеспечивают сохранность и доступность нотариальных документов, что необходимо для защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Внедрение цифрового формата в нотариальную деятельность предполагает перевод нотариальных документов в электронную форму. Это может быть осуществлено путем сканирования бумажных документов или путем создания электронных документов изначально. Электронные нотариальные документы должны соответствовать определенным требованиям, чтобы иметь юридическую силу. В частности, они должны быть подписаны квалифицированной электронной подписью нотариуса, которая обеспечивает их подлинность и целостность [9, с. 300].

Преобразование нотариальных документов в цифровой формат позволяет существенно упростить и ускорить нотариальный процесс. Электронные документы можно легко передавать по электронным каналам связи, что сокращает время на их доставку и обработку. Кроме того, электронные документы занимают меньше места, чем бумажные, что позволяет экономить на затратах на хранение и архивирование.

Однако, переход на цифровой формат в нотариальной деятельности также создает новые вызовы и риски. Одним из главных вызовов является обеспечение безопасности электронных нотариальных документов. Необходимо разработать и внедрить надежные системы защиты от несанкционированного доступа, изменения и уничтожения электронных документов. Также необходимо обеспечить конфиденциальность информации, содержащейся в нотариальных документах [6, с. 103].

Еще одним вызовом является обеспечение долгосрочной сохранности электронных нотариальных документов. Электронные носители информации подвержены старению и повреждению, поэтому необходимо разработать стратегии архивирования электронных документов, которые позволят сохранить их в течение длительного времени.

Внедрение цифрового формата в нотариальную деятельность требует изменений в законодательстве и нормативных актах. Необходимо разработать и принять законы и правила, которые регулируют порядок создания, хранения и использования электронных нотариальных документов. Также необходимо обучить нотариусов и других сотрудников нотариальных контор работе с электронными документами и информационными системами.

Несмотря на вызовы и риски, внедрение цифрового формата в нотариальную деятельность имеет огромный потенциал для повышения эффективности и качества нотариальных услуг. Цифровизация позволяет сделать нотариальные услуги более доступными и удобными для граждан и организаций, сократить время на оформление документов и снизить затраты на нотариальные услуги.

Таким образом, внедрение цифрового формата в нотариальную деятельность является важным и необходимым шагом на пути к современной и эффективной системе нотариата. Однако, этот процесс должен быть осуществлен с особой осторожностью и учетом всех рисков и вызовов, которые он может повлечь. Только в этом случае цифровизация нотариальной деятельности сможет принести реальную пользу обществу и государству.

Выводы

Проведенное исследование позволило всесторонне изучить процессы внедрения цифрового формата в нотариальную деятельность в Российской Федерации. Анализ нормативно-правовой базы, теоретических подходов и практического опыта показал, что цифровизация нотариата является объективно необходимой тенденцией, обусловленной общими процессами цифровой трансформации общества и экономики. Внедрение цифровых технологий в нотариальную практику открывает новые возможности для повышения доступности, эффективности и безопасности нотариальных услуг, а также способствует сокращению временных и финансовых издержек для граждан и организаций.

В рамках исследования выявлены основные проблемы, препятствующие эффективной цифровизации нотариальной деятельности, в том числе несовершенство нормативно-правового регулирования, недостаточный уровень цифровой грамотности населения, риски информационной безопасности и необходимость обеспечения юридической надежности цифровых нотариальных действий.

Предложенная в работе классификация цифровых нотариальных действий позволила систематизировать различные формы использования цифровых технологий в нотариальной практике и определить перспективы развития цифрового нотариата в России. В частности, выделены такие направления, как развитие онлайн-нотариата, использование электронных документов и цифровой подписи, автоматизация нотариальных процедур и создание единого информационного пространства нотариата.

Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных рекомендаций по оптимизации цифровизации нотариальной практики. В частности, предложена концепция совершенствования нормативно-правового регулирования цифрового нотариата, направленная на создание правовых основ для совершения различных видов цифровых нотариальных действий, обеспечение защиты прав и законных интересов граждан, а также установление ответственности за нарушение требований законодательства о цифровом нотариате.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы Федеральной нотариальной палатой, Министерством юстиции Российской Федерации и другими заинтересованными органами государственной власти при разработке и реализации программ цифровизации нотариальной деятельности, а также при подготовке нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы цифрового нотариата. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе при подготовке специалистов в области юриспруденции и нотариата.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на изучение вопросов искусственного интеллекта в нотариате, разработки и внедрения инновационных цифровых технологий в нотариальную практику, а также на анализ международного опыта цифровизации нотариальной деятельности.

В заключение следует отметить, что цифровизация нотариальной деятельности является сложным и многогранным процессом, требующим комплексного подхода и учета интересов всех заинтересованных сторон. Успешное внедрение цифровых технологий в нотариальную практику позволит повысить эффективность и доступность нотариальных услуг, а также укрепить доверие граждан к нотариату как важному институту гражданского общества.

Список источников

1. Федеральный закон от 14.07.2022 N 339-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Консультант плюс, 2024.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Консультант плюс, 2024.
3. Булатов Р.Б. Актуальные вопросы развития нотариата Российской Федерации // Власть закона. 2023. № 2. С. 59 – 65.
4. Герасименко Д.М. Влияние цифровизации на развитие нотариата в России // Модели и методы повышения эффективности инновационных исследований. 2023. С. 42.

5. Дидковская Е.Н., Завгороднева Д.В. Отдельные правовые проблемы в сфере нотариальной деятельности // Научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 октября 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 215 – 218.

6. Зотова А. Цифровизация нотариальной деятельности в период пандемии коронавирусной инфекции в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-4 (50). С. 103 – 105.

7. Малякова А.А., Калашникова Е.Б. Электронный нотариат в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-3 (49). С. 150 – 152.

8. Никитенко А.М., Чернышева А.С. Электронный нотариат в России // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 845 – 852.

9. Таирова А.Т., Захаренко Н.А. цифровизация нотариальной деятельности // Образование и право. 2023. № 9. С. 299 – 303.

10. Яценко Я.В. Цифровизация нотариата в Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 4 (503). С. 377 – 381.

References

1. Federal Law of 14.07.2022 N 339-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Consultant plus, 2024.

2. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 11.02.1993 N 4462-1) (as amended on 08.08.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024). Consultant plus, 2024.

3. Bulatov R.B. Actual issues of development of notaries of the Russian Federation. Power of law. 2023. No. 2. P. 59 – 65.

4. Gerasimenko D.M. The impact of digitalization on the development of notaries in Russia. Models and methods for increasing the effectiveness of innovative research. 2023. P. 42.

5. Didkovskaya E.N., Zavgorodneva D.V. Certain legal issues in the field of notarial activity. Scientific review: current issues of theory and practice: collection of articles from the VII International scientific and practical conference, Penza, October 25, 2023. Penza: Science and Education, 2023. P. 215 – 218.

6. Zotova A. Digitalization of notarial activity during the coronavirus pandemic in the Russian Federation. International journal of humanitarian and natural sciences. 2020. No. 11-4 (50). P. 103 – 105.

7. Malyakova A.A., Kalashnikova E.B. Electronic notaries in Russia. International journal of humanitarian and natural sciences. 2020. No. 10-3 (49). P. 150 – 152.

8. Nikitenko A.M., Chernysheva A.S. Electronic notaries in Russia. Issues of Russian justice. 2021. No. 15. P. 845 – 852.

9. Tairova A.T., Zakharchenko N.A. Digitalization of notarial activity. Education and law. 2023. No. 9. P. 299 – 303.

10. Yatsenko Ya.V. Digitalization of notaries in the Russian Federation. Young scientist. 2024. No. 4 (503). P. 377 – 381.

Информация об авторе

Макаева М.К., аспирант, Институт права, экономики и финансов, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, lilian_hhh@mail.ru

© Макаева М.К., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.34

Эмоциональное состояние лица как признак состава преступления: некоторые особенности уголовно-правового значения

¹ Улитин И.Н., ¹ Ханджиянц Л.А.,
¹ Кубанский государственный университет

Аннотация: настоящая научная статья посвящена комплексному исследованию роли эмоционального состояния как признака субъективной стороны состава преступления. Актуальность анализируемого вопроса обусловлена необходимостью совершенствования доктринальных разработок и правоприменительной практики, где оценка эмоциональных состояний зачастую сопряжена с неоднозначностью толкований, что влияет на квалификацию деяний и индивидуализацию наказания. В рамках данной статьи, проведен междисциплинарный анализ эмоциональных состояний с точки зрения таких наук, как: психология, нейрофизиология и психофизиология. Осуществив комплексный анализ эмоциональных состояний с точки зрения рассмотренных наук установлено, что такие представляют собой субъективные переживания, нейробиологические механизмы и физиологические реакции. Помимо этого, проведено разграничение понятий эмоционального состояния от эмоций. В последующем, рассмотрена эволюция учета эмоциональных состояний в истории отечественного законодательства. После чего, проанализированы различные взгляды и позиции специалистов уголовно-правовой науки относительно места эмоций в составе преступления. В процессе исследования выявлены пробелы уголовного законодательства относительно учета эмоциональных состояний при квалификации преступлений и индивидуализации наказания, в связи с чем, предложены инициативы для его совершенствования.

Ключевые слова: эмоции, виды эмоций, эмоциональные состояния, аффект, основания возникновения аффекта, субъективная сторона, состав преступления, признак состава преступления

Для цитирования: Улитин И.Н., Ханджиянц Л.А. Эмоциональное состояние лица как признак состава преступления: некоторые особенности уголовно-правового значения // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 100 – 110.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The emotional state of a person as a sign of a crime: some features of criminal law significance

¹ Ulitin I.N., ¹ Khandzhiyants L.A.,
¹ Kuban State University

Abstract: this scientific article is devoted to a comprehensive study of the role of emotional state as a sign of the subjective side of the crime. The relevance of the analyzed issue is due to the need to improve doctrinal developments and law enforcement practice, where the assessment of emotional states is often associated with ambiguity of interpretation, which affects the qualification of acts and the individualization of punishment. Within the framework of this article, an interdisciplinary analysis of emotional states is carried out from the point of view of such sciences as psychology, neurophysiology and psychophysiology. Having carried out a comprehensive analysis of emotional states from the point of view of the considered sciences, it has been established that such states are subjective experiences, neurobiological mechanisms and physiological reactions. In addition, the concepts of emotion-

al state and emotions are distinguished. Subsequently, the evolution of accounting for emotional states in the history of domestic legislation is considered. After that, the various views and positions of specialists in criminal law science regarding the place of emotions in the composition of the crime are analyzed. In the course of the study, gaps in criminal legislation regarding the consideration of emotional states in the qualification of crimes and the individualization of punishment were identified, and therefore initiatives for its improvement were proposed.

Keywords: *emotions, types of emotions, emotional states, affect, reasons for the occurrence of affect, subjective side, corpus delicti, sign of corpus delicti*

For citation: Ulitin I.N., Khandzhiyants L.A. The emotional state of a person as a sign of a crime: some features of criminal law significance. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 100 – 110.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 9, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Субъективная сторона, являясь ключевым элементом состава преступления, отражает внутреннее отношение лица к совершенному противоправному деянию. В доктрине уголовного права обязательным признаком субъективной стороны принято считать вину, а такие мотив и цель выступают в роле факультативных. Однако такой признак субъективной стороны как «эмоции» либо «эмоциональное состояние» до сих пор требует конкретизации и выступает предметом дискуссий среди таких ученых, в частности таких как: Е.В. Ворошилин, Г.А. Кригер, В.В. Лунеев, Е.В. Маслова, Н.П. Печников, А.И. Рарог, И.Н. Улитин и др. Законодателем закреплено такое эмоциональное состояние лица как аффект, что подразумевает под собой острое переживание лица в момент совершения преступления. Дословно данное состояние интерпретируется законодателем как «внезапно возникшее душевное волнение» и учитывается в качестве привилегированного признака в преступлениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 107 и 113 УК РФ. Прообраз признака эмоционального состояния также прослеживается в убийстве матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). Основанием для применения обозначенной статьи выступает особое психическое состояние матери, обусловленное психотравмирующей ситуацией или состоянием психического расстройства. Однако несмотря на нормативные «рамки», применение названных норм на практике сопряжено с комплексом трудностей, обусловленных субъективностью оценки аффективного состояния. Толкование других эмоций, влияющих на осознанно-волевое поведение лица, совершающего преступление, в уголовном законодательстве не предусмотрено.

Обращаясь к дискуссиям, некоторые исследователи считают «эмоции» одним из элементов состава преступления, в то время как другие вовсе отрицают их значимость. Например, В.В. Лунеев относит «эмоции» в перечень признаков субъективной стороны преступления, наряду с виной, мотивом и целью. Аргументируя данную позицию ученый указывает, что разложение субъективной стороны преступления на интеллектуальные, волевые, мотивационные и эмоциональные моменты является хотя и условным, но теоретически и практически необходимым [1]. Иную позицию занимает А.И. Рарог, настаивая на том, что «эмоции не являются элементом психического отношения лица» [2]. Тем не менее, он не отрицает важности анализа «эмоций» в оценке психологической составляющей преступления, однако при этом не включает их в число самостоятельных признаков субъективной стороны общественно опасного деяния. В связи с этим, он относит эмоции к признакам субъекта преступного посягательства, так как, по его убеждению, определить эмоциональное состояние как элемент психического отношения лица к им содеянному деянию – не представляется возможным [3].

Современная уголовно-правовая политика сталкивается с практической потребностью учета эмоционального состояния. В обществе на федеральном уровне звучат предложения расширить рамки учета эмоций при квалификации и назначении наказания. В частности, общественностью выдвигалась инициатива смягчить ответственность за все преступления, совершённые в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта). Сторонники подобных инициатив указывают, что в настоящее время уголовное законодательство предусматривает специальные нормы со сниженной санкцией лишь для «убийства» (ст. 107 УК РФ) и «причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью» (ст. 113 УК РФ), совершённых в состоянии аффекта. Для многих других преступлений эмоциональное состояние виновного не учитывается напрямую, что создаёт пробелы в обеспечении справедливости наказания [4].

Помимо прочего, актуальность анализируемого вопроса обусловлена необходимостью совершенствования правоприменительной практики, где оценка эмоций зачастую сопряжена с неоднозначностью толкований, что влияет на квалификацию деяний и индивидуализацию наказания.

Материалы и методы исследований

Предвкусывая определения уголовно-правового значений эмоций, необходимо рассмотреть их с точки зрения психологии, нейрофизиологии и психофизиологии, так как данная категория охватывает все перечисленные области.

В психологии под «эмоциями» понимают «особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [5]. Как можно наблюдать, с психологической точки зрения эмоции охватывают категории «потребность», «инстинкт» и «мотив», что свидетельствует о их значительном влиянии на психологические процессы личности.

Б. А. Сосновский считает, что «эмоции – это субъективные реакции человека на воздействия внешних и внутренних раздражителей, отражающие в форме переживаний их личную значимость для субъекта и проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия» [6]. Обозначенное определение свидетельствует о влиянии эмоций на все внутренние процессы любого субъекта.

Эмоциональные реакции, выражающиеся в виде удовольствия, относятся к положительным, тогда как связанные с неудовольствием – к негативным. В категорию первых входят, к примеру, восхищение, радость, в то время как вторые включают страх, отвращение, ненависть, раздражение. Положительные эмоции возникают у личности при исполнении его потребностей или если он видит достижение таких в перспективе. При обозначенных обстоятельствах человек фокусируется на получении желаемого. Однако невозможность реализации своих потребностей порождает у человека чувство неудовлетворенности.

Применительно к позиции Б.А. Сосновского можно выделить утверждение П.С. Симонова. Он отметил, что «существует связь между потребностью, информацией об объекте, который может ее удовлетворить, и эмоцией. При достаточной информации возникает положительная эмоция, при дефиците информации – отрицательная» [7].

Представленные позиции позволяют выделить ключевые аспекты взаимосвязи эмоций, потребностей и информационного фактора. В связи с этим, представляется возможным рассматривать эмоции как комплексный механизм регуляции поведения, где положительные эмоции стимулируют движение к цели, а отрицательные сигнализируют о необходимости коррекции действий или поиска дополнительных ресурсов.

Ученые на протяжении долгого времени пытались систематизировать эмоции, предлагая различные классификации. Исторически классификации «эмоций» упоминались еще античными мыслителями. Е.Г. Русанова рассмотрела классификации эмоций, которые выделял философ Аристотель и представители стоицизма. В частности, философ Аристотель выделял 11 эмоций: гнев, успокоение, любовь, ненависть, страх, стыд, благодарность, сострадание, зависть, возмущение, соревновательность. А представители стоицизма считали, что эмоции можно разделить на четыре страсти: печаль и страх, желание и радость [8].

Опосредованно соглашаясь с данной классификацией заметим, что она отражает естественную динамику человеческих переживаний, где каждая эмоция имеет свою «антитезу», помогая людям адаптироваться к меняющимся условиям. Например, гнев активизирует на защиту, а успокоение восстанавливает эмоциональное равновесие.

Каждая эмоция служит конкретной цели. Например, страх защищает от опасностей, а стыд корректирует поведение в соответствии с общепринятыми нормами этики. Аристотель видел в эмоциях инструмент для достижения эвдемонии (благоденствия), что подчеркивает их роль в гармоничной жизни.

В классификации Аристотеля учтены как базовые реакции (гнев, страх), так и социальные эмоции (благодарность, зависть). Это позволяет анализировать как инстинктивные, так и культурно-обусловленные переживания. Например, возмущение – это реакция на несправедливость, требующая развитого морального сознания.

Стоит отметить, что для уголовного права классификация Аристотеля имеет косвенное значение. Эмоции, перечисленные в указанной выше теории, могут проследиваться в основе возникновения такого психофизиологического состояния как «аффект», которое, как ранее было указано в настоящем исследовании, учитывается в качестве привилегирующего признака. Так, чувство сильного душевного волнения может внезапно возникнуть в виде «гнева» в ответ на противоправные или аморальные действия

(бездействия) потерпевшего. Аналогично, такая эмоция как «страх» может являться фундаментальной эмоцией при опасении за жизнь во время «необходимой обороны».

Таким образом, Аристотель использовал широкий подход в классификации эмоций. Такой подход позволяет охватить многообразие эмоций, выявить их причины и последствия, чтобы объяснить, как они влияют на поведение, принятие решений и социальные взаимодействия.

Что касается эмоциональных состояний, то в общей теории психологи обычно выделяют четыре основные формы эмоционального состояния. В свою очередь, Р.М. Грановская выделяет пять форм эмоционального состояния: аффект, эмоции, чувства, настроение и стресс. Каждая из них имеет свои особенности по интенсивности, продолжительности и влиянию на поведение: 1) аффект – наиболее мощная эмоциональная реакция. Отличительные черты аффекта: ситуативность, обобщенность, большая интенсивность, малая продолжительность; 2) собственно эмоции – кратковременные эмоциональные состояния. Они могут быть реакцией не только на свершившиеся события, но и на вероятные или вспоминаемые; 3) чувства – еще более устойчивые психические состояния, имеющие четко выраженный предметный характер. В отечественной психологии распространенным является утверждение, что чувства отражают социальную природу человека и складываются как значимые отношения к окружающему миру; 4) настроение – самое длительное эмоциональное состояние, окрашивающее все поведение человека; 5) стресс – эмоциональное состояние, вызванное неожиданной и напряженной обстановкой [9].

Проанализировав вышеуказанные понятия, можно отметить, что эмоции, чувства и аффект являются разными эмоциональными состояниями, имеющие между собой тесную связь.

Для начала важно установить различие понятий «эмоций» и «эмоционального состояния». На наш взгляд, думается, что эмоции (как указывалось ранее) – это субъективные реакции человека на внешние или внутренние стимулы, которые сопровождаются переживаниями (например, такими как: радость, страх, гнев и т.д.). Они могут быть кратковременными или длительными, слабыми или интенсивными, но, что особенно важно, не лишают человека способности контролировать свои действия. Переживание эмоций на протяжении длительного времени может перерасти в определенное эмоциональное состояние. Например, постоянное ощущение страха может вызвать тревожность. Так, эмоциональное состояние можно определить как устойчивый комплекс субъективных переживаний, отражающий психическое состояние человека в течение определенного периода времени (от нескольких часов до недель и месяцев).

На базе первичной эмоциональной реакции, а именно эмоции могут возникать чувства. Например, многократное ощущение радости и благодарности в отношениях между двумя людьми могут вылиться в чувство любви и привязанности. Чувства возникают тогда, когда человек обдумывает и осознает испытываемые эмоции, посредством постановки перед собой таких вопросов как: «вследствие чего испытывается та или иная эмоция? Какое значение представляет испытываемая эмоция? Какие личные ценности затрагивает испытываемая эмоция?». Стоит отметить, что чувства могут испытываться более длительное время в отличие от эмоций.

В связи с вышеуказанным, можно отметить, что «эмоции» и «чувства» взаимосвязанные, но разные по определению эмоциональные состояния. Эмоции являются быстрой реакцией на конкретное событие, в то время как чувства наполняют возникшую реакцию определенным смыслом, что способствует продолжительности переживаемого эмоционального состояния.

Что касается аффекта (от лат. *affectus* – «душевное волнение») – это кратковременное, но крайне интенсивное эмоциональное состояние, которое возникает в ответ на внезапную или длительную психотравмирующую ситуацию и характеризуется резким сужением сознания, утратой самоконтроля и физиологическими реакциями. Иными словами, аффект можно определить как сильное душевное волнение.

Важно заметить, что «эмоции» лежат в основе возникновения «аффекта». Так, эмоции являются «фундаментом», на основании которого может возникнуть сильное душевное волнение. Когда одна эмоция возникает повторно в течении длительного времени и человек сдерживает такие реакции внутри организма, накапливается «эмоциональное напряжение». На фоне такого явления возникает состояние аффекта.

Таким образом, считаем, что имеется разграничение между понятием «эмоция» и «аффект», но у них есть тесная взаимосвязь между друг другом.

Если рассматривать эмоции с точки зрения науки, изучающей функции нервной системы (нейрофизиологии), а именно дисциплины, которая описывает их как комплекс реакций нервной системы и эндокринных изменений (выброс адреналина, кортизола и пр.), влияющих на работу мозга. То в аспекте нейрофизиологии, эмоции – это функциональные состояния, реализуемые в деятельности нейронных систем, которые регулируют поведение [10]. Сильные эмоции могут существенно изменять функционирование таких психических функций как: внимание, восприятие, логическое мышление и волю. Например, внезапный

страх или гнев запускает реакцию «физической агрессии», сужая фокус внимания и подавляя взвешенную оценку последствий. Верховный суд РФ, в свою очередь, отметил, что состояние «гнева» выступает в качестве смягчающего обстоятельства по ст. ст. 106, 107 и 108 УК РФ. Вышеуказанное разъяснение подтверждает важность учета такого состояния при уголовно-правовой оценке преступного деяния [11].

Как указала И.И. Полеткина, эмоции возникают лишь в том случае, если перед организмом стоит какая-либо задача (потребность, цель), а средств для её решения (удовлетворения, достижения) оказывается недостаточно. Средства для достижения цели – это существующие информация; умение, навыки, опыт, энергия, время. Для достижения любой цели существуют объективно необходимые информация, энергия и время. В случае, если существующие у организма информация, энергия и время меньше необходимых, возникает состояние напряжения, выраженное тем сильнее, чем важнее цель и чем больше дефицит необходимых средств [12]. Таким образом, можно сделать вывод, что все признаки субъективной стороны между собой взаимосвязаны. Именно эмоции направлены на формирование умысла, цели и мотива преступного деяния.

Анализируя данное высказывание И.И. Полеткиной, можно установить как возникают эмоции на уровне нейрофизиологии. В уголовном праве учет эмоций с точки зрения нейрофизиологии не является обязательным. Однако данный подход может помочь экспертам в проведении психолого-психиатрической экспертизы при установлении аффекта у виновного. С помощью подобного, можно установить, что внезапно возникшее сильное душевное волнение активирует лимбическую систему и кратковременно нарушает самоконтроль.

Теперь важно понять, как взаимодействуют эмоции с телом человека. Для этого нам необходимо обратиться к науке, изучающей взаимодействие психических процессов и функций организма – психофизиологии. В настоящее время существует большое количество теорий эмоций в психофизиологии (например: теории Ч. Дарвина, П.К. Анохина, Джеймса-Ланге, П. Мак-Лина и т.д.).

Среди всех теоретических разработок непосредственный интерес вызывает теория дифференциальных эмоций К.Э. Изарда. Согласно данной теории, «каждая эмоция включает в себя три взаимосвязанных компонента: 1) нейронную активность мозга и периферической нервной системы (неврологический компонент); 2) деятельность поперечно-полосатой мускулатуры, обеспечивающей мимическую и пантомимическую выразительность и обратную связь в системе «тело/лицо-мозг» (выразительный компонент); 3) субъективное эмоциональное переживание (субъективный компонент) [13]».

Соглашаясь с обозначенным, обратим внимание, что данная теория интегрирует три уровня взаимосвязанных компонента: неврологический, выразительный и субъективный. Когда человек чувствует страх, учащается сердцебиение – (неврологический), когда морщится или убегает – (выразительный), а если осознает страх – (субъективный). Используя данный подход в своей теории К.Э. Изард определяет эмоции не как что-то абстрактное, а как систему, которая работает при взаимосвязи трех компонентов одновременно.

В контексте вышеуказанного можно проследить наличие важного компонента, который является частью эмоций – «субъективное эмоциональное переживание». Думается, что установление данного факта является необходимым в вопросах квалификации.

Таким образом, фрагментарный анализ эмоций с точки зрения рассмотренных наук показывает, что подобные представляют собой субъективные переживания, нейробиологические механизмы и физиологические реакции.

В уголовном праве вопрос учета эмоций имеет глубокие корни. В частности, предел ответственности за преступление, совершенное в порыве эмоций, был упомянут в ст. 1455 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» - убийство «хотя и не случайно, но в запальчивости или раздражении, и особенно когда раздражение было вызвано насильственными действиями или тяжким оскорблением со стороны убитого» [14]. Что касается «раздражения», то данный термин встречался не только в ст. 1455, но и в ряде других норм. Законодатель того времени предусматривал в качестве смягчающего обстоятельства совершение преступления в состоянии «сильного раздражения», спровоцированного обидами, оскорблениями или иными поступками лица.

В советский период вопрос учета эмоций впервые встречается в положениях РСФСР 1922 г. [15] В частности, ст. 144 данного кодекса устанавливала ответственность за убийство, совершенное под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего.

Позднее в ст. 104 УК РСФСР 1960 г. предусматривалась ответственность за убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а равно вызванного иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких [16].

Анализируя данную норму, можно отметить, что законодатель помимо понятия «сильное душевное волнение» указывает на категорию «внезапно возникшее». Данным дополнением законодателем подчеркивается важность «внезапности» наступления аффекта.

Результаты и обсуждения

Стоит отметить, что в УК РСФСР 1960 г. «аффект» предусматривался в качестве «смягчающего обстоятельства» [17]. Однако в современном уголовном законодательстве только ст. 106, 107, 113 являются нормами, где эмоции субъекта в момент совершения преступления подлежат уголовно-правовой оценке. Анализируя действующий УК РФ, важно отметить, что законодатель в принципе ставит эмоциональную составляющую, а именно субъективное отношение лица к совершенному преступлению, на второй план [18].

Учитывая вышеуказанное, за исключением ст. 107, 113 УК РФ, признак «сильное душевное волнение» нигде более не учитывается, даже тогда, когда подобное состояние объективно повлияло на противоправные действия виновного. Как известно, ст. 61 УК РФ предусматривает ряд обстоятельств, смягчающих наказание за совершенное преступление. В настоящее время в данной норме отсутствует аффект в качестве подобного обстоятельства. В связи с чем, предлагается дополнить ч. 1 ст. 61 УК РФ пунктом: «совершение преступления в состоянии аффекта, вызванного обстановкой или обстоятельствами, существенно повлиявшими на психическое состояние лица, совершившего преступление».

Помимо вышеуказанного, необходимо получить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что именно нужно понимать под «обстановкой или обстоятельствами» в предложенной норме. Так, «под обстановкой или обстоятельствами, существенно повлиявшими на психическое состояние лица, совершившего преступление, следует понимать умышленные действия потерпевшего (иного лица) в форме агрессии, угрозы, шантажа, унижения чести и достоинства или иных поступков, направленных на возникновение преступного умысла у виновного».

В то же время крайне важно получить разъяснение о том, что «суд вправе не признавать не имеющее аморального или противоправного источника состояния аффекта обстоятельством, смягчающее наказание, если возникнут сомнения в том, что оно оказало влияние на совершенные виновным лицом преступления». Помимо этого, думается, что на уровне акта интерпретационного характера возможно указать, что «суд вправе не учитывать в качестве смягчающего обстоятельства «совершение преступления в состоянии аффекта», если будет установлено, что действия обвиняемого стали причиной последующих противоправных и аморальных поступков потерпевшего в его сторону».

Вышеуказанное позволит суду устанавливать и разграничивать «фиктивное» наличие аффекта от «реального», что поможет избежать ошибок при уголовно-правовой квалификации преступного деяния и избрании меры наказания.

Возвращаясь к эмоциям, следует отметить, что в отличие от аффекта, первые воспринимаются значительно шире в качестве признака субъективной стороны состава преступления. Обращаясь к дискуссии относительно того, следует ли считать «эмоции» самостоятельным признаком субъективной стороны наряду с виной, мотивом и целью стоит обратить внимание на позицию Н.А. Черновой [19]. Ученый отмечает, что субъективная сторона состава преступления включает не только вину, но и мотив, цель и эмоции. Подавляющая часть учёных в области уголовного права, в частности Е.В. Ворошилин, Г.А. Кригер, В.В. Лунеев, Е.В. Маслова, И.Н. Улитин и многие другие полагают, что вина является обязательным признаком субъективной стороны, а мотив, цель и эмоции считаются её факультативным [20].

Н.А. Чернова и иные ученые считают, что по каждому уголовному делу необходимо устанавливать эмоциональное состояние лица виновного совместно с иными признаками субъективной стороны состава преступления [21]. Следствие и суд должны подробно анализировать все признаки названной стороны модели преступления, включая эмоции, для того чтобы правильно оценить степень виновности лица, совершившего преступление. Данная позиция исходит из того, что эмоции являются обязательной составляющей любой человеческой деятельности, в том числе и преступной [22]. Игнорирование эмоционального состояния может привести к ошибкам квалификации.

Есть и другая позиция ученых, согласно которой значение «эмоций» следует учитывать только тогда, когда этого требует закон. Иными словами, не требуется доказывать наличие или отсутствие у виновного каких-либо эмоций, если конкретный состав преступления не предусматривает подобный признак в качестве обязательного. Н.П. Печников считает, что «далеко не все эмоции имеют уголовно-правовое значение, не все могут быть составным компонентом субъективной стороны преступления. Уголовное право учитывает лишь те из них, которые сопровождают процесс подготовки и осуществления преступного деяния» [23]. На основании изложенного утверждения Н.П. Печниковым можно сделать вывод, что эмоции

всё же являются больше факультативным признаком субъективной стороны состава преступления, однако становится обязательным и значимым лишь в тех составах, где он предусмотрен.

Существует и другая позиция, согласно которой эмоции относят к субъекту преступления. Основоположником данной теории является А.И. Рарог. В своих трудах он указывает, что «эмоции являются признаком субъекта преступления, поскольку нельзя определить эмоциональное состояние как элемент психического отношения лица к им содеянному» [24]. Думается, что эмоции являются всё же динамичным признаком субъективной стороны, отражающим психическое отношение лица к преступному деянию. В частности, в ст. 107, 113 УК РФ «аффект» является привилегировавшим признаком. Кроме того, заметим, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 №19 указано, что при выяснении вопроса, являлись ли для оборонявшегося лица неожиданными действия посягавшего, вследствие чего оборонявшийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения, суду следует принимать во внимание, в том числе эмоциональное состояние оборонявшегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т.п.)» [25]. Таким образом, несмотря на разногласия в теории уголовного права по поводу места эмоций в составе преступления, учитывая интерпретационное закрепление, более обоснованной является позиция, согласно которой эмоции следует рассматривать в качестве признака субъективной стороны.

Важно подчеркнуть, что аффект может сопровождаться как физическим, так и психическим насилием со стороны потерпевшего. Однако в ст. 107, 113 УК РФ законодатель не упоминает конкретный вид насилия. В ст. 61 УК РФ аналогично отсутствует четкая формулировка, согласно которой можно проследить определенную форму насилия со стороны потерпевшего. В п. «з» ч.1 данной нормы лишь указано, что смягчающим обстоятельством признается «противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления».

В доктрине уголовного права ряд ученых придерживается позиции относительного того, что аффект можно проследивать только со стороны физического насилия. В частности, Ш.С. Рашковская считает, что под насилием можно понимать любое посягательство на телесную неприкосновенность [26]. Н.И. Загородников так же ограничивал понятие «насилие» только физическим воздействием [27]. Физическое насилие может проследиваться в нанесении ударов, побоев и причинении вреда здоровью различной тяжести. Однако важным обстоятельством выступает тот факт, что насилие должно быть достаточным для того, чтобы возник сам аффект.

Существует и другая позиция ученых, согласно которой «аффект» может проявляться со стороны психического насилия. А.Н. Попов считает, что «применяя ст. ст. 107, 113 УК РФ надо рассматривать не только физическое, но и психическое насилие» [28]. В дополнение он указывает, что законодатель намеренно не указал один из видов насилия для того, чтобы толкование закона на практике использовалось шире.

Причиной, по которой психическим насилием можно вызвать «сильное душевное волнение», являются психотравмирующие ситуации, продолжающиеся на протяжении продолжительного времени. В качестве примера можно отметить «буллинг» ученика. Названный пример можно обозначить как «эмоциональную провокацию». Думается, что эмоциональная провокация связана с аморальным и противоправным поведением потерпевшего, которое направлено на вызов интенсивной эмоциональной реакции у виновного.

В рамках исследования «эмоциональной провокации», можно отметить утверждения А.И. Рарога, он считает, что «аффекту присущими будут такие эмоции, как гнев, ненависть, сильная обида» и «аффект, возникает внезапно и является определенной психической реакцией человека на внешний раздражитель» [29]. Исходя из вышеуказанной позиции, можно сделать вывод о том, что «аффект» является ответной реакцией на «эмоциональную провокацию».

Обращаясь к практическому аспекту, стоит отметить, что суд при производстве по делам со ст. 107, 113 УК РФ, устанавливает наличие или отсутствие противоправности и аморальности в действиях потерпевшего. По каждому делу, где вероятна квалификация по ст. 107, 113 УК РФ судам следует использовать личностный подход к установлению и реализации уголовной ответственности, поскольку указанные дела отличаются высокой сложностью при установлении фактов, исследовании доказательств и индивидуализации наказаний.

Установление состояния аффекта в момент совершения преступления имеет ключевое значение для правильной уголовно-правовой квалификации преступного деяния и назначения справедливого наказания. Для выяснения ответа на вопрос «находился ли подсудимый в состоянии аффекта на момент совершения преступления?» - суд может назначить судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Однако назначение такой экспертизы это право, но никак не обязанность суда, поскольку данная экспертиза не входит в число

обязательных. Решение о назначении вышеуказанной экспертизы принимается судом исходя лишь из необходимости исследования конкретных обстоятельств дела и имеющихся доказательств.

Установить такое эмоциональное состояние у виновного можно только с помощью специальных знаний, для чего необходимо обратиться к эксперту. Обязательное назначение судебной экспертизы регламентируется ст. 196 УПК РФ. Однако проведение экспертизы для «установления наличия или отсутствия аффекта у лица совершившего преступление» данной статьей не предусмотрено. Отсутствие такого положения в ст. 196 УПК РФ создает пробел при уголовно-правовой квалификации субъективной стороны состава преступления по ст. ст. 107, 113 УК РФ, что может привести к ошибке при назначении наказания. В связи с этим, предлагается добавить п. 4 ч. 1 ст. 196 УПК РФ следующей формулировкой: «наличие или отсутствие аффекта у лица совершившего преступление».

Выводы

Подводя итоги анализу некоторых особенностей эмоционального состояния лица как признака состава преступления, можно сделать следующие выводы.

1. Установлено, что эмоциональные состояния состоят из субъективных переживаний, нейробиологических механизмов и физиологических реакций. Помимо этого, удалось провести важное разграничение понятий: «эмоционального состояния» от «эмоций», «эмоций» от «чувств», «эмоций» от «аффекта».

Несмотря на имеющиеся разногласия об учете эмоций и иных эмоциональных состояний в качестве признака состава преступления, наиболее обоснованной и значимой является позиция, согласно которой такие явления следует считать факультативным признаком субъективной стороны. Указанная точка зрения подтверждается позицией ученых и прикладной необходимостью учета эмоций и иных эмоциональных состояний при уголовно-правовой оценке преступного деяния.

Помимо этого, проанализировано физическое и психическое насилие со стороны потерпевшего, которое, в свою очередь, может вызвать такое психофизиологическое состояние как аффект. Так, несмотря на отсутствие прямой регламентации законодателем конкретного вида насилия сопровождающего аффект и дискуссий ученых относительно того, что указанное психофизиологическое состояние может сопровождаться исключительно одной из форм насилия, в рамках настоящего научного исследования установлено, что такое эмоциональное состояние может сопровождаться как физическим, так и психическим насилием.

2. За исключением убийства, причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенные в состоянии аффекта (ст. 107, 113 УК РФ), признак «сильное душевное волнение» нигде более не учитывается, даже тогда, когда подобное состояние объективно повлияло на противоправные действия виновного. Можно заметить, что законодатель ставит эмоциональную составляющую, а именно субъективное отношение лица к совершенному преступлению, на второй план.

Как известно, ст. 61 УК РФ предусматривает ряд обстоятельств, смягчающих наказание за совершенное преступление. В настоящее время в указанной норме отсутствует аффект в качестве подобного.

На основании вышеизложенного, представляется необходимым применить такое понятие как «аффект», добавив дополнительный пункт в ч. 1 ст. 61 УК РФ: «совершение преступления в состоянии аффекта, вызванного обстановкой или обстоятельствами, существенно повлиявшими на психическое состояние лица, совершившего преступление».

Помимо вышеуказанного, имеется необходимость в толковании категории «обстановка или обстоятельство» в интересующей части, под которой требуется понимать умышленные действия потерпевшего (иного лица) в форме агрессии, угрозы, шантажа, унижения чести и достоинства или иных поступков, направленных на возникновение преступного умысла у виновного».

В то же время крайне важно получить разъяснение о том, что суд вправе не признать не имеющее аморального или противоправного источника состояния аффекта обстоятельством, смягчающее наказание, если возникнут сомнения в том, что оно оказало влияние на совершенные виновным лицом преступления.

Думается, имеется необходимость в разъяснении того, что суд вправе не учитывать в качестве смягчающего обстоятельства «состояние аффекта», если будет установлено, что действия обвиняемого стали причиной последующих противоправных и аморальных поступков потерпевшего в его сторону.

Вышеуказанные разъяснения помогут в установлении и разграничении «фиктивного» наличия аффекта от «реального», что обеспечит правильную уголовно-правовую оценку совершенного деяния, а в последующем вынесении справедливого наказания.

3. Уголовные дела по ст. 107, 113 УК РФ отличаются особой сложностью в квалификации из-за того, что суду нужно установить наличие или отсутствие «аффекта» у лица, совершившего преступление, однако для установления данных фактов необходимы специальные знания, без которых осуществление справедливого

и законного правосудия по данным делам не является возможным. В связи с чем имеется необходимость назначать судебную психолого-психиатрическую экспертизу.

Однако назначение такой экспертизы это право, но никак не обязанность суда, поскольку данная экспертиза не входит в число обязательных. Решение о назначении вышеуказанной экспертизы принимается судом исходя лишь из необходимости исследования конкретных обстоятельств дела и имеющихся доказательств.

С учетом этого, предлагается дополнить п. 4 ч. 1 ст. 196 УПК РФ следующей формулировкой: «наличие или отсутствие аффекта у лица совершившего преступление».

Отсутствие такого положения в указанной норме создает пробел при уголовно-правовой квалификации субъективной стороны состава преступления по ст. ст. 107, 113 УК РФ, что может привести к ошибке при назначении санкции.

Таким образом, установление состояния аффекта возникшего или отсутствующего в момент совершения преступления имеет ключевое значение для правильной уголовно-правовой квалификации преступного деяния и назначения справедливого наказания.

Список источников

1. Лунеев В.В. Субъективное вменение: монография. М., 2000. С. 70.
2. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве / науч. ред. Б.В. Здравомыслов. Саратов, 2017. С. 37.
3. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам: монография. СПб, 2002. С. 59.
4. О необходимости смягчения мер ответственности и наказаний за все преступления и административные правонарушения, совершенные в состоянии аффекта. URL: <https://www.roi.ru/104377/#:~:text=предусмотренывУКРФтолько,КоАПРФилисубъектовРФ> (дата обращения: 09.02.2025.)
5. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование. М., 1992. С. 10.
6. Психология: учебник для педагогических вузов / под ред. Б.А.Сосновского. М., 2005. С. 527.
7. Котова И.Б., Канаркевич О.С., Березина Н.Н., Березин А.Ф. Основы психологии. Ростов-на-Дону, 2002. С. 128.
8. Русанова Е.Г. Обзор методов классификации эмоций человека для задач распознавания эмоций // Политехнический молодежный журнал. 2022. № 8 (73). С. 3.
9. Полеткина И.И. Психофизиология эмоций: учебное пособие. Волгоград, 2012. С. 14.
10. Романчук Н.П. Когнитивный мозг: нейробиология, нейрофизиология и нейроэндокринология эмоций // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 3. С. 158.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата доступа: 29.02.2025)
12. Полеткина И.И. Психофизиология эмоций: учебное пособие. Волгоград, 2012. С. 46.
13. Романчук Н.П. Когнитивный мозг: нейробиология, нейрофизиология и нейроэндокринология эмоций // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 3. С. 159.
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (дата принятия 15.08.1845 г.). URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17827-t-15-ch-1-ulozhenie-o-nakazaniyah-ugolovnyh-i#mode/inspect/page/370/zoom/5> (дата обращения: 10.02.2025)
15. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (утв. 01.06.1922). URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 24.01.2025)
16. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/6d8a39804bfe82e851812361be108dd1296a042c/ (дата обращения: 12.02.2025)
17. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/de7a72554cf7d9cf87e1b406373d574452da2e43/ (дата обращения: 12.05.2025)
18. Например, приговор Бежицкого районного суда г. Брянска от 02.06.2011 г. по делу № 1-284/11. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/464203359> (дата обращения: 12.02.2025)
19. Чернова Н.А. Соотношение мотива совершения преступления и эмоций в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9 (70). С. 116.
20. Маслова Е.В. Факультативные признаки субъективной стороны состава преступления: теоретико-прикладное исследование. М., 2018. С. 38.

21. Чернова Н.А. Эмоции в структуре субъективной стороны преступления // Современный юрист. 2016. № 2 (15). С. 108.
22. Топчиева О.Д. Значение эмоциональных состояний субъекта в его поведении // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 254.
23. Печников Н.П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России: курс лекций. Тамбов, 2009. С. 3.
24. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 59.
25. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 11. С. 9.
26. Рашковская Ш.С. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. М., 1956. С. 27.
27. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 189.
28. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 89 – 92.
29. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / с учетом Федеральных законов № 203-ФЗ, 211-ФЗ, 214-ФЗ, 252-ФЗ // отв. ред. А. И. Рарог. Москва. 2013. С. 282.

References

1. Luneev V.V. Subjective imputation: monograph. Moscow, 2000. P. 70.
2. Rarog A.I. Guilt in Soviet criminal law. scientific ed. B.V. Zdravomyslov. Saratov, 2017. P. 37.
3. Rarog A.I. Qualification of crimes by subjective features: monograph. St. Petersburg, 2002. P. 59.
4. On the need to mitigate measures of responsibility and punishment for all crimes and administrative offenses committed in a state of passion. URL: <https://www.roi.ru/104377/#:~:text=продачанывУКРФтолько,КоАПРФилисундовРФ> (date of access: 09.02.2025.)
5. Khomskaya E.D., Batova N.Ya. Brain and emotions. Neuropsychological study. Moscow, 1992. P. 10.
6. Psychology: textbook for pedagogical universities. edited by B.A.Sosnovsky. Moscow, 2005. P. 527.
7. Kotova I.B., Kanarkevich O.S., Berezina N.N., Berezina A.F. Basics of psychology. Rostov-on-Don, 2002. P. 128.
8. Rusanova E.G. Review of methods for classifying human emotions for emotion recognition tasks. Polytechnic Youth Journal. 2022. No. 8 (73). P. 3.
9. Poletkina I.I. Psychophysiology of emotions: a tutorial. Volgograd, 2012. P. 14.
10. Romanchuk N.P. Cognitive brain: neurobiology, neurophysiology and neuroendocrinology of emotions. Bulletin of science and practice. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 158.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.01.1999 No. 1 (as amended on 03.03.2015) "On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (date of access: 29.02.2025)
12. Poletkina I.I. Psychophysiology of emotions: a tutorial. Volgograd, 2012. P. 46.
13. Romanchuk N.P. Cognitive brain: neurobiology, neurophysiology and neuroendocrinology of emotions. Bulletin of science and practice. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 159.
14. Code of criminal and correctional punishments (date of adoption 15.08.1845). URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/17827-t-15-ch-1-ulozhenie-o-nakazaniyah-ugolovnyh-i#mode/inspect/page/370/zoom/5> (date of access: 10.02.2025)
15. Criminal Code of the RSFSR of 1922 (approved on 01.06.1922). URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (date of access: 24.01.2025)
16. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 27.10.1960) (as amended on 30.07.1996). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/6d8a39804bfe82e851812361be108dd1296a042c/ (date of access: 12.02.2025)
17. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 27.10.1960) (as amended on 30.07.1996). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/de7a72554cf7d9cf87e1b406373d574452da2e43/ (date of access: 12.05.2025)

18. For example, the verdict of the Bezhitsky District Court of Bryansk dated 02.06.2011 in case No. 1-284/11. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/464203359> (date of access: 12.02.2025)
19. Chernova N.A. The relationship between the motive for committing a crime and emotions in criminal law. Actual problems of Russian law. 2016. No. 9 (70). P. 116.
20. Maslova E.V. Optional features of the subjective side of the crime: theoretical and applied research. Moscow, 2018. P. 38.
21. Chernova N.A. Emotions in the structure of the subjective side of the crime. Modern lawyer. 2016. No. 2 (15). P. 108.
22. Topchieva O.D. The Importance of Emotional States of a Subject in His Behavior. Legal Sciences: Problems and Prospects: Proceedings of the IV Int. Scientific Conf. (Kazan, May 2016). Kazan, 2016. P. 254.
23. Pechnikov N.P. Motive and Goals, Their Importance in the Criminal Law of Russia: Lecture Course. Tambov, 2009. P. 3.
24. Rarog A.I. Qualification of Crimes Based on Subjective Features. St. Petersburg, 2002. P. 59.
25. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 No. 19 "On the Application by Courts of Legislation on Necessary Defense and Causing Harm During the Detention of a Person Who Has Committed a Crime". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 11. P. 9.
26. Rashkovskaya Sh.S. Crimes against life, health, freedom and dignity of the individual. Moscow, 1956. P. 27.
27. Zagorodnikov N.I. Crimes against life under Soviet criminal law. Moscow, 1961. P. 189.
28. Popov A.N. Crimes against the person under mitigating circumstances. St. Petersburg, 2001. P. 89 – 92.
29. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. taking into account Federal Laws No. 203-FZ, 211-FZ, 214-FZ, 252-FZ. ed. A.I. Rarog. Moscow. 2013. P. 282.

Информация об авторах

Улитин И.Н., кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет, iliaylitin1994@gmail.com

Ханджиянц Л.А., Кубанский государственный университет, leonard.law23@mail.ru

© Улитин И.Н., Ханджиянц Л.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)

УДК 341.64

Перспективы верховенства права ЕАЭС

¹ Астафоров Э.А.,

¹ Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации

Аннотация: в настоящей статье автором исследуются перспективы формирования и развития принципа верховенства права в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Автор статьи анализируются правовые основы функционирования ЕАЭС, особенности наднационального регулирования и проблемы обеспечения единообразного применения права ЕАЭС в государствах-членах. Рассматриваются модели верховенства наднационального права в различных интеграционных объединениях, выявляются специфические черты евразийской интеграции. Особое внимание уделяется роли Суда ЕАЭС в формировании единого правового пространства и обеспечении верховенства права ЕАЭС. Автор приходит к выводу о необходимости поэтапного развития принципа верховенства права ЕАЭС с учетом особенностей правовых систем государств-членов.

Ключевые слова: ЕАЭС, верховенство права, наднациональное право, евразийская интеграция, Суд ЕАЭС, правовая интеграция, единое правовое пространство

Для цитирования: Астафоров Э.А. Перспективы верховенства права ЕАЭС // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 111 – 117.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Prospects for the rule of law of the EAEU

¹ Astaforov E.A.,

¹ Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia

Abstract: in this article, the author examines the prospects for the formation and development of the principle of the rule of law within the Eurasian Economic Union (EAEU). The author of the article analyzes the legal basis for the functioning of the EAEU, the features of supranational regulation and the problems of ensuring the uniform application of EAEU law in the member states. Models of supranational law in various integration associations are considered, and specific features of Eurasian integration are identified. Particular attention is paid to the role of the EAEU Court in the formation of a single legal space and ensuring the rule of law of the EAEU. The author comes to the conclusion about the need for a phased development of the principle of the rule of law of the EAEU, taking into account the features of the legal systems of the member states.

Keywords: EAEU, rule of law, supranational law, Eurasian integration, EAEU Court, legal integration, single legal space

For citation: Astaforov E.A. Prospects for the rule of law of the EAEU. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 111 – 117.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 9, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Отметим, что Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный в 2015 году, представляет собой наиболее амбициозный интеграционный проект на постсоветском пространстве. По мнению автора, формирование единого экономического пространства требует не только гармонизации экономических отношений, но и создания эффективной правовой системы, способной обеспечить единообразное регулирование интеграционных процессов.

Одним из ключевых вопросов развития ЕАЭС является проблема верховенства права Союза над национальным правом государств-членов. В процессе исследования установлено, что данная проблема имеет принципиальное значение для эффективности функционирования интеграционного объединения, поскольку без обеспечения приоритета наднационального права невозможно достижение целей интеграции.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления перспектив развития правовой системы ЕАЭС, выявления проблем и противоречий в процессе формирования наднационального правопорядка, а также разработки предложений по совершенствованию правовых механизмов евразийской интеграции.

Материалы и методы исследований

Автором настоящей статьи, при написании данного исследования, в качестве методологической основы применялся диалектический подход, позволяющий рассматривать формирование принципа верховенства права ЕАЭС как динамический процесс, характеризующийся внутренними противоречиями между стремлением к интеграции и сохранением национального суверенитета государств-членов. Системный подход применялся для анализа права ЕАЭС как целостной системы, включающей различные уровни правового регулирования (наднациональный и национальный) и множество взаимосвязанных элементов (нормы, институты, процедуры). Структурно-функциональный анализ использовался для исследования роли различных органов ЕАЭС в процессе формирования и обеспечения верховенства права Союза, а также для выявления функциональных связей между элементами правовой системы ЕАЭС.

Методы исследования, применявшиеся в процессе написания статьи: формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, историко-правовой метод, системно-структурный метод, функциональный метод, метод правового моделирования.

Результаты и обсуждения

В процессе исследования было установлено, что правовую основу ЕАЭС составляет Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, который определяет цели, принципы и институциональную структуру Союза. Согласно статье 6 Договора, право ЕАЭС состоит из: [2, с. 27]

- Договора о ЕАЭС и международных договоров в рамках Союза;
- решений и распоряжений органов Союза;
- международных договоров Союза с третьими сторонами.

Важнейшим принципом функционирования ЕАЭС является принцип добросовестного выполнения государствами-членами обязательств по Договору и решениям органов Союза. Однако, по мнению автора, договор не содержит прямого указания на верховенство права ЕАЭС над национальным правом, что создает определенные проблемы в правоприменительной практике.

Статья 112 Договора устанавливает, что государства-члены обеспечивают соответствие своего национального законодательства Договору и международным договорам в рамках Союза. Данная формулировка носит скорее декларативный характер и не содержит четких механизмов обеспечения такого соответствия.

Для понимания перспектив развития принципа верховенства права ЕАЭС необходимо рассмотреть опыт других интеграционных объединений. Рассмотрим данный опыт и оформим полученный результат в виде таблицы.

Таблица 1

Опыт других интеграционных объединений.

Table 1

Experience of other integration associations.

Опыт	Описание
Европейская модель	<p>Наиболее развитая модель верховенства наднационального права сложилась в Европейском союзе. Принцип верховенства права ЕС был сформулирован Судом ЕС в деле <i>Costa v. ENEL</i> (1964) и получил дальнейшее развитие в последующей судебной практике. Согласно этому принципу, право ЕС имеет приоритет над национальным правом государств-членов, включая конституционное право.</p> <p>Ключевые характеристики европейской модели: [3, с. 189]</p> <ul style="list-style-type: none"> - прямое действие права ЕС в национальных правовых порядках; - обязанность национальных судов применять право ЕС; - возможность признания недействительными национальных актов, противоречащих праву ЕС; - развитая система предварительных решений Суда ЕС.
Модель МЕРКОСУР	<p>В рамках МЕРКОСУР принцип верховенства наднационального права развит в меньшей степени. Решения органов МЕРКОСУР требуют имплементации в национальное законодательство государств-членов.</p> <p>При этом отсутствует единообразная судебная система, способная обеспечить единообразное толкование и применение права интеграционного объединения.</p> <p>Модель правовой интеграции в рамках ЕАЭС имеет свои специфические черты:</p> <ul style="list-style-type: none"> - сохранение значительного объема суверенных прав государств-членов; - межправительственный характер принятия основных решений; - ограниченная компетенция наднациональных органов; - особая роль национальных конституций в правовых системах государств-членов.

Отметим так же, что для любого интеграционного объединения является важным действие принципов верховенства и прямого действия, так как государства способны за счет внутренних актов искажать смысл содержания актов, принимаемых институтами данного объединения, и нивелировать значение. Без данных принципов невозможно говорить об автономности правовой системы интеграционного объединения.

Не менее важный вопрос возникает в данном случае: будет ли право интеграционного объединения развиваться как международное право и влечь за собой обязательства в отношении только государств или же будет создавать особый правовой порядок, общий для всех субъектов права в государствах-членах.

Суд ЕАЭС, созданный в соответствии со статьей 18 Договора, призван играть ключевую роль в обеспечении единообразного толкования и применения права ЕАЭС. Компетенция Суда включает разрешение споров о соответствии актов органов Союза Договору, рассмотрение споров между государствами-членами, разъяснение положений Договора и международных договоров в рамках Союза.

Однако в отличие от Суда ЕС, Суд ЕАЭС не обладает компетенцией по рассмотрению дел о нарушении государствами-членами обязательств по Договору, что существенно ограничивает его возможности по обеспечению верховенства права ЕАЭС.

Рассмотрим практику суда ЕАЭС и сравним её с практикой суда ЕС, чтобы определить, насколько общим является подход крупнейших европейских интеграционных объединений в отношении действия собственных источников права.

Одним из первых актов, где Суд поднял вопрос о свойствах права ЕАЭС, стало *Решение от 21 февраля 2017г.* По данному делу Россия утверждала, что односторонний пересмотр Белоруссией решений, которые были приняты таможенными органами России, нарушали ст.125 Таможенного кодекса и ст.11 и ст.17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза 2010г. В нем Суд определил непосредственное действие норм Соглашения 2010г., на которые ссылалась Россия, и частично удовлетворил её требования. Суд применил ст.11 и ст.17, объяснив это тем, что она имеет императивный характер и не содержит никаких изъятий или отсылок [9].

Также Суд сделал ссылку на ст.26-27 Венской конвенции о праве международных договоров в контексте того, что Белоруссия не могла использовать ссылки на собственное законодательство как аргумент в объяснении своих действий [1].

Таким образом, Суд впервые выделил непосредственный характер норм права ЕАЭС и установил первые критерии для этого: императивность и отсутствие изъятий.

Помимо этого, Суд через ссылку на Венскую конвенцию косвенно упомянул принцип верховенства права ЕАЭС, нивелировав тем самым аргументы Белоруссии, ссылавшейся на собственное законодательство. А судья К.Л. Чайка в своем особом мнении по данному делу и вовсе утверждает, что “обязательность права Союза не может быть различной в государствах-членах в зависимости от наличия или последующего принятия внутренних актов, допускающих или прямо предусматривающих совершение действий или принятие решений, не соответствующих праву Союза”, при этом ссылаясь ещё на дела *Costa v. Enel* от 15 июля 1964г. и дело *Симменталь* от 9 марта 1978г., которые объясняют принцип верховенства права ЕС [7].

В деле *Costa v. Enel 1964* Люксембургский суд привел тезис, что право ЕЭС(на тот момент) образует собой особую систему, отличную от обычных (“ordinary”) международных договоров, которая является составной частью (“integral part”) права государств-членов и которая обязательна для применения судами. Здесь Суд ссылается на ст. 189 Договора о ЕЭС, в которой говорится об обязательно характере регламентов. На основе толкования ст. 53 Договора, которая предусматривает, что государства-члены обязуются не вводить никаких новых ограничений на право жительства и экономической деятельности на их территории для граждан других государств-членов, за исключением случаев, когда Договор предусматривает иное, в том смысле, что право ЕС самодостаточно по своей природе, а его верховенство обеспечивается тем, что государства добровольно передали ряд своих полномочий Союзу для разрешения споров [10].

Суд также пришел к выводу, что Обязанность следить за соблюдением данного положения лежит на Комиссии.

В деле *Симменталь* суд ЕЭС

Суд, в отличие от судьи Чайки, не ссылается не на право ЕС, а общий источник международного права – Венскую конвенцию о праве международных договоров, что говорит о том, что Суд ещё не готов, возможно в политическом смысле, к автономизации ЕАЭС. Однако в научной среде эти мысли есть.

Смежным к этому является особое мнение Т.Н. Нешатаевой по данному делу. Согласно ее позиции, решения органов ЕАЭС подлежат непосредственному применению на территории государств-членов и обладают прямым действием, исходя из ст.2 Статута Суда Евразийского экономического союза, где указано, что целью Суда является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза заключенных международных договоров и решений органов [8].

И действительно, единообразие применения источников права невозможно, если они не имеют верховенства и прямого действия в отношении стран-участниц.

Обратимся помимо этого к *Консультативному заключению от 12 сентября 2017 года*. В данном деле В нем Суд утверждает, что “национальные нормы применимы к трудовым отношениям с участием органов Союза в пределах, установленных правом Союза. В этой связи Большая коллегия Суда исходит из приоритета норм Договора” [6].

Как видно, Суд осторожно избегает термина “верховенство”, имеющего резкую политическую окраску, однако если рассматривать по аналогии термины “primacy” и “supremacy”, которые одинаково используются в научной зарубежной доктрине, то можно сделать вывод, что и понятие приоритета имеет не так уж много отличий от понятия верховенства.

Далее заслуживает рассмотрения *Консультативное заключение от 7 декабря 2018г.*, в котором было Большая коллегия истолковала ст.97 Договора о ЕАЭС, посвященную регулированию трудовой деятельности в странах-участницах, недвусмысленно утверждая, что формулировки статьи наделяют “работодателей, заказчиков работ (услуг) и трудящихся государств-членов правами, а также являются достаточно четкими и ясными, не требуют имплементации в национальное законодательство, позволяют констатировать наличие у них свойств прямого действия и непосредственного применения” [5].

Таким образом, Суд четко провозгласил принцип прямого действия права ЕАЭС с тем критерием, что это следует из содержания статьи, т.е. фактически из её императивного характера, что исключает необходимость её имплементации государствами-участниками и подразумевает непосредственное применение. Более того, Суд приближается к тому, чтобы обращаться не к нормам международного права, а собственно самому праву ЕАЭС, тем самым придавая особенный характер его нормам, что критически важно для автономности интеграционного объединения.

Здесь опять же Суд сталкивается с проблемой признания верховенства права ЕАЭС, так как при отсутствии такового принцип прямого действия теряет свою ценность. Есть интересные доводы в данном заключении: Суд указал, что при противоречии праву Союза актов национального законодательства (в призме рассматриваемой ст.97 Договора), следует руководствоваться правом ЕАЭС. Т.е. Суд ЕАЭС указывает правоприменительным органам (прежде всего судам) в странах-участницах применять право ЕАЭС, а не наци-

ональное в разрешении дел. Выбор наднационального права и неприменение права государства-члена рассматривается же в свою очередь как реализация принципа верховенства.

Суд не ограничивается одним заключением и применяет на практике выдвигаемые им идеи. Примером тому является *Консультативное заключение от 20 декабря 2018 года*. Суд по обращению Евразийской экономической комиссии рассмотрел п.53 и 54 приложения № 32 к Договору о ЕАЭС., связанные с назначением пенсий. Упомянутая норма, по мнению Суда, содержит самостоятельное условие назначения должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда пенсии за выслугу лет. Соответственно, независимо от изменения в национальном законодательстве стажа, при наличии которого назначается соответствующая пенсия, в отношении международных служащих органов Союза применяется норма о стаже, установленная именно Договором [4].

Таким образом, в отношении служащих именно ЕАЭС имеет верховенство права ЕАЭС. Здесь был сделан маленький шаг в сторону верховенства права Союза, так как, обособив положение служащих ЕАЭС, Суд придает автономность его правовой системе. Но говорить о его верховенствующей роли в национальных юрисдикциях пока рано.

Таким образом, уже в начале своего функционирования Суд ЕАЭС предпринял попытки обоснования и развития принципов верховенства и прямого действия права ЕАЭС, которые обеспечивают автономность его правовой системы.

Отметим так же, что несмотря на существующие проблемы, можно выделить несколько направлений развития принципа верховенства права ЕАЭС. Наиболее реалистичным представляется поэтапное развитие принципа верховенства права ЕАЭС в отдельных сферах интеграции. Начать можно с областей, где уже достигнут высокий уровень гармонизации законодательства – таможенное регулирование, техническое регулирование, санитарные и фитосанитарные меры.

Как было установлено в процессе исследования, суд ЕАЭС может постепенно формировать доктрину верховенства права ЕАЭС через свою практику, используя опыт других интеграционных объединений и учитывая специфику евразийской интеграции. Необходимо рассмотреть возможность расширения компетенции Суда ЕАЭС, включая предоставление ему права рассматривать дела о нарушении государствами-членами обязательств по Договору.

По мнению автора, важным направлением является дальнейшая гармонизация национального законодательства государств-членов в сферах, относящихся к компетенции ЕАЭС.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие авторские рекомендации. Прежде всего, необходима разработка концепции верховенства права ЕАЭС, учитывающей специфику евразийской интеграции и конституционные особенности государств-членов. Необходимо внесение изменений в Статут Суда ЕАЭС с целью расширения его компетенции и усиления роли в обеспечении единообразного применения права ЕАЭС. Требуется создание механизма предварительных решений, позволяющего национальным судам обращаться в Суд ЕАЭС за разъяснениями по вопросам применения права ЕАЭС. Обязательным является развитие системы мониторинга соблюдения государствами-членами обязательств по Договору и решениям органов ЕАЭС и усиление координации между органами ЕАЭС и национальными органами власти в вопросах правоприменения.

Выводы

В процессе исследования установлено, что формирование принципа верховенства права ЕАЭС является сложным и длительным процессом, требующим учета множества факторов – от конституционных особенностей государств-членов до политических реалий евразийской интеграции.

Проведенный автором анализ показывает, что прямое заимствование европейской модели верховенства наднационального права не представляется возможным в условиях ЕАЭС. Необходима разработка собственной модели, учитывающей специфику евразийской интеграции и основанной на постепенном развитии наднациональных элементов в правовой системе Союза.

Отметим, что ключевую роль в этом процессе должен играть Суд ЕАЭС, который через свою практику может постепенно формировать доктрину верховенства права ЕАЭС. При этом важно обеспечить баланс между необходимостью единообразного применения права ЕАЭС и сохранением конституционной идентичности государств-членов.

По мнению автора, перспективы развития принципа верховенства права ЕАЭС во многом зависят от политической воли государств-членов к углублению интеграции. Только при наличии такой воли возможно создание эффективной системы наднационального права, способной обеспечить достижение целей евразийской интеграции.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных механизмов имплементации принципа верховенства права ЕАЭС, анализ судебной практики и изучение опыта других интеграционных объединений с учетом специфики евразийского региона.

Список источников

1. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 24.10.2021)
2. Войников В.В., Артеменко Т.Д. Право ЕЭК на обращение в суд ЕАЭС: перспективы развития и опыт ЕС // Московский журнал международного права. 2023. № 2. С. 21 – 37.
3. Гуйда Е.В. Опыт Европейского союза в формировании принципа верховенства права и верховенства закона в Европейском союзе // Теория и практика общественного развития. 2024. № 8 (196). С. 186 – 191.
4. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 20 декабря 2018 года по делу №СЕ-2-2/7-18-БК по заявлению Евразийской экономической комиссии. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/documents/?PAGEN_1=7&SIZEN_1=20 (дата обращения: 26.10.2021)
5. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 7 декабря 2018 года по делу № СЕ-2-2/5-18-БК по заявлению Евразийской экономической комиссии URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/documents/?PAGEN_1=7&SIZEN_1=20 (дата обращения: 26.10.2021)
6. Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Суда от 12 сентября 2017 года по делу № СЕ-2-2/1-17-БК по заявлению Евразийской экономической комиссии. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/documents/?PAGEN_1=8&SIZEN_1=20 (дата обращения: 26.10.2021)
7. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи К.Л. Чайки к решению от 21 февраля 2017 года по делу №СЕ-1-1/1-16-БК по заявлению Российской Федерации против Республики Беларусь URL:https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/ (дата обращения: 24.10.2021)
8. Суд ЕАЭС. Особое мнение судьи Т.Н. Нешатаевой к решению от 21 февраля 2017 года по делу № СЕ-1-1/1-16-БК по заявлению Российской Федерации против Республики Беларусь URL:https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/ (дата обращения: 24.10.2021)
9. Суд ЕАЭС. Решение от 21 февраля 2017 года по делу №СЕ-1-1/1-16-БК по заявлению Российской Федерации против Республики Беларусь. URL:https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/ (дата обращения: 24.10.2021)
10. Court of Justice of the European Union. Judgment of the Court of 15 July 1964 Case 6-64 Flaminio Costa v E.N.E.L URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEXCJ0006&qid=1635589702022>

References

1. Vienna Convention on the Law of Treaties of 23 May 1969. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (date of access: 24.10.2021)
2. Voynikov V.V., Artemenko T.D. The right of the EEC to apply to the EAEU Court: development prospects and EU experience. Moscow Journal of International Law. 2023. No. 2. Pp. 21 - 37.
3. Guida E.V. Experience of the European Union in the formation of the principle of the rule of law and the rule of law in the European Union. Theory and practice of social development. 2024. No. 8 (196). Pp. 186 - 191.
4. Court of the EAEU. Advisory Opinion of 20 December 2018 in Case No. CE-2-2/7-18-BK on the Application of the Eurasian Economic Commission. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/documents/?PAGEN_1=7&SIZEN_1=20 (date of access: 26 October 2021)
5. Court of the EAEU. Advisory Opinion of 7 December 2018 in Case No. CE-2-2/5-18-BK on the Application of the Eurasian Economic Commission. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/documents/?PAGEN_1=7&SIZEN_1=20 (date of access: 26 October 2021)

6. Court of the EAEU. Advisory opinion of the Court of 12 September 2017 in case No. CE-2-2/1-17-BK on the application of the Eurasian Economic Commission. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/documents/?PAGEN_1=8&SIZEN_1=20 (date of access: 26.20.2021)

7. Court of the EAEU. Dissenting opinion of Judge K.L. Chaika to the decision of 21 February 2017 in case No. CE-1-1/1-16-BK on the application of the Russian Federation against the Republic of Belarus URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-2.16/ (date of access: 24.10.2021)

8. Court of the EAEU. Dissenting opinion of Judge T.N. Neshataeva to the decision of 21 February 2017 in case No. CE-1-1/1-16-BK on the application of the Russian Federation against the Republic of Belarus URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-2.16/ (date of access: 24.10.2021)

9. Court of the EAEU. Decision of 21 February 2017 in case No. CE-1-1/1-16-BK on the application of the Russian Federation against the Republic of Belarus. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/C-2.16/ (date of access: 24.10.2021)

10. Court of Justice of the European Union. Judgment of the Court of 15 July 1964 Case 6-64 Flaminio Costa v E.N.E.L URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEXCJ0006&qid=1635589702022>

Информация об авторе

Астафоров Э.А., Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, astafed@yandex.ru

© Астафоров Э.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)

УДК 341.231.14

Туристическая миграция в праве ЕАЭС и СНГ: проблема гармонизации подходов и перспективы правовой унификации

¹ Баклажков И.А.,

¹ Дипломатическая академия МИД

Аннотация: статья посвящена анализу правового регулирования туристической миграции в рамках ЕАЭС и СНГ. Туристическая миграция рассматривается как форма трансграничной мобильности, при которой въезд осуществляется в туристических целях, но в дальнейшем происходит изменение миграционного намерения и фактическая трансформация правового статуса. Отсутствие единых определений, процедур и механизмов правового сопровождения такой трансформации приводит к правовой фрагментации и росту числа нарушений визового режима. Целью исследования является выявление недостатков действующего договорного и национального регулирования, оценка перспектив цифровизации визовой политики и обоснование модели региональной правовой унификации. В статье рассматриваются лучшие практики России, Казахстана, Узбекистана, а также Европейского союза, включая внедрение электронных виз, систем миграционного мониторинга и механизмов предварительного разрешения на въезд. Автором предложена концепция правовой унификации, включающая дефиницию туристической миграции, согласованный механизм смены цели пребывания, а также проект международного соглашения, регулирующего действия государств в отношении лиц с трансформированным миграционным статусом. Практическое значение работы заключается в возможности использования предложенной модели при разработке нормативных правовых актов ЕАЭС и СНГ, совершенствовании миграционной политики и формировании цифровой инфраструктуры визового контроля.

Ключевые слова: туристическая миграция, визовая политика, миграционное право, унификация, цифровая виза, региональное сотрудничество

Для цитирования: Баклажков И.А. Туристическая миграция в праве ЕАЭС и СНГ: проблема гармонизации подходов и перспективы правовой унификации // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 118 – 124.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Tourist migration in the law of the EAEU and CIS: the problem of harmonization of approaches and prospects for legal unification

¹ Baklazhkov I.A.,

¹ Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs

Abstract: this article analyzes the legal regulation of tourist migration within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Commonwealth of Independent States (CIS). Tourist migration is considered as a form of cross-border mobility in which entry is carried out for tourism purposes, but subsequently the migration intention changes, resulting in the transformation of the legal status. The lack of unified definitions, procedures, and legal mechanisms for supporting such transformation leads to regulatory fragmentation and an increase in visa violations. The aim of the study is to identify shortcomings in the existing treaty-based and national regula-

tions, assess the prospects for digitalization of visa policy, and substantiate a model of regional legal unification. The article examines best practices from Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, and the European Union, including the introduction of electronic visas, migration monitoring systems, and mechanisms for pre-entry authorization. The author proposes a concept of legal unification that includes a definition of tourist migration, a coordinated mechanism for changing the purpose of stay, and a draft international agreement regulating the actions of states toward individuals with a transformed migration status. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the proposed model to the development of legal instruments within the EAEU and CIS, improving migration policy, and building a digital infrastructure for visa control.

Keywords: *tourist migration, visa policy, migration law, unification, electronic visa, regional cooperation*

For citation: Baklazhkov I.A. Tourist migration in the law of the EAEU and CIS: the problem of harmonization of approaches and prospects for legal unification. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 118 – 124.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Современные миграционные процессы характеризуются все большей сложностью и многообразием форм трансграничной мобильности, выходящих за рамки классических моделей. Одним из наименее урегулированных направлений миграции является перемещение иностранных граждан по туристическим основаниям с последующим изменением цели пребывания. Такая модель поведения, при которой въезд осуществляется на законных основаниях в туристических целях, а затем лицо фактически переходит в статус трудового мигранта или лица, претендующего на иные формы легализации, вызывает правовые трудности как на национальном, так и на региональном уровнях.

В рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) отсутствует согласованный подход к правовому регулированию туристической миграции. Действующие соглашения сосредоточены преимущественно на развитии туризма или на обеспечении свободы передвижения в целях трудовой деятельности, не учитывая специфику трансформации визового режима и статуса въехавшего лица. Отсутствие координации между государствами-участниками порождает правовую фрагментацию, создает благоприятные условия для фиктивного туризма и затрудняет мониторинг миграционных процессов.

Целью статьи является выявление пробелов и противоречий в правовом регулировании туристической миграции в ЕАЭС и СНГ, а также выработка рекомендаций по гармонизации подходов и возможной правовой унификации на основе международного и регионального опыта.

Материалы и методы исследований

Методологической основой статьи выступает международно-правовой подход к регулированию миграции, сочетающий анализ норм универсального и регионального характера с оценкой правоприменительной практики и институциональных механизмов. В работе использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также специальные юридические методы – формально-юридический (для анализа нормативных актов), сравнительно-правовой (для сопоставления национальных режимов и практик ЕАЭС, СНГ и ЕС), метод правового моделирования (при разработке авторской концепции унификации).

Материалы исследования представлены международными актами ЕАЭС и СНГ в сфере миграции и туризма, цифровыми инициативами по электронным визам и миграционному контролю; примерами из практики ЕС (ETIAS, Entry/Exit System) в качестве ориентировочной модели.

Результаты и обсуждения

Туристическая миграция представляет собой особый тип трансграничного перемещения, при котором лицо въезжает на территорию иностранного государства с заявленной краткосрочной целью – отдых, культурный обмен, лечение – но в дальнейшем изменяет свое миграционное поведение, стремясь к долгосрочному пребыванию или трудовой интеграции. Несмотря на исходную легальность въезда, такое поведение нередко выходит за пределы допустимых параметров туристического статуса и становится предметом миграционного контроля. Однако в большинстве правовых режимов туристическая миграция не рассматривается как самостоятельная категория, а правовые механизмы, обеспечивающие трансформацию цели пребывания, либо отсутствуют, либо носят фрагментарный характер.

Основными признаками туристической миграции являются: (1) въезд в страну по туристической визе или в рамках безвизового режима; (2) изначально заявленная краткосрочная цель пребывания; (3) последу-

ющее изменение фактических намерений; (4) временность и нестабильность правового положения лица; (5) потенциальная вовлеченность в трудовую, образовательную или семейную сферу. Эти признаки позволяют отличить ее от классического туризма, который не предполагает трансформации миграционного статуса, а также от трудовой миграции, для которой характерна заблаговременная правовая определенность. Для туристической миграции характерны как латентные сценарии (сознательное сокрытие истинных намерений), так и ситуационные модели правового поведения личности (изменение намерений по ходу пребывания).

В рамках ЕАЭС и СНГ сформировалась нормативно-правовая база, направленная на упрощение перемещения физических лиц, развитие туристической отрасли и координацию визовой политики. Однако действующее регулирование ограничивается преимущественно общими положениями о свободе передвижения и не учитывает специфику туристической миграции как процесса, сопряженного с изменением цели пребывания. Отсутствие согласованных понятийных и правовых подходов препятствует формированию унифицированной модели реагирования на случаи трансформации визового статуса.

В праве ЕАЭС вопросы миграции регулируются, прежде всего, Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. [6], который предусматривает свободу передвижения рабочей силы в рамках союза (ст. 97–98). Однако данный режим применяется исключительно к трудовым мигрантам – гражданам государств-членов, въехавшим с целью трудовой деятельности. Туристическая миграция, не имеющая изначально трудовой направленности, находится вне рамок договорного регулирования, что порождает правовой вакуум в случае трансформации статуса с туристического на трудовой. Кроме того, договорные положения не устанавливают специальных процедур смены миграционного намерения или временной легализации лиц, изменивших цель пребывания. Документы ЕАЭС декларируют стремление к выработке общих подходов в вопросах визовой политики, миграционного контроля, обмена информацией. Вместе с тем в них отсутствуют нормы, направленные на урегулирование гибридных форм миграции, включая туристическую. Не решены вопросы правового положения иностранных граждан, въехавших в рамках безвизового режима, но изменивших цель своего пребывания.

СНГ в большей степени фокусируется на гуманитарных аспектах сотрудничества и развитии туристических обменов. Основное внимание уделяется развитию туристической инфраструктуры, упрощению визовых формальностей и маркетинговой координации. Некоторую попытку систематизации миграционного регулирования предпринял Модельный миграционный кодекс СНГ (принят Межпарламентской Ассамблеей СНГ в 2018 г.) [8]. В нем закреплены базовые понятия, механизмы въезда, регистрации, пребывания и выезда иностранных граждан. Однако туристическая миграция не выделяется как отдельный объект правового регулирования, а трансформация визовой цели рассматривается лишь в общих чертах, без указания на процедурные или правовые гарантии для лиц, изменивших свое намерение пребывания. Кодекс ориентирован «преимущественно на борьбу с незаконной миграцией и обеспечение безопасности, в то время как гибкие миграционные сценарии остаются вне его охвата» [3, с. 191].

На практике государства ЕАЭС и СНГ демонстрируют различия в визовой политике и в подходах к контролю за пребыванием иностранных граждан. Например, Россия с 2023 года ввела единую электронную визу и активно внедряет цифровые инструменты контроля миграционного статуса, включая автоматизированные уведомления о продлении или нарушении срока пребывания. Казахстан реализует собственную систему e-visa, но без механизма сопровождения смены миграционного намерения. Беларусь и Армения сохраняют классическую модель визового контроля без значительной цифровизации. Такие различия затрудняют гармонизацию и способствуют правовой фрагментации.

Дополнительной проблемой является отсутствие обмена информацией между органами миграционного контроля стран ЕАЭС и СНГ. Это снижает эффективность борьбы с фиктивным туризмом и препятствует мониторингу лиц, меняющих миграционный статус в обход формальных процедур. Неурегулированным остается также вопрос признания решений о трансформации статуса, принятых в одном государстве, на территории другого государства-участника.

Таким образом, несмотря на наличие отдельных соглашений и деклараций о намерениях, правовое регулирование туристической миграции в рамках ЕАЭС и СНГ остается фрагментарным и не охватывает ключевых аспектов, связанных с изменением цели пребывания. Отсутствие нормативной дифференциации между краткосрочным туризмом и «трансформируемыми миграционными сценариями приводит к правовой неопределенности, нарушает принцип правовой определенности и затрудняет реализацию сбалансированной миграционной политики на евразийском пространстве» [5, с. 28].

Для преодоления указанных проблем требуется согласование понятийного аппарата, включение категории «туристическая миграция» в региональные нормативные акты, а также разработка единых процедур легализации пребывания при изменении визового намерения. Это станет основой для дальнейшей правовой

унификации и согласованного подхода к трансграничной мобильности в рамках интеграционных объединений.

Цифровизация визовых процедур становится приоритетным направлением государственной политики в сфере трансграничной мобильности. Использование электронных виз, автоматизированных систем контроля сроков пребывания и интеграция визово-миграционных баз данных «позволяют повысить прозрачность, ускорить административные процедуры и обеспечить надежный мониторинг перемещения лиц» [10, с. 122].

Для стран ЕАЭС и СНГ такие решения открывают возможности не только для упрощения туризма, но и для создания единой нормативной платформы в целях контроля за трансформацией миграционного статуса. Одним из наиболее заметных достижений в рамках ЕАЭС является внедрение единой электронной визы (e-visa) в Российской Федерации. С 1 августа 2023 года граждане более 50 государств могут получить однократную электронную визу на срок до 16 дней через специализированный портал МИД РФ [7]. Единая электронная виза дает право гражданам иностранных государств, перечень которых установлен Правительством РФ, на въезд в Россию и пребывание в ней с гостевым или деловым визитом, в качестве туриста, а также для участия в научных, культурных, общественно-политических, экономических, спортивных мероприятиях и осуществления соответствующих связей и контактов.

Процедура подачи полностью дистанционная, срок рассмотрения – до 4 рабочих дней. Система интегрирована с базами МВД и Пограничной службы, что позволяет автоматически фиксировать въезд и выезд. В перспективе предусмотрена возможность отслеживания изменений в цели пребывания, включая уведомление о намерении сменить туристический статус на трудовой или образовательный. В отдельных случаях срок действия единой электронной визы и разрешенный срок пребывания иностранца в РФ на основании этой визы могут быть продлены по его письменному заявлению МВД России или его территориальными органами.

Аналогичное решение реализуется в Казахстане, где с 2019 года действует режим e-visa для граждан более 100 стран, въезжающих через аэропорты Астаны и Алматы. Электронная виза может быть выдана только при наличии действительного приглашения с казахстанской стороны. Для оформления электронной визы требуется номер приглашения, полученный от приглашающей казахстанской стороны. Вместе с тем в Казахстане ведется разработка системы «Smart Migration», в рамках которой предполагается внедрение цифрового контроля за миграционными намерениями, включая использование QR-кодов и мобильных приложений для туристов» [9, с. 632].

В странах СНГ также наблюдаются элементы цифровизации. Узбекистан стал одной из первых стран региона, внедривших в 2018 году электронные визы. Система позволяет туристам подавать документы без необходимости обращения в консульство. Кроме того, Узбекистан реализует платформу «Visa Check», на которой регистрируются «не только сами визы, но и действия туриста после въезда, включая продление пребывания» [4, с. 23].

Наиболее технологически продвинутой визовой системой в мире на сегодняшний день остается система Европейского союза. В 2023 году ЕС завершил тестирование Entry/Exit System (EES) [1] – единой базы биометрических данных для регистрации фактов пересечения границы, сроков пребывания и нарушений визового режима. Система автоматически сигнализирует о превышении разрешенного срока или нарушении условий визы. Параллельно разрабатывается ETIAS [2] (European Travel Information and Authorisation System) – система предварительного разрешения на безвизовый въезд, обязательная к внедрению с 2025 года. Эти инструменты создают инфраструктуру, позволяющую отслеживать даже краткосрочные туристические поездки и трансформацию их правового содержания.

В рамках СНГ и ЕАЭС цифровизация визового режима может стать основой для выстраивания согласованной политики в отношении туристической миграции. Наиболее перспективными направлениями в этом отношении являются:

- создание общей платформы подачи заявлений на визу по аналогии с визовой информационной системой ЕС;
- введение цифровых уведомлений о смене цели пребывания, интегрированных в электронную визу;
- формирование межгосударственного реестра лиц с трансформированным статусом;
- разработка общего технического регламента цифровой миграционной документации;
- использование блокчейн-технологий для подтверждения визовых историй и исключения фальсификаций.

Несмотря на институциональные усилия ЕАЭС и СНГ в направлении сближения миграционной политики, унификация подходов к регулированию туристической миграции сталкивается с рядом правовых, орга-

низационных и политических ограничений. Главным препятствием выступает отсутствие единого понятийного аппарата, что затрудняет закрепление согласованного правового режима на наднациональном уровне. Понятие «туристическая миграция» отсутствует как в нормативных документах, так и в модельных актах государств-членов. Это приводит к тому, что даже при наличии сходных миграционных вызовов страны применяют разнородные механизмы реагирования.

Второй значительный барьер – это различия в визовой политике и институциональных приоритетах государств ЕАЭС и СНГ. Так, Россия активно цифровизирует визовый контроль и вводит инструменты отслеживания миграционного поведения, тогда как «Беларусь и Армения сохраняют традиционный подход. Казахстан реализует инициативы в области электронной визы, но не развивает процедуры трансформации статуса» [11, с. 646].

Таким образом, миграционная архитектура региона остается фрагментированной, что снижает эффективность совместных решений. Унификация в таких условиях требует не только согласования юридических позиций, но и политической воли к компромиссам в сфере суверенного регулирования миграции.

Дополнительную сложность представляет отсутствие механизма автоматического признания правовых решений, связанных с трансформацией визового статуса, между государствами. Например, если лицо в одном из государств оформляет изменение цели пребывания с туристической на трудовую, это решение не имеет юридической силы в другом государстве, входящем в союз. Отсутствие правовых гарантий и процедур взаимодействия между национальными миграционными ведомствами делает невозможным формирование сквозного трансграничного регулирования. Существенным барьером выступает также правовая и технологическая несопоставимость баз данных миграционного контроля. На сегодняшний день отсутствует единая региональная информационная система, объединяющая сведения о въезде, пребывании и изменении статуса иностранного гражданина. Необходимо учитывать и отсутствие институциональных механизмов в рамках ЕАЭС и СНГ, обладающих правом обязательного нормотворчества в сфере визовой политики. В отличие от Европейского союза, где действует централизованная компетенция в области пограничного контроля и миграции, ЕАЭС и СНГ строятся на межгосударственной модели координации.

С учетом выявленных барьеров и фрагментарного характера действующего регулирования, актуальной задачей для стран ЕАЭС и СНГ становится разработка комплексной модели правовой унификации туристической миграции, направленной на обеспечение прозрачности, правовой определенности и эффективного взаимодействия между государствами при трансформации миграционного статуса. Предлагаемая модель включает как концептуальные, так и нормативно-организационные элементы, обеспечивающие согласованное правовое сопровождение туристической миграции на региональном уровне.

Центральным элементом модели является введение в договорно-правовую систему ЕАЭС и СНГ самостоятельного понятия «туристическая миграция», определяемого как временное пребывание иностранных граждан, въехавших по туристической визе (или в рамках безвизового режима), с последующим изменением цели пребывания и намерением легализации на иных основаниях. Такое определение позволяет не смешивать туристическую миграцию с классическим туризмом, с одной стороны, и трудовой миграцией – с другой, признавая уникальность этой переходной модели мобильности.

Вторым структурным элементом модели является разработка согласованной процедуры трансформации визового статуса. Предлагается внедрение стандартизированного механизма уведомления уполномоченных органов о намерении изменить цель пребывания, с последующей возможностью подачи заявления на смену статуса без обязательного выезда из страны. Такая процедура должна содержать исчерпывающий перечень оснований (трудовой договор, брак, обучение и т.п.), подтверждение отсутствия нарушений миграционного законодательства, а также административно-правовые гарантии для заявителя.

Третьим компонентом модели выступает создание единой региональной цифровой платформы, интегрированной с национальными базами миграционного учета. Эта платформа может выполнять функции: (а) мониторинга сроков пребывания; (б) регистрации случаев смены цели визита; (в) обмена данными между государствами-участниками; (г) фиксации правового статуса и его трансформации. Прототипом такой системы может послужить визово-информационная система ЕС (VIS) и механизм Entry/Exit System, адаптированные к условиям ЕАЭС и СНГ.

Важным нормативным элементом модели является разработка модельного международного соглашения о туристической миграции, включающего:

- определение ключевых терминов и правовых статусов;
- механизм трансформации цели пребывания;
- перечень прав и обязанностей лиц с переходным миграционным статусом;
- обязательства государств по обмену визовой информацией;

- правила о взаимном признании решений миграционных органов;
- положения о противодействии фиктивному туризму и миграционным злоупотреблениям.

Реализация данной модели требует институционального сопровождения. В рамках СНГ целесообразно возложить координацию на Совет по туризму при Экономическом совете СНГ, в ЕАЭС – на Евразийскую экономическую комиссию, которой следует расширить мандат в сфере визовой и миграционной политики. Создание при ЕЭК специализированной экспертной группы по туристической миграции позволит формировать нормативные предложения, обеспечивать анализ правоприменительной практики и сопровождать цифровые инициативы.

Выводы

Туристическая миграция, оставаясь одной из наиболее сложных и слабо урегулированных форм международной мобильности, требует выработки единых подходов к ее правовому регулированию на уровне ЕАЭС и СНГ. Проведенный анализ показал, что в рамках действующих договорных механизмов отсутствует специальное правовое понятие туристической миграции, а национальные режимы существенно различаются как по степени цифровизации визовых процедур, так и по готовности учитывать трансформацию миграционного статуса. Основные правовые барьеры связаны с отсутствием единой понятийной базы, несогласованностью визовой политики и недоступностью унифицированных процедур смены цели пребывания. Различия в приоритетах национальной миграционной политики, а также ограниченный мандат интеграционных органов в сфере визового контроля затрудняют формирование общего правового пространства для регулирования туристической миграции. Для преодоления правовой фрагментации и минимизации злоупотреблений туристическим статусом необходимо внедрение комплексной модели унификации, включающей согласованное определение туристической миграции, единый механизм трансформации визового статуса, цифровую платформу мониторинга и типовое международное соглашение. Такая модель позволит гармонизировать подходы государств региона, повысить прозрачность миграционных процедур, обеспечить соблюдение прав лиц с изменившейся целью пребывания и укрепить интеграционные процессы на евразийском пространстве.

Список источников

1. Entry/Exit System (EES). European Commission. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen-borders-and-visa/smart-borders/entry-exit-system_en (дата обращения: 11.02.2025)
2. ETIAS – European Travel Information and Authorisation System. European Commission. URL: https://travel-europe.europa.eu/etias_en (дата обращения: 11.02.2025)
3. Аллаяров И.Х., Баракатуллахонова Ш.Б. Приоритетные направления развития туризма в Узбекистане // Экономика и социум. 2022. № 3-1 (94). С. 189 – 196.
4. Береснев Е.А. Введение электронных виз как фактор роста въездного туризма Российской Федерации // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2024. № 9. С. 21 – 24.
5. Вараксина А.В. Деятельность государственных структур по развитию туризма в РФ в условиях глобализации // Государство и бизнес в условиях глобализации и цифровой трансформации: Сборник статей студентов бакалавриата и магистратуры. Санкт-Петербург, 2024. С. 25 – 30.
6. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29. Ст. 4356.
7. Единая электронная виза: официальный сайт МИД России. URL: <https://electronic-visa.kdmid.ru/> (дата обращения: 11.02.2025).
8. Модельный миграционный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением МПА СНГ от 29 ноября 2018 г. № 46-17). URL: <https://iacis.ru/upload/iblock/fcc/fcccd7e35661bdbfe6b7a64ac830b60e.pdf> (дата обращения: 11.02.2025)
9. Тараторина О.С. Эффективность реализации мер государственной поддержки территорий опережающего развития // Социальная политика и социальное партнерство. 2022. № 9. С. 631 – 639.
10. Тестина Я.С., Дзагоев С.Ф. Перспективные цифровые процессы в индустрии туризма // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 6 (133). С. 121 – 123.
11. Шалаев Д.В. Статистика въездного туризма в Россию за 2022 год и перспективы его восстановления // Экономика и предпринимательство. 2023. № 1 (150). С. 645 – 648.

References

1. Entry/Exit System (EES). European Commission. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen-borders-and-visa/smart-borders/entry-exit-system_en (date of access: 02.11.2025)
2. ETIAS – European Travel Information and Authorization System. European Commission. URL: https://travel-europe.europa.eu/etias_en (date of access: 11.02.2025)
3. Allayarov I.Kh., Barakatullakhonova Sh.B. Priority areas for tourism development in Uzbekistan. *Economy and Society*. 2022. No. 3-1 (94). P. 189 – 196.
4. Beresnev E.A. Introduction of electronic visas as a factor in the growth of inbound tourism in the Russian Federation. *Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. 2024. No. 9. P. 21 – 24.
5. Varaksina A.V. Activities of government agencies to develop tourism in the Russian Federation in the context of globalization. *State and business in the context of globalization and digital transformation: Collection of articles by undergraduate and graduate students*. St. Petersburg, 2024. P. 25 – 30.
6. Treaty on the Eurasian Economic Union (Astana, May 29, 2014). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2015. No. 29. Art. 4356.
7. Unified Electronic Visa: official website of the Russian Foreign Ministry. URL: <https://electronic-visa.kdmid.ru/> (date of access: 11.02.2025).
8. Model Migration Code for the CIS Member States (adopted by the Resolution of the CIS IPA dated November 29, 2018 No. 46-17). URL: <https://iacis.ru/upload/iblock/fcc/fcccd7e35661bdbfe6b7a64ac830b60e.pdf> (date of access: 11.02.2025)
9. Taratorina O.S. Effectiveness of the implementation of state support measures territories of advanced development. *Social policy and social partnership*. 2022. No. 9. P. 631 – 639.
10. Testina Ya.S., Dzagoev S.F. Promising digital processes in the tourism industry. *Humanities and socio-economic sciences*. 2023. No. 6 (133). P. 121 – 123.
11. Shalaev D.V. Statistics of inbound tourism to Russia for 2022 and prospects for its recovery. *Economy and entrepreneurship*. 2023. No. 1 (150). P. 645 – 648.

Информация об авторе

Баклажков И.А., Дипломатическая академия МИД

© Баклажков И.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.97

Особенности преступности в современной России и в мире

¹ Таилова А.Г., ¹ Пирмагамедова С.Ш., ¹ Абакарова Б.Г.,
¹ Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: в статье рассматриваются современные особенности преступности в России и проводится сравнительный анализ с мировыми тенденциями. Целью исследования является выявление ключевых характеристик криминальной ситуации в Российской Федерации и определение общих закономерностей развития преступности в современном мире. Анализируются статистические данные о состоянии преступности в России за последние годы, исследуются структурные изменения в криминальной сфере. Особое внимание уделяется новым формам преступной деятельности, связанным с цифровизацией общества и развитием информационных технологий. Рассматриваются факторы, влияющие на динамику преступности, включая социально-экономические, демографические и технологические аспекты. Проводится сравнительный анализ показателей преступности в различных странах мира, выявляются общие тенденции и региональные особенности. Исследуется транснациональный характер современной преступности и необходимость международного сотрудничества в борьбе с криминальными угрозами. Результаты исследования показывают общую тенденцию к снижению традиционных форм преступности при одновременном росте киберпреступности. Выводы могут быть использованы при разработке стратегий противодействия преступности и совершенствовании правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: преступность, криминальная статистика, киберпреступность, транснациональная преступность, правоохранительная деятельность, международное сотрудничество, цифровизация, экономическая преступность, организованная преступность, профилактика преступлений

Для цитирования: Таилова А.Г., Пирмагамедова С.Ш., Абакарова Б.Г. Особенности преступности в современной России и в мире // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 125 – 128.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Features of crime in modern Russia and the world

¹ Tailova A.G., ¹ Pirmagamedova S.Sh., ¹ Abakarova B.G.,
¹ North Caucasus Institute, branch of the All-Russian State
University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: the article examines the modern features of crime in Russia and conducts a comparative analysis with global trends. The aim of the study is to identify key characteristics of the criminal situation in the Russian Federation and determine general patterns of crime development in the modern world. Statistical data on the state of crime in Russia in recent years are analyzed, structural changes in the criminal sphere are studied. Special attention is paid to new forms of criminal activity related to the digitalization of society and the development of information technologies. Factors influencing crime dynamics are considered, including socio-economic, demographic and technological aspects. A comparative analysis of crime indicators in various countries of the world is conducted, common trends and regional features are identified. The transnational nature of modern crime and the need for

international cooperation in combating criminal threats are studied. The research results show a general trend towards a decrease in traditional forms of crime while cybercrime is simultaneously growing. The conclusions can be used in developing crime prevention strategies and improving law enforcement activities.

Keywords: *crime, criminal statistics, cybercrime, transnational crime, law enforcement, international cooperation, digitalization, economic crime, organized crime, crime prevention*

For citation: Tailova A.G., Pirmagamedova S.Sh., Abakarova B.G. Features of crime in modern Russia and the world. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 125 – 128.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Преступность как социально-правовое явление находится в состоянии постоянной трансформации, отражая изменения в общественных отношениях, технологическом развитии и социально-экономических условиях. В современном мире преступность приобретает новые формы и характеристики, требующие комплексного научного анализа и разработки адекватных мер противодействия.

Актуальность исследования современных особенностей преступности обусловлена необходимостью понимания тенденций криминальной активности для эффективного планирования правоохранительной деятельности и выработки стратегий предупреждения преступлений. Особое значение приобретает сравнительный анализ криминологической ситуации в России и зарубежных странах, позволяющий выявить общие закономерности и специфические особенности развития преступности.

Цель данного исследования заключается в анализе современных тенденций и особенностей преступности в России и мире, выявлении факторов, влияющих на трансформацию криминальной активности, и определении направлений совершенствования борьбы с преступностью.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составили статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за период 2019-2024 гг., предоставленные Министерством внутренних дел РФ, данные Федеральной службы государственной статистики, а также международные статистические материалы ООН по преступности и уголовному правосудию.

В качестве теоретической основы использовались научные работы отечественных и зарубежных криминологов, материалы международных организаций, занимающихся проблемами борьбы с преступностью, аналитические доклады правоохранительных органов различных стран.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания: системный анализ, сравнительно-правовой метод, статистический анализ, метод экспертных оценок, контент-анализ. Применение комплексного методологического подхода позволило обеспечить объективность и достоверность полученных результатов.

Результаты и обсуждения

Анализ статистических данных показывает, что в последние годы преступность в России характеризуется рядом специфических особенностей. Общее количество зарегистрированных преступлений в 2024 году составило 1,88 млн, что на 2,1% меньше по сравнению с предыдущим годом [7]. Однако данная тенденция не является однородной для всех категорий преступлений.

Одной из наиболее заметных тенденций является рост киберпреступности. Количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, увеличилось на 24,4% и составило 516,7 тыс. преступлений. Данная тенденция соответствует общемировым трендам цифровизации преступной деятельности [8].

Структурный анализ преступности показывает преобладание корыстных преступлений, на долю которых приходится более 60% от общего количества зарегистрированных деяний.[4] Особую обеспокоенность вызывает рост мошенничества, особенно в сфере дистанционных банковских услуг и электронных платежей [9].

Международные сравнения свидетельствуют о том, что Россия занимает среднее положение по уровню преступности среди развитых стран. Коэффициент преступности в России составляет 1298 преступлений на 100 тыс. населения, что сопоставимо с показателями многих европейских государств [10].

Анализ зарубежного опыта показывает, что развитые страны сталкиваются с аналогичными вызовами в сфере борьбы с преступностью. Особенно это касается киберпреступности, транснациональной организо-

ванной преступности и терроризма. В США количество киберпреступлений выросло на 41% в 2023 году, в странах ЕС – на 35% .[1]

Важной особенностью современной преступности является ее транснациональный характер[2]. Глобализация способствует формированию международных преступных сетей, специализирующихся на наркоторговле, торговле людьми, легализации преступных доходов. Это требует координации усилий различных государств и международных организаций .

Демографические изменения также оказывают влияние на структуру преступности[3]. Старение населения в развитых странах приводит к снижению общего уровня преступности, но одновременно возрастает количество преступлений против пожилых людей. В России наблюдается аналогичная тенденция, особенно в регионах с выраженными демографическими проблемами .

Демографические изменения также оказывают влияние на структуру преступности.[5] Старение населения в развитых странах приводит к снижению общего уровня преступности, но одновременно возрастает количество преступлений против пожилых людей. В России наблюдается аналогичная тенденция, особенно в регионах с выраженными демографическими проблемами.

Анализ статистических данных показывает, что в регионах с высокой долей пожилого населения отмечается увеличение мошенничества, направленного против граждан старшего возраста[6]. Особую обеспокоенность вызывает рост телефонного мошенничества и интернет-преступлений, жертвами которых становятся люди, не обладающие достаточными навыками цифровой грамотности.

Миграционные процессы создают дополнительные вызовы для правоохранительной системы. Концентрация мигрантов в определенных районах может приводить к формированию этнических анклавов с повышенным уровнем социальной напряженности. Это требует от правоохранительных органов разработки специализированных подходов к профилактике межэтнических конфликтов и адаптации мигрантов.

Урбанизация влияет на географическое распределение преступности. В крупных городах наблюдается концентрация различных видов преступлений, связанных с высокой плотностью населения и анонимностью городской среды. Напротив, в сельской местности возрастает значимость семейно-бытовых преступлений и правонарушений, связанных с алкоголизмом.

Изменение возрастной структуры населения также влияет на кадровый состав правоохранительных органов. Необходимость привлечения молодых специалистов для борьбы с современными видами преступности сталкивается с демографическими ограничениями и конкуренцией с частным сектором за квалифицированные кадры.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы о современных особенностях преступности в России и мире:

Преступность в России характеризуется общей тенденцией к снижению количественных показателей при одновременном изменении качественных характеристик. Наиболее заметной тенденцией является рост киберпреступности и преступлений, связанных с использованием современных технологий.

Структура преступности остается относительно стабильной с преобладанием корыстных преступлений, однако отмечается рост сложности и технологичности криминальной деятельности.

Международные сравнения показывают, что Россия сталкивается с аналогичными вызовами в сфере борьбы с преступностью, что характерно для большинства развитых стран. Это подтверждает универсальность многих криминологических закономерностей.

Транснациональный характер современной преступности требует усиления международного сотрудничества и выработки общих подходов к противодействию криминальным угрозам.

Необходимо совершенствование системы предупреждения преступлений с учетом новых форм криминальной активности, особенно в цифровой сфере.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий борьбы с преступностью, совершенствовании правоохранительной деятельности и международного сотрудничества в данной сфере.

Список источников

1. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Молодежная преступность: современные тенденции и особенности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 165 – 174.
2. Долгова А.И. Преступность в России, ее организованность и криминализация общества. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2019. С. 45 – 78.
3. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Криминологические аспекты цифровизации российского общества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 3. С. 388 – 397.

4. Корсаков К.В. Современные тенденции организованной преступности в России // Библиотека криминалиста. 2022. № 1. С. 112 – 125.
5. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 388 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-00267-6 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/559695> (дата обращения: 29.01.2025)
6. Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2021. № 5. С. 67 – 82.
7. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. М.: МВД России, 2024. С. 15 – 32.
8. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новый криминологический феномен // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 28 – 36.
9. Осипов А.В., Петрова И.А. Современные формы экономической преступности // Российский следователь. 2023. № 4. С. 44 – 51.
10. Показатели преступности в странах мира: статистический сборник / под ред. В.И. Синюкова. М.: Норма, 2022. С. 89 – 156.

References

1. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Youth crime: modern trends and features. All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 165 – 174.
2. Dolgova A.I. Crime in Russia, its organization and criminalization of society. Moscow: Russian Criminological Association, 2019. P. 45 – 78.
3. Kleymenov M.P., Kleymenov I.M. Criminological aspects of the digitalization of Russian society. All-Russian Criminological Journal. 2021. Vol. 15. No. 3. P. 388 – 397.
4. Korsakov K.V. Modern trends in organized crime in Russia. Criminologist's library. 2022. No. 1. P. 112 - 125.
5. Antonyan Yu.M. Criminology: a textbook for universities. 3rd ed., revised. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 388 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-00267-6. Educational platform Yurait [web-site]. URL: <https://urait.ru/bcode/559695> (date of access: 01.29.2025)
6. Luneev V.V. Trends in modern crime and the fight against it in Russia. State and Law. 2021. No. 5. P. 67 – 82.
7. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The state of crime in Russia for January-December 2023. M.: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 15 – 32.
8. Nomokonov V.A., Tropina T.L. Cybercrime as a new criminological phenomenon. All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 28 – 36.
9. Osipov A.V., Petrova I.A. Modern forms of economic crime. Russian investigator. 2023. No. 4. P. 44 – 51.
10. Crime indicators in the countries of the world: statistical digest. Edited by V.I. Sinyukov. M.: Norma, 2022. P. 89 – 156.

Информация об авторах

Таилова А.Г., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Пирмагамедова С.Ш., Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Абакарова Б.Г., преподаватель 1 категории, Юридический колледж, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

© Таилова А.Г., Пирмагамедова С.Ш., Абакарова Б.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.948

Проблемные вопросы защиты интересов добросовестного залогодержателя

¹ Веревкин Д.В.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в работе анализируются основные нюансы и особенности защиты интересов добросовестного залогодержателя, в основе которой лежит норма абз. 2 п. 2 ст. 335 ГК РФ о сохранении прав залога в ситуации неуправомоченности залогодателя, о чем не знал и не мог знать залогодержатель. В работе анализируются вопросы распространения защиты добросовестных залогодержателей при передаче в залог не только вещей, но и иного имущества, а также рассматриваются случаи, при которых защита интересов добросовестного залогодержателя приобретает особые процессуальные формы её реализации, что подкрепляется реальными примерами из практики. В заключение автором делается вывод о необходимости проявления повышенного уровня осмотрительности при проверке юридической чистоты договора залога перед его заключением в целях максимального исключения рисков последующей утраты залогового обеспечения, что может произойти независимо от добросовестности залогодержателя.

Ключевые слова: залог, добросовестность, право залога, добросовестный залогодержатель, утрата права залога, сохранение залога

Для цитирования: Веревкин Д.В. Проблемные вопросы защиты интересов добросовестного залогодержателя // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 129 – 133.

Поступила в редакцию: 13 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Problematic issues of protecting the interests of a bona fide mortgagee

¹ Verevkin D.V.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article analyzes the main nuances and features of protecting the interests of a bona fide mortgagee, which is based on the norm of paragraph 2, paragraph 2, Article 335 of the Civil Code of the Russian Federation on the preservation of pledge rights in a situation of incompetence of the mortgagor, which the mortgagee did not know and could not know. The paper analyzes the issues of extending the protection of bona fide mortgagees when pledging not only things, but also other property, and also examines cases in which the protection of the interests of a bona fide mortgagee acquires special procedural forms of its implementation, which is supported by real examples from practice. In conclusion, the author concludes that it is necessary to exercise an increased level of prudence when verifying the legal purity of the pledge agreement before concluding it in order to maximize the risks of subsequent loss of collateral, which can occur regardless of the good faith of the pledgee.

Keywords: pledge, good faith, right of pledge, bona fide mortgagee, loss of the right of pledge, preservation of pledge

For citation: Verevkin D.V. Problematic issues of protecting the interests of a bona fide mortgagee. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 129 – 133.

The article was submitted: April 13, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Цель исследования – изучение проблематики защиты прав и интересов добросовестного залогодержателя

Задачи – на основе анализа научной литературы, законодательства и судебной практики выявить основные особенности и проблемные вопросы реализации защиты нарушенных прав и интересов залогодержателя, не осведомленного о получении имущества в залог от неуполномоченного залогодателя.

Гипотеза – предусмотренный абз. 2 п. 2 ст. 335 ГК РФ механизм защиты интересов добросовестного залогодержателя заключается в сохранении прав залога, несмотря на передачу имущества в залог неуполномоченным лицом (неуполномоченным залогодателем). Исходя из сути правового регулирования и судебной практики, данная норма должна применяться не только к случаям установления залога на вещи, но и при обременении залогом иных объектов гражданских прав, в том числе имущественные права. Помимо изложенного, следует отметить существование особых процедурных (процессуальных) особенностей защиты интересов добросовестного залогодержателя, например в ситуации, когда нарушение таких интересов происходит в результате незаконных действий регистрирующих органов либо в связи с рассмотрением вопросов о судьбе залогового обременения в судебном процессе, в который залог не привлечен в качестве стороны (например, при оспаривании сделки в отношении заложенного имущества). Наконец, учитывая существование нормы о том, что залог должен прекращаться независимо от добросовестности залогодержателя в ситуации, когда до передачи в залог имущество было из владения залогодателя помимо его воли, необходимо проявлять повышенную степень заботливости и осмотрительности при проведении проверки юридической чистоты договора залога перед его заключением.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, отечественного и иностранного законодательства.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

Залог является особым правом и одновременно обременением, имеющим одновременно вещный и обязательственно-правовой характер, назначение которого – обеспечения имущественных интересов кредитора-залогодержателя путем предоставления возможности последнему преимущественно удовлетворить свои требования к должнику за счет обращения взыскания на предмет залога и обращения таким образом его стоимости в свою пользу [1].

В то же время, зачастую приобретение прав залога на имущество сопряжено с различными рисками, связанными с возможностью утраты залогодержателем своего статуса, несмотря на получение имущества в залог в обмен на совершенное ранее встречное предоставление со стороны залогодержателя как кредитора по обязательству (например, в виде выдачи заемных средств заемщику). Изложенное предполагает необходимость эффективной защиты интересов залогодержателя путем обеспечения сохранения залоговых прав последнего.

Так, общее регулирование вопросов защиты интересов добросовестного залогодержателя содержится в норме абз. 2 п. 2 ст. 335 ГК РФ [2], согласно которой добросовестный залогодержатель сохраняет залоговые права на объект залога даже если выяснится, что вещь была передана в залог неуполномоченным на то лицом, за исключением случаев выбытия такой вещи из владения собственника (иного владельца, получившего его от собственника) помимо его воли. Очевидное логическое обоснование такой нормы объясняется её генезисом на базе нормы ст. 301 и 302 ГК РФ о виндикации, защищающих права добросовестных приобретателей имущества в собственность [3].

В то же время следует отметить, что несмотря на наличие довольно прямолинейного правового регулирования вопросов защиты добросовестного приобретателя, на практике возникают неординарные правовые ситуации, осложняющие реальное осуществление такой правовой защиты.

Прежде всего, следует отметить, что сама норма абз. 2 п. 2 ст. 335 ГК РФ, исходя из её буквального содержания, выраженного в оперировании законодателем понятием "вещь", свидетельствует о её распространении только на ситуации обременения залогом вещей, не подразумевая распространение данного правила на иные объекты гражданских прав (например, имущественные права). Такое положение вещей наводит на мысль о том, что, положение добросовестного залогодержателя, приобретшего права залога в отношении иных объектов гражданских прав, должно быть отличным, что, однако, не соответствовало общеправовым соображениям равенства и справедливости.

По этой причине, кажется возможным согласиться с встречающейся в литературе позицией о том, что норма абз. 2 п. 2 ст. 335 ГК РФ о сохранении за добросовестным залогодержателем прав залога и для ситуации приобретения прав залога не только в отношении вещей, но и иных объектов гражданских прав, которые могут выступать предметом залога (например, права требования или бездокументарные ценные бумаги) [4]. Те же соображения позволяют приветствовать в качестве прогрессивной и обоснованной судебную практику, в соответствии с которой суды признают распространение правовой конструкции добросовестного залогодержателя на иные объекты гражданских прав, в том числе неимущественные права (например, права на долю в ООО, как это было обозначено в одном из постановлений Двенадцатого арбитражного апелляционного суда [5]).

Помимо изложенного, следует отметить, что защита интересов добросовестного залогодержателя может заключаться в контексте различных правовых ситуаций, зачастую имея административно-правовую форму, что во многом обусловлено комплексным характером института залога, имеющим во многих случаях тесную взаимосвязь с нормами публичного права.

На примере конкретной практической ситуации, представляется возможным привести следующий пример: залогодержатель зарегистрировал принадлежащие ему права залога в ЕГРН, после чего обнаружил, что регистрационная запись о залоге была без каких-либо законных на то причин исключена из государственного реестра (вероятно, в результате преступных действий третьих лиц), что нарушало права залогодержателя в виде прекращения существования видимости наличия у последнего прав залога на некогда обремененную недвижимость, а также создавало риск свободного отчуждения объекта в пользу третьих лиц.

Очевидно, что в такого рода случаях надлежащей формой защиты интересов добросовестного залогодержателя является судебно-административная форма в виде предъявления административного иска к регистрирующему органу (Росреестр) с требованием об обязанности последнего устранить допущенные нарушения и восстановить в ЕГРН регистрационную запись о правах залога, принадлежащих залогодержателю-истцу.

Именно таким образом судами было разрешено дело № А40-230140/2021, в рамках которого были удовлетворены требования компании-залогодержателя о восстановлении в ЕГРН регистрационной записи о залоге недвижимости в пользу такой компании, которая была необоснованно исключена из ЕГРН в результате мошеннических действий третьих лиц в виде подачи заявления о снятии обременения от имени залогодержателя на основании подложной доверенности [6].

Кроме того, определенные процессуальные особенности приобретает защита интересов добросовестного залогодержателя в ситуации признания судом недействительной сделки с применением последствий в виде реституции переданного по сделке имущества, являющегося предметом залога в пользу добросовестного залогодержателя, который может не иметь никакого отношения к оспариваемой сделке.

В данном контексте следует обратиться к правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в Определении № 304-ЭС15-20061, в котором высшей судебной инстанцией было разъяснено, что суд, разрешая спор о наличии оснований для признания сделки в отношении обремененного залогом имущества недействительной и применении последствий такой недействительности, необходимо определить, является ли залогодержатель добросовестным и сохраняется ли залог в отношении такого имущества, на что должно быть прямо указано в резолютивной части судебного акта [7].

Исходя из изложенного, залогодержателям следует проявлять осмотрительность, отслеживая появление и дальнейшее движение возможных споров о признании недействительными сделок, совершенных с заложным имуществом, активно вступая в такие процессы в качестве третьего лица и настаивая на сохранении залогового обременения. В случае же вынесения судебных актов, в которых разрешаются вопросы о судьбе залогового обременения, без привлечения к участию в таком деле залогодержателя, верным способом защиты интересов залогодержателя будет обжалование такого решения со ссылкой на то, что им нарушаются его субъективные права в отношении спорного имущества, ранее обремененного залогом.

Наконец, следует отметить, что защита интересов добросовестных залогодержателей может заключаться не только в осуществлении действий, направленных на последующую защиту интересов залогодержателя после их нарушения, но и в проявлении необходимой бдительности при заключении договоров залога, в том числе путем тщательной проверки залогодателя, что может позволить предотвратить риски заключения договора залога с неуправомоченным залогодателем.

В качестве показательного примера возможно привести ситуацию, рассмотренную Вторым кассационным судом в рамках дела № 88-10022/2024 [8], в котором имела место ситуация, при которой недвижимость была передана в залог залогодержателю неуправомоченным залогодателем, который, будучи соучастником преступления, заключил такую сделку по поддельному паспорту от имени собственника помещения. Несмотря на доводы залогодержателя о его добросовестности, суды пришли к выводу о признании недействительными договоров залога и прекращении залоговых обременений в силу специального исключения, основанного на норме абз. 3 п. 2 ст. 335 ГК РФ о выбытии имущества из владения залогодателя до её передачи в залог помимо воли.

Изложенное означает, что существование довольно эффективных способов и форм защиты интересов добросовестного залогодержателя при их нарушении не должно отменять необходимости широкого применения практики проверки юридической чистоты (*due diligence*) залоговой сделки перед её совершением.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Приведены аргументы в поддержку необходимости распространения действия нормы абз. 2 п. 2 ст. 335 ГК РФ о защите интересов добросовестного залогодержателя не только на случаи обременения залогом вещей, но и при установлении залога на иные объекты гражданских прав (включая имущественные права), поскольку обратный подход нарушал бы принцип равенства и справедливости.

Обосновано, что определенные ситуации нарушения прав и интересов залогодержателя вынуждают применять особые процессуальные формы защиты его интересов, включая обращение с административным иском к органу власти, регистрирующему залоговые права, а также путем вступления в судебные дела в качестве третьего лица, в случае, когда в таких судебных процессах разрешаются вопросы о судьбе залогового обременения (например, при рассмотрении иска об оспаривании сделки в отношении имущества, обремененного залогом).

Аргументировано, что эффективная защита интересов залогодержателя осуществима также при тщательной проверке юридической чистоты сделки перед заключением договора залога, что способно исключить риск последующего прекращения прав залога при установлении факта выбытия имущества из владения собственника помимо его воли.

Список источников

1. Алексеева О.Г., Аминов Е.Р., Бандо М.В. и др. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. М. Статут 2016. Т. 2. С. 215.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
3. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. С. 686.
4. Борисов А.А. Проблемы реституции при недействительности договора купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 114 – 137.
5. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.12.2019 по делу N A12-26028/2017 // СПС "Консультант Плюс".
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.09.2022 N Ф05-20520/2022 по делу N A40-230140/2021 // СПС "Консультант Плюс".
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.04.2016 N 304-ЭС15-20061 по делу N A46-12910/2013 // СПС "Консультант Плюс".
8. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2024 по делу N 88-10022/2024 // СПС "Консультант Плюс".

References

1. Alekseeva O.G., Aminov E.R., Bando M.V., et al. Civil Law: textbook: in 2 volumes. edited by B.M. Gongalo. M. Statut 2016. Vol. 2. P. 215.
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 08.12.1994.
3. Sklovsky K.I. Property in civil law. 5th ed., revised. M.: Statut, 2010. P. 686.
4. Borisov A.A. Problems of restitution in case of invalidity of the contract of sale of a share in the authorized capital of a limited liability company. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 6. P. 114 – 137.
5. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated 06.12.2019 in case No. A12-26028/2017. SPS "Consultant Plus".
6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 06.09.2022 No. F05-20520/2022 in case No. A40-230140/2021. SPS "Consultant Plus".
7. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.04.2016 No. 304-ES15-20061 in case No. A46-12910/2013. SPS "Consultant Plus".
8. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated May 30, 2024 in case No. 88-10022/2024. SPS "Consultant Plus".

Информация об авторе

Веревкин Д.В., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, verevkindmitriy490@gmail.com

© Веревкин Д.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.948

Критерии определения момента начала течения срока исковой давности

¹ Дахов Ю.В.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу критериев определения момента начала течения срока исковой давности, применяемых в законодательстве и судебной практике. Автор анализирует общий критерий в виде осведомленности истца о факте нарушения его прав, отмечая его недостаточность, что в определенных ситуациях приводило к принятию судами несправедливых решений о признании истца пропустившим срок исковой давности. В работе обосновывается, что, в связи с этим законодательством и судами были разработаны дополнительные критерии, на основании которых определяется начало течения давностного срока, а именно – известность истцу личность ответчика и наличие возможности точного определения размера исковых требований. Автором обосновывается, что тенденция по разработке новых критериев определения начала течения срока исковой давности обусловлено генерализацией общего принципа, согласно которому исковая давность не применяется к лицам, не способным предъявить иск. Также в работе содержатся замечания и предложения относительно дальнейшего развития системы таких критериев, отмечается необходимость их закрепления на уровне закона или разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: исковая давность, критерии начала давности, субъективный элемент давности, начало течения давности, осведомленность истца, неприменение срока давности, невозможность предъявления иска

Для цитирования: Дахов Ю.В. Критерии определения момента начала течения срока исковой давности // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 134 – 138.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Criteria for determining the beginning of the limitation period

¹ Dakhov Yu.V.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of criteria for determining the moment of the beginning of the limitation period, applied in legislation and judicial practice. The author analyzes the general criterion in the form of the plaintiff's awareness of the fact of violation of his rights, noting its insufficiency, which in certain situations led to the courts making unfair decisions to recognize the plaintiff as having missed the statute of limitations. The paper substantiates that, in this regard, the legislature and the courts have developed additional criteria on the basis of which the beginning of the limitation period is determined, namely, the identity of the defendant and the possibility of accurately determining the amount of the claims. The author substantiates that the tendency to develop new criteria for determining the beginning of the limitation period is due to the generalization of the general principle that the limitation period does not apply to persons who are unable to file a claim. The paper also contains comments and suggestions on the further development of the system of such criteria, noting the need to consolidate them at the level of law or clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: *limitation period, the criteria for the beginning of the limitation period, the subjective element of the limitation period, the beginning of the limitation period, the plaintiff's awareness, the non-application of the limitation period, the impossibility of filing a claim*

For citation: Dakhov Yu.V. Criteria for determining the beginning of the limitation period. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 134 – 138.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Цель исследования – изучение установленных законом и применяемых в судебной практике критериев определения момента начала течения срока исковой давности

Задачи – на основе анализа научной литературы, законодательства и судебной практике выявить применяемые в российском гражданском праве критерии, на основании которых определяется момент начала течения срока исковой давности, выявив их содержание и обоснованность их применения.

Гипотеза – общепризнанным критерием определения момента начала течения срока исковой давности является критерий осведомленности управомоченного лица о факте нарушения его прав. В то же время недостаточность данного критерия сподвигла законодателя и суды к разработке новых критериев, среди которых – знание истца о личности ответчика и наличие возможности с точностью определить размер притязаний. Появление новых критериев обусловлено генерализацией принципа неприменения исковой давности к лицам, не имеющим возможности обратиться за судебной защитой.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, отечественного и иностранного законодательства.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

Срок исковой давности является классическим для частного права механизмом обеспечения стабильности и предсказуемости в правоотношениях за счет исключения существования споров по прошествии длительного периода времени, с истечением которого, как правило, связывается уничтожение юридически значимых доказательств и формирование у участников оборота обоснованных ожиданий о том, что спор исчерпан [1].

При этом классическое воззрение на конструкцию исковой давности основывается на необходимости установления критериев, с которыми связывается определение момента начала течения срока исковой давности. В подавляющем большинстве случаев определение такого момента связывается с осведомленностью управомоченного лица (потенциального истца) о факте нарушения его прав и интересов – очевидно, что после получения такого рода информации потерпевшим должны предприниматься меры по защите своих прав, что оправдывает установление такого срока именно с момента субъективной осведомленности лица о состоявшемся нарушении его прав [2].

В то же время, по мере усложнения общественных отношений и приумножения практических примеров, выявивших недостаточность использования лишь одного критерия осведомленности управомоченного лица о факте нарушения его прав, наука и законодательство продемонстрировали процесс обогащения данными критериями, что привело к совершенствованию института исковой давности усложнению механизма запуска течения срока исковой давности в целом.

В частности, в ходе многочисленной правоприменительной практики выявлялись ситуации, свидетельствующие о несправедливости исчисления срока исковой давности в период времени, когда истцу не была известна личность надлежащего ответчика.

Например, некоторые арбитражные суды, несмотря на отсутствие (на тот период времени) в законе прямого указания на критерий известности личности ответчика, справедливо приходили к выводу *contra legem* о том, что срок исковой давности не начинает свое течение до того момента, пока истцу неизвестен ответчик (нарушитель права), поскольку до этого момента защита прав в порядке искового производства невозможна [3]. Вместе с тем существовали и прямо противоположные судебные акты, в которых суды приме-

няли исковую давность, отклоняя доводы истца о том, что течение срока не началось из-за длительного отсутствия информации о личности ответчика [4].

Изложенное послужило причиной для обновления в 2013 году нормы п. 1 ст. 200 ГК РФ [5], в которой теперь, помимо критерия осведомленности о факте нарушения права, прямо отражено, что срок исковой давности начинает течь в том числе после того, как истцу стало известно "о том, кто является надлежащим ответчиком по иску" о защите нарушенных прав.

Польза такого правового решения очевидна, в особенности при рассмотрении такой распространенной категории споров как дела о взыскании неосновательного обогащения в виде ошибочно перечисленных денежных средств посредством совершения банковских переводов либо по делам о взыскании ущерба, причиненного имуществу в результате ДТП (в случаях, когда виновник происшествия скрылся и долгое время оставался не известным истцу). При этом такие подходы уже обоснованно применяются в реальной судебной практике.

Например, в Апелляционном определении Московского городского суда от 22.10.2024 коллегия судей указала следующее: "...судебная коллегия не может согласиться с доводами ответчика о пропуске истцом срока исковой давности, поскольку Р. 27.05.2016 скрылась с места ДТП, органом ГИБДД проводилось административное расследование, и о том, кто является виновником ДТП и надлежащим ответчиком по делу истцу стало достоверно известно не ранее составления протокола об административном правонарушении от 27.07.2016..." [6].

Помимо вышеизложенного, представляется возможным отметить обоснованность применения на практике иных критериев, учет которых также позволяет в ряде случаев приходиться к более оптимальному решению об определении момента начала течения исковой давности.

В частности, следует признать, что возможны ситуации, при которых истцу известно о факте нарушения его прав, например, путем причинения ему убытков, равно как и известна личность ответчика, к которому следует предъявить иск, однако сама возможность эффективно осуществлять свою защиту прав может отсутствовать по причине невозможности определения точной суммы причиненных убытков (например, при необходимости проведения длительных судебных экспертиз либо финансового анализа – в особенности для целей определения размера убытков в форме упущенной выгоды).

Примечательно, что данный критерий также был воспринят судебной практикой, согласно которой невозможность установления точного размера сумм денежных средств, подлежащих взысканию в пользу истца, отодвигает момент начала течения срока исковой давности.

Например, в Постановлении по делу № А60-4946/2021 Арбитражный суд Уральского округа указал: "...суд апелляционной инстанции сделал правильный вывод о том, что течение срока исковой давности не могло состояться ранее момента, после которого стало достоверно известно <...> о размере сумм, подлежащих взысканию в качестве имущественных потерь кредитора - покупателя имущества"[7].

Представляется возможным отметить, что, несмотря на верность общей направленности вышеуказанного подхода как благоприятствующего положению истцов, испытывающих препятствия к предъявлению иска, имеется возможность привести некоторые контраргументы, свидетельствующие о возможности решить проблему на практике несколько иным способом.

Прежде всего, следует признать, что даже до точного определения размера причиненных убытков, потерпевший не лишен самой процессуальной возможности предъявить иск, обозначив в нем сам факт неизвестности точной суммы убытков, указав в иске лишь их минимальную часть (даже 1 рубль), что не помешает увеличить размер исковых требований в последующем.

После такого предъявления иска существует множество иных практических приемов, позволяющих приостановить рассмотрение спора до определения состава и размера убытков – например, путем назначения судебной экспертизы с одновременным приостановлением производства по делу или неоднократным отложением судебного разбирательства.

При этом кажется верным, что, исходя из правила ст. п. 5 ст. 393 ГК РФ о том, что суд не может отказать во взыскании убытков в связи с невозможностью установления их достоверного размера, вероятнее всего, судья сам будет иметь высокую степень заинтересованности в том, чтобы не выносить судебное решение по предъявленному иску до сбора достаточной доказательственной базы, которой бы подкреплялся размер убытков.

Тем не менее, несмотря на вышеприведенные аргументы, судебная практика так во многих случаях придерживается позиции о том, что невозможность точного определения размера притязаний означает, что срок исковой давности не начал своё течение. В связи с этим, несмотря на отсутствие прямого закрепления

такого правила в законе, суды указывают на установление точного размера требований истца как на дополнительный критерий определения момента начала течения срока исковой давности.

Такое развитие восприятия судами института исковой давности возможно объяснить за счет стремления генерализировать общий принцип о том, что срок исковой давности не течет в случае, если у истца имеются препятствия к предъявлению иска, что получило отражение еще в правовых памятниках Древнего Рима (*contra non valentem non currit praescripto*, что можно перевести как "давность не течет против того, кто юридически неспособен обратиться к судебной защите") [8].

Например, в недавнем Постановлении по делу № А45-25570/2023 [9] Арбитражный суд Западно-Сибирского округа указал, что по смыслу закона обстоятельством, имеющим значение для целей исчисления срока исковой давности, является "объективная возможность обращения лица за судебной защитой", что может быть затруднено рядом препятствий, который, однако, прямо не указаны в законе в качестве критериев определения момента начала течения давностного срока.

Представляется, что такое расширенное представление о том, какие обстоятельства препятствуют истцу предъявить иск и, соответственно, должны отодвигать момент начала течения срока исковой давности, могут привести к возникновению в практике опасных тенденций к чрезмерно либеральному подходу к вопросу определения момента начала течения срока исковой давности при предоставлении истцом обоснования того, что он был лишен возможности обратиться с иском. Например, истец может заявить о существовании причин, препятствующих его обращению к судебной защите, которые с меньшей долей уверенности могут быть признаны объективными и непреодолимыми, например болезнь либо отсутствие денежных средств для оплаты услуг юристов и уплаты государственной пошлины. Очевидно, что ссылка на такого рода субъективные личные причины потерпевшего способны подорвать институт исковой давности и значительно снизить уровень правовой определенности и предсказуемости в гражданском обороте.

Оптимальным кажется решение, при котором конкретные критерии, являющиеся оптимальными для целей определения моментов начала течения срока исковой давности, были бы прямо закреплены в тексте п. 1 ст. 200 ГК РФ или, как минимум, детально описаны на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ, что позволило бы судам не допускать отказ в применении исковой при отсутствии реальных препятствий для обращения истца за судебной защитой.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Аргументирована недостаточность использования критерия осведомленности уполномоченного лица о факте нарушения его прав в качестве единственного обстоятельства, определяющего момент начала течения срока исковой давности.

Продemonстрировано, что недостаточность критерия осведомленности о факте нарушения права привело к развитию законодательства и судебной практики, в результате чего были дополнительно разработаны критерии осведомленности истца о личности ответчика, а также критерий наличия у истца возможности определения точного размера притязаний к ответчику. Анализ судебной практики показал, что данные критерии учитываются судами при определении момента начала течения срока исковой давности.

Обосновано, что появление новых критериев определения момента начала течения исковой давности связано с генерализацией общего принципа о неприменении исковой давности в отношении лица, не способного обратиться за судебной защитой. В то же время приведены аргументы в пользу недопустимости внедрения чрезмерно широкого перечня критериев определения момента начала течения срока исковой давности, что может навредить гражданскому обороту, подорвав заложенные в институте исковой давности принципы стабильности и предсказуемости правоотношений.

Предложено закрепить критерии определения момента начала течения срока исковой давности либо их признаки на уровне Гражданского Кодекса РФ либо разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Список источников

1. Щенникова Л.В. О материально-правовом институте исковой (погасительной) давности и гражданско-процессуальном праве на иск // Вестник гражданского процесса. 2017. № 5. С. 12 – 28.
2. Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Будылин С.Л. и др. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0] 1264 с.
3. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2011 по делу N А70-8545/2010 // СПС "Консультант Плюс".
4. Решение Кировского районного суда города Самары от 09.10.2012 // СПС "Консультант Плюс".

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.10.2024 по делу N 33-15420/2024 // СПС "Консультант Плюс".
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.04.2023 N Ф09-547/22 по делу N А60-4946/2021 // СПС "Консультант Плюс".
8. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права: Пособие для слушателей. Пг., 1916. С. 147.
9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.03.2025 N Ф04-68/2025 по делу N А45-25570/2023 // СПС "Консультант Плюс".

References

1. Shchennikova L.V. On the substantive legal institution of the limitation period (extinguishing) and the civil procedural right to claim. Bulletin of Civil Procedure. 2017. No. 5. pp. 12 - 28.
2. Baibak V.V., Bevzenko R.S., Budylin S.L. et al. Transactions, representation, limitation period: article-by-article commentary to Articles 153-208 of the Civil Code of the Russian Federation. Ed. A.G. Karapetyan. Moscow: M-Logos, 2018. [Electronic publication. Edition 1.0] 1264 p.
3. Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated 02.02.2011 in case No. A70-8545/2010. SPS "Consultant Plus".
4. Decision of the Kirovsky District Court of Samara dated 09.10.2012. SPS "Consultant Plus".
5. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 08.12.1994.
6. Appellate ruling of the Moscow City Court dated 22.10.2024 in case No. 33-15420/2024. SPS "Consultant Plus".
7. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 26.04.2023 No. F09-547/22 in case No. A60-4946/2021. SPS "Consultant Plus".
8. Grimm D.D. Lectures on the Dogma of Roman Law: A Handbook for Listeners. Pg., 1916. P. 147.
9. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 11.03.2025 No. F04-68/2025 in case No. A45-25570/2023. SPS "Consultant Plus".

Информация об авторе

Дахов Ю.В., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия,
d_aspirant@rambler.ru

© Дахов Ю.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.451.031

Защита селлеров от неосновательного обогащения доминирующих платформ

¹ Иванников И.А.,

¹ основатель и специалист по юридическим стратегиям в MP Litigation Center,
эксперт по разрешению споров на рынке маркетплейсов,
Ирвайн, Калифорния, США

Аннотация: в рамках работы рассматриваются особенности защиты селлеров от неосновательного обогащения доминирующих платформ. Необходимость проведения анализа обусловлена стремительным ростом цифровой экономики, в которой доминирующие маркетплейсы создают для селлеров серьёзные системные риски, вызванные практиками неосновательного обогащения, включающими одностороннее наложение непропорциональных штрафов, использование договоров присоединения для перекладывания бремени доказывания и возведения экономических барьеров к судебной защите. Целью статьи является проведение анализа правовых инструментов и практик, приводящих к перетоку прибыли от селлеров к доминирующим цифровым платформам. Авторская гипотеза заключается в том, что действующие нормы Гражданского кодекса РФ и устоявшаяся судебная практика не в полной мере способны нейтрализовать системные дисбалансы между платформой и селлером. Для восстановления экономической эквивалентности необходимо сформировать специальный правовой режим, объединяющий превентивные антимонопольные меры и частноправовые механизмы возмещения ущерба и взыскания неправомерно удержанных сумм. Исследование, опираясь на сравнительно-правовой, формально-юридический и системный анализ законодательства, систематизирует эти модели обогащения, выявляет недостаточную эффективность статей в области защиты интересов селлеров и предлагает комплекс мер по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: маркетплейс, цифровая платформа, неосновательное обогащение, доминирующее положение, селлер, договор присоединения, бремя доказывания, несоразмерные штрафы, гонорар успеха, защита прав предпринимателей

Для цитирования: Иванников И.А. Защита селлеров от неосновательного обогащения доминирующих платформ // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 139 – 147.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Protecting sellers from unjustified enrichment of dominant platforms

¹ Ivannikov I.A.,

¹ LL.B., LL.M., Founder & Legal Strategist at MP Litigation Center,
Expert in Marketplace Dispute Resolution Irvine, California United States

Abstract: the paper examines the features of protecting sellers from unjustified enrichment of dominant platforms. The need for analysis is due to the rapid growth of the digital economy, in which dominant marketplaces create serious systemic risks for sellers caused by practices of unjustified enrichment, including the unilateral imposition of disproportionate fines, the use of accession agreements to shift the burden of proof and the construction of economic barriers to judicial protection. The aim is to analyze the legal instruments and practices that lead to

the transfer of profits from sellers to the dominant digital platforms. The author's hypothesis is that the current norms of the Civil Code of the Russian Federation and established judicial practice are not fully capable of neutralizing the systemic imbalances between the platform and the seller. To restore economic equivalence, it is necessary to form a special legal regime combining preventive antitrust measures and private law mechanisms for compensation of damages and recovery of unlawfully withheld amounts. The study, based on comparative legal, formal legal and systematic analysis of legislation, systematizes these models of enrichment, reveals the insufficient effectiveness of articles in the field of protecting the interests of sellers and suggests a set of measures to improve legal regulation.

Keywords: marketplace, digital platform, unjustified enrichment, dominant position, seller, affiliation agreement, burden of proof, disproportionate fines, success fee, protection of entrepreneurs' rights

For citation: Ivannikov I.A. Protecting sellers from unjustified enrichment of dominant platforms. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 139 – 147.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В результате стремительного переноса торговых операций в цифровую среду возникла качественно иная экономическая реальность, в которой ключевую роль играют маркетплейсы [1]. Современный рынок электронной коммерции характеризуется высокой степенью концентрации, при которой крупнейшие маркетплейсы получают исключительный контроль над доступом продавцов к конечному потребителю. Такое положение создаёт существенное неравенство в отношениях между платформами и продавцами, при котором условия сотрудничества фактически диктуются в одностороннем порядке. Продавцы, как правило, лишены возможности вести равноправные переговоры или добиваться изменения несправедливых условий. Попытки обратиться за защитой через профессиональные объединения или ассоциации оказываются неэффективными – такие структуры не располагают реальными механизмами влияния на политику маркетплейсов и не способны устранить системные нарушения. В результате основным способом защиты прав продавцов остаётся судебное разбирательство. Сложившееся неравенство в экономических и информационных возможностях сторон создаёт предпосылки для злоупотребления доминирующим положением со стороны маркетплейсов. Использование непрозрачных алгоритмических механизмов управления, формализованных условий присоединения и односторонне устанавливаемых регламентов ведёт к нарушению принципа добросовестности и равенства сторон в гражданско-правовых отношениях. В ряде случаев это сопровождается получением экономической выгоды платформами без соразмерного встречного предоставления, что может квалифицироваться как неосновательное обогащение в ущерб правам и законным интересам продавцов. В судебной практике норма о неосновательном обогащении находит активное применение при условии, что истец представляет убедительные доказательства незаконности начисленного штрафа или иных неправомерных удержаний со стороны маркетплейса. Вместе с тем, правовые конструкции злоупотребления правом и недобросовестности поведения традиционно обладают высокой степенью судебной дискреции, что ограничивает их применение в спорах между малым бизнесом и крупными платформами. Как показывает практика, суды нередко проявляют сдержанность в признании недобросовестных действий со стороны маркетплейсов, особенно в условиях формального соответствия договора стандартным условиям, что усложняет защиту прав продавцов по этим основаниям [2, 3].

Целью статьи является проведение анализа правовых инструментов и практик, приводящих к перетоку прибыли от селлеров к доминирующим цифровым платформам.

Научная новизна работы проявляется в систематизации скрытых приёмов неосновательного обогащения, характерных для цифровых маркетплейсов, и описании доктринальной модели, направленной на балансировку интересов всех участников цифрового оборота. Предлагаемый подход рассматривает не отдельные нарушения, а единую систему алгоритмически обусловленных практик, ориентированных на извлечение сверхприбыли в ущерб партнёрам.

Авторская гипотеза заключается в том, что действующие нормы Гражданского кодекса РФ и устоявшаяся судебная практика не в полной мере способны нейтрализовать системные дисбалансы между платформой и селлером. Для восстановления экономической эквивалентности необходимо сформировать специальный правовой режим, объединяющий превентивные антимонопольные меры и частноправовые механизмы возмещения ущерба и взыскания неправомерно удержанных сумм.

Материалы и методы исследований

В литературе по теме защиты селлеров от неосновательного обогащения доминирующих платформ можно выделить несколько основных тематических групп источников. Первая группа посвящена анализу макроэкономического и антимонопольного контекста российского рынка. Так, портал TAdviser подробно характеризует динамику объёма интернет-торговли в России, демонстрируя устойчивый рост и повышающуюся роль платформ как посредников в цепочке поставок [1]. В сопоставлении российского и зарубежного опыта правового регулирования электронной коммерции Савельев А. [3] подчёркивает, что в ряде юрисдикций платформы несут прямую ответственность за неосновательное обогащение через сбор непрозрачных комиссий, тогда как в России регулирование пока остаётся фрагментарным и основано скорее на общих нормах Гражданского кодекса и антимонопольного законодательства. Пузыревский С.А. [6] указывает на вызовы современного антимонопольного регулирования, уделяя внимание недостаточной детализации механизмов защиты контрагентов крупных цифровых операторов и необходимости адаптации Федерального закона «О защите конкуренции» к реалиям платформенных рынков. Также стоит отметить и источники [14, 15], сведения которых размещены на сайтах: [zakon](http://zakon.ru) и [finance.rambler](http://finance.rambler.ru). Информация, отраженная в рамках данных источников использовалась для демонстрации количества поданных исковых заявлений в отношении маркетплейсов за 2022-2024 годы.

Вторая группа объединяет концептуальные исследования цифрового права, где анализу правового регулирования цифровой среды и перспективам её развития посвящён обзор материалов Международной научной конференции «Цифровое право – право будущего». Коданева С.И. [2] систематизирует ключевые тенденции и проблемные зоны, отмечая недостаточность специализированных норм, регулирующих договорные отношения в онлайн, и трудности применения классических институтов ГК РФ к электронным сделкам.

Третье направление сосредоточено на европейской нормативно-правовой базе и её комментариях. Regulation (EU) 2022/1925 (DMA) устанавливает комплекс обязательств для gatekeeper-платформ, призванных предотвратить их несправедливые практики в отношении бизнес-пользователей [13]. Пти Н. [4] проводит юридико-политический анализ предложенного DMA, оценивая его потенциальную эффективность в ограничении дискриминации селлеров и повышении прозрачности алгоритмов ценообразования. Ларуш П., Де Стриль А. [5] связывают новации DMA с историческими традициями европейского конкурентного права, обосновывая выбор критериев определения «гейткиперов» (gatekeeper) и предлагая механизмы мониторинга их исполнения на национальном уровне.

Четвёртое направление посвящено договорно-правовым механизмам защиты селлеров и соответствующей судебной практике. Орищенко А.С., Спицин К.О. [7] классифицируют типовые несправедливые условия в платформах-офертах и предлагают алгоритмы возмещения убытков и возврата излишне взысканных платежей. Мёсляйн Ф. [9] анализирует институциональное регулирование стандартных цифровых условий, подчёркивая необходимость включения в оферты положений об ограничении ответственности платформ и механизмов ликвидации неосновательного обогащения. Юридическое закрепление подходов находит отражение в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ [8] и Определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.02.2016 № 309-ЭС15-13978, в которых сформулированы критерии применения норм о неосновательном обогащении и порядке ограничения возмещения убытков [10]. Дополняет картину зарубежный пример Uniform Commercial Code § 2-718, предусматривающий механизмы ограничения возмещения убытков и порядок депонирования средств при спорах о размере компенсации [12].

Пятая, более разноплановая группа, охватывает сравнительно-правовые и междисциплинарные исследования. Ахмад Н. и соавторы [11] анализируют вызовы применения института невменяемости в двойной правовой системе, демонстрируя методологию комплексного сравнительного анализа и возможность её адаптации для оценки рисков селлеров в среде непредсказуемых алгоритмических решений платформ.

Таким образом, в литературе вырисовываются два основных подхода: одни авторы развивают традиционные механизмы антимонопольного и договорного регулирования, стремясь адаптировать под цифровые реалии существующие нормы [3, 6, 7], тогда как европейские исследования предлагают создание специализированных инструментов, ориентированных на уникальные свойства платформенных рынков [4, 5, 13]. Налицо противоречие в оценке глубины необходимых реформ: одни склоняются к эволюционному развитию, другие – к революционному введению новых норм и институтов. Кроме того, существуют различные мнения о роли судебной практики: часть исследователей подчёркивает её критическую значимость для реальной защиты селлеров [8, 10], тогда как другие считают, что без создания чётких нормативных рамок эффект от решений судов будет ограничен.

Результаты и обсуждения

В результате изучения судебной практики и типовых офферт ведущих российских маркетплейсов выявлено, что доминирующие платформы систематически получают необоснованное экономическое преимущество за счёт продавцов. Ниже на рис. 1 отражена динамика поданных исковых заявлений в отношении крупных маркетплейсов на территории РФ за 2022-2024 годы.

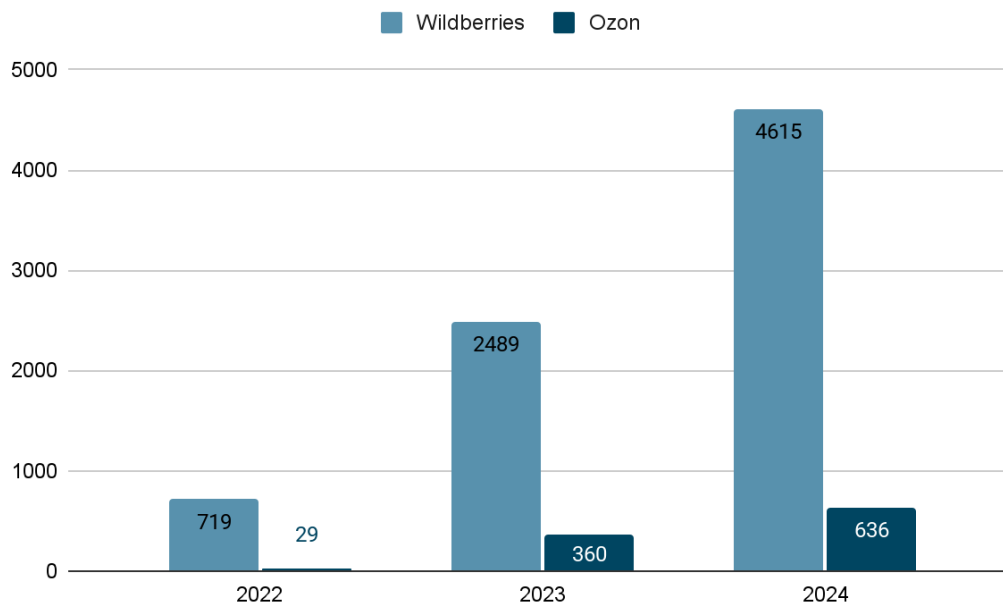

Рис. 1. Динамика поданных исковых заявлений в отношении крупных маркетплейсов на территории РФ за 2022-2024 годы [14, 15].

Fig. 1. Dynamics of lawsuits filed against large marketplaces in the Russian Federation in 2022-2024 [14, 15].

Формально прописанные в оффертах положения при применении выходят за рамки обычных коммерческих рисков и свидетельствуют о злоупотреблении правом.

1. Одностороннее навязывание диспропорциональных штрафных санкций. В оффертах платформ предусмотрены глубокие схемы штрафов за любые отклонения: задержку отгрузки, неправильную маркировку, расхождения в габаритах, отмену заказа и т.д. Размер санкций часто не соотносится с реальным ущербом и имеет ярко выраженную фискальную функцию. Так, штраф за отмену, даже произведённую до начала сборки и не повлёкшую расходов для платформы, зачастую является несоразмерным. Российские суды обычно отказывают в снижении таких неустоек на основании ст. 333 ГК РФ, ссылаясь на свободу договора и предпринимательские риски продавца [8], тогда как реальная свобода выбора при акцепте офферты доминирующей платформы отсутствует. В европейских и американских юрисдикциях доктрина «несоразмерной неустойки» и «недобросовестных условий» применяется судьями более активно для защиты слабой стороны договора [6, 9].

2. Асимметричное перераспределение бремени доказывания. Цивилистический принцип предполагает, что каждая сторона доказывает заявленные факты. Тем не менее офферты маркетплейсов закрепляют приоритет внутренних данных автоматизированной системы платформы как безусловного доказательства нарушения продавца. При возникновении споров о количестве товара или правильности габаритов продавцу возлагается обязанность доказывать обратное, не имея доступа к логам и алгоритмам платформы. В США институт «discovery» обязывает раскрывать все относящиеся к делу документы, уравнивая положение сторон, тогда как в России подобный механизм отсутствует, а отказ платформы предоставить данные редко влечёт серьёзные последствия. Определение ВС РФ № 309-ЭС15-13978 затрагивает вопросы бремени доказывания, но не решает системную проблему цифрового неравенства [10].

3. Создание экономических барьеров для доступа к правосудию. Контрактное противостояние с крупными маркетплейсами зачастую оборачивается значительными финансовыми и временными расходами, которые для малого и среднего бизнеса оказываются критически высокими. Даже при наличии вынесенной в пользу продавца правовой позиции расходы на юридическое сопровождение, экспертизы и отсроченные

выплаты делают шансы на адекватную защиту интересов маловероятными (см. табл. 1). В качестве ответа на эту проблему в ряде зарубежных систем применяется институт «гонорара успеха» (contingency fee), при котором вознаграждение адвоката или юридической фирмы выплачивается исключительно в случае удовлетворения требований истца и составляет оговорённый процент от взысканной суммы [7, 11]. В российской практике «гонорар успеха» до сих пор внедряется лишь точечно и встречает противоречивые решения судов, что тормозит его широкое применение. Легализация подобного механизма на законодательном уровне и формирование однородной судебной практики могут стать важным стимулом для продавцов отстаивать свои права и окажут сдерживающее влияние на доминирующие платформы, склонные к злоупотреблениям.

Далее в табл. 1 будут отражены механизмы необоснованного обогащения доминирующих маркетплейсов за счёт продавцов, а также сравнительный анализ российской и зарубежной практики с рекомендациями.

Таблица 1

Механизмы необоснованного обогащения доминирующих маркетплейсов за счёт продавцов, а также сравнительный анализ российской и зарубежной практики с рекомендациями [6-11].

Table 1

Mechanisms of unjustified enrichment of dominant marketplaces at the expense of sellers, as well as a comparative analysis of Russian and foreign practice with recommendations [6-11].

Проблема	Описание	Российская практика	Зарубежный опыт	Рекомендации
Одностороннее навязывание диспропорциональных штрафных санкций	Платформы вводят сложные схемы финансовых санкций за любые отклонения (задержка отгрузки, неправильная маркировка, расхождения в габаритах, отмена заказа и т. д.), причём размер штрафов часто не соотносится с реальным ущербом и носит фискальный характер.	Российские суды практически не пересматривают размер неустоек по норме ст. 333 ГК РФ, мотивируя это свободой договора и предпринимательскими рисками продавца.	В ЕС и США суды активно применяют доктрину «несоразмерной неустойки» и «недобросовестных условий», снижая или отменяя чрезмерные санкции в пользу слабой стороны договора.	Ввести в ГК РФ прямой запрет на фискальную функцию неустойки и установить соотношение макс. % штрафа к средней выручке/себестоимости партии. Разработать судебные методики оценки «обоснованности» штрафов (аналог Art. 5(1) Directive 93/13/EEC).
Асимметричное перераспределение бремени доказывания	Оферты закрепляют приоритет «внутренних данных» автоматизированной системы платформы как безусловного доказательства нарушения продавца.	В России отсутствует механизм раскрытия доказательств типа discovery: отказ платформы предоставлять данные не влечёт заметных санкций. Определение ВС РФ № 309-ЭС15-13978 лишь констатирует проблему, не меняя практику.	В США институт discovery обязывает стороны раскрывать все относящиеся к делу документы, уравнивая позиции. В ряде европейских стран аналогичные процедуры предусмотрены в ГПК (обязательство по представлению электронных доказательств).	Ввести норму о праве продавца на получение копий автоматизированных данных со стороны платформы. Разработать правила электронного discovery в судебном процессе (например, ввести обязательство раскрывать логи платформы по мотивированному запросу суда).

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Экономические барьеры для доступа к правосудию	Селлерам МСБ сложно вести длительные и дорогостоящие споры: расходы на юристов, экспертизы, отсроченные выплаты.	В РФ институт «гонорара успеха» пока лишь точно применяется, суды выносят противоречивые решения, отсутствуют единые стандарты и законодательная база, что тормозит широкое внедрение механизма.	В ряде зарубежных юрисдикций распространён гонорар адвоката привязан к успешному исходу и составляет заранее согласованный % от суммы взыскания, что снижает финансовый риск для истца.	Легализовать и унифицировать применение «гонорара успеха» на федеральном уровне. Разработать типовые формы договоров с адвокатами и критерии допустимого % гонорара.
--	--	--	---	--

Зарубежный опыт показывает, что успешное развитие маркетплейсов требует комплексного подхода со стороны государства. Регулирование должно быть сбалансированным, чтобы обеспечить защиту прав потребителей и предотвратить монополизацию рынка.

Сам по себе договор присоединения, будучи односторонним актом волеизъявления селлера, фактически превращается в квази-нормативный инструмент, закрепляющий все описанные механизмы необоснованного обогащения платформы. Платформа посредством оферты устанавливает исчерпывающие и неизменяемые условия, не допускающие ведения индивидуальных переговоров и внесения изменений в положения договора, что придаёт ему характер нормативного предписания. В российской правоприменительной практике ст. 428 ГК РФ, которая даёт стороне, присоединившейся к договору, право потребовать расторжения или изменения договора, если он содержит явно обременительные для неё условия, остаётся формальным средством контроля содержания оферты, применяемым лишь фрагментарно и не способным обеспечить надёжную защиту слабой стороны. В противоположность этому, в Европейском союзе с принятием Digital Markets Act платформы-гейткиперы обязаны устанавливать справедливые, прозрачные и недискриминационные условия для всех бизнес-пользователей [4, 5, 13]. Ниже в табл. 2 продемонстрирован анализ существующих подходов к снижению неустойки в коммерческих спорах.

Таблица 2

Сравнительный анализ подходов к снижению неустойки (штрафов) в коммерческих спорах [8, 9, 12, 13].

Table 2

Comparative analysis of approaches to reducing penalties (fines) in commercial disputes [8, 9, 12, 13].

Критерий	Российская Федерация	Европейский Союз (типовой подход)	США (UCC)
Правовая основа	Ст. 333 ГК РФ	Директива 93/13/ЕЭС о недобросовестных условиях в договорах, национальное законодательство	Uniform Commercial Code (UCC) § 2-718, доктрина "unconscionability"
Стандарт доказывания	Заявитель должен доказать явную несоразмерность неустойки последствиям нарушения.	Суд может признать условие недобросовестным ex officio (по своей инициативе), особенно при явном дисбалансе прав.	Бремя доказывания лежит на стороне, оспаривающей условие, но суды активно анализируют "разумность" суммы.
Типичный судебный подход	Консервативный. Суды неохотно вмешиваются в договорные отношения между предпринимателями, ссылаясь на свободу договора.	Проактивный. Защита слабой стороны, даже если она является предпринимателем (в некоторых юрисдикциях).	Гибкий. Оценка "разумности" неустойки на момент заключения договора, а не на момент нарушения.
Результат для селлера	Высокая вероятность отказа в снижении штрафа, наложенного платформой.	Более высокая вероятность признания штрафа недействительным или его существенного снижения.	Вероятность снижения зависит от штата, но в целом выше, чем в РФ, при доказанности "карательного" характера неустойки.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует системный характер проблемы неосновательного обогащения доминирующих платформ, которую невозможно преодолеть в рамках разрозненных исковых процедур. Требуется пересмотр как законодательных норм, так и судебной практики с целью восстановления справедливого экономического баланса и надёжной защиты прав продавцов как менее защищённой стороны в договорных отношениях.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило, что ведущие цифровые платформы, обладая значительной рыночной и информационной доминантой, системно извлекают необоснованную выгоду за счёт продавцов, используя одностороннее навязывание экономически ничем не обоснованных штрафных санкций, асимметричное перераспределение бремени доказывания в типовых договорах присоединения и создание искусственных процедурных и финансовых барьеров для доступа к правосудию. При этом существующие в российском праве механизмы: снижение неустойки (ст. 333 ГК РФ) и защита слабой стороны договора (ст. 428 ГК РФ), в текущей правоприменительной практике не обеспечивают адекватной защиты продавцов из-за доминирующего формального принципа свободы договора и консервативного подхода судов, что препятствует учёту реального экономического неравенства сторон и расширению доктринальных основ против неосновательного обогащения и злоупотребления правом.

Сравнительно-правовой анализ показал, что зарубежные юрисдикции предлагают более проактивные решения: в ЕС - специальные превентивные меры в Digital Markets Act для «гейткперов», в США - гибкие судебные доктрины (unconscionability, discovery) и институт «гонорара успеха» (contingency fee), способствующие выравниванию возможностей менее обеспеченных участников. Во избежание доминирования платформ в России целесообразно расширить в доктрине и законе понятия неосновательного обогащения и злоупотребления правом применительно к цифровым экосистемам, ввести элементы превентивного регулирования по образцу DMA для крупнейших онлайн-операторов и либерализовать институт «гонорара успеха» с целью повышения доступности правосудия для малого и среднего бизнеса.

Список источников

1. Рынок РФ в сфере интернет-торговли // TAdviser: [сайт]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-торговля_\(рынок_России\)#::~:~:text=Поитогам2024годаобъем,опубликованы201920мая20202520года](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-торговля_(рынок_России)#::~:~:text=Поитогам2024годаобъем,опубликованы201920мая20202520года) (дата обращения: 01.03.2025)
2. Коданева С.И. Цифровое право: тенденции, перспективы и проблемы развития правового регулирования отношений в цифровой среде (Обзор материалов Международной научной конференции «Цифровое право право будущего») // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2024. №. 4. С. 26 – 41. <https://doi.org/10.31249/iajpravo/2024.04.02>
3. Савельев А. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2022. С. 118 – 125.
4. Petit N. The proposed digital markets act (DMA): a legal and policy review // Journal of European Competition Law & Practice. 2021. Vol. 12. № 7. P. 529 – 541. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpab062>
5. Larouche P., De Streel A. The European digital markets act: A revolution grounded on traditions // Journal of European Competition Law & Practice. 2021. Vol. 12. № 7. P. 542 – 560. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpab066>
6. Пузыревский С.А. Антимонопольное регулирование в современных условиях: вызовы, задачи и перспективы развития // Российское конкурентное право и экономика. 2023. № 2. С. 8 – 15. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2023-2-34-8-15>
7. Орищенко А.С., Спицин К.О. Несправедливые договорные условия: способы защиты слабой стороны // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 242 – 256.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств" // Consultant: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 05.03.2025)
9. Möslin F. Digitized Terms: The Regulation of Standard Contract Terms in the Digital Age // European Review of Contract Law. 2023. Vol. 19. № 4. P. 300 – 320.
10. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2016 No 309-ЭС15-13978 по делу No A07-3169/2014 // Garant: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/71343658/> (дата обращения: 05.03.2025)

11. Ahmad N. et al. Challenges of the Insanity Defence: Legal Perspectives on Mental Illness and Criminality in Brunei's Dual Legal System // *Manchester Journal of Transnational Islamic Law & Practice*. 2024. Vol. 20. № 4. P. 150.
12. Uniform Commercial Code § 2-718. Liquidation or Limitation of Damages; Deposits // Cornell Law School Legal Information Institute // *Law.cornell*: [сайт]. URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2-718> (дата обращения: 15.03.2025)
13. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) (Text with EEA relevance) // *EUR-Lex* [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng> (дата обращения: 21.03.2025)
14. Селлеры против маркетплейсов: юридические инструменты борьбы с несправедливым ценообразованием // *Zakon* [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/05/13/sellery_protiv_marketplejsov_yuridicheskie_instrumenty_borby_s_nespravedlivym_cenoobrazovaniem (дата обращения: 25.03.2025)
15. У Wildberries значительно выросло количество исков и предостережений Об этом сообщает "Рамблер" // *Finance.rambler* [сайт]. URL: https://finance.rambler.ru/business/53017613/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=corylink (дата обращения: 25.03.2025)

References

1. The Russian Federation market in the field of e-commerce. TAdviser: [website]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-торговля_\(мирок_России\)#:~:text=Поитоаг2024годаобом,поигованы201920мая202520года](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-торговля_(мирок_России)#:~:text=Поитоаг2024годаобом,поигованы201920мая202520года) (date of access: 01.03.2025)
2. Kodaneva S.I. Digital law: trends, prospects and problems of development of legal regulation of relations in the digital environment (Review of materials of the International scientific conference "Digital law is the law of the future"). *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4, State and law: Abstract journal*. 2024. No. 4. P. 26 – 41. <https://doi.org/10.31249/iajpravo/2024.04.02>
3. Saveliev A. E-commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation. 2022. P. 118 – 125.
4. Petit N. The proposed digital markets act (DMA): a legal and policy review/ *Journal of European Competition Law & Practice*. 2021. Vol. 12. No. 7. P. 529 – 541. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpab062>
5. Larouche P., De Streel A. The European digital markets act: A revolution grounded on traditions. *Journal of European Competition Law & Practice*. 2021. Vol. 12. No. 7. P. 542 – 560. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpab066>
6. Puzyrevsky S.A. Antimonopoly regulation in modern conditions: challenges, tasks and development prospects. *Russian competition law and economics*. 2023. No. 2. P. 8 – 15. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2023-2-34-8-15>
7. Orishchenko A.S., Spitsyn K.O. Unfair contractual terms: ways to protect the weaker party. *Issues of Russian justice*. 2021. No. 16. P. 242 – 256.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 N 7 (as amended on 22.06.2021) "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations". Consultant: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (date accessed: 05.03.2025)
9. Möslin F. Digitized Terms: The Regulation of Standard Contract Terms in the Digital Age. *European Review of Contract Law*. 2023. Vol. 19. No. 4. P. 300 – 320.
10. Definition of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.02.2016 No. 309-ES15-13978 in case No. A07-3169/2014. Garant: [website]. URL: <https://base.garant.ru/71343658/> (date of access: 05.03.2025)
11. Ahmad N. et al. Challenges of the Insanity Defence: Legal Perspectives on Mental Illness and Criminality in Brunei's Dual Legal System. *Manchester Journal of Transnational Islamic Law & Practice*. 2024. Vol. 20. No. 4. P. 150.
12. Uniform Commercial Code § 2-718. Liquidation or Limitation of Damages; Deposits. Cornell Law School Legal Information Institute. *Law.cornell*: [site]. URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2-718> (date of access: 15.03.2025)

13. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) (Text with EEA relevance). EUR-Lex [site]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng> (date of access: 21.03.2025)

14. Sellers versus marketplaces: legal instruments to combat unfair pricing. Zakon [site]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/05/13/sellery_protiv_marketplejsov_yuridicheskie_instrumenty_borby_s_nespravedlivym_cenoobrazovaniem (date of access: 25.03.2025)

15. Wildberries has seen a significant increase in the number of lawsuits and warnings Rambler reports this. Finance.rambler [website]. URL: https://finance.rambler.ru/business/53017613/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (date of access: 25.03.2025)

Информация об авторе

Иванников И.А., основатель и специалист по юридическим стратегиям в MP Litigation Center, эксперт по разрешению споров на рынке маркетплейсов, Ирвайн, Калифорния, США, ivan@mplitigation.ru

© Иванников И.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 342.565

Административная юстиция Верховного Суда СССР в 1920-е гг.

¹ Красильников Т.С.,

¹ кандидат юридических наук, судья в отставке

Аннотация: в статье рассматривается деятельность Верховного Суда СССР по осуществлению общего надзора за законностью в годы формирования общесоюзных государственных институтов. Отмечается зависимая роль судебной инстанции от Всесоюзного Центрального исполнительного комитета и органов Коммунистической партии. Проводится анализ архивных документов, на основе которых выделяются основные процессуальные стадии общего надзора за законностью со стороны Верховного Суда. В статье сделаны выводы об отсутствии судебной процедуры и об осуществлении общего надзора за законностью исключительно в рамках административной процедуры.

Ключевые слова: советская власть, Верховный Суд СССР, надзор за законностью, административная юстиция

Для цитирования: Красильников Т.С. Административная юстиция Верховного Суда СССР в 1920-е гг. // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 148 – 153.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Administrative justice of the Supreme Court of the USSR in the 1920s.

¹ Krasilnikov T.S.,

¹ Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Retired Judge

Abstract: the article examines the activities of the Supreme Court of the USSR in the implementation of general supervision of legality in the years of the formation of all-Union state institutions. The dependent role of the judicial instance on the All-Union Central Executive Committee and the organs of the Communist Party is noted. The analysis of archival documents is carried out, on the basis of which the main procedural stages of the general supervision of legality by the Supreme Court are highlighted. The article concludes that there is no judicial procedure and that general supervision of legality is carried out exclusively within the framework of administrative procedure.

Keywords: Soviet power, Supreme Court of the USSR, supervision of legality, administrative justice

For citation: Krasilnikov T.S. Administrative justice of the Supreme Court of the USSR in the 1920s. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 148 – 153.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В задачи современного правосудия входит защита прав и свобод человека и гражданина. Одной из форм защиты прав человека является разрешение споров граждан с государством. Для обеспечения реализации права граждан на обжалования действий органов государственной власти вводятся специальные процедуры административной юстиции. В современных судах России все более отчетливо происходит специализация судей, рассматривающих дела, отнесенных к административной юстиции.

В истории права считается, что рождение административной юстиции в России происходит в последние годы «перестройки», когда под влиянием идей демократизации общества граждане начинают все активно прибегать к судебному обжалованию решений государственных органов и должностных лиц. С течением времени решения Верховного Суда Российской Федерации, принятые в рамках административной юстиции, публикуются для всеобщего обозрения, начинает формироваться единообразие судебной практики.

Между тем, сохранившийся фонд архивных документов Верховного Суда СССР показывает, что еще в 1920-х гг. вопросы общего надзора за законностью, в рамках которой проверялись нормативные акты на их соответствие законодательству – Конституции СССР и союзным законам, занимали особое место в деятельности высшей судебной инстанции. Однако указанное направление деятельности Верховного Суда СССР практически не исследовано. Отчасти, это произошло по той причине, что советское административное право не рассматривало судебный надзор как необходимый элемент административной деятельности. В российский же период больше внимание уделялось вопросам совершенствования действующего законодательства об административной юстиции.

Материалы и методы исследований

В настоящей статье на основе изучения документов, хранящихся в Государственном Архиве Российской Федерации (фонд Р-9474), предпринята попытка провести анализ практики Верховного Суда СССР по делам общего надзора за законностью, рассмотренных до 1929 г., и определить место административной юстиции в рамках советской государственной системы.

Результаты и обсуждения

Первая советская конституция была принята в 1918 г., и утвержденная ей система органов государственной власти не предусматривала создание высшей судебной инстанции.

Концепция советской власти отрицала принцип разделения властей, который относился к «буржуазным», т.е. призванным обеспечить защиту классовых интересов буржуазии, и по этой причине отвергался при построении нового социалистического общества. Всей полнотой государственной власти должны были обладать Советы, а высшим органом советской власти являлся Всероссийский съезд советов, который созывался и работал с определенной периодичностью. Между сессиями Съезда его полномочия выполнял Всероссийский Центральный исполнительный комитет. В соответствии с положениями советской конституции именно Центральный исполнительный комитет становился основным органом государственного управления, осуществляя полномочия как законодательного, так и высшего исполнительного органов, а также функции высшей судебной инстанции.

Однако уже с первых лет своего существования советская государственная система имела один существенный «изъян», ставший ее характерной чертой. Деятельность советских органов государственного управления находилась под жестким контролем со стороны аппарата партии большевиков (особенно после разгрома мятежа левых эсеров в июле 1918 г., когда в стране установилась монополия одной партии на политическую власть). Решения партийных органов (Съезда, Центрального Комитета, Политбюро) приобретали роль не только руководящих начал при принятии управленческих решений, но и становились обязательными к исполнению. В такой ситуации, можно говорить, что действующая система советских органов государственной власти приобретала роль исполнительного аппарата для проведения в жизнь политических решений партийных органов.

Жесткий контроль со стороны партии затронул и процесс формирования новой судебной системы, которая в первые годы советской власти не рассматривалась как приоритетное направление государственной политики, проводимой большевиками.

Концепция строительства социалистического государства предполагала, что с течением времени по ходу укрепления социалистических форм хозяйствования, укрепления социалистических норм морали и общежития суд как необходимый элемент государственной системы постепенно отомрет и будет заменен иным механизмом, когда в рамках советов будут разрешаться противоречия между членами советского общества [13].

Действительность же оказалась намного прозаичнее предлагаемой такой идеальной модели. И с первых лет своего существования советские суды были вынуждены разрешать массу «бытовых дел» – как гражданских, так и уголовных – являвшихся следствием повседневной жизни в постреволюционное время.

Постепенно возникла необходимость в специальном правовом регулировании судебной системы, в обеспечении единообразия практики применения новых советских законов, для чего требовалось создать центральный судебный орган. Немаловажную роль в принятии решения о создании центрального судебного органа сыграла и потребность в осуществлении контроля за деятельностью как судов в целом, так и отдельных судей путем проведения ревизий.

После Революции и образования системы органов советской власти была воспринята двухступенчатая судебная система – суд первой инстанции (где разрешалось дело по существу) и суд второй инстанции (где осуществлялась проверка правильности принятого в первой инстанции решения) [8]. Единственное существенное изменение, которое было внесено в советское законодательство о судебной системе по сравнению с дореволюционным, – это введение института кассации при рассмотрении дела судом второй инстанции [7]. (Кассация судебных актов предполагает проверку правильности применения закона без исследования фактических обстоятельств по делу, тогда как институт апелляции предусматривает проверку не только правильного применения закона, но и повторное исследование доказательств).

Однако, как и в царской России, в советской судебной системе появился еще одна судебная инстанция – высшая, которая должна была обеспечивать единообразие судебной практики. Но если в царской России такой судебной инстанцией являлся Правительствующий Сенат [12], то в Советской России изначально роль высшей судебной инстанции играл съезд судей [8], который мог выполнять надзорные полномочия, позднее надзорные функции стал выполнять Наркомат юстиции [9]. Наркомат юстиции наделялся правом давать оценку состоявшимся судебным актам, приостанавливать их исполнение, а также в случае грубого нарушения советского законодательства – отменять состоявшиеся решения. При этом надзорные действия Наркомата юстиции могли быть оспорены в Центральном исполнительном комитете, который и приобрел значение органа, принимающего окончательное решение.

К 1923 г. в связи с участвовавшими обращениями в Центральный исполнительный комитет с вопросами о правильном разрешении конкретных споров, рассмотренных судами, возникла необходимость в учреждении постоянно действующей комиссии при Центральном исполнительном комитете, которая должна была проводить первичное обсуждение спорных ситуаций, давать им правовую оценку и в случае возникновения сомнений в правильности принятого решения передавать запрос на пленарное заседание Центрального исполнительного комитета для принятия окончательного решения. Такой постоянной действующей комиссией стал Верховный Суд, учреждаемый при Центральной исполнительной комиссии каждой из советских союзных республик [10, 11].

В декабре 1922 г. был образован Советский Союз как федеративное государство суверенных социалистических республик. Первая Конституция СССР была принята в 1924 г., во многом она приняла тот государственно-политический строй, что был утвержден ранее. Верховный Суд СССР был образован еще до принятия союзной Конституции – в 1923 г., и как орган государственной власти Верховный Суд СССР учреждался при Всесоюзном Центральном исполнительном комитете (ВЦИК СССР). Одновременно с образованием Верховного Суда СССР была введена должность Прокурора СССР, который осуществлял надзорную деятельность за органами юстиции, к числу последних относились и суды.

Анализ нормативных актов – Положение о Верховном Суде СССР и Наказ Верховному Суду СССР – показывает, что с момента создания Верховный Суд СССР не являлся еще судебным органом, как, например, это определено для Верховного Суда США. В отличие от американской высшей судебной инстанции, которая осуществляет судебную власть, Верховный Суд СССР одновременно являлся и органом правосудия, и постоянно действующей комиссией, подготавливавшей, по сути, проекты решений для высшего советского органа – ВЦИК СССР. Такое сочетание полномочий объясняется спецификой положения Верховного Суда СССР в системе советских органов власти, а также теми принципами, которые были провозглашены при образовании СССР, а именно – суверенитет союзных республик, передавших часть своих полномочий общесоюзному центру.

Верховный Суд СССР выступал как высший судебный орган по делам военной юстиции, поскольку формирование армии было отнесено к исключительному ведению союзного центра, также Верховный Суд СССР являлся уголовным судом в отношении высших руководителей советского государства и Красной Армии. При разрешении спорных вопросов между союзными республиками и центральной властью, а также только между союзными республиками Верховный Суд СССР выступал уже как консультативный орган при ВЦИК СССР, за которым оставалось право принятия окончательного решения [10]. Кроме того, Вер-

ховный Суд СССР наделялся полномочиями о толковании союзного законодательства [6, л. 75], в число которых вошли и полномочия определения даты, когда на соответствующей территории начинали действовать советские законы [3, л. 405].

С течением времени, с момента утверждения И.В. Сталина в качестве общепризнанного лидера партии большевиков и фактического главы государства, установления жесткой централизации государственного аппарата, провозглашенный принцип суверенитета союзных республик, хотя и не был отменен, стал носить декларативный характер. С этого момента спорные вопросы в государственном управлении разрешались исключительно в административном порядке без какого-либо участия Верховного Суда СССР, за которым сохранились только контрольные полномочия за деятельностью судов.

Можно отметить, что в течение довольно долгого времени Верховный Суд СССР воспринимался как уголовный суд. Это отчетливо проявилось в деятельности Военной коллегии и Судебной коллегии по уголовным делам, которые имели не только опыт практической работы в качестве судебных инстанций, но часто направляли в нижестоящие суды обязательные циркуляры относительно правоприменительной практики, минуя заседания Пленумов Верховного Суда СССР [2, л. 1,2]. В первые годы за пределами деятельности Верховного Суда СССР фактически осталась практика по гражданским делам, и, как отметил Пленум Верховного Суда СССР, гражданские и трудовые споры в связи с отсутствием общесоюзного законодательства отнесены к исключительной компетенции союзных республик [5, л. 222].

В то же время в течение 1920-х гг. Верховный Суд СССР довольно часто разрешал дела общего надзора за законностью, которые можно отнести к административной юстиции, осуществляя проверку правильности принятия и применения нормативных актов, как союзных наркоматов, так и актов органов союзных республик на их соответствие союзной конституции и союзному законодательству. И как отмечал председатель Верховного Суда СССР, общий надзор за законностью в течение 1920-х гг. занимал доминирующее положение в практике пленарных заседаний Верховного Суда СССР [5, л. 57].

Несмотря на то, что Положение о Верховном Суде СССР и Наказ Верховному Суду СССР не содержали регламент производства по делам общего надзора за законностью, анализ архивных документов Верховного Суда СССР позволяет выделить основные стадии рассмотрения дел данной категории. Действовавшее в тот момент законодательство предусматривало, что проверка нормативных актов на соответствие союзной конституции проводилась в случаях – направления соответствующего запроса ВЦИК СССР, поступления протеста Прокурора СССР, по инициативе самого Верховного Суда СССР. Предусматривалось право ЦИК союзной республики обратиться в Верховный Суд СССР для проверки действий союзных органов власти на предмет вмешательства в исключительные полномочия союзной республики, но, как отмечалось в отчетах о деятельности Верховного Суда СССР, союзные республики данным правом не пользовались [4, л. 19-20].

В первых двух случаях – когда инициатором проверки являлись ВЦИК СССР или Прокурор СССР – рассмотрение запроса или протеста поступало на пленарное заседание Верховного Суда СССР. В случае, когда инициатором являлся сам Верховный Суд СССР, то вопрос предварительно обсуждался на рабочем заседании у председателя Верховного Суда СССР [1, л. 7, 11].

По итогам заседания Пленума Верховного Суда СССР принималось решение о соответствии или несоответствии нормативного акта Конституции СССР. В случае если нормативный акт признавался соответствующим союзной конституции, то Верховный Суд СССР уведомлял заинтересованные лица о принятом решении. Это решение считалось окончательным, хотя и требовалось формальное подтверждение со стороны ВЦИК СССР [1, л. 7]. В случае, когда Пленум Верховного Суда СССР приходил к выводу о противоречии нормативного акта союзному законодательству, что была нарушена Конституция СССР, то готовился пакет документов с заключением Верховного Суда СССР, которое направлялось на рассмотрение во ВЦИК СССР [3, л. 103-104, л. 122, л. 123]. Если во время голосования на пленарном заседании голоса членов Верховного Суда СССР о соответствии нормативного акта союзному законодательству делились поровну, то Пленум Верховного Суда СССР был обязан направить во ВЦИК СССР два проекта решения по спорному вопросу с обоснованием каждого из вариантов, оставляя ВЦИК СССР окончательно разрешить возникшую ситуацию [3, л. 19, л. 22].

Решения Верховного Суда СССР на каждой стадии производства по делам общего надзора за законностью оформлялись протоколом, который помимо вводной части (дата, номер протокола, количество участников, присутствовавших на заседании), содержал две графы – «слушали», где излагалось содержание вопроса, и «постановили», где содержался вывод по принятому решению. Протоколы пленарных заседаний Верховного Суда СССР не раскрывают ни хода дискуссии при обсуждении, ни характер обсуждаемых вопросов, ни обмен мнениями участников заседания. В отличие от современных судебных актов указанные

протоколы пленарных заседаний Верховного Суда СССР не содержат изложение мотивов принимаемого решения, т.е. отсутствует мотивировочная часть судебного акта в современном его понимании. Следует отметить, что вплоть до судебной реформы второй половины 1950-х гг. судебные акты верховных судов Союза ССР и союзных республик оформлялись в виде протоколов, когда заинтересованным сторонам направлялась выписка, содержащее только итоговое решение. Протоколы пленарных заседаний Верховного Суда СССР подписывались председателем либо лицом, его заменяющим на данном пленарном заседании. В отдельных случаях к протоколу могло быть приложено особое мнение одного из участников заседания [3, л. 245], благодаря которому можно понять, в чем состояла дискуссия, и какие доводы были отклонены при итоговом голосовании.

Участие заинтересованных лиц при обсуждении правомерности того или иного акта не предусматривалось, кроме Прокурора СССР, который участвовал в пленарном заседании Верховного Суда СССР по должности. Сам же Прокурор СССР хоть и не имел право принимать участие в голосовании, при своем несогласии с решением Пленума Верховного Суда СССР имел право составить особое мнение [3, л. 174], которое вместе с документами Верховного Суда СССР направлялось во ВЦИК СССР для окончательного решения.

В тоже время заинтересованные должностные лица или государственные органы могли представить письменное обоснование своей позиции о правомерности принятого ими нормативного акта, которое предоставлялось по запросу Верховного Суджа СССР или Прокурора СССР до проведения соответствующего пленарного заседания. С течением времени предоставление письменного обоснования со стороны должностного лица или государственного органа стало обязательным. При этом указанные письменные пояснения приобщались к материалам, направляемым Верховным Судом СССР по итогам пленарного заседания во ВЦИК СССР.

Выводы

Рассмотренная процедура принятия Верховным Судом СССР решений по делам общего надзора за законностью мало походила на современную процедуру административного судопроизводства, предусматривающую вызов сторон, их выступления, предоставление сторонами доказательств, прения. В 1920-е гг., рассматривая вопросы о соответствии нормативных актов союзному законодательству, Верховный Суд СССР исследует исключительно письменные документы. Весь процесс принятия решения происходит в рамках административной процедуры. Верховный Суд СССР выполнял в большей степени роль консультационного органа, направляя свои заключения для принятия итогового решения во ВЦИК СССР, который и был наделен всей полнотой государственной власти.

Список источников

1. ГАРФ, Ф. Р-9474, оп. 10, д. 3.
2. ГАРФ, Ф. Р-9474, оп. 10, д. 6.
3. ГАРФ, Ф. Р-9474, оп. 10, д. 8.
4. ГАРФ, Ф. Р-9474, оп. 10, д. 10.
5. ГАРФ, Ф. Р-9474, оп. 10, д. 13.
6. ГАРФ, Ф. Р-9474, оп. 10, д. 18.
7. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. ст. 50.
8. Декрет ВЦИК РСФСР от 07.03.1918 №2 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. ст. 420.
9. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.03.1921 «Положение о высшем судебном контроле» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 15. ст. 97.
10. Постановление Президиума ЦИК СССР от 23.11.1923 «Положение о Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик» // «Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР». 1923. № 10. ст. 311.
11. Постановление ЦИК СССР от 14.07.1924 «Наказ Верховному Суду Союза Советских Социалистических Республик» // «Собрание законов СССР». 1924. № 2. ст. 25
12. статья 1 Учреждения Судебных Установлений. Том шестнадцатый – часть I. Издание 1892 г. // в кн.: Свод Законов Российской империи. Часть II (том девятый – том шестнадцатый). С.-Пб.: издание товарищества «Общественная польза», 1904. Т. 16. С. 1.
13. Луначарский А.В. Революция и суд // в кн.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семгин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / Науч.консультант Е.А. Скрипицев. Т.V. Советское государство / Отв. ред. Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин. М.: Мысль, 2003. С. 154 – 157.

References

1. GARF, F. R-9474, op. 10, d. 3.
2. GARF, F. R-9474, op. 10, d. 6.
3. GARF, F. R-9474, op. 10, d. 8.
4. GARF, F. R-9474, op. 10, d. 10.
5. GARF, F. R-9474, op. 10, d. 13.
6. GARF, F. R-9474, op. 10, d. 18.
7. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 24.11.1917 "On the Court". Collection of Laws of the RSFSR. 1917. No. 4. Art. 50.
8. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR of 07.03.1918 No. 2 "On the Court". Collection of Laws of the RSFSR. 1918. No. 26. Art. 420.
9. Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 10.03.1921 "Regulations on the Supreme Judicial Control". Collection of Laws of the RSFSR. 1921. No. 15. Art. 97.
10. Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR of 23.11.1923 "Regulations on the Supreme Court of the Union of Soviet Socialist Republics". "Bulletin of the Central Executive Committee, Council of People's Commissars and Council of Defense of the USSR". 1923. No. 10. Art. 311.
11. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of 14.07.1924 "Instruction to the Supreme Court of the Union of Soviet Socialist Republics". "Collection of Laws of the USSR". 1924. No. 2. Art. 25
12. Article 1 Institutions of Judicial Institutions. Volume sixteen – part I. Edition of 1892. in the book: Code of Laws of the Russian Empire. Part II (volume nine – volume sixteen). St. Petersburg: publication of the partnership "Public Benefit", 1904. Vol. 16. P. 1.
13. Lunacharsky A.V. Revolution and the court. in the book: Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semgin G.Yu. Judicial power in Russia: history, documents: in 6 volumes. Scientific consultant E.A. Skripilev. T.V. Soviet state. Ed. R.S. Mulukaev, A.Ya. Malygin. Moscow: Mysl, 2003. P. 154 – 157.

Информация об авторе

Красильников Т.С., кандидат юридических наук, судья в отставке, krass000@mail.ru

© Красильников Т.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.5

Государство и право тюркского каганата

^{1,2} Гатауллин З.Ш., ² Сулейманова Э.И.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,

² Университет управления «ТИСБИ», Набережночелнинский филиал

Аннотация: научных трудов посвященных исследованиям проблемных аспектов возникновения, функционирования и развития первого тюркского государства - Тюркского каганата опубликовано достаточно большое количество, тем не менее, спорные и дискуссионные вопросы остаются и нуждаются в проведении более глубоких научных исследований. Автор данной работы попытался внести свой посильный вклад для восполнения этого пробела. Представители современных тюркских народов по мере своих возможностей стремятся показать и доказать значимость вклада своего народа в историю, государственности древнетюркского государства. Нам представляется так, что каждый из этих народов имеют полное право заявить об этом, поскольку в процессе формирования Тюркского каганата приняли активное участие различные племена. Научно доказано, различные племена путём объединения создали Тюрк-Эль, население начало называться тюрками (тюркютами). Узбеки, казахи, кыргызы, татары, башкиры и другие тюркские народы в целом, не отрицая их некоторую автохтонность, осели на своих современных территориях в результате Великого переселения от Алтая в направлении Западной Европы, в процессе завоевательных походов и создания Великого эль тюрков. Таковы неизбежные закономерности государства и права, судьба любой империи одинакова, они возникают, развиваются, доходят до пика своего развития и распадаются. Так, на месте распада Тюркского каганата возникли различные политические пространства кочевых современных народов-тюрков. Отрицание такового, есть отказ от своего тюркизма.

Ключевые слова: каганат, хан, племя, государство, право, тюрк, закон, уголовное уложение

Для цитирования: Гатауллин З.Ш., Сулейманова Э.И. Государство и право тюркского каганата // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 154 – 158.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The state and law of the Turkic Khaganate

^{1,2} Gataullin Z.Sh., ² Suleymanova E.I.,

¹ Kazan (Volga Region) Federal University,

² TISBI University of Management, Naberezhnye Chelny Branch

Abstract: a large number of scientific papers devoted to the study of problematic aspects of the emergence, functioning and development of the first Turkic state of the Turkic Khaganate have been published, however, controversial and controversial issues remain and more in-depth scientific research is needed. The author of this paper has tried to make his best contribution to fill this gap. Representatives of modern Turkic peoples, to the best of their ability, strive to show and prove the importance of their people's contribution to the history and statehood of the ancient Turkic state. It seems to us that each of these peoples has every right to declare this, since various tribes took an active part in the formation of the Turkic Khaganate. It has been scientifically proven that various tribes created Turk-El through unification, and the population began to be called Turks (Turkutes). Uzbeks, Kazakhs, Kyrgyz, Tatars, Bashkirs and

other Turkic peoples in general, without denying their somewhat autochthonous nature, settled in their modern territories as a result The Great Migration towards Western Europe, through the process of conquests and the creation of the Great El Turks. These are the inevitable patterns of state and law, the fate of any empire is the same, they arise, develop, reach the peak of their development and disintegrate. Thus, various political spaces of modern nomadic peoples, the Turks, arose on the site of the collapse of the Turkic Khaganate. The denial of such is the renunciation of one's Turkism.

Keywords: khaganate, khan, tribe, state, law, turk, law, criminal code

For citation: Gataullin Z.Sh., Suleymanova E.I. The state and law of the Turkic Khaganate. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 154 – 158.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Тюркский Каганат один из крупнейших государств в истории. Занимал территории Маньчжурии, Монголии, Алтая, Восточного Туркестана, Западного Туркестана, а также Крыма и Северного Кавказа [1]. Занимаемая общая площадь составляла 6 млн. кв. км, для сравнения, площадь Китая составляет 9,6 кв. км, Российской Федерации 17 кв. км.

Столица Тюркского Каганата именовался Суяб, находился на знаменитом шелковом пути возле современного села Ак-Бешим, в 6 км. от города областного подчинения Токмак в Чуйской области Кыргызстана.

Материалы и методы исследований

Местом зарождения государства тюрков, степных кочевых народов в 5 веке нашей эры, считается территория современного Алтая и бассейн Байкала. По терминологии термин «Алтай» происходит от тюркского «Алтын», выдающийся исследователь Забайкалья В.А. Обручев писал, что этот регион очень богат полезными ископаемыми [7, с. 9-21], в том числе добывается золото. Термин «Байкал» означает богатое озеро, подавляющее большинство исследователей придерживаются его тюркского происхождения [2, с. 26].

Впервые в научный оборот термин «тюрки» ввел известный исследователь истории кочевых народов Евразии Л.Н. Гумилёв [3], тюрк означает «крепкий» или «сильный» [14, с. 73], каган означает правитель Хан. В период правления кагана хана Бумына Тюркский Каганат достигает высокого уровня развития и начинает завоевательные походы, к западу захватывая обширные территории [16, с. 311-315]. Воины тюрки первыми начали применять так называемые свистящие стрелы. Выпущенные одновременно тысячи свистящих стрел вызывали у врага тюрков страх и наводили их в ужас.

Воины тюрки путем завоевания дошли до Современного Кавказа и Крыма, создавая величайшую империю тюрков от Жёлтого моря на востоке до Волги на западе. Тюркский Каганат получил возможность соперничать с такими великими державами 6 и 7 веков того времени, как например, Византийская империя, которая существовала с 4 по 15 век. Более того, по утверждению известного учёного-археолога Д.Г. Савинова устремление правителя Первого тюркского каганата Бумына была направлена на Запад, активные боевые действия шли, прежде всего, за владения Византийской империи [11, с. 28]. В 568 г. тюрки заключили мирный договор с Византийской империей, обменялись послами, начали торговать друг с другом.

По мнению профессора Л.Р. Кызласова под натиском войска тюрков кочевников Византийская империя в 576 году вынуждена была уступить Причерноморские владения, с этого момента, в Восточной Европе прикавказских и крымских городах бывшего Боспорского царства укоренились носители тюркского языка [7, с. 119-124].

Тюркский каганат безусловно являлся кочевым государством, независимо от этого необходимо было организовать систему административно-территориального управления государством. Относительно государственного устройства обширные завоеванные территории были разделены сначала на 4 затем на 8 административно-территориальные образования, которые назывались «уделами ханства» [4, с. 35].

Само государство Тюркский каганат тюрки именовали термином, под татарский лад «Тюрк Эль». По-татарски государство «Ил». Себя тюрки называли «кок-тюрьками», то есть – небесными тюрками. «Кок» по-татарски означает «небо». В боевых знаменах нарисована золотая голова волка, что означало военное превосходство. Воины всадники конницы именовались «Борэ», по-татарски означает «волк».

Всё высказанная терминология тюрков, является ещё одним, в данном случае лингвистическим, то есть речевым, доказательством того, что современные татары в своём происхождении имеют как булгарский, так и тюркский элементы.

Результаты и обсуждения

Покойный профессор Аббар Каримуллин в своем научном труде «Татары: этнос и этноним» [6] писал, что аборигены, то есть коренные жители Северной Америки, индейцы топор именуют, также, как и современные татары «балта». Можно ли данный факт считать случайным совпадением? Вряд ли. Уважаемый профессор приводил и другие примеры сходства обозначения терминов. Имеем полное право утверждать, что древние тюрки завоевывали территории не только в западном направлении, но вели успешное освоение земель и в сторону восходящего солнца, включая соседний материк, Америку.

Власть кагана-хана передавалась по наследству, Каган считался представителем сакрального рода, сотворенного по воле Тенгри, небесного бога. Наследниками могли выступить только наследники представители династии «Ашинов», основоположников Тюркского каганата. Научно доказано, вожди племени «Ашина» в середине V века увели своих сородичей из территории современной Монголии [13, с. 31] на Алтай, подчинив там 12 местные племена, приняли наименование «тюрк», политическое объединение созданное ими стало называться Тюркским государством-Тюрк Эль [5, с. 35].

Можем ли полагать, что империя Чингисхана переняла переход наследства по управлению государством только представителям «Чингизидов» от древних тюрков, кажется, такое основание имеется.

Следует напомнить, что после распада империи Чингисхана, в образованных на обширной её территории сначала Золотой Орды, после её же распада возникших Казанского, Астраханского, Сибирского, Крымского и других ханств, право на управление новообразованными государствами имели только выходцы из династии Чингисхана, то есть его наследники, именуемые «чингизидами». Для сравнения уместно будет привести пример, монарх, король Великобритании Карл III является «сеидом», то есть выходцем из династии пророка Мухаммеда [15].

Управление на разных уровнях государственной власти осуществляли «эльтеберы», «тарханы», и другие должностные лица. Такие наименования государственных должностей встречаются и в Волжской Булгарии, даже в Казанском ханстве, что свидетельствует о правоприместности от Тюркского кагана [10]. Государственные должности могли переходить по наследству представителям династии Ашинов либо приобретаться в силу личных заслуг перед государством и обществом в качестве храбреца, который именовался «алып», на сегодняшний лад, «Алып батыр» [8].

Тюркские законы именовались «Тору» имели кодифицированный характер [12]. Уголовное законодательство именовалось тюркским уложением, содержало следующие виды наказаний:

- за совершение мятежа, государственной измены, убийства, за связь с замужней женщиной, за кражу боевой лошади наказание – смертная казнь;
- в случае совершения особо тяжких преступлений могла применяться коллективная ответственность, и вместе с преступником могли казнить всех его родственников;
- остальные преступления наказывались штрафами и выплатами в пользу потерпевшей стороны. Так, виновный в краже скота должен был возместить ущерб в десятикратном размере либо отдать свою дочь.

Чингисхан свое уголовное уложение Ясу создал не на пустом месте, вероятно, опирался на законодательные акты древних тюрков.

Выводы

В 572 году после кончины верховного правителя на престол поднялся самый младший сын Великого хана Бумына Таспар. С его приходом к власти начинается разложение Великой и могущей империи. Одной из причин распада является решение правителя о переходе от государственной веры Тенгрианства, то есть веры небесного бога к буддизму. Большая часть элиты не восприняли данную новеллу, не захотели менять свою традиционную веру в небесного бога «Тенгри» и это создавало смуту.

Таким образом, произошло дроблению политической элиты на различные группы. Политическая нестабильность неизбежно вносила хаос в социально-экономическую жизнь: ухудшалось благосостояние, население утрачивало ориентиры. В 603 году Тюркский каганат распался на две части: Западный и Восточный каганаты.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

- родственники и потомки первого кагана - Бумына создали огромную державу – Тюркский каганат (эль) существовавший с 552 по 745 год на степных просторах Евразии;
- хорошо снаряженное вооружением, храброе и дисциплинированное войско тюрков позволило завоевать обширные территории;
- древние тюрки смогли создать законодательную основу для эффективного осуществления государственного управления и укрепления воинской дисциплины;
- политические распри, борьба за власть привели к распаду Тюркского каганата.

Список источников

1. Википедия свободная энциклопедия https://ru.wikipedia.org/wiki/Тюркский_каганат
2. Галазий Г.И. Байкал в вопросах и ответах. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 383 с.; Калихман Т.П., Калихман А.Д. Озеро Байкал в природоохранной парадигме // Известия АО РГО. 2017. № 2 (45). С. 24 – 46.
3. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки // Издательство Академический проект, 2025. 543 с.
4. Жумаган Т.С. Административно-территориальная система древнетюркского государства // Вестник ОГУ. 2004. № 10. С. 34 – 37.
5. Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ашино и Дуло: дилемма тюркских правящих родов Восточной Европе (к 85-летию С.Г. Кляшторного) // Научный Татарстан, 2013. № 4. С. 35 – 43.
6. Каримуллин А.Г. Татары: этнос и этноним. Казань: Татарское кн. изд-во, 1988. 128 с.
7. Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для Восточной Европы // Межвузовский сборник научных трудов «Древности Алтая: Известия лаборатории археологии». Изд. ФГБОУ ВПО Горно-Алтайский государственный университет" (Горно-Алтайск). Т. 6. Горно-Алтайск, 2001. С. 119 – 124.
8. Мазитов Ф.В. Образы Булгарских великанов в романе Вахита Имамова «Казанская крепость» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 17 (198). Филология. Искусствоведение. Вып. 44. С. 75 – 83.
9. Осокин И.М. Вклад В.А. Обручева в географию Забайкалья // Ученые записки ЧГПИ. Вып. 2. Чита, 1958. С. 9-21.
10. Почекаев Р.Ю. Законотворческая деятельность тюркских правителей VI-XI вв. в контексте правового развития кочевых народов Евразии: (формы, содержание, преемственность традиций). Казань: Фолиант, 2011. С. 246 – 252.
11. Савинов Д.Г. Археологические формы «тюркизации» населения Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42) С. 27 – 31.
12. Тукешева Н.М. Высший закон Тенгри или идеологическое оформление власти посредством норм «төру/тörü» в древнетюркском обществе // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Сборник статей VI-й Международной научно-практической конференции, 2017. Издательство: ТОО "Мастер По". Астана, Казахстан, 14-16 июня 2017 года. С. 391 – 396.
13. Ушницкий В.В. Генеологические легенды древних тюрков-ашина: волчица и олень в образе тотемных предков // Проблемы Востоковедения, 2016/3 (73). С. 30 – 35.
14. Шарманджиев Д.А. Совершенный человек у тюрко-монгольских племён Центральной Азии // Вестник Калмыцкого университета, 2013 г. № 1 (17) С. 71 – 75.
15. Эрин Блейкмор. Была ли королева Елизавета II родственницей пророка Мухаммеда? <https://www.history.com/articles/is-queen-elizabeth-related-to-the-prophet-muhammad>
16. Юдин Т.М., Гумелёв В.Ю., Постников А.А. Тюркский каганат и этногенез тюркских народов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 311 – 315.

References

1. Wikipedia, the free encyclopedia https://ru.wikipedia.org/wiki/Тюркский_хаганат
2. Galaziy G.I. Baikal in questions and answers. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. publ., 1987. 383 p.; Kalikh-man T.P., Kalikhman A.D. Lake Baikal in the nature conservation paradigm. Bulletin of the Russian Geographical Society. 2017. No. 2 (45). P. 24 – 46.
3. Gumilyov L.N. Ancient Turks. Academichesky proekt Publishing House, 2025. 543 p.
4. Zhumagan T.S. Administrative-territorial system of the ancient Turkic state. Bulletin of OSU. 2004. No. 10. P. 34 – 37.
5. Izmailov I.L., Khamidullin B.L. Ashino and Dulo: the dilemma of the Turkic ruling families of Eastern Europe (to the 85th anniversary of S.G. Klyashtorny). Scientific Tatarstan, 2013. No. 4. P. 35 – 43.
6. Karimullin A.G. Tatars: ethnos and ethnonym. Kazan: Tatar book. publishing house, 1988. 128 p.
7. Kyzlasov L.R. The First Turkic Khaganate and its significance for Eastern Europe. Interuniversity collection of scientific works “Antiquities of Altai: News of the Laboratory of Archeology”. Ed. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Gorno-Altai State University (Gorno-Altai). Vol. 6. Gorno-Altai, 2001. P. 119 – 124.
8. Mazitov F.V. Images of the Bulgar Giants in Vakhit Imamov’s Novel “Kazan Fortress”. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2010. No. 17 (198). Philology. Art Criticism. Issue 44. P. 75 – 83.
9. Osokin I.M. V.A. Obruchev’s Contribution to the Geography of Transbaikalia. Scientific Notes of ChGPI. Issue 2. Chita, 1958. P. 9 – 21.

10. Pochekaev R.Yu. Legislative Activity of the Turkic Rulers of the 6th-11th Centuries in the Context of the Legal Development of Nomadic Peoples Eurasia: (forms, content, continuity of traditions). Kazan: Foliant, 2011. P. 246 – 252.
11. Savinov D.G. Archaeological forms of “Turkization” of the population of Western Siberia. Bulletin of Tomsk State University. History. 2016. No. 4 (42) P. 27 – 31.
12. Tukesheva N.M. The Supreme Law of Tengri or the Ideological Formation of Power through the Norms of “teru/törü” in Ancient Turkic Society. Tengrism and the Epic Heritage of the Peoples of Eurasia: Origins and Modernity. Collection of articles from the VI International Scientific and Practical Conference, 2017. Publisher: TOO “Master Po”. Astana, Kazakhstan, June 14-16, 2017. P. 391 – 396.
13. Ushnitsky V.V. Genealogical legends of the ancient Ashina Turks: a she-wolf and a deer in the image of dark ancestors. Problems of Oriental Studies, 2016/3 (73). P. 30 – 35.
14. Sharmandzhiev D.A. The perfect man among the Turkic-Mongol tribes of Central Asia. Bulletin of Kalmyk University, 2013, No. 1 (17) P. 71 – 75.
15. Erin Blakemore. Was Queen Elizabeth II related to the Prophet Muhammad? <https://www.history.com/articles/is-queen-elizabeth-related-to-the-prophet-muhammad>
16. Yudin T.M., Gumelev V.Yu., Postnikov A.A. Turkic Khaganate and the ethnogenesis of the Turkic peoples. Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2016. Vol. 15. P. 311 – 315.

Информация об авторах

Гатауллин З.Ш., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт (филиал);
Университет управления «ТИСБИ», Набережночелнинский филиал

Сулейманова Э.И., Университет управления «ТИСБИ», Набережночелнинский филиал

© Гатауллин З.Ш., Сулейманова Э.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.01

Теоретико-прикладное значение объекта преступления в уголовном праве России

¹ Таилова А.Г., ¹ Магомедова Р.М., ¹ Абакарова Б.Г.,

¹ Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: в статье исследуется теоретико-прикладное значение объекта преступления как фундаментального института уголовного права России. Автор анализирует эволюцию научных взглядов на понятие и значение объекта преступления, рассматривает его роль в системе уголовного права и правоприменительной практике.

Целью исследования является комплексный анализ теоретического и практического значения объекта преступления в современных условиях развития российского уголовного права. Особое внимание уделяется проблемам определения объекта преступлений в условиях цифровизации общественных отношений и появления новых форм преступности. Автор обосновывает необходимость адаптации классических подходов к пониманию объекта преступления к реалиям информационного общества.

Исследование показывает, что объект преступления сохраняет системообразующее значение для науки уголовного права, выполняя классификационную и правоприменительную функции. Вместе с тем, традиционная концепция объекта как общественных отношений требует развития с учетом современных вызовов.

По результатам исследования формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики, включающие внесение изменений в УК РФ, разработку руководящих разъяснений высших судебных инстанций и создание специализированных механизмов квалификации преступлений в сфере цифровых технологий.

Ключевые слова: объект преступления, уголовное право России, общественные отношения, квалификация преступлений, система уголовного права, правоприменительная практика, цифровизация, информационная безопасность, теория уголовного права, совершенствование законодательства, киберпреступность, искусственный интеллект, виды объектов преступления, предмет преступления

Для цитирования: Таилова А.Г., Магомедова Р.М., Абакарова Б.Г. Теоретико-прикладное значение объекта преступления в уголовном праве России // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 159 – 163.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Theoretical and applied significance of the object of crime in Russian criminal law

¹ Tailova A.G., ¹ Magomedova R.M., ¹ Abakarova B.G.,

¹ North Caucasus Institute, branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: the article examines the theoretical and applied significance of the object of crime as a fundamental institution of criminal law in Russia. The author analyzes the evolution of scientific views on the concept and meaning of the object of crime, examines its role in the criminal law system and law enforcement practice.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the theoretical and practical significance of the object of crime in the modern conditions of the development of Russian criminal law. Special attention is paid to the problems of determining the object of crimes in the context of digitalization of public relations and the emergence of new forms of crime. The author substantiates the need to adapt classical approaches to understanding the object of crime to the realities of the information society.

The study shows that the object of crime retains a system-forming importance for the science of criminal law, performing classification and law enforcement functions. At the same time, the traditional concept of an object as a social relationship requires development taking into account modern challenges.

Based on the results of the study, proposals are formulated to improve criminal legislation and law enforcement practice, including amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, the development of guidelines for higher judicial authorities and the creation of specialized mechanisms for the qualification of crimes in the field of digital technologies.

Keywords: *object of crime, Russian criminal law, public relations, qualification of crimes, criminal law system, law enforcement practice, digitalization, information security, theory of criminal law, improvement of legislation, cybercrime, artificial intelligence, types of crime objects, subject of crime*

For citation: Tailova A.G., Magomedova R.M., Abakarova B.G. Theoretical and applied significance of the object of crime in Russian criminal law. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 159 – 163.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Проблема объекта преступления остается одной из центральных в теории уголовного права, поскольку именно от правильного понимания этого элемента состава преступления зависит как построение системы уголовного законодательства, так и эффективность правоприменительной практики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления традиционных подходов к пониманию объекта преступления в условиях динамично развивающихся общественных отношений и появления новых форм преступности.

Как справедливо отмечал выдающийся советский криминалист А.Н. Трайнин, "нет преступления без объекта посягательства" [11], подчеркивая тем самым фундаментальное значение данного элемента состава преступления. Современные реалии требуют дальнейшего развития этого тезиса с учетом новых вызовов, стоящих перед уголовным правом.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ теоретического и прикладного значения объекта преступления в российском уголовном праве, выявление проблемных аспектов современного понимания этого института и формулирование предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, а также специальные юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный.

Эмпирическую базу исследования составили положения действующего уголовного законодательства Российской Федерации, материалы судебной практики Верховного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации преступлений, а также статистические данные о состоянии преступности в России за период 2019-2024 гг.

Теоретическую основу составили труды ведущих отечественных специалистов в области уголовного права: А.В. Наумова, А.И. Рарога, Е.В. Благова, Н.И. Коржанского, В.Н. Кудрявцева, Л.Л. Кругликова, С.А. Елисеева и других авторов.

Результаты и обсуждения

Теоретическое значение объекта преступления проявляется прежде всего в его роли как системообразующего элемента науки уголовного права. А.В. Наумов справедливо указывает, что "объект преступления – это те охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые посягает преступление и которым оно причиняет или может причинить существенный вред" [9]. Данное определение, хотя и подвергается критике за свою широту, остается базовым для понимания сущности преступного посягательства.

Н.И. Коржанский в своих исследованиях подчеркивал, что "правильное установление объекта преступления дает возможность определить социально-политическую сущность преступления, его общественную опасность и тем самым способствует точной квалификации деяния, а также индивидуализации ответственности" [6]. Это высказывание отражает многоуровневое значение объекта преступления для теории уголовного права.

Важным аспектом теоретического значения является роль объекта преступления в построении системы Особенной части УК РФ. Как отмечает А.И. Рарог, "система Особенной части уголовного законодательства строится по принципу иерархии объектов уголовно-правовой охраны, что отражает систему общественных отношений и их социальную значимость" [8]. Данный подход позволяет обеспечить логическую стройность уголовного закона и его соответствие реальной иерархии социальных ценностей.

Е.В. Благов в своих работах обращает внимание на то, что "объект преступления выполняет классификационную функцию, позволяя систематизировать преступления по их социальной направленности и характеру причиняемого вреда" [1]. Эта функция особенно важна в условиях постоянного развития и усложнения системы общественных отношений.

С позиции автора настоящей статьи, теоретическое значение объекта преступления не ограничивается его классификационной и системообразующей ролью. Объект преступления является ключевым элементом, определяющим криминообразующие признаки деяния, поскольку именно характер и значимость нарушаемых общественных отношений обуславливают необходимость их уголовно-правовой охраны.

Прикладное значение объекта преступления проявляется в нескольких аспектах правоприменительной деятельности. Во-первых, правильное определение объекта является основой для точной квалификации преступлений. В.Н. Кудрявцев отмечал, что "ошибки в определении объекта преступления неизбежно влекут за собой неправильную квалификацию деяния, что может привести к нарушению принципа справедливости в уголовном праве" [8].

Анализ судебной практики показывает, что наибольшие трудности в правоприменении возникают при квалификации преступлений со сложной структурой объекта. Например, при разграничении преступлений против собственности и преступлений в сфере экономической деятельности правоприменители нередко сталкиваются с проблемой определения основного непосредственного объекта посяательства.

Л.Л. Кругликов справедливо указывает, что "объект преступления имеет важное значение для индивидуализации наказания, поскольку характер нарушенных общественных отношений влияет на оценку степени общественной опасности деяния". Это особенно актуально в условиях широких пределов санкций, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ [7].

Практическое значение объекта преступления проявляется также в процессе законотворческой деятельности. С.А. Елисеев отмечает, что "при конструировании новых составов преступлений законодатель должен исходить из необходимости защиты конкретных общественных отношений, что требует четкого определения объекта уголовно-правовой охраны" [5].

По мнению автора, прикладное значение объекта преступления в современных условиях существенно возрастает в связи с появлением новых форм общественно опасного поведения, особенно в цифровой сфере. Традиционные подходы к определению объекта преступления требуют адаптации к реалиям информационного общества.

Современная теория и практика уголовного права сталкиваются с рядом проблем в понимании объекта преступления [10]. Одной из наиболее дискуссионных остается проблема соотношения объекта и предмета преступления, особенно применительно к преступлениям в сфере компьютерной информации.

Развитие цифровых технологий поставило под сомнение универсальность традиционной концепции объекта преступления как общественных отношений. Как отмечает современный исследователь В.О. Давыдов, "виртуальная среда порождает специфические формы общественных отношений, которые не всегда укладываются в классические представления об объекте преступления" [4].

Особую сложность представляет определение объекта преступлений, связанных с искусственным интеллектом и автономными системами. Традиционные подходы к пониманию причинно-следственных связей между деянием и его последствиями требуют пересмотра в условиях использования самообучающихся алгоритмов.

Автор считает, что назрела необходимость развития дифференцированного подхода к пониманию объекта преступления, учитывающего специфику различных сфер общественных отношений и форм их проявления в условиях цифровизации.

Дальнейшее развитие учения об объекте преступления должно осуществляться в нескольких направлениях.

Во-первых, необходима разработка специальной теории объекта информационных преступлений, учитывающей особенности цифровой среды и виртуальных общественных отношений.

Во-вторых, требует развития концепция многоуровневой структуры объекта преступления, позволяющая более точно отражать сложность современных общественных отношений и их взаимосвязь.

В-третьих, актуальной является задача выработки международных стандартов понимания объекта транснациональных преступлений, особенно в сфере киберпреступности.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Объект преступления сохраняет свое фундаментальное значение как для теории уголовного права, так и для правоприменительной практики, выполняя системообразующую, классификационную и правоприменительную функции.

Традиционная концепция объекта преступления как общественных отношений требует развития и адаптации к условиям цифровизации общественной жизни.

Современные вызовы, связанные с развитием информационных технологий, искусственного интеллекта и глобализацией преступности, требуют переосмысления классических подходов к пониманию объекта преступления.

Прикладное значение объекта преступления возрастает в условиях усложнения общественных отношений и появления новых форм преступности.

На основании проведенного исследования предлагается:

Внести изменения в статью 2 УК РФ, дополнив перечень объектов уголовно-правовой охраны указанием на "информационную безопасность личности, общества и государства" как самостоятельный вид охраняемых интересов.

Дополнить УК РФ статьей 15.1 "Понятие объекта преступления", содержащей легальное определение объекта преступления и его классификацию, что будет способствовать единообразию правоприменительной практики.

Систематизировать составы преступлений в сфере информационных технологий в отдельном разделе Особенной части УК РФ, что отразит возрастающее значение информационной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны.

Разработать и утвердить Постановление Пленума Верховного Суда РФ "О некоторых вопросах определения объекта преступления при квалификации общественно опасных деяний", содержащее разъяснения по наиболее спорным вопросам теории и практики.

Создать межведомственную рабочую группу по выработке единых подходов к квалификации преступлений в сфере цифровых технологий с участием представителей правоохранительных органов, судебного сообщества и IT-экспертов.

Организовать систематическое повышение квалификации судей и прокуроров по вопросам квалификации преступлений с учетом современного понимания объекта преступления.

Развитие учения об объекте преступления должно осуществляться в тесной связи с практическими потребностями борьбы с преступностью и обеспечения справедливости уголовного правосудия. Только такой подход позволит сохранить научную обоснованность и практическую эффективность этого важнейшего института уголовного права.

Список источников

1. Blagov E.V. The object of a crime and its criminal-legal significance // Lex russica. 2019. No. 4. P. 43 – 52.
2. Veklenko S.V. The concept of the object of a crime: the current state of the problem // Russian investigator. 2020. No. 3. P. 76 – 82.
3. Gaukhman L.D., Maksimov S.V. The object of a crime in doctrine and legislation // State and Law. 2021. No. 7. P. 154 – 163.
4. Davydov V.O. The object of a crime in the era of digitalization // Journal of Russian Law. 2022. No. 12. P. 232 – 241.
5. Eliseev S.A. Crimes against property under the criminal law of Russia. M.: Yurlitinform, 2019. P. 65 – 89.
6. Korzhansky N.I. Object and subject of criminal-legal protection. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 2020. P. 87 – 104.
7. Kruglikov L.L. Problems of the theory of criminal law. Selected articles. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2021. P. 121 – 135.

8. Borodin S.V. et al. Criminal law of Russia. General part: textbook. for university students majoring in "Jurisprudence" / edited by V.N. Kudryavtsev, V.V. Luneev, A.V. Naumov. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Yurist, 2005. 540 p.

9. Criminal Law. General Part: textbook for universities / editors-in-chief A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 6th edition, revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 448 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-18585-0 // Yurait Educational Platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/562612> (date accessed: 29.01.2025)

10. Criminal law. Special part: textbook for universities / editors-in-chief A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 564 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-18550-8 // Yurait Educational Platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/563340> (date accessed: 29.01.2025)

11. Criminal law: General part / A.N. Trainin, prof. of the 1st Moscow state University. Moscow: publishing house 1st Moscow. state University, 1929. 511 p.

References

1. Blagov E.V. The object of a crime and its criminal-legal significance. Lex russica. 2019. No. 4. P. 43 – 52.
2. Veklenko S.V. The concept of the object of a crime: the current state of the problem. Russian investigator. 2020. No. 3. P. 76 – 82.
3. Gaukhman L.D., Maksimov S.V. The object of a crime in doctrine and legislation. State and Law. 2021. No. 7. P. 154 – 163.
4. Davydov V.O. The object of a crime in the era of digitalization. Journal of Russian Law. 2022. No. 12. P. 232 – 241.
5. Eliseev S.A. Crimes against property under the criminal law of Russia. M.: Yurlitinform, 2019. P. 65 – 89.
6. Korzhansky N.I. Object and subject of criminal-legal protection. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 2020. P. 87 – 104.
7. Kruglikov L.L. Problems of the theory of criminal law. Selected articles. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2021. P. 121 – 135.
8. Borodin S.V. et al. Criminal law of Russia. General part: textbook. for university students majoring in "Jurisprudence". edited by V.N. Kudryavtsev, V.V. Luneev, A.V. Naumov. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Yurist, 2005. 540 p.
9. Criminal Law. General Part: textbook for universities. editors-in-chief A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 6th edition, revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 448 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-18585-0. Yurait Educational Platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/562612> (date of access: 01.29.2025)
10. Criminal law. Special part: textbook for universities. editors-in-chief A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 564 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-18550-8. Yurait Educational Platform [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/563340> (date of access: 01.29.2025)
11. Criminal law: General part. A.N. Trainin, prof. of the 1st Moscow state University. Moscow: publishing house 1st Moscow. State University, 1929. 511 p.

Информация об авторах

Таилова А.Г., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Магомедова Р.М., Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Абакарова Б.Г., преподаватель 1 категории, Юридический колледж, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

© Таилова А.Г., Магомедова Р.М., Абакарова Б.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 343.6

Правовые аспекты применения налоговых льгот и освобождений в заморских департаментах Франции для поддержания социально-экономического паритета

¹ Гущина Д.С.,

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Аннотация: в статье исследуются правовые аспекты применения налоговых льгот и освобождений в заморских департаментах Франции как ключевого инструмента достижения социально-экономического паритета с континентальной частью страны. Основное внимание уделяется анализу коллизии между необходимостью государственной поддержки отдаленных регионов и соблюдением принципов европейского права, в частности, правил Единого внутреннего рынка и запрета на избыточную государственную помощь, искажающую конкуренцию. Авторы детально рассматривают правовую базу, регулирующую предоставление льгот (национальный Налоговый кодекс, Закон о развитии заморских территорий), и анализируют сложности их практической реализации, связанные с географической удаленностью, различиями в уровне развития и экономической структуре департаментов, а также рисками злоупотреблений и изживенчества. Исследование основано на анализе французского законодательства, директив Европейского Союза о государственной помощи, судебной практики (включая решения Conseil d'État и Европейского суда) и международных стандартов (ОЭСР, ВТО). Методология включает сравнительно-правовой анализ, оценку социально-экономической эффективности льгот и изучение механизмов контроля (отчетность, аудит, обмен информацией с международными партнерами). Особый акцент делается на необходимости комплексного подхода, сочетающего налоговое стимулирование с инвестициями в инфраструктуру, образование, экологию и социальную сферу для обеспечения устойчивого развития. Результаты исследования подчеркивают, что эффективность налоговых льгот напрямую зависит от их целевого характера, учета местной специфики, прозрачности и строгого соответствия международным обязательствам Франции. Выявлено, что ключевыми вызовами остаются обеспечение баланса между региональной поддержкой и соблюдением конкурентного права ЕС, предотвращение злоупотреблений, гармонизация льгот с экологическими стандартами и гарантия реальной выгоды для местного населения через создание рабочих мест и развитие инфраструктуры.

Ключевые слова: налоговые льготы, заморские департаменты Франции, правовое регулирование, социально-экономическое развитие, Европейский союз

Для цитирования: Гущина Д.С. Правовые аспекты применения налоговых льгот и освобождений в заморских департаментах Франции для поддержания социально-экономического паритета // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 164 – 170.

Поступила в редакцию: 16 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Legal aspects of applying tax incentives and exemptions in France's overseas departments to maintain socio-economic parity

¹ Guschina D.S.,

¹ Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia

Abstract: *the article examines the legal aspects of applying tax incentives and exemptions in France's overseas departments as a key instrument for achieving socio-economic parity with the country's mainland. The main focus is on analyzing the conflict between the need for state support of remote regions and compliance with the principles of European law—specifically, the rules of the Single Market and the prohibition of excessive state aid that distorts competition. The authors explore in detail the legal framework governing the granting of incentives (the national Tax Code, the Law on the Development of Overseas Territories) and analyze the practical challenges of implementation related to geographic remoteness, differences in development levels and economic structures of the departments, as well as the risks of abuse and dependency. The study is based on an analysis of French legislation, European Union state-aid directives, case law (including decisions of the Conseil d'État and the European Court of Justice), and international standards (OECD, WTO). The methodology includes comparative legal analysis, assessment of the socio-economic effectiveness of incentives, and examination of control mechanisms (reporting, auditing, information exchange with international partners). Special emphasis is placed on the need for an integrated approach that combines tax incentives with investments in infrastructure, education, environmental protection, and social services to ensure sustainable development. The findings underscore that the effectiveness of tax incentives depends directly on their targeted nature, attention to local specificities, transparency, and strict compliance with France's international obligations. Key challenges remain balancing regional support with compliance with EU competition law, preventing abuses, harmonizing incentives with environmental standards, and ensuring tangible benefits for the local population through job creation and infrastructure development.*

Keywords: *tax incentives, French overseas departments, legal regulation, socio-economic development, European Union*

For citation: Guschina D.S. Legal aspects of applying tax incentives and exemptions in France's overseas departments to maintain socio-economic parity. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 164 – 170.

The article was submitted: April 16, 2025; Approved after reviewing: June 13, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В последние десятилетия значение заморских департаментов Франции в контексте государственного развития существенно возросло, что повлекло за собой необходимость более детальной проработки правовых инструментов, способствующих выравниванию экономических и социальных показателей в этих регионах. Налоговые льготы и освобождения стали одним из ключевых механизмов, с помощью которых государство пытается стимулировать предпринимательскую активность, привлекать частные инвестиции и повышать уровень благосостояния местного населения. Такой подход диктуется не только стремлением к формированию единого пространства внутри страны, но и потребностями глобального рынка, который все более чутко реагирует на вопросы налоговой конкуренции и эффективности распределения ресурсов. Развивающие программы, в том числе в области налогообложения, ориентированы на формирование диверсифицированной структуры занятости, чтобы обеспечить работу для различных групп населения, будь то коренные жители или мигранты. Именно здесь возникают вопросы о соответствии данных мер основополагающим принципам налогового права и о необходимости учета международных обязательств. В контексте правовой базы Франции особое место занимает общегосударственный налоговый кодекс, который регламентирует использование льгот и освобождений, однако для заморских департаментов предусмотрены специальные правила. Это связано со стремлением обеспечить северо-южную сбалансированность и удовлетворить предпосылки, исходящие из культурной и исторической специфики островных и континентальных территорий. Нередко подобные меры провоцируют дискуссии о том, не выходит ли применение особых налоговых условий за рамки современного европейского права и принципов Единого внутреннего рынка. В то же время государственная поддержка посредством налоговых механизмов очень важна, так как альтернативой может стать рост безработицы и социальная

нестабильность. Законодатели и исследователи стремятся найти оптимальную формулу, которая соблюдала бы интересы местных экономических игроков, но при этом не искажала бы конкуренцию и не подрывала экономическую динамику в других регионах Франции.

Материалы и методы исследований

Закон о развитии заморских территорий и ряд других правовых актов Франции ориентированы на то, чтобы уменьшить разрыв в уровне жизни между центральными регионами и заморскими департаментами. При этом ключевым инструментом продолжает оставаться налоговое стимулирование, позволяющее предпринимателям с меньшими рисками вести бизнес. Теоретическую модель такого стимулирования можно рассматривать в рамках классических представлений о региональном развитии, где комбинация государственных дотаций и налоговых льгот формирует базис для развития инфраструктуры. Но без четкой системы индикаторов и оценки конечного результата высока вероятность, что подобная стратегия окажется нерациональной с точки зрения вложенных затрат. Критики указывают на то, что при отсутствии прозрачности льготные режимы могут создавать избыточное поле для коррупции или неприемлемых практик внутри бизнеса. Поэтому во Франции уделяется особое внимание формированию механизмов общественного контроля, включающего независимый аудит и обязательное раскрытие информации. Важно также учитывать интересы местного населения, которое должно получить прямую выгоду от новых проектов – будь то трудоустройство, повышение квалификации или улучшение социальной инфраструктуры. Законодатели по мере разработки новых правовых норм стараются держать в поле зрения международные тенденции, чтобы оптимизировать французские практики в контексте глобализации [7]. Однако иногда эти усилия натываются на жесткую конкурентную среду, а также на особенности европейского правового поля.

Результаты и обсуждения

Среди иностранных нормативно-правовых актов, оказывающих существенное влияние на предоставление налоговых льгот в заморских департаментах, можно выделить положения директив Европейского союза о государственной помощи. Эти директивы направлены на недопущение искажения конкурентной среды путем искусственного занижения налоговой нагрузки. При этом они же предусматривают исключения для регионов с особыми социально-экономическими условиями, к которым относятся и отдельные заморские территории Франции. Такая двойная направленность создает правовую дилемму: с одной стороны, необходима поддержка отдаленных регионов, без которой местная экономика может столкнуться с деградацией; с другой стороны, избыточные льготы рассматриваются как привилегии, дающие неравное преимущество перед субъектами в других регионах ЕС. Помочь решить эту проблему призваны механизмы так называемого «регионального обеспечения», когда государство доказывает, что каждый евро публичных средств идет на достижение конкретных целей развития территории. Подобные меры должны соотноситься и с принципами справедливого налогообложения, закрепленного в ряде международных соглашений, в том числе в рамках Организации экономического сотрудничества и развития. Кроме того, наднациональные институты часто подчеркивают важность прозрачности и систематической отчетности, без которой контроль со стороны европейских органов становится проблематичным. В совокупности это формирует сложное правовое поле, которое требует координации на региональном, национальном и международном уровнях. Сама французская юрисдикция также должна корректироваться в соответствии с решениями Европейского суда. Следовательно, тесная взаимосвязь внутригосударственных законов и наднациональных норм создает особую нагрузку на механизмы реализации налоговых льгот [15]. Однако подобные сложности зачастую компенсируются возможностями, которые эти льготы предоставляют для социально-экономического подъема регионов.

Дополнительный нюанс заключается в том, что заморские департаменты Франции сильно отличаются друг от друга: по уровню развития, структуре экономики, численности населения и историческому опыту интеграции. Поэтому всегда существует риск того, что единая налоговая политика может не учитывать местные особенности, приводя к перекосам в поддержке. Государственные органы должны предусматривать гибкие механизмы, позволяющие корректировать льготные режимы в зависимости от реальных потребностей того или иного департамента. Например, для регионов, ориентированных преимущественно на агропромышленную деятельность, приоритет может заключаться в стимулировании переработки сельхозпродукции, тогда как для местностей с развитой туристической инфраструктурой важнее может быть упрощенное налогообложение сервисных компаний. С другой стороны, Франция пытается развивать инновационные кластеры, что предполагает внедрение передовых технологий и соответствующих льгот. Такие меры, в частности, могут мотивировать молодых специалистов или технологические стартапы размещать свои офисы в заморских департаментах, поддерживая тем самым

человеческий капитал. Подобная практика нуждается в постоянном мониторинге, поскольку даже перспективные инициативы могут столкнуться с нехваткой квалифицированных кадров и слабой логистической связью с метрополией. В любом случае, эффективное применение налоговых льгот не должно рассматриваться в отрыве от других форм государственной поддержки, таких как целевые субсидии, образовательные гранты или инфраструктурные проекты [1]. Их комплексность часто определяет, насколько результативными окажутся инструменты налогового стимулирования.

Международное измерение этой темы выходит за рамки только европейской повестки. Опыт применения различных налоговых режимов в других странах, сталкивающихся с задачей поддержки отдаленных или слабонаселенных регионов, может дополнить практическую базу Франции. Некоторые азиатские государства, например, вводили специальные административные зоны, где набор налоговых льгот был максимально широким, позволяя создавать своеобразные экономические эксперименты с минимальной регулятивной нагрузкой. Но в долгосрочной перспективе такие эксперименты не всегда приносили пользу региону, поскольку компании могли уходить после истечения установленного периода льгот, оставляя местную экономику без устойчивой основы. Американская модель, напротив, делала упор на стимулирование занятости и поддержку малого бизнеса, обеспечивая налоговые вычеты, связанные с социальными обязательствами компаний. В контексте Франции эти примеры могут помочь выработать более сбалансированный подход к предоставлению налоговых льгот, чтобы не превратить регион в «налоговую гавань» со всеми вытекающими негативными последствиями. Модель устойчивого развития территорий требует всесторонней правовой экспертизы и взаимосвязи с иными сферами — от экологического права до трудового законодательства. Решения, принимаемые законодателем, неизбежно затрагивают интересы множества сторон, включая местные общины, предпринимателей, инвесторов и государственные структуры. Сочетание социально-экономической эффективности и соблюдения правовых норм позволяет формировать стабильную форму развития, которая будет соответствовать международным стандартам [9], а также отвечать на ключевые вызовы современного мира.

Важным аспектом остается гармонизация налоговых льгот с нормами европейского права, в частности с положениями Договора о функционировании Европейского союза, которые регулируют вопросы свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Если при предоставлении льгот в заморских департаментах будут нарушаться принципы свободной конкуренции, то у ЕС возникнут правовые основания для иска к Франции. Именно поэтому юридические службы государства уделяют особое внимание тому, чтобы каждое законодательное решение сопровождалось анализом в контексте европейских директив и судебных прецедентов. Существенным моментом является определение критериев, по которым можно отнести предоставляемые налоговые условия к «избыточным» или «дискриминационным». Такой анализ базируется не только на размерах ставок или льготных периодах, но и на том, как эти меры соотносятся с реальными экономическими показателями — уровнем доходов в регионе, структурой занятости, индексом социального развития. Практика показывает, что если налоговые привилегии приведут к массовому перетоку капитала из других регионов, государство столкнется с претензиями со стороны ЕС. Поэтому стремление к социально-экономическому паритету сопряжено со сложным балансом интересов: поддерживая свое отдаленное население, Франция должна действовать в соответствии с принципами и правилами Союза. Данная коллизия только усиливает потребность в проведении комплексной правовой оценки, к которой часто привлекаются эксперты в области международного права и специалисты по конкурентным процедурам [4]. Так вырабатывается согласованный механизм, минимизирующий риски санкций и способствующий стабильному развитию заморских территорий.

Если рассматривать налоговые льготы как инструмент социального выравнивания, то следует учитывать, что их эффективность во многом зависит от других сопутствующих факторов. Здесь можно упомянуть качество местного управления, уровень коррупции, соблюдение принципов прозрачности и подотчетности. В одних случаях налоговые льготы могут стать основой для взрывного роста экономики региона, в других — превратиться в дотационный груз, если не будут поддержаны адекватной инфраструктурой и системной госполитикой. Помимо этого, сами жители заморских департаментов должны получать преимущества в рамках трудовых отношений и доступа к образовательным программам, чтобы ощутить реальную выгоду от присутствия на их территории льготных инвесторов. Именно подобная вовлеченность населения обычно считается лучшим индикатором того, что налоговое стимулирование не является пустой формальностью, а имеет реальное социальное измерение. Итоговая результативность оценивается исходя из показателей сокращения безработицы, роста уровня доходов, улучшения инфраструктуры и появления новых отраслей производства. В последние годы во Франции все чаще

говорится о необходимости экологического компонента, чтобы налоговые льготы поощряли соблюдение «зеленых» стандартов и не способствовали ухудшению экологической ситуации на островах и в прибрежных акваториях. Такие требования согласуются с мировой тенденцией, где устойчивое развитие становится приоритетом для всех без исключения отраслей. Следовательно, и правовое регулирование налоговых льгот начинает интегрироваться с правилами и нормами экологического права, что еще больше усложняет задачи законодателей [10]. Несмотря на это, комплексность подхода призвана усилить положительное воздействие льгот на региональное благополучие.

На международном уровне особую важность приобретают соглашения об избежании двойного налогообложения и механизмы обмена информацией между налоговыми органами разных государств. Для заморских департаментов это может сыграть решающую роль, так как позволяет привлекать иностранный капитал в относительно безопасном режиме, уменьшая риски агрессивного налогового планирования. Концепция «налогового суверенитета» государства, с одной стороны, дает Франции право устанавливать особые условия для своих территорий, но с другой – на современном этапе требует учета тенденций глобальной «прозрачности». Несмотря на то что заморские департаменты не являются классическими офшорами, у международных партнеров может возникнуть обеспокоенность, если здесь будут действовать слишком мягкие налоговые правила. В таких ситуациях международные организации, например, ОЭСР, могут рекомендовать дополнительные меры контроля и отчетности, а также условия по обмену данными с заинтересованными юрисдикциями. Невыполнение этих рекомендаций может привести к включению территории в список «рисковых зон», что негативно отразится на ее инвестиционной привлекательности. Таким образом, сами по себе налоговые льготы не могут рассматриваться вне контекста сотрудничества и взаимного признания налоговых правил. Франция как одна из ведущих экономик мира несет определенную ответственность за прозрачность и справедливость своей налоговой системы, включая регионы вдали от метрополии. Поэтому даже при максимально лояльном режиме налогообложения заморские департаменты должны оставаться под пристальным наблюдением контрольных органов, чтобы соблюдать международные стандарты и сохранять доверие партнеров [2]. Только в таком случае удастся сочетать преимущество локальных льгот и сохранение беспрепятственных экономических связей с другими странами.

Другая проблема, которая часто поднимается в контексте налоговых льгот – это риск иждивенчества и отсутствие стимулов к повышению эффективности. Если регион начинает сильно зависеть от государственных субсидий и послаблений, у местных предпринимателей может появиться соблазн не развивать ни технологические, ни организационные инновации, полагаясь на постоянную поддержку «сверху». Для того чтобы избежать такого сценария, государство и местные власти внедряют дополнительные критерии и условия предоставления льгот, увязывая их с показателями эффективности, включая динамику занятости и Владимирские соглашения на региональном уровне. При этом налоговые инспекции и смежные ведомства регулярно проводят проверки и аудит деятельности организаций, действующих в льготном режиме. Система штрафов и административных наказаний обеспечивает дополнительный барьер против злоупотреблений, тем самым поддерживая определенный уровень качества и прозрачности бизнеса. Более того, научные исследования в области публичного управления показывают, что комбинирование налоговых послаблений и обязательных инвестиций в социальные программы может создавать благоприятную среду для роста человеческого капитала, что впоследствии повышает конкурентоспособность региона. Однако без постоянного диалога власти с местным сообществом понятие эффективности может трактоваться однобоко, ограничиваясь чисто экономическими показателями. Поэтому в заморских департаментах формируются общественные институты, призванные отстаивать интересы граждан и следить за тем, чтобы налоговые льготы не использовались в ущерб окружающей среде или традиционным видам хозяйствования. Баланс между рыночными интересами и сохранением культурной самобытности остается важным аспектом развития таких удаленных уголков страны [14]. В результате налоговые льготы должны рассматриваться как часть более широкой государственной стратегии, которая опирается на принципы социальной ответственности и экологического равновесия.

Выводы

С учетом растущей глобализации и цифровизации экономики, нельзя исключать, что в будущем поднимется вопрос о корректировке всего подхода к налогообложению в заморских департаментах Франции. Системы налогообложения могут трансформироваться в зависимости от развития электронных платформ, распространения криптовалют и умных контрактов, а также иных инноваций, снижающих традиционные барьеры ведения бизнеса. Когда физическая удаленность перестает быть решающим фактором, возникнет необходимость пересмотреть классические инструменты выравнивания регионов.

Возможно, будет усилена роль наднациональных налоговых правил, что сократит самостоятельность национальных правительств, но увеличит согласованность в масштабах ЕС и других международных организаций. В таких условиях важным преимуществом может стать способность оперативно реформировать законодательство, основываясь на объективных показателях экономики департаментов и мнении экспертов. Однако для сохранения социально-экономического паритета придется обеспечить, чтобы цифровые инновации не усугубляли неравенство, а позволяли регионам интегрироваться в мировые цепочки добавленной стоимости. Так или иначе, ключ к эффективной политике по-прежнему лежит в грамотном сочетании правовых норм, экономических механизмов и социальной поддержки.

Список источников

1. Загидуллина И.М., Костенков К.А. Налоговые льготы в механизме социально-ориентированной политики государства // European Research: сборник статей XXI Международной научно-практической конференции: в 2 ч. 2019. С. 119 – 121.
2. Василькова И.Ю. Экономико-правовые подходы к определению налоговых льгот // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук: материалы IX Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов. 2019. С. 86 – 87.
3. Мазницын А.В. Проблемы правового обеспечения налоговых льгот // Юридическая наука и практика: история и современность: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Филиал МИГУП в Рязанской области; отв. редактор И.В. Пантюхина. 2014. С. 192 – 193.
4. Мосбергер К., Рисин И.Е., Трещевский Ю.И. Совершенствование практики применения налоговых льгот в современной экономике // Стратегии социально-экономического развития регионов: сборник статей научно-практической конференции. Воронеж, 2002. С. 20 – 24.
5. Рошчупкина Л.А. Выплаты и льготы. Что вам должно государство // ответы на все вопросы. Сер. Что вам могут не сказать. Санкт-Петербург, 2006.
6. Кутузова К.Ю. Сущность налоговых льгот и условия их предоставления // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты: Международная научно-практическая конференция. Научный центр "Олимп". 2015. С. 319 – 325.
7. Гаскаров А.В., Джаббаров Д.Б., Комолов О.О. Изменение налоговых льгот как возможность увеличить социальные расходы // Молодая экономика: экономическая наука глазами молодых ученых: материалы пятой научно-практической конференции. Москва, 2019. С. 50 – 53.
8. Мусаева П.Я. Проблема применения налоговых льгот // Научный альманах. 2018. № 11-1 (49). С. 174 – 177.
9. Богданова Г.А. Проблемы использования налоговых льгот // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 759 – 761.
10. Гриценко В.В. К вопросу о правовом регулировании налоговых льгот о социальном государстве // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2005. Т. 2. № 34. С. 51 – 57.

References

1. Zagidullina I.M., Kostenkov K.A. Tax incentives in the mechanism of socially-oriented state policy. European Research: collection of articles of the XXI International scientific and practical conference: in 2 parts. 2019. P. 119 – 121.
2. Vasilkova I.Yu. Economic and legal approaches to determining tax incentives. Actual problems of legal, economic and humanitarian sciences: materials of the IX International scientific and practical conference of the faculty, postgraduate students, master's students and students. 2019. P. 86 – 87.
3. Maznitsyn A.V. Problems of legal support of tax incentives. Legal science and practice: history and modernity: collection of materials of the II International scientific and practical conference. Branch of MIGUP in the Ryzan region; editor in chief I.V. Pantyukhina. 2014. P. 192 – 193.
4. Mosberger K., Risin I.E., Treshchevsky Yu.I. Improving the practice of applying tax incentives in the modern economy. Strategies for the socio-economic development of regions: a collection of articles from a scientific and practical conference. Voronezh, 2002. P. 20 – 24.
5. Roshchupkina L.A. Payments and benefits. What the state owes you. answers to all questions. Series: What they may not tell you. St. Petersburg, 2006.

6. Kutuzova K.Yu. The nature of tax incentives and the conditions for their provision. Science today: theoretical and practical aspects: International scientific and practical conference. Scientific center "Olimp". 2015. P. 319 – 325.
7. Gaskarov A.V., Dzhabborov D.B., Komolov O.O. Changing tax incentives as an opportunity to increase social spending. Young Economy: Economic Science through the Eyes of Young Scientists: Proceedings of the Fifth Scientific and Practical Conference. Moscow, 2019. P. 50 – 53.
8. Musaeva P.Ya. The Problem of Applying Tax Incentives. Scientific Almanac. 2018. No. 11-1 (49). P. 174 – 177.
9. Bogdanova G.A. Problems of Using Tax Incentives. Young Scientist. 2015. No. 11 (91). P. 759 – 761.
10. Gritsenko V.V. On the Issue of Legal Regulation of Tax Incentives in a Social State. Legal Bulletin of the Rostov State University of Economics. 2005. Vol. 2. No. 34. P. 51 – 57.

Информация об авторе

Гущина Д.С., исследователь, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, guschina.d@mail.ru

© Гущина Д.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)

УДК 341.018

Сравнительный анализ санкционных ограничений и добровольного прекращения сотрудничества в контексте международно-правовых отношений на примере Венесуэлы и России

^{1,2} Захаров А.В.,

¹ АО «Русгазинжиниринг»,

² Славяно-греко-латинская академия

Аннотация: автором статьи проведено исследование механизмов законодательного установления, и последующего воздействия санкционных ограничений на экономическую систему России и Венесуэлы, а также проведено сравнение последствий таких санкционных ограничений, а также степени их фактического влияния на отрасли, приносящие значительную часть валютной выручки в бюджет России и Венесуэлы.

Ключевые слова: санкции, СВО, интеллектуальная собственность, экономика, законодательство, экспорт, нефть

Для цитирования: Захаров А.В. Сравнительный анализ санкционных ограничений и добровольного прекращения сотрудничества в контексте международно-правовых отношений на примере Венесуэлы и России // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 171 – 181.

Поступила в редакцию: 16 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Comparative analysis of sanctions restrictions and voluntary termination of cooperation in the context of international legal relations using the example of Venezuela and Russia

^{1,2} Zakharov A.V.,

¹ AO «Rusgazinzhiniring»,

² Slavic-Greek-Latin Academy

Abstract: the author of the article conducted a study of the mechanisms of legislative establishment and the subsequent impact of sanction restrictions on the economic systems of Russia and Venezuela. A comparison of the consequences of such sanctions, as well as the degree of their actual influence on industries that contributed a significant portion of foreign currency revenue to the budgets of Russia and Venezuela, was also carried out.

Keywords: sanctions, Special Military Operation (SMO), intellectual property, economy, legislation, export, oil

For citation: Zakharov A.V. Comparative analysis of sanctions restrictions and voluntary termination of cooperation in the context of international legal relations using the example of Venezuela and Russia. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 171 – 181.

The article was submitted: April 16, 2025; Approved after reviewing: June 14, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Актуальность исследования воздействия санкций на экономику государств, обладающих значительными сырьевыми ресурсами, обусловлена несколькими ключевыми обстоятельствами. В условиях глобальной геополитической нестабильности санкционные ограничения стали одним из основных инструментов давления на страны, чья политика не соответствует интересам западного мира. Особый интерес представляет сравнение последствий санкций для России и Венесуэлы – двух нефtezависимых экономик, столкнувшихся с масштабными ограничениями, но продемонстрировавших разные результаты.

Начиная с 2022 года, введение беспрецедентных санкций против Российской Федерации поставило перед экспертами вопрос: сможет ли страна избежать судьбы Венесуэлы, где аналогичные меры привели к экономическому коллапсу, гиперинфляции и резкому падению уровня жизни? Несмотря на схожие стартовые условия – зависимость от экспорта нефти, наличие сложившихся рынков сбыта и технологическое сотрудничество с иностранными компаниями – последствия санкций для этих стран оказались принципиально разными.

Актуальность данного исследования также связана с необходимостью анализа не только прямых санкционных мер, но и феномена добровольного ухода западных компаний с российского рынка ещё до их официального введения. Этот аспект остаётся недостаточно изученным, хотя именно он во многом предопределил специфику адаптации российской экономики к новым условиям.

Цель исследования – выявить ключевые механизмы воздействия санкций на экономику России и Венесуэлы, определить факторы, обусловившие различия в их последствиях, и оценить перспективы дальнейшего развития обеих стран в условиях ограничений.

Задачи – провести сравнительный анализ экономического состояния нефтяных отраслей России и Венесуэлы до введения санкций. Изучить механизмы введения санкций и их влияние на ключевые секторы экономики. Оценить роль добровольного ухода иностранных компаний в усилении санкционного давления. Определить стратегии адаптации, позволившие России смягчить последствия ограничений в отличие от Венесуэлы.

Гипотеза – устойчивость экономики к санкциям зависит не только от внешних ограничений, но и от внутренних факторов, включая диверсификацию экспорта, гибкость управления и способность замещать утраченные технологии. Проведённый анализ позволит не только глубже понять текущие экономические процессы, но и выработать рекомендации для минимизации рисков в условиях ужесточающегося санкционного режима.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании применены следующие теоретические методы:

Сравнительный анализ – для выявления общих и отличительных черт воздействия санкций на экономики России и Венесуэлы.

Синтез – для обобщения разрозненных данных и формирования целостной картины последствий санкционных ограничений.

Аналогия – для сопоставления опыта двух стран с целью выявления закономерностей и особенностей адаптации к санкциям.

Индукция и дедукция – для перехода от частных случаев (конкретные санкционные меры, уход компаний) к общим выводам и наоборот.

Моделирование – для прогнозирования дальнейшего развития экономик в условиях сохранения санкционного давления.

Эмпирические методы – анализ научных документов, статистических данных и нормативно-правовых актов – изучение официальных отчетов (МВФ, Bloomberg, правительственных источников), законодательных актов о санкциях, экономических показателей России и Венесуэлы.

Экспертные оценки – привлечение мнений экономистов и политологов по вопросам устойчивости экономик к санкциям.

Сравнительный анализ данных – сопоставление динамики ВВП, инфляции, объемов нефтедобычи и экспорта до и после введения санкций.

Контент-анализ медиа-источников – выявление ключевых нарративов, связанных с санкционной политикой и её восприятием в экспертной среде.

Эмпирическая база исследования включает в себя:

Нормативно-правовые акты – указы президентов США и постановления ЕС о введении санкций против России и Венесуэлы. Законодательные акты, регулирующие нефтяную отрасль в обеих странах (напр., национализацию PDVSA в Венесуэле).

Статистические данные – показатели инфляции, ВВП, объемов нефтедобычи и экспорта (источники: ЦБ РФ, ЦБ Венесуэлы, МВФ, ОПЕК). Оценки убытков от санкций (Bloomberg, отчеты компаний BP, ExxonMobil, Shell).

Научная литература – работы по экономике санкций, теории зависимости от сырьевого экспорта, адаптации экономик к внешним шокам.

Экспертные интервью и публикации – мнения аналитиков (напр., из Carnegie Endowment, RAND Corporation) о сравнительной эффективности санкционных режимов.

Методологическая новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении не только прямых санкционных мер, но и роли добровольного ухода бизнеса, что редко учитывается в традиционных экономических моделях. Применение сравнительного анализа позволило выявить ключевые факторы, обусловившие различия в последствиях для двух стран.

Результаты и обсуждения

Начало СВО 24.02.2024г. положило начало новому этапу международных отношений в сфере санкционных ограничений.

По состоянию на дату написания настоящей статьи, в связи с началом СВО против Российской Федерации введено рекордное количество санкций. В общей сложности, с февраля 2022 года только Европейским Союзом в отношении России было введено четырнадцать пакетов санкций [1], каждый из которых содержал широкий спектр санкционных ограничений как против юридических, так и против физических лиц.

С самого начала установления санкционного давления против России, эксперты в области экономики и международных отношений предрекали апокалиптические последствия для экономической системы Российской Федерации.

В качестве обоснований таких оценок перспектив российской экономики обычно приводились примеры стран, уже имевших печальный опыт воздействия секторальных санкций на свою экономику. На слуху были примеры Кубы, Ирана, КНДР, Сирии, Венесуэлы. Каждая из этих стран в итоге из-за введенных санкций понесла огромный экономический ущерб, в некоторых случаях даже приведший к последствиям, преодолеть которые вряд ли уже удастся.

Экономические системы почти всех стран, ранее подвергавшихся воздействию секторальных санкций, имели одну общую черту – они были в первую очередь ориентированы на экспорт сырьевых ресурсов. Исключение составляла разве что Куба, практически не имеющая на своей территории сколь-нибудь значимых запасов полезных ископаемых.

Тем не менее, спустя более чем два года после начала введения антироссийских санкций, экономика Российской Федерации не только не рухнула под их тяжестью, но даже демонстрирует достаточную устойчивость. Более того, отрасли, связанные с военно-промышленным комплексом, демонстрируют неожиданный рост на фоне непрерывно растущего объема государственных заказов и стремительного увеличения объема государственных инвестиций в эту отрасль.

Российская экономика даже по нынешнее время в значительной степени зависит от экспортной выручки от продажи сырьевых ресурсов. В качестве основной причины такого положения дел, можно назвать относительно небольшое количество российских производств, производящих продукцию высокой степени передела. Как следствие, на территории Российской Федерации локализовано относительно небольшое (по сравнению с площадью страны) количество промышленных предприятий, деятельность которых образует высокую прибавочную стоимость.

В настоящей статье мы постараемся выявить ключевые механизмы воздействия санкций на экономические системы попавших под санкционное воздействие государств. Мы исследуем не только вопросы, касающиеся введения экономических ограничений субъектами международных отношений, но также и вопросы введения частными компаниями аналогичных по сути экономических ограничений в порядке добровольного прекращения сотрудничества с другими частными и государственными компаниями.

В экспертной среде, при попытках моделирования развития ситуации в России, часто можно было видеть попытки проводить аналогии с Венесуэлой. Отчасти такое сравнение представляется оправданным.

Пример Венесуэлы примечателен в первую очередь тем, что, как и РФ, эта страна обладает огромными разведанными запасами нефти и природного газа.

Обе страны до введения санкций имели наработанные годами рынки сбыта добываемой нефти.

В случае с Венесуэлой, изначально следует подчеркнуть, что отрасль добычи природного газа (в отличие от России) в стране традиционно развита слабо.

Развитие нефтяной промышленности в Венесуэле началось в начале 1920-х годов, после открытия крупных месторождений нефти. В период с 1943 по 1976 годы, благодаря соглашениям, заключенным пра-

вительством Венесуэлы с иностранными нефтяными компаниями (такими как Shell и Exxon), отрасль нефтедобычи пережила период бурного расцвета. В первую очередь это связано с применением иностранными нефтесервисными компаниями передовых технологий по добыче нефти, включая технологии разведки и обслуживания месторождений.

Первый серьёзный удар отрасль нефтедобычи получила в 1976 году, после национализации нефтяной промышленности, и создания государственной нефтяной компании PDVSA (Petróleos de Venezuela, S.A.) [2].

Национализация целой отрасли была проведена на основании закона, известного как "Ley Orgánica que Reserva al Estado la Industria y el Comercio de los Hidrocarburos" [3], вступившего в силу с 01.01.1976 года. В качестве причины национализации была заявлена необходимость контроля над стратегическими ресурсами страны. В результате проведенной национализации, государственная нефтяная компания PDVSA стала в полном объеме управлять разведкой, добычей, переработкой и реализацией нефти и газа в Венесуэле.

В соответствии с новыми правилами игры на венесуэльском нефтяном рынке, иностранные компании могли вести свою деятельность на территории государства при выполнении ряда условий: операционная деятельность через создание совместных с PDVSA предприятий; либо через заключение с PDVSA операционных соглашений; либо через заключение с PDVSA договоров о совместной добыче (фактически – соглашения о разделе продукции); либо через заключение с PDVSA лицензионных соглашений на разведку и добычу нефти.

В силу того, что ведение бизнеса в Венесуэле по-прежнему оставалось экономически привлекательным для иностранных компаний, PDVSA через них получило доступ к передовым технологиям в сфере нефтяной промышленности, являющимся интеллектуальной собственностью иностранных компаний.

Именно создание PDVSA и можно считать отправной точкой для начала прямой зависимости экономики Венесуэлы от мировых цен на нефть. Государство стало получать значительные валютные доходы от продажи нефти. Нефтяные доходы использовались для наполнения бюджета государства, и установления приемлемого уровня жизни в стране. При этом, другие отрасли промышленности развивались очень медленными темпами.

Например, сфера добычи природного газа в Венесуэле по настоящее время слабо развита в силу многих причин. К их числу можно отнести: отсутствие инфраструктуры необходимой для транспортировки газа, отсутствие производственных мощностей для переработки газа в другие продукты (газовый конденсат, СПГ, СУГ, и т.п.), отсутствие доступа к технологиям, составляющим интеллектуальную собственность, отсутствие квалифицированного персонала, имеющего опыт в данной сфере, и т.п. [4].

Львиная доля добываемых в Венесуэле углеводородов поставлялась в Соединенные Штаты Америки, где на протяжении десятилетий уже сложилась целая отрасль нефтеперерабатывающих предприятий, с технологическим циклом, ориентированным на переработку так называемой «тяжелой» венесуэльской нефти. По факту, технология переработки венесуэльской нефти была изначально узко ориентирована на конкретный сорт нефти, с высоким содержанием плотных и вязких углеводородов (таких как асфальтены и смолы), а также с большим количеством силикатов и солей, что делает ее еще более сложной для обработки и увеличивает издержки на очистку перед дальнейшей переработкой и разделением на фракции.

Дешевая по стоимости, но имеющая невысокое качество, венесуэльская нефть была не востребована на более удаленных рынках, нежели рынок США [5].

Таким образом, сложилась ситуация, когда существенные производственные мощности по переработке нефти, в первую очередь расположенные в штатах Техас и Луизиана, напрямую зависели от поставок венесуэльской нефти. Для американских компаний, использовавших нефть с такими специфическими характеристиками, поиск альтернативных поставщиков под уже сложившийся технологический цикл производства представлялся экономически не обоснованным.

Процесс стремительной деградации нефтедобывающей отрасли Венесуэлы начался в 1999 году с началом «Боливарианской революции» приходом к власти Уго Чавеса [6].

Так, Чавес выступил инициатором существенного изменения пропорция распределения прибыли от реализации нефти в пользу PDVSA, повышения налогов на прибыль иностранных нефтяных компаний, увеличения контроля государства над нефтяной промышленностью.

Результатом реализации этих инициатив, стало существенное снижение уровня доходов иностранных компаний и, как следствие, снижение объема их инвестиций в отрасль.

В 2011 году Соединенные Штаты ввели санкции против венесуэльской государственной нефтяной компании PDVSA. По словам руководителей компании, а также венесуэльского правительства, санкции были в основном символическими и оказали незначительное влияние (если таковое имело место) на торговлю Ве-

несуэлы с США, поскольку продажа компаний нефти в США и деятельность ее американской дочерней компании Citgo не были затронуты.

Экономический кризис 2014 года, и последовавшее резкое падение цен на нефть нанесло существенный ущерб бюджету Венесуэлы, критически зависевшему от получения нефтедолларов [7]. Образовавшийся бюджетный дефицит стал основой стремительного ухудшения экономической ситуации в стране, включая обнищание населения и гиперинфляцию.

19 декабря 2014 года Барак Обама подписал "Закон о защите прав человека и гражданских свобод в Венесуэле 2014 года" [8] предписывающий санкции против венесуэльских чиновников. Однако введенные санкции не повлияли на нефтяную компанию Венесуэлы и торговые отношения с США продолжились.

После смерти Уго Чавеса, к власти в Венесуэле пришел его приемник Николас Мадуро. Мадуро с самого начала своего правления принял курс на обострение противостояния с основным потребителем венесуэльской нефти – США. Результатом этого противостояния стали санкции, которые администрация президента США Дональда Трампа ввела в 2017 году.

Президентский указ о введении финансовых санкций против Венесуэлы, подписанный Трампом 25 августа 2017 года которым были запрещены сделки с новыми долговыми обязательствами и ценными бумагами, которые выпускает правительство Венесуэлы и государственная нефтекомпания PDVSA [9]. Также было запрещено проводить сделки с некоторым количеством уже выпущенных долговых обязательств госсектора Венесуэлы, а также с дивидендами, которые выплачивают власти страны.

Санкции не касались американского подразделения PDVSA – фирмы Citgo,

Результатом такого «двойного удара» по экономике страны (падение цен на нефть и введенные санкции) стал галопирующий темп инфляции. Так, по официальным данным МВФ только в 2018 году инфляция составила 1 370 000 (один миллион триста семьдесят тысяч) процентов.

В апреле 2019 года администрацией президента США Дональда Трампа были введены новые санкции, направленные на лишение правительства Мадуро нефтяных доходов. Эти санкции были направлены против более чем 150 компаний, судов и лиц, а также отзывали визы у 718 лиц, связанных с Мадуро.

Согласно официальных заявлений властей Венесуэлы, экономические потери от наложенных санкций в настоящее время превысили порог в 232 миллиарда долларов [10].

Нефть, экспортировавшаяся ранее из СССР (а позднее – из Российской Федерации), также имела традиционно сложившийся рынок сбыта в виде стран восточной и центральной Европы. В первую очередь стоит упомянуть такие страны как Германия, Нидерланды, Великобритания, Италия и Франция.

С 1960-х годов экспорт нефти в Европу стал важной частью внешней торговли Советского Союза [11]. К тому времени были открыты крупные месторождения углеводородного сырья на территории Западной Сибири. Именно нефть, добывавшаяся из западносибирских месторождений и транспортировалась в страны Европы. Основных причин для такого решения было две:

- удобная логистика (территориальная близость к Европе);
- достаточно высокое качество углеводородного сырья.

Что касается вопроса логистики, следует отметить, что в 1960-70-х годах была построена система нефтепроводов (в частности нефтепровод "Дружба"), по которой началась поставка нефти в страны Восточной Европы, а позднее и в Западную Европу. СССР активно использовал экспорт нефти как средство политического влияния в условиях "холодной войны".

После окончания «холодной войны», нефтепровод "Дружба" оставался важным маршрутом для поставок нефти в Германию, Польшу и другие страны Центральной Европы.

С начала 2000-х годов, в России началась консолидация нефтяной отрасли с целью увеличения государственного контроля над нефтяными компаниями. Такие компании как "Роснефть" и "Лукойл" стали ключевыми игроками на рынке экспорта российской нефти [12]. В этот период Россия стала одним из крупнейших экспортеров нефти в мире, причем значительная часть поставок по-прежнему приходилась на Европу.

Как и венесуэльская нефть, российская нефть также имеет свои отличительные особенности: она как правило имеет среднюю плотность и относительно низкое содержание в своем составе примесей (таких как сера и меркаптаны). В силу таких характеристик, в процессе переработки российской нефти марки Urals, существует технологическая возможность обеспечить соответствие стандартам Европейского Союза по снижению выбросов вредных веществ.

Учитывая достаточно жесткие требования природоохранного законодательства стран Европы (а позднее – ЕС), использование нефти марки Urals представлялось экономически целесообразным, а поиск альтернативных поставщиков изначально был существенно затруднен в том числе и в силу географического расположения России (кратчайший маршрут доставки нефти с минимальными затратами на её транспортировку).

С началом СВО в 2022 году зависимость Европы от российской нефти стала предметом активных обсуждений. Европейские страны начали диверсификацию своих источников энергоснабжения, чтобы уменьшить зависимость от России [13]. В ответ Россия переориентировала часть экспорта на рынки Азии, в первую очередь Китай и Индию. Нельзя сказать, что переориентация поставок нефти прошла безболезненно для российской нефтедобывающей отрасли. Сказался целый ряд факторов:

- отсутствие стационарной инфраструктуры (трубопроводов) для транспортировки нефти;
- отсутствие у конечных потребителей стабильного сформированного спроса на дополнительный объем нефти;
- отсутствие производственных мощностей для переработки поставляемых объемов нефти.

Решение этих вопросов потребовало существенных капитальных вложений, не запланированных ранее. Существенную часть расходов в данном случае была вынуждена понести именно Россия, как страна, заинтересованная в оперативном выходе на новые рынки со своей продукцией.

Более того, в условиях срочной необходимости сбыта достаточно большого объема нефти, Россия была вынуждена пойти на демпинг относительно среднерыночных цен, с целью заинтересовать конечных покупателей своего сырья, что также повлекло снижение выручки от его реализации.

Следует отметить, что введение санкций как в отношении Венесуэлы, так и в отношении России, не было заранее спланированным действием. В обоих случаях введение странами Запада санкций было ответом на активные действия: в случае с РФ – на начало СВО; а в случае с Венесуэлой – на национализацию активов крупных иностранных компаний (в первую очередь – американских).

По этой причине, экономическое воздействие от санкционных ограничений почувствовали не только страны, в отношении которых эти санкции вводились, но также и компании, выступавшие в роли покупателей соответственно российских и венесуэльских углеводородов.

С течением времени, были найдены альтернативные поставщики, заместившие поставку сырья из России и Венесуэлы. Исходя из особенностей нефти, поставляемой такими «новыми» поставщиками, были внесены изменения в производственный цикл нефтепереработки. Безусловно данные процессы не могли пройти без экономического ущерба для бизнеса: сначала простаивание промышленных мощностей ввиду отсутствия сырья, а затем незапланированные траты, связанные с необходимостью понесения незапланированных издержек на переоснащение производства под новое сырьё, нанесли существенный урон сфере нефтепереработки. Как следствие, конечный потребитель также почувствовал на себе влияние этих процессов: для него стоимость нефтепродуктов ощутимо увеличилась.

Согласно данным, опубликованных Bloomberg, в денежном выражении потери экономики России оцениваются в 22 миллиарда долларов в год [14].

На этом сходство обоих примеров заканчивается, и начинаются различия последствий для стран, в отношении которых санкции были введены в авральном порядке.

В Венесуэле, после национализации филиалов иностранных компаний, на руководящие должности в сфере нефтедобычи были назначены люди, фактически не имевшие опыта в данной сфере, но имевшие опыт работы в государственных силовых структурах. Как результат – резкое снижение объемов нефтедобычи, выход из строя нефтедобывающих скважин, затоваривание мощностей хранения нефти, снижение качества добываемой нефти за счет попадания в добываемую нефть пластовых вод, и стремительная деградация отрасли в целом. В конечном итоге, указанные процессы привели к тому, что в достаточно короткий срок Венесуэла превратилась из одной из богатейших стран Южной Америки в одну из беднейших стран мира [15].

Кроме того, введенный властями США прямой запрет на импорт венесуэльской нефти, полностью остановил поток нефтедолларов в бюджет Венесуэлы. Нефть составляла более 90% экспортной выручки Венесуэлы и около 50% государственного бюджета [16]. Фактически, значительная часть финансовых ресурсов страны зависела от экспорта нефти, главным образом в США, которые были одним из крупнейших покупателей венесуэльской нефти до 2019 года, когда США запретили импорт нефти из Венесуэлы.

Возможности компенсировать образовавшийся дефицит бюджета фактически не было: транспортировка нефти такого низкого качества на другие континенты была экономически не целесообразной, а найти альтернативного покупателя среди ближайших соседей не представлялось возможным ввиду отсутствия у таких соседей производственных мощностей достаточного объема, и имеющих подходящий технологический цикл производства.

В России, напротив, не было замечено фактов дискриминации иностранного бизнеса: почти все иностранные нефтедобывающие компании добровольно приняли решение о выходе с российского рынка. В международном праве подобного рода действия, предпринимаемые частными компаниями, осуществляют-

ся в рамках добровольного прекращения сотрудничества. При этом, принятие решения о выходе из российских проектов иностранными компаниями зачастую принималось еще до официального введения основных пакетов санкций.

Исполнительным указом президента США № 14066 от 8 марта 2022 года был введен запрет на импорт российской нефти. Данный указ можно не принимать в расчет в силу незначительного объема нефти российского происхождения, поставлявшейся в США.

Однако спустя короткий период времени США существенным образом расширили и ужесточили санкционные ограничения. Так, Исполнительным указом президента США № 14068 от 11 марта 2022 года и последовавшими поправками к Правилам экспортного контроля (Export Administration Regulations) Министерства торговли США был введен запрет на экспорт полупроводников, компьютеров, телекоммуникационного оборудования, а также других высокотехнологичных товаров и технологий, используемых для добычи нефти в сложных условиях, таких как Арктика, глубоководные месторождения и сланцевые месторождения. Дополнительно, власти США запретили поставки оборудования и технологий, необходимых для гидроразрыва пласта (фрекинга), бурения на глубоководье и других сложных геологических условий. Эти ограничения направлены на ослабление долгосрочного потенциала России в добыче нефти, особенно в стратегически важных и технологически сложных проектах.

Начало серьезного ограничения импорта российской нефти в страны Европейского Союза было положено шестым пакетом санкций, утвержденным ЕС в 3 июня 2022 года. Данный запрет сделал невозможными поставки нефти морским путем, а также значительно ограничил возможность поставок российской нефти по трубопроводам. Тем же пакетом санкций был введен запрет на экспорт технологий и оборудования, которые могут использоваться для добычи нефти.

В сентябре 2022 года, странами G7 (США, Канада, Великобритания, Франция, Германия, Италия и Япония) было принято решение об установлении потолка цен на нефть, импортируемую из России. Эта мера вступила в силу только 5 декабря 2022 года [17].

Также, в конце 2022 года Великобритания заявила о принятых ей дополнительных санкционных ограничениях на российскую нефть, и о начале поэтапного прекращения её импорта [18].

К числу наиболее ярких примеров добровольного прекращения сотрудничества частными иностранными компаниями можно отнести:

- BP (British Petroleum). BP стала одной из первых крупных нефтяных компаний, объявивших об уходе из России. Менеджмент компании объявил о своем решении 27 февраля 2022 года, то есть задолго до того, как вопрос введения санкций против России начал обсуждаться в западной экспертной среде. Компания приняла решение продать свою долю (19,75%) в "Роснефти" – одном из крупнейших российских нефтедобывающих предприятий [19].

- ExxonMobil. Американская компания ExxonMobil объявила о прекращении участия в проекте "Сахалин-1" и планах по выходу из России 8 марта 2022 года [23], то есть за 7 дней до издания исполнительного указа президента США № 14066 от 8 марта 2022 года. ExxonMobil управляла проектом на Сахалине с 1995 года, и его уход стал значительным ударом по совместным проектам с иностранными партнерами (из Индии и Японии).

- Shell. британская нефтегазовая компания Shell объявила об уходе из России, в том числе о продаже своей доли в проекте "Сахалин-2" уже 28 февраля 2022 года [21], то есть буквально на следующий день после аналогичного решения, принятого компанией British Petroleum. Компания также прекратила участие в других совместных проектах и инициативах, связанных с добычей и переработкой нефти (в первую очередь - «Salym Petroleum Development» и «Гыдан энерджи»).

Исход из России иностранных специалистов и технологий мог пройти бесследно для отрасли.

Так, выход Shell из проекта "Сахалин-2" оказал значительное влияние на управление, операционные процессы и планы на дальнейшее развитие этого стратегически важного проекта. Shell был важным партнером "Сахалина-2", обеспечивающим не только финансовые вложения, но и доступ к передовым технологиям и операционному опыту в области добычи нефти и газа на шельфе. В самой компании Shell незапланированный выход из проектов в России характеризовали как «кошмарная сделка с невыгодными для Shell условиями» [22]. Сумма убытков, понесенных компанией Shell в результате этой сделки, самой компанией оценивалась в 300-350 миллионов долларов [23].

К еще более негативным последствиям привел выход из проекта "Сахалин-1" американской компания ExxonMobil. По итогам выхода из проекта, компания ExxonMobil задекларировала чистый убыток в размере 3,4 миллиардов долларов [24].

Кроме того, в результате выхода из проекта ExxonMobil, российские операторы потеряли этот ценный источник ноу-хау и инноваций, что могло повлиять на эффективность проекта: среднесуточная добыча нефти на проекте сразу же снизилась почти в 2,9 раза [25].

Безусловно, такое резкое падение добычи не могло пройти бесследно: как и в описанном выше случае снижении уровня добычи в Венесуэле, возникла реальная опасность в снижении качества добываемой нефти за счет попадания в добываемую нефть пластовых вод.

Как видим, при всей внешней схожести воздействия санкций на экономический сектор обеих стран, сам механизм их образования существенно отличался.

В случае Венесуэлы, санкции являлись следствием политических противоречий с США, а также национализации активов, принадлежавших иностранным компаниям. Такую меру следует рассматривать скорее, как ответный удар на неуравновешенную внешнюю политику власти Венесуэлы, включавшую в том числе и несправедливую экспроприацию таких активов. Вызывает удивление, скорее, столь запоздалое введение по-настоящему чувствительных санкций против нефтедобывающей отрасли страны.

В случае в России, санкции были введены уже после того, как иностранные частные компании совершили демарш в знак протеста против начала СВО, и вышли из нефтедобывающих проектов на территории России. Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что подобной инициативы частных иностранных компаний российское руководство не ожидало. Кейсов такого массового добровольного прекращения сотрудничества в новейшей истории еще не было зафиксировано.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

При всей схожести процедур и механизмов введения санкций против нефтедобывающих секторов Венесуэлы и России, негативные последствия от них в краткосрочной перспективе были более очевидны для Венесуэлы. Российская Федерация лишилась доступа к высоким технологиям, необходимым для её экономики, не в результате введенных санкций как таковых, а в результате решения частных иностранных компаний, в одностороннем принявших решения о добровольном прекращении сотрудничества с российскими компаниями. Официальное наложение санкционных ограничений случилось уже после того, как Россия лишилась доступа к интеллектуальной собственности, предоставлявшийся ранее иностранными компаниями.

Очевидно, что в будущем, при принятии серьёзных, и потенциально конфликтных решений на высшем политическом уровне Российской Федерации, следует учитывать риски не только в виде непосредственно самих санкционных ограничений, наложение которых требует достаточно длительного периода разработки, согласования и введения в действие политическим руководством субъектов международного права, но также и вероятность решений о добровольном прекращении сотрудничества со стороны частных иностранных компаний. Как показала практика, такие решения принимаются более оперативно в силу меньшего количества бюрократических механизмов принятия решений в бизнес-сообществе. Следует отметить важную и крайне нехарактерную особенность такого рода решений – они все принимались, не смотря на неизбежные (и зачастую – чрезвычайно существенные) финансовые потери для каждой из компаний, ушедших с российского рынка. Мотивы принятия таких решений мы оставим за скобками, как не имеющими отношения к теме настоящей статьи.

Список источников

1. Sanctions circumvention and energy measures: EU adopts 14th package of sanctions against Russia. URL: <https://euneighbourseast.eu/news/latest-news/sanctions-circumvention-and-energy-measures-eu-adopts-14th-package-of-sanctions-against-russia/> (дата обращения: 12.10.2024)
2. Нефтяная отрасль Венесуэлы. URL: https://neftegaz.ru/analysis/oil_gas/330191-neftyanaya-otrasl-venesuely/ (дата обращения 08.10.2024)
3. Ley Orgánica que reserva al Estado la Industria y el Comercio de los Hidrocarburos. URL: <https://venezuela.justia.com/federales/leyes-organicas/ley-organica-que-reserva-al-estado-la-industria-y-el-comercio-de-los-hidrocarburos/gdoc/> (дата обращения: 03.10.2024)
4. Комиссарова А.Д., Теслюк Л.М. Современное состояние и проблемы развития нефтегазового комплекса Венесуэлы. Электронный научный архив УрФУ. Система управления экологической безопасностью. 2023г. стр. 232. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/122708/1/sueb_2023_043.pdf (дата обращения: 13.09.2024)

5. Жуков С., Резникова О. Венесуэла на мировом рынке нефти. Мировая экономика и международные отношения. 2018, том 62, № 10. С. 83. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2018/10-t-62/economy-economic-theory/venezuela-in-the-world-oil-market> (дата обращения: 17.09.2024)
6. Нефть для нужд революции. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/633374> (дата обращения 25.09.2024)
7. Нефтяная интоксикация. Как Венесуэла оказалась на грани коллапса. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/371815-neftyanaya-intoksikaciya-kak-venesuela-okazalas-na-grani-kollapsa> (дата обращения: 24.09.2024)
8. Обама подписал закон о санкциях в отношении представителей Венесуэлы. URL: <https://ria.ru/20141219/1039081301.html> (дата обращения: 24.09.2024)
9. США ввели финансовые санкции в отношении Венесуэлы. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4508681> (дата обращения: 27.09.2024)
10. Между социализмом и капитализмом: с кем будет дружить Венесуэла в новых условиях. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/499682-mezdu-socializmom-i-kapitalizmom-s-kem-budet-druzit-venesuela-v-novyh-usloviyah> (дата обращения: 25.09.2024)
11. Острые грани "черного золота". История "нефтяной иглы" в Советском Союзе. URL: <https://rodina-history.ru/2016/04/25/rodina-neft.html> (дата обращения.6 01.09.2024)
12. Как государство за 20 лет вернуло себе контроль над нефтегазовой отраслью. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/10/15/813716-gosudarstvo-20-let> (дата обращения: 09.09.2024)
13. REPowerEU: A plan to rapidly reduce dependence on Russian fossil fuels and fast forward the green transition. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_3131 (дата обращения 18.09.2024)
14. Bloomberg подсчитал потери России от частичного эмбарго ЕС на нефть. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/05/2022/6295a2409a794708d92b4aad> (дата обращения: 19.09.2024)
15. Массовая эмиграция, гиперинфляция и резкое падение добычи нефти – что сделал Мадуро с Венесуэлой за 11 лет. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cv2gy1lz76qo> (дата обращения 30.09.2024)
16. Венесуэла вынуждена продавать нефть с большим дисконтом. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/11/11/815972-venesuela-neft-diskontom> (дата обращения 03.10.2024)
17. В Евросоюзе договорились о введении потолка цен на российскую нефть на уровне \$60/баррель. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/12/05/953640-dogovorilis-o-vvedenii-potolka-tsen-na-rossiiskuyu-neft> (дата обращения: 27.09.2024)
18. ТЭК России в условиях санкционных ограничений Антироссийские санкции в сфере энергетики в феврале – марте 2022г. Энергетические Тренды // Вестник аналитического центра при правительстве РФ. Выпуск № 106, март 2022г. Стр. 4. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf> (дата обращения: 25.09.2024)
20. ВР решила выйти из капитала "Роснефти". URL: <https://www.interfax.ru/business/824995> (дата обращения: 05.10.2024)
21. Exxonmobil выйдет из нефтегазового проекта «Сахалин-1». URL: <https://www.rbc.ru/business/02/03/2022/621eba0c9a79473db8e8598f> (дата обращения: 05.10.2024)
22. Shell сообщила о расходах в \$4,24 млрд из-за ухода из России. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14551645> (дата обращения: 05.10.2024)
23. FT сообщила о начале «кошмарного» выхода Shell из проекта «Сахалин-2». URL: <https://www.rbc.ru/business/24/04/2022/6264b8469a79470782ddb54a> (дата обращения 05.10.2024)
24. Европейский гигант подсчитал ущерб от выхода из «Сахалина-2». URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/07/ushellb/> (дата обращения: 06.10.2024)
25. Добычи нефти среди трех российских СРП снизилась на 37%. Сахалин-1 стал лидером снижения добычи нефти среди 3 российских СРП с участие иностранных компаний. URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/737742-dobychi-nefti-sredi-trekh-rossiyskikh-srp-snizilas-na-37/> (дата обращения: 06.10.2024)
26. Добычи нефти среди трех российских СРП снизилась на 37%. Сахалин-1 стал лидером снижения добычи нефти среди 3 российских СРП с участие иностранных компаний. URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/737742-dobychi-nefti-sredi-trekh-rossiyskikh-srp-snizilas-na-37/> (дата обращения: 06.10.2024)

References

1. Sanctions circumvention and energy measures: EU adopts 14th package of sanctions against Russia. URL: <https://euneighbourseast.eu/news/latest-news/sanctions-circumvention-and-energy-measures-eu-adopts-14th-package-of-sanctions-against-russia/> (accessed: 12.10.2024)
2. The oil industry of Venezuela. UPL: https://neftegaz.ru/analisis/oil_gas/330191-neftyanaya-otrasl-venesuely/ (accessed 08.10.2024)
3. What does the Organization reserve at Estado la Industria y el Comercio de los Hidrocarburos. URL: <https://venezuela.justia.com/federales/leyes-organicas/ley-organica-que-reserva-al-estado-la-industria-y-el-comercio-de-los-hidrocarburos/gdoc/> (date of access: 03.10.2024)
4. Komissarova A.D., Teslyuk L.M. Current state and problems of development of the oil and gas complex of Venezuela. Electronic scientific archive of UrFU. Environmental safety management system. 2023. p. 232. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/122708/1/sueb_2023_043.pdf (date of access: 13.09.2024)
5. Zhukov S., Reznikova O. Venezuela in the world oil market. World economy and international relations. 2018, Vol. 62, No. 10. P. 83. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2018/10-t-62/economy-economic-theory/venezuela-in-the-world-oil-market> (accessed: 17.09.2024)
6. Oil for the Needs of the Revolution. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/633374> (accessed 25.09.2024)
7. Oil Intoxication. How Venezuela Found Itself on the Verge of Collapse. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/371815-neftyanaya-intoksikaciya-kak-venesuela-okazalas-na-grani-kollapsa> (date of access: 09/24/2024)
8. Obama signed a law on sanctions against representatives of Venezuela. URL: <https://ria.ru/20141219/1039081301.html> (date of access: 09.24.2024)
9. The United States imposed financial sanctions against Venezuela. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4508681> (date of access: 09/27/2024)
10. Between socialism and capitalism: who will Venezuela be friends with in the new conditions. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/499682-mezdu-socializmom-i-kapitalizmom-s-kem-budet-druzit-venesuela-v-novyh-usloviah> (date of access: 09.25.2024)
11. Sharp edges of "black gold". The history of the "oil needle" in the Soviet Union. URL: <https://rodina-history.ru/2016/04/25/rodina-neft.html> (date of access: 09/01/2024)
12. How the state regained control over the oil and gas industry in 20 years. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/10/15/813716-gosudarstvo-20-let> (date of access: 09.09.2024)
13. REPowerEU: A plan to rapidly reduce dependence on Russian fossil fuels and fast forward the green transition. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_3131 (date of access 18.09.2024)
14. Bloomberg calculated Russia's losses from the partial EU embargo on oil. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/05/2022/6295a2409a794708d92b4aad> (date accessed: 19.09.2024)
15. Mass emigration, hyperinflation and a sharp drop in oil production - what Maduro has done to Venezuela in 11 years. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cv2gy1lz76qo> (date accessed 30.09.2024)
16. Venezuela is forced to sell oil at a big discount. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/11/11/815972-venesuela-neft-diskontom> (date of access: 03.10.2024)
17. The European Union agreed to introduce a price ceiling on Russian oil at \$60 per barrel. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/12/05/953640-dogovorilis-o-vvedenii-potolka-tsen-na-rossiiskuyu-neft> (date of access: 27.09.2024)
18. Russia's fuel and energy complex under sanctions restrictions Anti-Russian sanctions in the energy sector in February – March 2022. Energy Trends. Bulletin of the Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Issue No. 106, March 2022. P. 4. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf> (accessed on 25.09.2024)
20. BP decided to exit Rosneft capital. URL: <https://www.interfax.ru/business/824995> (date of access: 05.10.2024)
21. Exxonmobil will exit the Sakhalin-1 oil and gas project. URL: <https://www.rbc.ru/business/02/03/2022/621eba0c9a79473db8e8598f> (date of access: 05.10.2024)
22. Shell reported expenses of \$4.24 billion due to leaving Russia. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14551645> (date of access: 05.10.2024)
23. FT reported on the beginning of Shell's "nightmare" exit from the Sakhalin-2 project. URL: <https://www.rbc.ru/business/24/04/2022/6264b8469a79470782ddb54a> (date of access: 05.10.2024)

24. The European giant calculated the damage from the exit from Sakhalin-2. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/07/ushellb/> (date of access: 06.10.2024)

25. Oil production among three Russian PSAs decreased by 37%. Sakhalin-1 became the leader in oil production decline among three Russian PSAs with participation of foreign companies. URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/737742-dobychi-nefti-sredi-trekh-rossiyskikh-srp-snizilas-na-37/> (date of access: 06.10.2024)

26. Oil production among three Russian PSAs decreased by 37%. Sakhalin-1 became the leader in oil production decline among three Russian PSAs with participation of foreign companies. URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/737742-dobychi-nefti-sredi-trekh-rossiyskikh-srp-snizilas-na-37/> (date of access: 06.10.2024)

Информация об авторе

Захаров А.В., юрист АО «Русгазинжиниринг»; Славяно-греко-латинская академия

© Захаров А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.132

Организационные и процессуальные особенности подготовки обыска при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков

¹ Винокуров Э.А., ¹ Лукьянчикова В.В.,
¹ Белгородский юридический институт Министерства внутренних
дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина

Аннотация: в статье авторы затрагивают отдельные аспекты процессуального и организационного характера, в рамках подготовительного этапа производства обыска по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков. Особое внимание акцентируется на необходимости максимально оперативного проведения первоначальных следственных действий с целью закрепления доказательственной информации, в число которых входит производство обыска. Так же отмечено особое значение выбора тактически приемов реализуемых на подготовительном этапе рассматриваемого следственного действия со стороны лиц органа предварительного расследования.

Исследование было проведено с позиции организационно-процессуальных действий следователя (дознателя) на подготовительном этапе производства обыска.

На основании проведенного анализа авторы приходят к выводу, что кроме процессуальных элементов, особая роль отводится организационным элементам, которые представляют собой: сбор ориентирующей информации об искомом объекте; сбор информации о личности обыскиваемого и проживающих (находящихся) с ним лиц; изучение места обыска и способов проникновения в помещение; определение времени для производства обыска; подготовка технико-криминалистических средств и транспорта, связи; подбор лиц, которые войдут в группу для производства обыска, тем самым образуя единую систему подготовку обыска.

Ключевые слова: обыск, постановление о производстве обыска, наличие достаточных данных, процессуальные аспекты, организационные аспекты, незаконный оборот наркотиков

Для цитирования: Винокуров Э.А., Лукьянчикова В.В. Организационные и процессуальные особенности подготовки обыска при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 182 – 188.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Organizational and procedural features of search preparation in the investigation of crimes in the field of drug trafficking

¹ Vinokurov E.A., ¹ Lukyanchikova V.V.,
¹ Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after I.D. Putilin

Abstract: in the article, the authors touch upon certain aspects of a procedural and organizational nature, as part of the preparatory stage of a search for crimes in the field of drug trafficking. Special attention is paid to the need to conduct initial investigative actions as quickly as possible in order to consolidate evidentiary information, which includes conducting a search. The special importance of the choice of tactics implemented at the preparato-

ry stage of the investigative action under consideration by the persons of the preliminary investigation body was also noted.

The study was conducted from the perspective of the organizational and procedural actions of the investigator (inquirer) at the preparatory stage of the search.

Based on the analysis, the authors conclude that in addition to procedural elements, a special role is assigned to organizational elements, which are: collecting orientation information about the object being searched; collecting information about the identity of the person being searched and the persons living (staying) with him; studying the place of the search and ways of entering the premises; determining the time for the search; preparation of technical and forensic equipment and transport, communications; selection of persons who will be part of the search team, thereby forming a unified search preparation system.

Keywords: search, search order, availability of sufficient data, procedural aspects, organizational aspects, drug trafficking

For citation: Vinokurov E.A., Lukyanchikova V.V. Organizational and procedural features of search preparation in the investigation of crimes in the field of drug trafficking. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 182 – 188.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: July 1, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Проблема борьбы с незаконным оборотом наркотиков остаётся одной из актуальных проблем современной России. Это обусловлено тем, что наркобизнес и связанная с ним преступность оказывает негативное воздействие, как на экономическую и социальную стабильность государства в целом, так и на здоровье население страны, в частности. Об актуальности данного направления, также говорит и официальная статистика, согласно которой в январе – мае 2025 года выявлено 96,9 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 25,0% больше, чем за аналогичный период прошлого года [10].

В тоже время, следует отметить, что особую роль приобретает правильный выбор уголовно-процессуальных средств доказывания по данной категории уголовных дел, определение порядка и последовательности их применения, а также выработка общей тактики их реализации с обязательным учетом специфики совершения преступлений данной категории. Поэтому, особое внимание при расследовании преступлений данной категории должно быть уделено первоначальным следственным действиям как правовому инструменту закрепления доказательственной базы. Среди которых следует выделять обыск, оперативное и тактически верное проведение, которого может являться основным источником доказательств по уголовным делам данной категории.

Материалы и методы исследований

Анализ специфики подготовительного этапа производства обыска по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков основан на материалах правоприменительной практики, а также позициях ученых в данном направлении. В качестве методов исследования были использованы анализ, синтез, а также системный, формально-логический, эмпирический и другие методы.

Результаты и обсуждения

Подготовка к производству обыска по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических наркотиков производится с учетом общих требований уголовно-процессуального законодательства и криминалистической тактики, вместе с тем, следует отметить, что подготовительный этап любого следственного действия, имеет свои специфические особенности, не исключением при этом является и обыск.

В данном контексте, следует отметить, что специфика производства каждого следственного действия, напрямую зависит отряда взаимосвязанных действий следователя (дознателя), направленных на достижения определенных результатов, которые обусловлены поставленной целью. Поэтому, в контексте проводимого анализа, необходимо начать с сущности такого следственного действия, как обыск.

Следует отметить, что законодателем не закреплено в уголовно-процессуальном законе понятие обыска, однако в положении ст. 182 УПК РФ содержатся взаимосвязанные компоненты, которые указывают на необходимость установления ряда данных, которые могут служить основанием производства обыска, а также данная норма раскрывает порядок осуществления анализируемого следственного действия [9].

В тоже время, если проанализировать позиции ученых в данном вопросе, то возможно так же выделить единые взаимосвязанные компоненты, которые образуют следственное действие как единое целое.

Так, например, С.Н. Чурилов, определяет «обыск, как следственное действие, предусмотренное ст. 182 УПК РФ, целью которого является принудительное обследование помещений, участков местности либо отдельных граждан в целях отыскания и изъятия скрываемых объектов, имеющих значение для уголовного дела» [11, с. 480-481], также данной позиции придерживается и Э.Н. Харина [12, с. 149].

Схожесть, в данном направлении, можно также заметить и в позициях Н.А. Моругиной и Е.И. Сидоровой, поскольку они, также рассматривают «обыск, как следственное действие принудительного характера, предусмотренное уголовно-процессуальным законом (ст. ст. 182 и 184 УПК РФ), целью которого является поиск и изъятие значимых для правильного разрешения уголовного дела объектов, имеющих доказательственное значение, посредством обследования помещений, сооружений, участков местности, транспортных средств, отдельных людей и иных объектов, а также для отыскания разыскиваемых лиц и трупов» [5, с. 246].

В результате анализа, позиций законодателя, а также ряда ученых, мы приходим к выводу, что обыск включает в себя два взаимосвязанных компонента (процессуального и организационного характера). Процессуальный компонент предопределяет для следователя (дознателя) необходимость установления правового основания производства обыска, а также соблюдение предписания уголовно-процессуального закона (вынесение мотивированного постановления следователем (дознателем) или обращение в суд с мотивированным ходатайством о даче разрешения на производства обыска). В тоже время, организационный компонент содержит уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты и охватывает как подготовительный этап производства обыска, так и основной.

В контексте же нашего анализа, остановимся более подробно на процессуальных и организационных аспектах подготовительного этапа производства обыска по уголовным делам в сфере незаконном оборота наркотиков.

Так, к процессуальным аспектам следует относить следующие элементы:

- установление следователем (дознателем) наличия достаточных данных необходимых для производства обыска. Данное положение законодателя, является по сути оценочным понятием, поскольку не содержит четкого предписания о необходимости выполнения конкретных действий, результаты которых будут являться основой для производства обыска. Поэтому, следователю (дознателю) при установлении достаточных данных необходимо исходить, из двух взаимосвязанных аспектов: во-первых, с позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который в своих решениях, неоднократно отмечал, что применение оценочных понятий закрепленных в российском законодательстве позволяет правоприменителю, не только решить поставленные задачи, но и обеспечить баланс интересов вовлечённых субъектов в судопроизводство, в целом [7].

Вторым же аспектом, выступают, как позиции ученых процессуалистов в данном вопросе, так и сложившееся правоприменительная практика в данной области. В обосновании указанной позиции приведем пример из правоприменительной практики. Так, при расследовании уголовного дела в отношении гражданина ..., следователь в качестве необходимости производства обыска, в своем постановлении указал следующее «... В период времени до 08 часов 45 минут года, ФИО, на участке местности на берегу водохранилища на расстоянии 400 м от дома №.. по ул. ... с.... Шебекинского района Белгородской области хранил в пяти полимерных мешках без цели сбыта фрагменты растений рода Конопля, содержащие наркотически активный тетрагидроканнабинол, массой не менее 1 120 грамм, что является крупным размером, которые были изъяты сотрудниками ОКОН ОМВД России по Шебекинскому району и г.Шебекино в период времени с 08 часов 45 минут по 09 часов 50 минут года. Далее, в постановлении следователем было указано, что поскольку, в материалах уголовного дела имеются достаточные основания полагать, что в жилище, где зарегистрирован подозреваемый ... могут находиться наркотические средства, части наркотикосодержащих растений, а также другие предметы и вещества запрещенные в гражданском обороте, имеющие значение для уголовного дела, в связи с чем было принято решение о производстве обыска в жилище в случаях не терпящих отлагательства» [4].

- вынесение мотивированного постановления следователем (дознателем) или судом на основании установленных данных.

Как справедливо отметил А.В. Осипов, «именно содержание доказательственной информации является определяющим критерием при принятии решения о производстве обыска» [8, с. 96]. Следовательно, только установление достаточных данных в рамках уголовного дела, является правовой основой вынесения мотивированного постановления о производстве обыска.

В контексте проводимого анализа, следует отметить, что, хотя каждое постановление и имеет общие структурные элементы, в тоже время именно описательно-мотивировочная часть постановления содержит

указание на обоснованность принятия решения о производстве обыска.

В подтверждении, приведем пример из постановления о производстве обыска в жилище в случаях не терпящих отлагательства «...Как установлено в ходе следствия, с мая 2024 года ФИО организовал незаконный сбыт наркотических средств на территории Белгородской, Воронежской и Кемеровской областей посредством сети Интернет через приложение «Телеграм», где создал магазин под названием «...». В названном приложении продажи наркотических средств производились через программу автоматических продаж - телеграмм-бот «...», администрирование которого осуществлял сам ФИО, а также его доверенные лица, выполнявшие роли в преступной группе операторов (технической поддержки) и администратора чата в приложении «Телеграм». Оператором интернет-магазина «...» на территории Белгородской области был гражданин ФИО, который использовал аккаунт «...». В его обязанности входило: в случае если покупатель не находил тайник с наркотическим средством, уточнять адрес и описание места нахождения тайника с наркотическими средствами у курьеров (закладчиков), и сообщать их покупателю. В случае если покупатель действительно не находил наркотическое средство, то предоставлять новый адрес тайника с наркотическим средством. За данную работу ФИО получал денежное вознаграждение в сумме 15000 рублей в неделю. ФИО работал оператором с начала работы магазина – с запуска бота в приложении «Телеграм», то есть с начала мая 2023 года.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами у следствия имеются достаточные основания полагать, что по месту фактического жительства ФИО по адресу: Белгородская область, г. Старый Оскол, мкр. ..., д. ..., кв. ..., могут храниться наркотические средства либо иные предметы и вещества, запрещенные в свободном гражданском обороте и имеющие значение для уголовного дела; технические средства связи, посредством которых осуществлялись переговоры и организация незаконного оборота наркотических средств; иные носители информации и рукописные записи, содержащие сведения имеющие значение для уголовного дела; имущество, добытое преступным путем и в результате преступной деятельности; а также иные предметы и документы, имеющие доказательственное значение для уголовного дела [4].

Следующим элементом, в контексте проводимого анализа подготовительного этапа производства обыска по уголовным делам в сфере незаконном оборота наркотиков, выступает организационный компонент.

Данное направление необходимо рассматривать, через призму организационной структуры, «под которой следует понимать упорядоченную совокупность взаимосвязанных находящихся между собой в устойчивых отношениях, обеспечивающих их функционирование и развитие как единого целого» [2, с. 94].

Следовательно, организация производства обыска представляет собой взаимосвязанные компоненты, целью которого выступает обнаружения интересующих объектов, которые имеют прямое отношение к расследуемому уголовному делу.

Указанные компоненты, в данном ключе, представляют собой: сбор ориентирующей информации об объекте (наркотические средства и психотропные вещества), оборудования для изготовления указанных средств (веществ) и т.д.; определение времени для производства обыска; подготовка технико-криминалистических средств и транспорта, связи; подбор лиц, которые войдут в группу для производства обыска [6].

Как справедливо отмечает, В.Д. Корма «ориентирующая информация может иметь большой организационно тактический потенциал, способствовать поиску доказательств и их источников, правильному выбору тактических приемов при подготовке и проведению следственных действий» [3, с. 34].

При этом, следует отметить, что основным источником ориентирующей информации по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков являются: показания свидетеля (подозреваемого, обвиняемого), а также материалы оперативно-розыскной деятельности.

В тех случаях, когда ориентирующая информация, касается непосредственно обыскиваемого лица (лиц проживающих в указанном месте), а также места обыска, следователю (дознавателю), на подготовительном этапе, необходимо детально изучить: род занятий, возраст, психофизиологические черты, как непосредственно обыскиваемого лица, так и лиц совместно проживающих с ним, в том числе получить информацию о родных, близких, знакомых и т.д. [1, с. 605-610]

Особое внимание, на подготовительном этапе должно быть уделено установлению и детальному изучению места и сопутствующих условий планируемого обыска. Например, если местом обыска является помещение, то необходимо установить: к какой категории оно относится (жилое или нежилое); структурную характеристику самого помещения; пути подхода и проникновения в данное помещение; наличие близлежащих помещений и возможных конструкторских элементов их соединяющих и т.д.

Также, следователю (дознавателю) на подготовительном этапе обыска необходимо осуществить подбор и подготовку к работе технико-криминалистических средств. Если по одному уголовному делу у несколь-

ких лиц единовременно производиться обыск, то необходимо осуществить заранее подбор транспортного средства для доставки всех участников следственного действия к объекту обыска. Также определение транспортного средства будет иметь существенное значение, если планируется вывоз изъятых объектов в большом количестве или объеме. В случае если группа является многочисленной, а объектом обыска выступают большие помещения или участки местности, необходимо заранее подготовить техническую связь для взаимодействия членов группы.

К указанным выше, технико-криминалистическим средствам, относятся:

- технические средства поиска и обнаружения, как наркотиков, так и мест их возможного сокрытия (например, металлоискатель, щуп, лабораторные весы и т.д.);
- средства освещения, как правило, это источники (приборы) искусственного освещения, применяемые при недостаточности естественного света;
- средства определения наркотических средств и психотропных веществ (например, набор политестов, дающих характерные реакции на ряд распространенных наркотиков) и т.д.;
- технические средства фиксации обыска (средства аудио- и видеозаписи, фотоаппаратура и др.);
- средства изъятия и упаковки объектов с места обыска (в качестве примера, приведем выдержку из протокола обыска участка местности «обнаруженное и изъятые порошкообразное вещество белого цвета помещено в прозрачный полимерный пакет с горловиной, которая перевязана нитью белого цвета, к свободному концу которой прикреплена пояснительная записка, на которой имеется рукописный текст, выполненный красителем синего цвета следующего содержания: порошкообразное вещество белого цвета, пустой полимерный пакет и фрагмент липкой ленты коричневого цвета, изъятые в ходе обыска, участка местности, расположенного по адресу: г. Шебекино, ул. ..., вблизи дома ..., ... 2025 года. И-1-746. Понятые: 1. (подпись), 2. (подпись), Уч. лица: (подпись) (подпись) (подпись), Изъял: (подпись)»).

Такие действия, направлены в первую очередь на сохранение самого объекта, имеющего доказательственное значение для уголовного дела, а также возможные следы, указывающие на конкретных лиц причастных к совершению преступления. В том числе, изъятые объекты с места обыска, в последующем могут быть использованы для производства судебной экспертизы.

Следующим компонентом при подготовке к обыску выступает формирование группы для производства указанного следственного действия. Как правило, в такую группу входит: следователь (дознатель), понятые, специалист-криминалист (также в качестве специалиста, может быть приглашен: химик, биолог, фармацевт, технолог и др.). Если обыск производится в жилом помещении, то могут также участвовать: подозреваемый (обвиняемый) и совершеннолетние члены его семьи; пользователи помещения; совершеннолетние члены семьи пользователя; лица, в чьем распоряжении находится помещение, и их совершеннолетние члены семьи; в тех случаях, когда в рамках уголовного дела участвует защитник, он тоже имеет право участвовать в рамках производимого следственного действия.

Также следует отметить, что в зависимости от конкретной следственной ситуации состав группы может дополняться подразделениями силовой поддержки.

Выводы

На основании проведенного анализа можно констатировать, что уголовно-процессуальные и организационные особенности подготовительного этапа производства обыска по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков представляют собой тесно взаимосвязанные аспекты, как процессуального, так и организационного характера. Это обусловлено тем, что правовой основой производства обыска выступает мотивированное постановление (следователя, дознавателя или суда), в котором указываются достаточные данные для производства данного следственного действия. При этом, кроме процессуальных элементов, особая роль отводится организационным элементам, которые представляют собой: сбор ориентирующей информации об искомом объекте; сбор информации о личности обыскиваемого и проживающих (находящихся) с ним лиц; изучение места обыска и способов проникновения в помещение; определение времени для производства обыска; подготовка технико-криминалистических средств и транспорта, связи; подбор лиц, которые войдут в группу для производства обыска, тем самым образуя единую систему подготовку обыска.

Список источников

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р.С. Белкина. М.: Издательство НОРМА 2000. 990 с.
2. Жаворонков Д.В. Организационные структуры : учебное пособие. Кубанский государственный университет. Краснодар, 2020. 100 с.
3. Корма В.Д. Информационный аспект следственной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 27 – 36.
4. Материалы, предоставленные объединённым филиалом кафедры уголовного процесса и кафедры уголовно-правовых дисциплин Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина на базе ООД УМВД России по Белгородской области.
5. Моругина Н.А., Сидорова Е.И. Обыск: понятие, некоторые виды и особенности производства в современных условиях // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 245 – 250.
6. Нугаева Э.Д. Обыск: виды и тактика его производства // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11). С. 57 – 66.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2009 № 484-О-П «По жалобе граждан Лашманкина Александра Владимировича, Шадрина Дениса Петровича и Шимоволоса Сергея Михайловича на нарушение их конституционных прав положением части 5 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 6.
8. Осипов А.В. Структура фактических оснований производства обыска // Криминалист. 2022. № 4 (41). С. 92 – 97.
9. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ: текст в редакции от 7 июля 2025: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
10. Состояние преступности в России за январь-май 2025 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Москва. [Электронный ресурс] <https://мвд.рф> (дата обращения: 15.06.2025)
11. Уголовно-процессуальное право: учебник для вузов / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Издательство Юрайт, 2013. 1016 с.
12. Харина Э.Н. Обыск: виды и цели, особенности производства в современных условиях // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 3. С. 148 – 159.

References

1. Averianova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossiyskaya E.R. Forensic Science: a textbook for universities. Ed. by Honored Scientist of the Russian Federation, Professor R.S. Belkin. Moscow: NORMA Publishing House 2000. 990 p.
2. Zhavoronkov D.V. Organizational structures: a textbook. Kuban State University. Krasnodar, 2020. 100 p.
3. Korma V.D. Information aspect of investigative activity. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2021. No. 2. P. 27 – 36.
4. Materials provided by the combined branch of the Department of Criminal Procedure and the Department of Criminal Law Disciplines of the Beloyarsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin on the basis of the OOD UMVD of Russia for the Belgorod Region.
5. Morugina N.A., Sidorova E.I. Search: concept, some types and features of production in modern conditions. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. P. 245 – 250.
6. Nugaeva E.D. Search: types and tactics of its production. Law: retrospective and prospect. 2022. No. 3 (11). P. 57 – 66.
7. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02.04.2009 No. 484-O-P "On the complaint of citizens Lashmankin Alexander Vladimirovich, Shadrin Denis Petrovich and Shimovolos Sergei Mikhailovich on the violation of their constitutional rights by the provision of Part 5 of Article 5 of the Federal Law "On Assemblies, Rallies, Demonstrations, Marches and Pickets"". Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2009. No. 6.
8. Osipov A.V. Structure of factual grounds for conducting a search. Criminalist. 2022. No. 4 (41). P. 92 – 97.

9. Russian Federation. Laws. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ: text as amended on July 7, 2025: [adopted by the State Duma on November 22, 2001: approved by the Federation Council on December 5, 2001]. Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

10. The state of crime in Russia for January-May 2025. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation FKV "Main Information and Analytical Center". Moscow. [Electronic resource]. [https:// mvd.rf](https://mvd.rf) (date accessed: 06.15.2025)

11. Criminal Procedure Law: textbook for universities. Edited by V.M. Lebedev. M.: Yurait Publishing House, 2013. 1016 p.

12. Kharina E.N. Search: types and goals, production features in modern conditions. Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2018. No. 3. P. 148 – 159.

Информация об авторах

Винокуров Э.А., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина

Лукьянчикова В.В., старший преподаватель, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина

© Винокуров Э.А., Лукьянчикова В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.7

Информационная грамотность как ключ к безопасности в условиях цифровой трансформации

¹Чечулина А.А., ¹Манжетов А.А.,
¹Московский инновационный университет

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности в условиях стремительной цифровой трансформации общества. Основное внимание уделено воздействию информационных технологий на уязвимые группы населения – молодежь и пожилых людей, которые в силу недостаточной информационной грамотности и цифровых навыков становятся потенциальными жертвами деструктивных влияний, включая экстремизм, идеологическую манипуляцию и интернет-мошенничество. Анализируются современные вызовы и риски, связанные с использованием цифровых инструментов в политической и идеологической сферах, а также роль государства в регулировании и просвещении граждан. Подчеркивается важность формирования информационной и медиаграмотности с раннего возраста, внедрения образовательных программ по информационной безопасности и повышения правовой осведомленности как эффективных мер противодействия современным информационным угрозам.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационная грамотность, цифровая трансформация, уязвимые группы, интернет-мошенничество, государственное регулирование, информационные технологии, идеологическая безопасность, правовая грамотность

Для цитирования: Чечулина А.А., Манжетов А.А. Информационная грамотность как ключ к безопасности в условиях цифровой трансформации // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 189 – 194.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Information literacy in the digital transformation era as a key to security

¹Chechulina A.A., ¹Manzhetov A.A.,
¹Moscow Innovation University

Abstract: the article discusses the current issues of ensuring information security in the context of the rapid digital transformation of society. The main focus is on the impact of information technologies on vulnerable groups of the population, such as young people and the elderly, who, due to their lack of information literacy and digital skills, are potential victims of destructive influences, including extremism, ideological manipulation, and online fraud. The article analyzes the current challenges and risks associated with the use of digital tools in the political and ideological spheres, as well as the role of the state in regulating and educating citizens. The importance of developing information and media literacy from an early age, implementing educational programs on information security, and increasing legal awareness as effective measures to counter modern information threats is emphasized.

Keywords: information security, information literacy, digital transformation, online fraud, media literacy, government regulation, information technologies, ideological security, legal literacy

For citation: Chechulina A.A., Manzhetov A.A. Information literacy in the digital transformation era as a key to security. *International Law Journal*. 2025. 8 (5). P. 189 – 194.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

В условиях цифровизации и постоянного роста объема информации проблема информационной безопасности и медиаграмотности приобретает особую актуальность. Особое значение данная проблема имеет для уязвимых слоёв населения, в первую очередь молодежи и пожилых людей, которые часто становятся мишенью для различных видов информационного воздействия, таких как мошенничество, психологическое манипулирование и экстремистская пропаганда. Современное общество, несмотря на развитие технологий и законодательное регулирование, по-прежнему сталкивается с недостаточной информационной грамотностью пользователей, что создает дополнительные вызовы для медийной и интернет-безопасности. Актуальность исследования заключается в необходимости комплексного анализа существующих рисков, законодательных инициатив и практик по обеспечению медиабезопасности наиболее уязвимых групп населения.

Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования является анализ нормативно-правовой базы, статистических данных, а также публикаций и научных исследований по проблемам медиабезопасности и информационной грамотности. В рамках работы были рассмотрены федеральные законы и подзаконные акты, регулирующие защиту информации в России, обобщены и сравнены статистические данные по инцидентам, связанным с информационными угрозами. Также использовался сравнительный анализ российских и зарубежных подходов к обеспечению медиабезопасности населения.

Результаты и обсуждения

В ходе анализа выявлены основные категории населения, подверженные информационным угрозам: несовершеннолетние, подростки, а также пожилые люди. Основными рисками для этих групп являются вовлечение в экстремистскую деятельность через интернет, мошенничество, распространение идеологических установок, а также получение ложных или искажённых сведений. Примером может служить включение несовершеннолетних в реестр террористов и экстремистов, а также рост числа зарегистрированных преступлений, связанных с мошенничеством и экстремизмом в сети. Статистические данные показывают увеличение числа пострадавших от информационных атак среди молодежи и пожилых граждан. Законодательное регулирование позволяет частично снизить угрозы, однако не может заменить формирование медиаграмотности и устойчивых компетенций самостоятельного анализа и критического восприятия информации.

Эффективность деятельности по обеспечению информационной безопасности зависит не только от её качественного государственного регулирования, но в немалой степени и от устранения препятствий, которые так или иначе сопровождают такого рода деятельность и негативным образом влияют на безопасность информационного пространства. В процессе реализации конституционного права на свободу выражения, получения и распространения информации, свободного общения и использования свободы слова граждане зачастую сталкиваются с проблемами, препятствующими получению полноценного результата от реализации данного права, а иногда даже становятся невольными участниками или жертвами преступлений.

Одной из таких проблем является недостаточная информационная грамотность населения и низкая степень его осведомленности о возможных рисках общения в киберпространстве. Ускоренное развитие информационных технологий в самых разных областях безусловно требует постоянного повышения степени информированности и цифровой грамотности населения.

Развитие цифровых технологий и изменение структуры современных общественных отношений в условиях цифровой трансформации происходит быстрее, чем осуществляется общественная адаптация к ним. В условиях цифровизации наряду с государственным нормативно-правовым управлением появляются иные, скрытные и не всегда законные формы управления как общественными группами, так и отдельными индивидами. Информационные технологии воздействия на общество меняют облик реальности, в зависимости от ценностей, подвергающихся такому воздействию, уязвимыми становятся различные группы населения.

Например, в политической сфере оппозиционные структуры активно используют информационные технологии в качестве инструмента для политической борьбы. С помощью интернета, средств мобильной связи происходит вербовка лиц, склонных к критике государственной власти и формирование из них потенци-

альных оппозиционеров. Формируемое таким образом поколение интернет-активистов вовлекается в протестные акции, которые теперь проводятся не только в реальном пространстве: на улицах, площадях городов, но и в виртуальном. Причем в виртуальном пространстве достигается больший мобилизующий эффект за счёт массовости аудитории и разнообразия способов их привлечения (использование тематических видеоматериалов, драматических образов и пр.).

Исследователи высказывают самые различные мнения о роли влияния информационных технологий на правовые процессы в стране. Одни считают, что информационные технологии «позволяют миллионам рядовых граждан высказывать свою точку зрения по важным правовым вопросам, тем самым реализуя в форме электронной демократии свои основные гражданские права и свободы» [1, с. 83-89]; «предоставляют в распоряжение общества новые инструменты и методы, которые создают широкие возможности всем членам общества более эффективно участвовать в правоприменении в качестве независимых участников» [2, с. 7-21], то есть, современная демократическая парадигма изменяется в более открытую модель, «которая содействует утверждению плюрализма, новых ценностей, потребностей, методов и процедур» [2, с. 7-21]. Другие утверждают, что они «способствуют отчуждению граждан от реальных проблем, укоренению виртуальной имитации гражданского участия, формируя т. н. очаги фейкового активизма» [3, с. 269-285] и т.д.

Не отрицая значения информационных технологий в деле развития непосредственной демократии, все же необходимо заметить, что их позитивное значение в данной сфере зависит от достаточно высокого уровня компетентности индивидов, способных на основе глубоких познаний в различных областях знаний осмысливать тот массив информации, которая подается интернет-активистами, блогерами и пр., оценивать степень её конструктивного либо деструктивного влияния. Как показывает практика, среднестатистический гражданин такими способностями не обладает. Особенно это заметно в молодежной среде. Подростки, в силу своих физиологических и психологических особенностей легко становятся жертвами в информационной среде. Не случайно интернет-пропаганда оппозиционеров, как правило, находит своих потенциальных «адептов» среди молодежи, представляющей собой наиболее уязвимую категорию участников виртуального пространства.

Не меньшую опасность представляет использование информационных технологий в идеологической сфере. Пользуясь тем, что степень интернет-зависимости молодого поколения значительно выше по сравнению со взрослым населением, «информационное пространство Интернета зачастую используется экстремистскими сообществами как инструмент пропаганды преступной идеологии, чему способствуют широкий охват аудитории, быстрота распространения информации, анонимность виртуального собеседника и т. д.» [4, с. 29-37]. Экстремистские сообщества все чаще пропагандируют свою идеологию посредством сети Интернет и жертвами их манипулирования чаще всего становится молодежь. В 2024 году Росфинмониторингом в реестр террористов внесено рекордное число несовершеннолетних – 93 чел.

Как сообщил директор ФСБ Александр Бортников на заседании Национального антитеррористического комитета (НАК) на современном этапе в условиях проведения специальной военной операции спецслужбы Украины и их «западные кураторы» развернули «идеологическую и вербовочную обработку» россиян, прежде всего молодого поколения. По его данным, с начала спецоперации молодежь активно вербуют для участия «в диверсионно-террористической и экстремистской деятельности» [5]. Все чаще в СМИ публикуется информация о совершении преступлений террористической направленности, исполнителями которых являются несовершеннолетние.

Формирование информационной грамотности молодежи наряду с решением иных проблем, служащих катализатором правонарушений, в том числе экстремистской и террористической направленности позволяет решить ряд задач:

- сформировать у подростков установки и поведенческие навыки, ориентированные на систему ценностей современного российского общества;
- предупредить о рисках при использовании сети Интернет и научить ориентироваться во все возрастающем потоке информации;
- научить критически относиться к получаемой информации, уметь анализировать её содержание и отличать достоверную от недостоверной;
- овладеть инструментами защиты от внешних и внутренних информационных угроз и пр.

Формирование информационной грамотности, медиаграмотности и компьютерной грамотности несовершеннолетних необходимо начинать со школьной скамьи, не ограничиваясь уроками по информатике, а включая в образовательный процесс в школе урок по информационной безопасности. Это соответствует требованиям Концепции информационной безопасности детей, утвержденной Правительством РФ в 2023 г. в которой определена стратегическая цель государственной политики в области информационной безопас-

ности детей – «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия».

Еще одной уязвимой категорией являются пожилые люди, которые родились в прошлом веке и становление личности которых основано на идеалах «всеобщего равенства и справедливости», «уважения и доверия к ближнему», свойственных социалистической идеологии. Они менее всего оказались приспособлены к глобальным изменениям в информационном пространстве. Совершенствование информационных технологий привело, в том числе, к изменению системы ценностей, идеалов, приоритетов населения, что не могло не повлиять на информационно-психологическую безопасность людей пожилого возраста.

Не обладая достаточным уровнем знаний в информационной среде, рассматриваемая категория населения, под воздействием психологической обработки легко становится жертвой манипуляторов. Телефонные мошенники обманывают сотни тысяч россиян, списывая денежные средства с их банковских карт, навязывая кабальные кредиты, лишая жилья и т.д. и жертвами в подавляющем большинстве становятся пожилые люди. Как отмечают А.С. Грязина и В.С. Тимохина, «мошенники с каждым разом придумывают все более изощренные способы обмана, используют различные схемы, на которые попадают пожилые люди, которые, в свою очередь, ввиду доверчивости и слабой осведомленности ведутся на уловки преступников, перечисляя им все свои сбережения, переписывая имущество и т.д.» [6, с. 83].

Пенсионеры совершают преступления действуя по указанию неизвестных злоумышленников, которые, пользуясь их информационной неграмотностью, под влиянием обмана или шантажа склоняют их к совершению поджогов банкоматов, полицейских участков, служебных автомобилей, учреждений, МФЦ и пр. Ситуация обострилась в условиях проведения СВО. В действиях мошенников просматривается украинский след, что подтвердил Президент РФ Владимир Путин в ходе прямой линии, совмещенной с ежегодной пресс-конференцией 19 декабря 2024 г., заявив, что контроль мошенничества в отношении россиян осуществляется спецслужбами Украины, где мошенничество возведено в ранг государственной политики [7].

Исследователи называют основные причины незащищенности пожилых людей: «неумение пользоваться современными коммуникационными технологиями, оценивать достоверность той или иной информации, слабая информированность по ряду вопросов, некритичное отношение к официально заявленной информации, обостренная потребность в общении, доверчивость и открытость, ограничение возможности обратиться за помощью, изолированность» [8, с. 245].

Решением обозначенной проблемы остается необходимость повышения правовой грамотности граждан, и в первую очередь её уязвимых категорий. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 164-р от 5 февраля 2016 г. была утверждена Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, которая, исходя из интенсивного развития информационно-телекоммуникационных технологий акцентировала внимание на необходимости обучения граждан старшего поколения использованию современных информационных ресурсов и компьютерной грамотности [9, с. 105].

Представляется, что одним из наиболее эффективных механизмов обеспечения информационной грамотности в современной России может стать институт Уполномоченного по правам человека РФ. Одной из функций данного института является правовое просвещение, которое может быть реализовано посредством создания тематических интернет ресурсов и целевых курсов для наиболее уязвимых лиц [10, с. 84].

Выводы

Таким образом, в условиях быстроразвивающейся цифровизации общества и трансформации общественных отношений эффективное обеспечение информационной безопасности невозможно лишь за счет государственного регулирования. Ключевым фактором сопротивления актуальным угрозам становится повышение информационной и правовой грамотности наиболее уязвимых категорий населения – молодежи и пожилых людей. Недостаток знаний и навыков в сфере информационных технологий делает эти группы легкой мишенью для манипуляций, идеологического воздействия, экстремистской пропаганды и мошенничества. Формирование критического мышления, развитие медиаграмотности и просвещение с детского возраста, а также обучение пожилых граждан цифровым компетенциям – важнейшие меры, направленные на предотвращение современных информационных угроз. Только комплексное сочетание просветительской деятельности и эффективного государственного регулирования может обеспечить защиту российского общества в условиях стремительно меняющегося информационного пространства.

Список источников

1. Романова Н.П., Лаврик Н.В. Роль гражданской инициативы в формировании электронной демократии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Вып. 2. С. 83 – 89.
2. Бейдина Т.Е., Денисов Ю.В., Кухарский А.Н. Перспективы развития непосредственной демократии с учетом современных информационных технологий // Наука Красноярья. 2018. Т. 7 (№ 1). С. 7 – 21.
3. Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 269 – 285.
4. Атагимова Э.И., Рыбакова О.С. Информационная грамотность молодежи в системе мер противодействия идеологии терроризма и экстремизма в цифровом информационном пространстве // Мониторинг правоприменения. 2022. № 3. С. 29 – 37.
5. Глава ФСБ Бортников: украинские спецслужбы вербуют российскую молодежь для совершения терактов // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926814?ysclid=m6v3rybpwp59864847> (дата обращения: 07.03.2025)
6. Грязина А.С., Тимохина В.С. Мошенничество в отношении пенсионеров // Вестник Пензенского государственного университета. 2022. № 3. С. 81 – 84.
7. «Паника – цель наших врагов». В Петербурге пенсионеры устроили взрывы в отделениях банка // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2024/12/22/panika-tsel-nashih-vragov-v-peterburge-pensionery-ustroili-vzryvy-v-otdeleniyah-banka/?ysclid=m71m092hta791245654> (дата обращения: 07.02.2025)
8. Чечулина А.А. Цифровое правосудие как гарантия социальной справедливости: проблемы признания и перспективы развития // Правовое обеспечение социальной справедливости в условиях цифровизации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2020. С. 239 – 246.
9. Бересток Т.Б. Постановка проблемы информационно-психологической безопасности людей пожилого возраста // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 5. С. 102 – 106.
10. Чечулина А.А. Механизм защиты прав человека в Российской Федерации // Вестник Башкирского университета. 2002. № 2. С. 83 – 85.

References

1. Romanova N.P., Lavrik N.V. The Role of Civil Initiative in the Formation of Electronic Democracy. Bulletin of the Transbaikalian State University. 2016. Issue 2. P. 83 – 89.
2. Beidina T.E., Denisov Yu.V., Kukharsky A.N. Prospects for the Development of Direct Democracy Taking into Account Modern Information Technologies. Science of Krasnoyarsk. 2018. Vol. 7 (No. 1). P. 7 – 21.
3. Bronnikov I.A. Self-organization of Citizens in the Era of Digital Communications. Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 269–285.
4. Atagimova E.I., Rybakova O.S. Information Literacy of Young People in the System of Measures to Counter the Ideology of Terrorism and Extremism in the Digital Information Space. Monitoring Law Enforcement. 2022. No. 3. P. 29 – 37.
5. FSB Head Bortnikov: Ukrainian Special Services Recruit Russian Youth to Commit Terrorist Attacks. Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926814?ysclid=m6v3rybpwp59864847> (accessed: 07.03.2025)
6. Gryazina A.S., Timokhina V.S. Fraud against Pensioners. Bulletin of Penza State University. 2022. No. 3. P. 81 – 84.
7. “Panic is the Goal of Our Enemies.” In St. Petersburg, pensioners set off explosions in bank branches. Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2024/12/22/panika-tsel-nashih-vragov-v-peterburge-pensionery-ustroili-vzryvy-v-otdeleniyah-banka/?ysclid=m71m092hta791245654> (date of access: 07.02.2025)
8. Chechulina A.A. Digital justice as a guarantee of social justice: problems of recognition and development prospects. Legal support of social justice in the context of digitalization: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Moscow: Publishing house of Moscow Humanitarian University, 2020. P. 239 – 246.
9. Berestok T.B. Formulation of the problem of information and psychological security of elderly people. Scientific works of the Moscow Humanitarian University. 2020. No. 5. P. 102 – 106.
10. Chechulina A.A. Mechanism for the protection of human rights in the Russian Federation. Bulletin of the Bashkir University. 2002. No. 2. P. 83 – 85.

Информация об авторах

Чечулина А.А., кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой юридических дисциплин, SPIN-код: 6404-7820, Московский инновационный университет, chall1@yandex.ru

Манжетов А.А., аспирант, SPIN-код (5669-5876), Московский инновационный университет

© Чечулина А.А., Манжетов А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.97

Публично-правовая природа сопутствующих аудиту услуг как составной части аудиторской деятельности

^{1,2} Стрелкова Е.Б.,

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

² Центр профессиональной подготовки «СТЕК»

Аннотация: в статье исследуется правовая природа и сущность сопутствующих аудиту услуг, являющихся составной частью аудиторской деятельности. Актуальность темы обусловлена значительным потенциалом сопутствующих аудиту услуг в использовании их в рамках независимого финансового контроля публичной финансовой отчётности хозяйствующих субъектов, наряду с аудитом, при осуществлении аудиторскими организациями своих финансово-контрольных полномочий, реализуемых в целях защиты прав общества, государства и бизнеса на получение достоверной финансовой информации о хозяйственной деятельности отдельных, особо значимых для экономической системы страны частных субъектов.

В статье рассмотрены и проанализированы установленные законодательно случаи обязательных проверок финансовой отчётности отдельных хозяйствующих субъектов, проводимые в форме сопутствующих аудиту услуг. На основании проведенного исследования автор предлагает провести классификацию сопутствующих аудиту услуг на обязательные и инициативные, а также делается вывод о наличии публично-правовой составляющей в содержании обязательных сопутствующих аудиту услуг.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что данная работа одной из первых ставит вопрос об определении места сопутствующих аудиту услуг в российской правовой системе и обосновывает включение обязательных сопутствующих аудиту услуг в предмет публичного финансового права.

Ключевые слова: аудиторская деятельность, аудиторские услуги, аудит, сопутствующие аудиту услуги, обязательные сопутствующие аудиту услуги, финансовый контроль, аудиторский контроль

Для цитирования: Стрелкова Е.Б. Публично-правовая природа сопутствующих аудиту услуг как составной части аудиторской деятельности // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 195 – 202.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The public-law nature of audit-related services as an integral part of the audit activity

^{1,2} Strelkova E.B.,

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

² STEK Vocational Training Centre

Abstract: the article explores the legal nature and essence of audit-related services, which are an integral part of the audit activity. The relevance of the topic is conditioned by the significant potential of audit-related services in their use within the framework of independent financial control of public financial statements of business entities, along with the audit, in the exercise by audit firms of their financial and control powers, implemented in order to protect the rights of society, the state and business to obtain reliable financial information on the economic activities of certain private entities, especially significant for the economic system of the country.

The article considers and analyses the cases of mandatory checks of financial statements of certain economic entities established by law, conducted in the form of audit-related services. On the basis of the conducted research, the author proposes to classify the audit-related services into mandatory and initiative ones, and also concludes that there is a public-law component in the content of mandatory audit-related services.

Theoretical and practical significance of the research lies in the fact that this work is one of the first to raise the issue of determining the place of audit-related services in the Russian legal system and substantiates the inclusion of mandatory audit-related services in the subject of public financial law.

Keywords: *audit activity, audit services, audit, audit-related services, mandatory audit-related services, financial control, audit control*

For citation: Strelkova E.B. The public-law nature of audit-related services as an integral part of the audit activity. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 195 – 202.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Аудиторская деятельность состоит из двух равноценных частей - аудита и сопутствующих аудиту услуг. И если юридическая сущность института независимого аудита исследована в науке финансового права довольно полно и наличие его публично-правовой составляющей не вызывает сомнений в научном сообществе [1, 2], то правовая природа сопутствующих аудиту услуг на сегодняшний день недостаточно разработана в юридической науке, что связано, в том числе, и с тем, что содержание правовой категории сопутствующих аудиту услуг существенно менялось на протяжении всего времени становления и развития аудиторской деятельности в современной России. Понятие сопутствующих аудиту услуг в современном его значении было закреплено в российском законодательстве лишь в 2008 году, то есть на 15 лет позже статuirования правовой категории аудита в нормативных актах Российской Федерации [3].

Постоянное развитие и глобализация экономики предопределяет появление всё новых форм предпринимательства и государственно-частного партнерства, что имеет своим логичным следствием усложнение структуры финансово-правовых отношений, которые подчас уже не укладываются в известные, стандартные схемы экономической деятельности, что, в свою очередь, привело к появлению объективной потребности в поиске и применении новых институтов финансового контроля. Одним из таких институтов независимого финансового контроля, наряду с аудитом, на наших глазах, становится институт сопутствующих аудиту услуг.

Материалы и методы исследований

В основу настоящей работы положено действующее российское законодательство в области аудиторской деятельности, финансового контроля и финансовой отчетности, разъяснения Министерства финансов Российской Федерации, являющегося органом государственной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере аудиторской деятельности, труды отечественных правоведов, посвященные аудиторской деятельности, обязательному аудиту, представляющему собой независимый финансовый контроль, а также сопутствующим аудиту услугам. Методология работы базируется на положениях общенаучных и частнонаучных методах, таких как системный анализ, синтез, аналогия, сравнительно-правовой, формально-логический и индуктивный методы. Основным теоретическим методом является диалектический метод, позволивший объективно и всесторонне исследовать проблему правового регулирования сопутствующих аудиту услуг.

Результаты и обсуждения

Аудит, в зависимости от того является ли его проведение обязанностью или правом лица, дифференцируется на обязательный и инициативный.

В предмет публичного финансового права входит именно обязательный аудит, императив о проведении которого обусловлен его публичными целями независимого аудиторского контроля, выражающимися в защите такой охраняемой законом ценности, как право на получение достоверной информации неограниченным кругом лиц о финансовом положении отдельных особо значимых для устойчивого и поступательного развития рыночной экономики хозяйствующих субъектов, что является необходимым условием для обеспечения экономического суверенитета государства.

Но, обязательные аудиторские проверки не ограничиваются обязательным аудитом, законом закреплены и обязательные проверки финансовых отчетов и иной финансовой информации организаций, проводимые в

форме сопутствующих аудиту услуг, входящих, также, как и аудит, в сферу исключительной компетенции аудиторских организаций.

Так, согласно статьям 5 и 7 Федерального закона от 27.07.2010 № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности» обязательному аудиту подлежит не только годовая консолидированная финансовая отчетность (далее по тексту – КФО), но также обязательным аудиторским проверкам подлежит и промежуточная КФО за первое полугодие в отношении кредитных организаций и организаций, ценные бумаги которых допущены к организованным торгам, как субъектов информация о финансовой деятельности которых обладает особо высокой степенью общественной значимости в силу привлечения такими субъектами денежных средств неограниченного круга лиц.

Указанные обязательные проверки промежуточной КФО могут проводиться как в форме аудита, так в форме сопутствующей аудиту услуги [4] в виде обзорной проверки [5].

Проводить ли проверку промежуточной КФО в форме аудита или в форме сопутствующей аудиту услуги аудируемое лицо решает самостоятельно исходя из степени уверенности, которой оно хочет обладать по итогам проверки. Аудит даёт разумную степень уверенности, обзорная проверка – ограниченную.

Отметим, что сопутствующие аудиту услуги по степени уверенности дифференцируются на услуги, обеспечивающие разумную уверенность, ограниченную уверенность или не обеспечивающие уверенности [6], аудит же даёт разумную степень уверенности в проверяемой информации, которая в международных стандартах аудита (далее по тексту – МСА) также именуется высокой степенью уверенности [7].

Разумная уверенность позволяет аудитору сделать «позитивный» вывод о том, что проаудированная финансовая информация достоверно отражает финансовое положение аудируемого лица. В свою очередь, ограниченная уверенность, напротив, характеризуется «негативным» выводом аудитора о том, что им не найдено в проаудированной финансовой информации каких-либо факторов, свидетельствующих о недостоверности такой информации [8].

Как видим в отношении одного и того же предмета проверки – промежуточной КФО может быть проведён как обязательный аудит, так и обязательная обзорная проверка. Но очевидно, что оба эти вида обязательных аудиторских проверок проводятся для достижения одних и тех же публичных целей и задач, направленных на защиту охраняемых законом общесоциальных, общегосударственных ценностей. А демаркационная линия между данными видами проверок будет проходить лишь в степени уверенности в выводах аудитора и МСА, применяемых при проведении данных проверок.

В законодательстве Российской Федерации термин МСА применяется универсально, в расширительном значении, и охватывает как так называемые «трёхзначные» МСА, являющиеся международными стандартами проведения аудита, так и «четырёхзначные» МСА, являющиеся международными стандартами проведения сопутствующих аудиту услуг.

На сегодняшний день в аудиторском сообществе высказывается мнение о том, что обязательные обзорные проверки могли бы стать хорошей альтернативой обязательному аудиту для малого и среднего бизнеса в целях снижения его общей административной нагрузки [9, с. 136].

До недавнего времени рассмотренный нами пример обязательных сопутствующих аудиту услуг был единственным, а инициативные сопутствующие аудиту услуги являлись не очень востребованы среди бизнес-сообщества [10, с. 98], что могло быть причиной низкого интереса со стороны научного сообщества к данному правовому институту, но в 2025 году в законодательстве были закреплены новые виды обязательных сопутствующих аудиту услуг.

Так, с 01 марта 2025 года в форме сопутствующих аудиту услуг проводятся следующие обязательные аудиторские проверки [11], связанные с формированием, распределением, управлением и использованием доходов от целевых капиталов некоммерческих организаций (далее по тексту – НКО), установленные частью 2 статьи 7, частью 2.1 статьи 12, и пунктом 4 части 1 статьи 17 Федерального закона от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» (далее по тексту – Закон о ЦК НКО) [12]:

- Проверка порядка использования дохода от целевого капитала НКО его получателем, не являющемся собственником такого целевого капитала, если указанный доход превысил 5 млн рублей в год. Данная проверка проходит в форме оказания сопутствующей аудиту услуги в виде выполнения задания, обеспечивающего разумную уверенность, и проводится одновременно с аудитом годовой бухгалтерской отчетности указанного получателя дохода, для которого такой аудит является обязательным, по итогам которого выдаётся заключение, содержащее помимо мнения о достоверности отчетности, выраженного в результате проведения аудита, также мнение о соблюдении порядка использования дохода от целевого капитала, выраженное в результате проведения сопутствующей аудиту услуги.

До 01 марта 2025 года, указанные получатели доходы были обязаны проводить обязательный аудит годовой бухгалтерской отчетности, но лишь в части проверки использования получаемого дохода от целевого капитала.

Отметим, что подавляющее большинство научной и учебной литературы даёт краткое определение аудита как независимой проверки бухгалтерской (финансовой) отчетности в целях выражения мнения о её достоверности.

Между тем, согласно легальному определению аудита, закреплённому в части 3 статьи 1 Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (далее по тексту – Закон об аудиторской деятельности), термин аудит определяется существенно шире. Так, согласно законодательному определению предметом аудита может являться: 1) годовая бухгалтерская отчетность или её части; 2) годовой консолидированная финансовая отчетность или её части; 3) иные законодательно установленные виды финансовой отчетности или её части; 4) иная финансовая информация [13].

Исходя из указанного легального определения вычленим существенные отличия правовой природы аудита от сопутствующей аудиту услуги зачастую будет не так просто, как кажется на первый взгляд. В связи с чем, некоторые авторы рассматривают понятие аудита в узком и широком смыслах, где в узком смысле под аудитом понимают проверку финансовой отчетности, в широком смысле – проверку любого аспекта финансовой деятельности объекта контроля [14, с. 4];

- Проверка годового отчета о формировании и использовании целевого капитала НКО, являющегося собственником указанного целевого капитала, если его размер превышает 20 млн рублей. Данная проверка осуществляется также в форме оказания сопутствующей аудиту услуги в виде выполнения задания, обеспечивающего разумную уверенность, по итогам которого составляется заключение, содержащее мнение о достоверности указанного отчета.

Согласно части 6 статьи 6 редакции Закона о ЦК НКО, действовавшей до 01 марта 2025 года, указанные проверки проводились в форме обязательного аудита бухгалтерской отчетности НКО в части проверки формирования целевого капитала и использования дохода от него. Замена обязательного аудита на проведение обязательной сопутствующей аудиту услуги явилась снижением административной нагрузки на указанные НКО;

- Проверка отчета о деятельности управляющей компании по доверительному управлению целевым капиталом, размер которого превышает 45 млн рублей. Указанная проверка проходит в форме сопутствующей аудиту услуги, обеспечивающей ограниченную уверенность, в виде обзорной проверки отчетности, содержащей финансовую информацию, систематизированную по специальным правилам, с выдачей заключения содержащего мнение о соответствии указанного отчета правилам подготовки, описанным в нем.

Данная обязательная сопутствующая аудиту услуга также пришла на смену обязательному аудиту, который, согласно прежней редакции Закона о ЦК НКО, действовавшей до 01 марта 2025 года, были обязаны проводить управляющие компании в отношении своей годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности, в части связанной с доверительным управлением целевыми капиталами.

Как видим, в рассмотренных примерах до 01 марта 2025 года проводился обязательный аудит лишь части годовой бухгалтерской отчетности вышеуказанных лиц, связанной с формированием, управлением и использованием целевого капитала НКО. С 01 же марта 2025 года объект проверки поменялся на специальные финансовые отчеты о формировании, управлении и порядке использования целевого капитала НКО, поменялся и вид аудиторской услуги с аудита на сопутствующую аудиту услугу.

Но очевидно, что цели и задачи данных обязательных аудиторских проверок, как до, так и после 01 марта 2025 года, не изменились. Они остались публичными, направленными на защиту права неограниченного круга лиц, за счёт денежных средств которых формируются целевые капиталы НКО, на получение достоверной финансовой информации об использовании таких целевых капиталов.

Как видим, обязательные, установленные законом проверки финансовой информации организаций охватываются не только институтом аудита, но и институтом сопутствующих аудиту услуг, и оба вида таких обязательных аудиторских услуг направлены на достижение одних и тех же публичных целей и задач, заключающихся в удовлетворении потребностей общества и государства в достоверной финансовой информации о деятельности отдельных особо значимых для экономики хозяйствующих субъектов, реализация которых обеспечивается аудиторскими организациями, наделенными государством особыми полномочиями по независимому надзору за соблюдением законности формирования, распределения и использования децентрализованных бюджетов частных субъектов.

Данный вывод даёт основание прийти к следующему важному заключению о наличии применительно к сопутствующим аудиту услуг дифференциации, аналогичной дифференциации аудита, на обязательные (установленные законом) и инициативные (добровольные).

Дифференциацию сопутствующих аудиту услуг на обязательные и инициативные поддерживает и Минфин России, использующий в своих разъяснениях законодательства об аудиторской деятельности термин «обязательные аудиторские услуги», включающие в себя как обязательный аудит, так и обязательные сопутствующие аудиту услуги [11], имманентно присущие аудиту [15, с. 41].

Как справедливо отмечает М.В. Карасева, вся аудиторская деятельность в целом, включающая как аудит, так и сопутствующие аудиту услуги, заключается в обязательных проверках отчетности и документации публично-правового характера, а, следовательно, непосредственно сопутствует бюджетным, налоговым и иным финансовым правоотношениям [16], а защита охраняемых законом ценностей является главной целью аудиторской деятельности, ради достижения которой аудиторские организации были наделены государством исключительными полномочиями по выполнению функций финансового контроля в рамках гибридного государственно-частного механизма [17].

Профессор Н.А. Казакова также указывает, что общественная значимость присуща как аудиту, так и сопутствующим аудиту услугам, призванным обеспечить защиту интересов общества, государства и бизнеса при принятии ими решений на основании представляемой частными субъектами финансовой информации [18, с. 18-19].

Наличие публично-правового характер сопутствующих аудиту услуг нашло своё легальное признание государством в ходе масштабной реформы регулирования аудиторской деятельности, проведенной на основании Федерального закона от 2 июля 2021 года № 359-ФЗ [19], внесшего фундаментальные изменения в Закон об аудиторской деятельности.

Так, согласно статье 10.1 Закона об аудиторской деятельности, в редакции действовавшей до 01 января 2022 года, Федеральное казначейство осуществляло надзор за аудиторскими организациями, проводящими обязательный аудит в отношении лиц, перечисленных в части 3 статьи 5 указанного закона. Согласно же новой, вступившей в силу с 01 января 2022 года статье 10.2 Закона об аудиторской деятельности Федеральное казначейство осуществляет надзор за аудиторскими организациями, оказывающими аудиторские услуги, то есть как аудит, так и сопутствующие аудиту услуги, общественно значимым организациям, перечень которых установлен частью 1 статьи 5.1 указанного закона.

Указанные перечни общественно значимых организаций практически полностью совпадают по своему содержанию, между тем, как видим, существенно стали отличаться аудиторские услуги, оказание которых данным лицам является основанием для казначейского надзора над аудиторскими организациями их оказывающими. К таким услугам теперь относятся и сопутствующие аудиту услуги, что является объективным подтверждением их высокой и равноценной аудиту значимости для государства и экономики, в связи с чем они не могут не быть охвачены наряду с частным, также и публичным финансовым правом.

Как справедливо указывает профессор Е. М. Ашмарина вместе с развитием финансовой системы государства неизбежно расширяется и предмет финансового права, в том числе, за счёт возникновения новых финансово-контрольных отношений, возникающих в процессе надзора за законностью при функционировании децентрализованных фондов денежных средств [20, с. 83].

В свою очередь и профессор И.В. Бит-Шабо указывала на постоянное экономическое развитие Российской Федерации, как на детерминанту появления всё новых и новых подотраслей и институтов финансового права [21, с. 5].

В результате настоящего исследования мы видим, что обязательные сопутствующие аудиту услуги, выполняя те же публичные цели, задачи и функции, что и обязательный аудит, реализуются посредством финансовых правоотношений и регулируются нормами финансового права, а, следовательно, наряду с частноправовой, включают в себя и публично-правовую составляющую, аналогичную публично-правовой составляющей обязательного аудита, и, являясь частью независимого аудиторского финансового контроля, не могут не охватываться предметом публичного финансового права.

Выводы

Проведенное исследование позволило автору установить дифференциацию сопутствующих аудиту услуг на инициативные и обязательные, установленные законом и не зависящие от воли проверяемого лица. Последние, выступая в качестве самостоятельной правовой категории, своим целеполаганием аналогичны публичным целям аудита, заключающимся в обеспечении надзора за соблюдением законности в процессе финансовой деятельности частных субъектов, и направлены на решение тех же общесоциальных задач защиты такой охраняемой законом ценности, как право на достоверную информацию о финансовом

положении отдельных частных субъектов, что свидетельствует о наличии в них публично-правовой составляющей, аналогичной обязательному аудиту, и приводит нас к заключению об их регулировании нормами как частного, так и публичного финансового права.

Между тем, исходя из вышеуказанных целей и задач обязательных аудиторских услуг, которые являются публичными, их охранительной функции, выраженной в обеспечении охраны законности в процессе финансовой деятельности аудируемых лиц, ради осуществления которой и был создан данный институт частно-государственного партнерства в области финансового контроля, мы можем сделать вывод о превалировании норм публичного финансового права в регулировании обязательных аудиторских услуг, при этом, на наш взгляд, соглашаясь с профессором Э.Д. Соколовой [22, с. 17, 176-177], нормы частного права в регулировании обязательной аудиторской деятельности имеют лишь вспомогательное значение и предназначены для усиления эффективности ранее возникшего финансового правоотношения.

Список источников

1. Арзуманова Л.Л. Финансово-правовое регулирование обязательного аудита в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 196 с.
2. Анисифоров Т.С. Финансово-правовое регулирование института аудита в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 210 с.
3. Стрелкова Е.Б. Сравнительно-правовой анализ изменения содержания правовой категории «аудиторская деятельность» в российской правовой системе // Финансовое право. 2025. №1. С. 33 – 36.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности» // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4177.
5. Информационное сообщение Минфина России от 07.07.2016 № ИС-учет-6 «Новое в бухгалтерском законодательстве: факты и комментарии» // СПС «ГАРАНТ».
6. Приказ Минфина России от 09.03.2017 № 33н «Об определении видов аудиторских услуг, в том числе перечня сопутствующих аудиту услуг» // [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата размещения 11.05.2017).
7. МСА 200 «Основные цели независимого аудитора и проведение аудита в соответствии с Международными стандартами аудита», введен в действие Приказом Минфина России от 09.01.2019 №2н «О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов Министерства финансов Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата размещения 01.02.2019).
8. Лацинина Е.А. Уверенность в услугах аудитора // [Электронный ресурс]: Финансовые и бухгалтерские консультации (электронный журнал). 2018. № 2 (2018). URL: https://gaap.ru/articles/Uverennost_v_uslugakh_auditora/ (дата обращения: 14.03.2025)
9. Аганина Р.Н., Апресова Н.Г. Аудиторская деятельность: некоторые вопросы правоприменения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 12. С. 127 – 138.
10. Аганина Р.Н. Современное состояние рынка аудиторских услуг // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 8. С. 96 – 104.
11. Информационное сообщение Минфина России от 22.11.2024 № ИС-аудит-72 «Новое в аудиторском законодательстве: факты и комментарии» // СПС «ГАРАНТ».
12. Федеральный закон от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (часть I). Ст. 38.
13. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 05.01.2009. №1. Ст. 15.
14. Бадмахалгаев Л.Ц., Апушова Т.С., Кованова Е.С., Дедеева Р.Н., Дедеев А.И. Современное состояние аудита в системе финансового контроля [Электронный ресурс]: Российский экономический интернет-журнал. 2019. № 3. URL: https://www.e-rej.ru/Articles/2019/Badmahalgayev_Apushova_Kovanova_Dedeey.pdf (дата обращения: 12.12.2024)
15. Соболев О.С. Международные стандарты в сфере оказания сопутствующих аудиту услуг // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9. С. 41 – 47.
16. Карасева М.В. Правовые институты общей части науки финансового права: вопросы теории. Финансовое право. 2024. № 4 // СПС «Консультант Плюс».
17. Карасева М.В., Панина И.В. Институт обязательного аудита и его место в системе финансового права. Финансовое право. 2024. № 8 // СПС «Консультант Плюс».

18. Казакова Н.А. Институциональный аспект раскрытия ключевых вопросов аудита в аудиторском заключении // Аудитор. 2022. №4. С. 18 – 23.
19. Федеральный закон от 02.07.2021 № 359-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть I). Ст. 5187.
20. Ашмарина Е.М. К вопросу об объёме финансово-правового регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 4. С. 80 – 84.
21. Бит-Шабо И.В. Концептуальные проблемы финансово-правового регулирования деятельности государственных социальных внебюджетных фондов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 54 с.
22. Соколова Э.Д. Теоретические аспекты правового регулирования финансовой деятельности государства и муниципальных образований: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 401 с.

References

1. Arzumanova L.L. Financial and legal regulation of statutory audit in the Russian Federation: dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2006. 196 p.
2. Anisiforov T.S. Financial and legal regulation of the audit institution in the Russian Federation: dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2020. 210 p.
3. Strelkova E.B. Comparative legal analysis of changes in the content of the legal category "audit activity" in the Russian legal system. Financial Law. 2025. No. 1. P. 33 – 36.
4. Federal Law of July 27, 2010 No. 208-FZ "On Consolidated Financial Statements". Collected Legislation of the Russian Federation. August 2, 2010. No. 31. Art. 4177.
5. Information message of the Ministry of Finance of Russia dated 07.07.2016 No. IS-uchet-6 "New in accounting legislation: facts and comments". SPS "GARANT".
6. Order of the Ministry of Finance of Russia dated 09.03.2017 No. 33n "On determining the types of audit services, including the list of audit-related services". [Electronic resource]: Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of posting 11.05.2017).
7. ISA 200 "The Main Objectives of the Independent Auditor and Conducting an Audit in Accordance with International Standards on Auditing", put into effect by the Order of the Ministry of Finance of Russia dated 09.01.2019 No. 2n "On the introduction of international auditing standards in the territory of the Russian Federation and on recognizing as invalid certain orders of the Ministry of Finance of the Russian Federation". [Electronic resource]: Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date posted 01.02.2019).
8. Lashchinina E.A. Confidence in auditor services. [Electronic resource]: Financial and accounting consultations (electronic journal). 2018. No. 2 (2018). URL: https://gaap.ru/articles/Uverenost_v_uslugakh_auditora/ (date accessed: 14.03.2025)
9. Aganina R.N., Apresova N.G. Audit activity: some issues of law enforcement. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2022. No. 12. pp. 127 - 138.
10. Aganina R.N. Current state of the audit services market. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2023. No. 8. P. 96 – 104.
11. Information message of the Ministry of Finance of Russia dated 22.11.2024 No. IS-audit-72 "New in auditing legislation: facts and comments". SPS "GARANT".
12. Federal Law of 30.12.2006 No. 275-FZ "On the Procedure for Formation and Use of Endowment Capital of Non-Commercial Organizations". Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.01.2007. No. 1 (Part I). Art. 38.
13. Federal Law of 30.12.2008 No. 307-FZ "On Auditing Activity". Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.01.2009. No. 1. Art. 15.
14. Badmahalgaev L.Ts., Apushova T.S., Kovanova E.S., Dedeeva R.N., Dedeev A.I. Current State of Auditing in the Financial Control System [Electronic resource]: Russian Economic Internet Journal. 2019. No. 3. URL: https://www.e-rej.ru/Articles/2019/Badmahalgaev_Apushova_Kovanova_Dedeev.pdf (date of access: 12.12.2024)
15. Sobol O.S. International standards in the field of provision of audit-related services. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2021. No. 9. P. 41 – 47.
16. Karaseva M.V. Legal institutions of the general part of the science of financial law: theoretical issues. Financial law. 2024. No. 4. SPS "Consultant Plus".
17. Karaseva M.V., Panina I.V. The institute of mandatory audit and its place in the financial law system. Financial law. 2024. No. 8. SPS "Consultant Plus".

18. Kazakova N.A. Institutional aspect of disclosure of key audit issues in the auditor's report. Auditor. 2022. No. 4. P. 18 – 23.
19. Federal Law of 02.07.2021 No. 359-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing as Invalid Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 05.07.2021. No. 27 (Part I). Art. 5187.
20. Ashmarina E.M. On the Issue of the Volume of Financial and Legal Regulation. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2014. No. 4. P. 80 – 84.
21. Bit-Shabo I.V. Conceptual problems of financial and legal regulation of the activities of state social extra-budgetary funds: author's abstract. dis. ... doctor of law. Saratov, 2015. 54 p.
22. Sokolova E.D. Theoretical aspects of legal regulation of financial activities of the state and municipalities: dis. ... doctor of law. Moscow, 2008. 401 p.

Информация об авторе

Стрелкова Е.Б., соискатель кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); преподаватель, Центр профессиональной подготовки «СТЕК», начальник юридического отдела «СТЕК-консалтинг» (ООО)

© Стрелкова Е.Б., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)

УДК 341.638

Толкование презумпции небеспристрастности арбитров из юрисдикций, признанных «недружественными»

¹ Никулина С.Ю.,

¹ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: настоящее исследование посвящено анализу подхода Верховного Суда РФ к оценке беспристрастности арбитров, связанных с юрисдикциями, признанными «недружественными», в контексте сформулированной в деле FOSFA презумпции отсутствия у них объективности. Цель работы заключается в комплексном изучении толкования и практического применения данной презумпции, а также в оценке ее влияния на международный коммерческий арбитраж. В ходе исследования решаются следующие задачи: анализ обстоятельств и правовой позиции Верховного Суда РФ по делу FOSFA; сопоставление этого подхода с предшествующей судебной практикой; определение юридической природы и оснований презумпции отсутствия беспристрастности; оценка возможных последствий данной позиции для дальнейшей арбитражной практики; а также разработка сбалансированной интерпретации установленной презумпции. Особое внимание уделяется вопросу о том, как гражданство или территориальная принадлежность арбитра к «недружественной» юрисдикции влияет на восприятие его нейтральности, и каким правовым и этическим вызовам это приводит в условиях современных геополитических реалий. Результаты исследования позволяют лучше понять эволюцию критериев беспристрастности арбитров в российской правовой системе и ее соответствие международным стандартам арбитража.

Ключевые слова: беспристрастность, предвзятость, арбитр, суд, спор, сторона

Для цитирования: Никулина С.Ю. Толкование презумпции небеспристрастности арбитров из юрисдикций, признанных «недружественными» // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 203 – 208.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Interpretation of the presumption of impartiality of arbitrators from “unfriendly” jurisdictions

¹ Nikulina S.Yu.,

¹ National Research University Higher School of Economics

Abstract: this study examines the approach adopted by the Supreme Court of the Russian Federation in evaluating the impartiality of arbitrators affiliated with jurisdictions deemed “unfriendly,” particularly focusing on the presumption of their lack of objectivity established in the FOSFA case. The research aims to conduct a comprehensive analysis of the interpretation and practical application of this presumption, while assessing its impact on international commercial arbitration. The study pursues the following objectives: analyzing the factual background and legal reasoning of the Supreme Court's decision in the FOSFA case; comparing this judicial approach with prior case law; examining the legal nature and foundations of the presumption of impartiality absence; evaluating potential consequences of this legal position for future arbitration practice; developing a balanced interpretation of the established presumption. Special emphasis is placed on how an arbitrator's nationality or affiliation with an “unfriendly” jurisdiction affects perceptions of their neutrality, and what legal and ethical challenges this creates within contemporary geopolitical realities. The research findings will enhance understanding of the evolving

standards for arbitrator impartiality within the Russian legal framework and their alignment with international arbitration norms. The investigation employs comparative legal methodology and case analysis to provide systematic examination of this significant development in arbitration jurisprudence.

Keywords: *impartiality, bias, arbitrator, court, dispute, party*

For citation: Nikulina S.Yu. Interpretation of the presumption of impartiality of arbitrators from “unfriendly” jurisdictions. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 203 – 208.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Международный коммерческий арбитраж имеет ряд специфических черт, которые способствуют его широкому признанию в качестве авторитетного механизма урегулирования конфликтов. Ключевым аспектом здесь выступает принцип беспристрастности арбитров, он гарантирует объективность процесса и повышает уровень доверия к выносимым решениям. Теория международного арбитража акцентирует важность взаимного доверия между сторонами и арбитрами: участники спора добровольно выбирают конкретных арбитров, полагаясь на их профессиональную компетентность и репутацию.

Тем не менее, на фоне растущей политической напряженности и всеобщей доступности информации публичные заявления арбитров все чаще становятся поводом для сомнений в их беспристрастности и, как результат, приводят к их отводу, оспариванию вынесенного ими решения или отказу в приведении в исполнение такого решения.

Особую актуальность эта тема получила в свете последних мировых тенденций: распространение санкций, экономическая нестабильность и процессы деглобализации превратили политические взгляды арбитров в значимый критерий оценки их беспристрастности, породив новые дискуссии в доктрине и практике.

В доктрине «беспристрастность арбитра» определяется как отсутствие субъективного и заранее сформированного отношения к предмету или сторонам спора [12]. Однако в современном мире, где политическая напряженность и многочисленные санкционные режимы оказывают значительное влияние на международные отношения, этот принцип сталкивается с серьезными вызовами. Особенно остро стоит вопрос о том, может ли гражданство или место происхождения арбитра из юрисдикции, признанной «недружественной» [1-3], вызывать сомнения в его беспристрастности.

Эта проблема нашла отражение в практике российских судов, в частности в деле о признании и исполнении решения арбитража FOSFA (далее – «дело FOSFA»), которое рассматривалось Верховным Судом РФ [5].

В данном эссе будет проанализирован подход Верховного Суда РФ к данной проблеме, а также рассмотрены правовые и практические аспекты толкования презумпции беспристрастности арбитров из юрисдикций, признанных «недружественными».

Целью данного исследования является анализ толкования и применения презумпции отсутствия беспристрастности и объективности арбитров из юрисдикций, признанных «недружественными», сформулированной Верховным Судом РФ в деле FOSFA.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

проанализировать обстоятельства и правовую позицию по делу FOSFA, рассмотренному Верховным Судом РФ;

сравнить подходы Верховного Суда РФ с предыдущей судебной практикой;

выявить природу и правовые основы презумпции отсутствия беспристрастности арбитров;

оценить влияние подхода Верховного Суда РФ на дальнейшую судебную практику;

сформулировать сбалансированное толкование установленной Верховным Судом РФ презумпции.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: функциональный, логический методы, метод обобщения, дедукции, индукции, синтеза, кейс-анализ, а также прогностический метод.

Эмпирическая база исследования: нормативные правовые акты, судебные акты, правовая литература.

Результаты и обсуждения

26 июля 2024 года в рамках дела № А45-19015/2023 Верховный Суд РФ отменил акты нижестоящих судов о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, вынесенного составом арбитража Федерации ассоциаций торговли масличными культурами, семенами и жирами (FOSFA). На

данный момент производство по делу № А45-19015/2023 прекращено в связи с отказом Thywissen GmbH от иска.

Спор возник между немецкой компанией Thywissen GmbH и АО «Новосибирскхлебопродукт» в связи с неисполнением последним обязательств по договорам поставки. Договоры поставки регулировались правом Великобритании. В договорах поставки содержалось арбитражное соглашение, в соответствии с которым все споры, связанные с договорами поставки, должны разрешаться в арбитраже FOSFA, с местом арбитража в Лондоне. На основании неисполнения АО «Новосибирскхлебопродукт» обязательств по договорам Thywissen GmbH инициировало арбитражное разбирательство. При этом важно отметить, что спор не был связан с санкциями.

АО «Новосибирскхлебопродукт» не воспользовалось своим правом предложить кандидатуру одного из боковых арбитров, поэтому Thywissen GmbH предложила кандидатуру бокового арбитра со своей стороны и попросило FOSFA назначить второго арбитра. В декабре 2021 года FOSFA назначил второго арбитра со стороны АО «Новосибирскхлебопродукт» – гражданку Украины. В итоге состав арбитров по настоящему спору был сформирован следующим образом: гражданка Украины, гражданин Великобритании и гражданин Дании.

16 ноября 2022 года состав арбитража FOSFA вынес арбитражное решение в пользу Thywissen GmbH, обязав АО «Новосибирскхлебопродукт» возместить немецкой компании убытки в размере 600 000 долларов США. В связи с тем, что АО «Новосибирскхлебопродукт» не исполнило арбитражное решение добровольно, Thywissen GmbH обратилось в Арбитражный суд Новосибирской области с заявлением о его признании и приведении в исполнение на территории Российской Федерации.

30 августа 2023 года Арбитражный суд Новосибирской области удовлетворил заявление о признании и приведении в исполнение арбитражного решения. 14 декабря 2023 года Арбитражный суд Западно-Сибирского округа оставил определение в силе.

Отменяя акты нижестоящих судов, Верховный Суд РФ закрепил новую «презумпцию пристрастности» состава арбитража: отсутствие беспристрастности и объективности арбитров из юрисдикций, признанных «недружественными», *«презюмируется, пока нет данных, указывающих обратное»* [5].

Презумпция, сформулированная таким образом, обязывает другую сторону доказывать отрицательные факты, в частности беспристрастность и независимость. Принимая во внимание тот факт, что доказать отрицательный факт практически невозможно [11], установленная Верховным Судом РФ опровержимая презумпция пристрастности арбитров из «недружественных» юрисдикций на практике может превратиться в неопровержимую, что несет высокие риски для признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений [14].

Так, в российской судебной практике характер неопровержимой приняла на себя в 2021 году презумпция, сформулированная Верховным Судом РФ в другом знаменитом деле № А60-36897/2020 (Уралтрансмаш против Песа).

В определении от 9 декабря 2021 года по этому делу Верховный Суд РФ отметил: *«сам по себе факт введения в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, мер ограничительного характера, предполагается достаточным для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию»* [6].

В литературе высказывалась надежда на опровержимость данной презумпции, целью которой является перенос бремени доказывания с подсанкционной стороны на оппонента [13]. Однако вслед за практикой нижестоящих судов [7, 9] Верховный Суд РФ определением от 28 ноября 2024 года по делу № А40-214726/2023 фактически превратил эту презумпцию в неопровержимую [4].

Такой подход Верховного Суда РФ существенно нарушает принцип состязательности процесса: презумпция, которую сформулировал Верховный Суд РФ как в деле FOSFA, так и в деле Уралтрансмаш против Песа, должна иметь исключительно процессуальный эффект, но не должна лишать сторону возможности возразить по существу спора.

При этом, следует обратить внимание на формулировку, которую использует Верховный Суд РФ в деле FOSFA: *«отсутствие беспристрастности и объективности при рассмотрении настоящего дела в Арбитраже FOSFA таким составом судей презюмируется, пока нет данных, указывающих обратное»*. Применение Верховным Судом РФ данной формулировки позволяет интерпретировать установленную им презумпцию как переносящую бремя доказывания беспристрастности только в тех случаях, когда вся панель арбитров являются гражданами государств, признанных «недружественными» по отношению к России.

Иное толкование, которое допускает вывод о нарушении принципа беспристрастности только в связи с «недружественной» национальностью хотя бы одного из арбитров, является дискриминирующим и противоречит статьям 11 Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и Закона РФ от 7 июля 1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», а также ст. 11 Типового закона ЮНСИТРАЛ, которые запрещают ставить в зависимость от гражданства или национальности возможность выполнения арбитром своей работы [14].

Более того, важно отметить, что потенциальная беспристрастность состава арбитража была лишь одним из четырех оснований для отмены Верховным Судом РФ актов нижестоящих судов.

Во-первых, суд указал на нарушение такого элемента публичного порядка как принцип законности: немецкая компания не привела доказательств заключения замещающей сделки и несения убытков вообще. Более того, нижестоящие суды не проверили принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности.

Во-вторых, суды не учли публичной значимости российской компании.

В-третьих, суды не дали оценку доводам российской компании и нарушению права на защиту: решение не было отправлено российской стороне, соответственно не было возможности оспорить его.

Анализ правильности и обоснованности этих оснований не входили в объем данного исследования. Однако я обращаю внимание на то, что потенциальная беспристрастность состава арбитража была лишь одним из четырех оснований для отмены судебных актов.

Еще одним аргументом в пользу «мягкого» толкования презумпции, сформулированной Верховным Судом РФ, может являться судебная практика нижестоящих судов, появившаяся после публикации полного текста судебного акта по делу FOSFA.

Так, в деле № А40-46865/2024 рассматривался вопрос о включении в реестр требований кредиторов НАО «Гранд Экспресс» требования Беларуси в лице Министерства юстиции Республики Беларусь, основанного на решении арбитражного трибунала в рамках арбитражного разбирательства в соответствии с Арбитражными правилами дополнительной процедуры Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (ICSID Additional Facility Arbitration Rules 2006) (Дополнительные правила МЦУИС).

НАО «Гранд Экспресс» возражало против включения данного требования в реестр на основании того, что страны, гражданами которых являются арбитры, вынесшие решение, являются «недружественными» по отношению к Российской Федерации (Болгария, Канада и Швейцария).

Однако арбитражный суд отказался автоматически применить презумпцию, установленную Верховным Судом РФ по делу FOSFA, и отметил отсутствие беспристрастности и объективности при рассмотрении дела МЦУИС как в отношении должника, зарегистрированного в России, так и в отношении Республики Беларусь [10]. Таким образом, суд сделал вывод об отсутствии нарушения принципа беспристрастности с учетом равного положения сторон [10]. Арбитражный суд, проанализировав детали конкретного дела, доказательно опроверг презумпцию Верховного Суда РФ, что оставляет надежду на дальнейшее развитие практики в таком же ключе.

Выводы

В заключение хочется отметить, что новый подход Верховного Суда является логичным продолжением протекционной политики защиты российских лиц в эпоху повсеместных санкций и направлен на преодоление диспаритета в отношениях сторон, который может образоваться в результате действия иностранных санкций [15]. При этом «мягкое» толкование позиции Верховного Суда РФ по делу FOSFA является наиболее сбалансированным для обеих сторон. В противном случае любая российская сторона получит ничем не ограниченный инструмент для противодействия признанию и приведению в исполнение иностранных арбитражных и судебных решений, вынесенных против нее. При этом такой подход навряд ли пойдет на пользу российским сторонам, так как при «жестком» толковании данной презумпции у российских сторон останется чрезвычайно ограниченный выбор арбитров и, как следствие, возможность качественного и справедливого разрешения дела компетентными специалистами.

Список источников

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц».
2. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувшим к ним иностранных государств и международных организаций».

3. Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами».
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.11.2024 № 305-ЭС24-13398 по делу № А40-214726/2023.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.07.2024 по делу № А45-19015/2023.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 309-ЭС21-6955 (1-3) от 09.12.2021 по делу № А60-36897/2020.
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.12.2024 по делу № А56-22026/2023.
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.07.2024 № Ф09-3294/24 по делу № А60-41502/2023.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.06.2024 по делу № А40-121033/2023.
10. Определение Арбитражного суда города Москвы от 05.11.2024 по делу № А40-46865/2024.
11. Особое мнение судьи Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Павловой Натальи Владимировны к Постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.01.2013 по делу № А51-15943/2011 // СПС «Консультант Плюс».
12. Fouchard P., Goldman B. Fouchard, Gaillard, Goldman on International Commercial Arbitration / ed. by Gaillard E., Savage J. The Hague: Kluwer Law International, 1999. 1280 p.
13. Вунукайнен В.С. Исключительная компетенция российских судов по санкционным спорам: падающего толкни? // Новые горизонты международного арбитража. Выпуск 7: Сборник статей / Отв. ред.: Мулина Ю.Н. Москва: Российский институт современного арбитража. 2022. С. 77-115.
14. Купцов Д.А., Очирова С.Б. Нейтральность арбитров в санкционных спорах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 2. С. 100-120.
15. Очирова С.Б., Старженецкий В.В. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. 2020. № 4. С. 144 – 167.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation dated 05.03.2022 No. 430-r "On approval of the list of foreign states and territories committing unfriendly actions towards the Russian Federation, Russian legal entities and individuals".
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 28.02.2022 No. 79 "On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign states and international organizations that have joined them".
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.03.2022 No. 95 "On the temporary procedure for fulfilling obligations to certain foreign creditors".
4. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.11.2024 No. 305-ES24-13398 in case No. A40-214726/2023.
5. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.07.2024 in case No. A45-19015/2023.
6. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 309-ES21-6955 (1-3) dated 09.12.2021 in case No. A60-36897/2020.
7. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District dated 02.12.2024 in case No. A56-22026/2023.
8. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 03.07.2024 No. F09-3294/24 in case No. A60-41502/2023.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 03.06.2024 in case No. A40-121033/2023.
10. Determination of the Arbitration Court of the City of Moscow dated 05.11.2024 in case No. A40-46865/2024.
11. Dissenting opinion of the judge of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation Natalia Vladimirovna Pavlova to the Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 29.01.2013 in case No. A51-15943/2011. SPS "Consultant Plus".
12. Fouchard P., Goldman B. Fouchard, Gaillard, Goldman on International Commercial Arbitration. ed. by Gaillard E., Savage J. The Hague: Kluwer Law International, 1999. 1280 p.

13. Vunukainen V.S. Exclusive competence of Russian courts in sanctions disputes: push the falling one? New horizons of international arbitration. Issue 7: Collection of articles. Ed.: Mullina Yu.N. Moscow: Russian Institute of Modern Arbitration. 2022. P. 77 – 115.

14. Kuptsov D.A., Ochirova S.B. Neutrality of arbitrators in sanctions disputes. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2025. No. 2. P. 100 – 120.

15. Ochirova S.B., Starzhenetsky V.V. The impact of sanctions on the resolution of foreign economic disputes: maintaining the status quo or searching for alternative jurisdictions? International justice. 2020. No. 4. P. 144 – 167.

Информация об авторе

Никулина С.Ю., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
nikulinasofa2001@gmail.com

© Никулина С.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 47.963(075.32)

Некоторые аспекты взаимодействия военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры

¹ Квициния Д.А.,

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: данная работа ориентирована на изучение процесса взаимодействия военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры, конкретизации основных направлений работы и дифференциации основных функций. Автор исследует особенности совместной деятельности, обусловленные военной спецификой, а также территориальной организацией деятельности органов прокуратуры.

Целью работы является конкретизация взаимодействия военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры, объектом – система взаимодействия военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры, предметом определена особенность взаимодействия указанных субъектов. Раскрывается структура органов военной прокуратуры и полномочия в конкретных ситуациях предотвращения преступлений и борьбы с ними. Автор конкретизирует контрольные и надзорные функции органов военной прокуратуры и необходимость участия в их осуществлении органов территориальной прокуратуры.

В публикации определяется содержание совместной деятельности прокуратуры различных уровней и направленности, актуализируются проблемы, которые возникают в ходе работы. Анализируется разграничение полномочий между военной и территориальной прокуратурой, обосновывается необходимость интеграции деятельности данных органов в сфере контроля и надзора за предупреждением и борьбой с преступностью.

Ключевые слова: военная прокуратура, территориальные органы прокуратуры, воинская часть, межведомственная рабочая группа, оборонно-промышленный комплекс, борьба с преступностью, координация деятельности

Для цитирования: Квициния Д.А. Некоторые аспекты взаимодействия военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 209 – 214.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Some aspects of interaction between the military prosecutor's office and territorial prosecutor's office bodies

¹ Kvitsiniya D.A.,

¹ Federal State University of Education

Abstract: this work is focused on studying the process of interaction between the military prosecutor's office and territorial prosecutor's office bodies, specifying the main areas of work, and differentiating the main functions. The author explores the specific features of joint activities, which are determined by the military specifics and the territorial organization of the prosecutor's office bodies.

The purpose of the work is to specify the interaction between the military prosecutor's office and the territorial prosecutor's office, the object is the system of interaction between the military prosecutor's office and the territorial prosecutor's office, and the subject is the specific features of the interaction between these entities. The article re-

veals the structure of the military prosecutor's office and its powers in specific situations related to the prevention and combat of crimes. The author also discusses the control and supervisory functions of the military prosecutor's office and the need for the territorial prosecutor's office to participate in their implementation.

The publication specifies the content of the joint activities of the prosecutor's office at various levels and focuses, and highlights the problems that arise during the work. It analyzes the delineation of powers between the military and territorial prosecutor's offices, and substantiates the need for integration of their activities in the field of control and supervision over the prevention and fight against crime.

Keywords: military prosecutor's office, territorial prosecutor's office, military unit, interdepartmental working group, defense industry complex, fight against crime, coordination of activities

For citation: Kvitsiniya D.A. Some aspects of interaction between the military prosecutor's office and territorial prosecutor's office bodies. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 209 – 214.

The article was submitted: April 19, 2025; Approved after reviewing: June 17, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Динамика изменения современного российского общества обуславливает изменение не только экономики и политики, но и отношения социума к различным проблемам, выработку новых способов их разрешения. Изменения затрагивают все сферы жизнедеятельности, в том числе, и правоотношения, новые формы которых возникают очень быстро и не всегда успевают получить отражение в нормативно-правовой базе.

Поэтому в нынешнем российском законодательстве можно найти довольно большое количество пробелов - общественных отношений, нуждающихся в правовой регламентации, вопросов, которые уже стоят на законодательной платформе, но требуют дополнительной разработки законодателем. Особого внимания заслуживает деятельность, касающаяся контроля и надзора за исполнением законодательства, а также функционирования соответствующих уполномоченных органов. Специфика работы таких надзорных ведомств как прокуратура обусловлена еще и тем, что она имеет свои структурные подразделения как по уровням (территориальная, региональная, федеральная), так и по специализации (военная, транспортная, природоохранная и пр.).

Говоря о единстве задач и целей и военной, и общей прокуратуры, важно подчеркнуть, что укрепление законности и правопорядка, борьба с преступностью – являются едиными задачами для всех правоохранительных органов. Выполнение этих задач складывается из ряда последовательно решаемых этапов, более конкретизированных по своему содержанию.

Тема нашей работы посвящена взаимодействию военной и территориальной прокуратуры и основным вопросам, которые решаются в подобной деятельности. Ориентируясь на понятие «взаимодействие», нам необходимо определить общие цели, задачи, а также проблемы, которые решаются в его ходе, а также результативность такой работы.

Целью исследования является конкретизация взаимодействия военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры, объектом – система взаимодействия военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры, предметом определена особенность взаимодействия указанных субъектов.

Для того, чтобы достичь цели, мы поставили несколько исследовательских задач:

1. Конкретизировать содержание деятельности военной прокуратуры в РФ и нормативно-правовой базы, которая ее регулирует;
2. Определить направления совместной деятельности военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры;
3. Проанализировать значимость подобного взаимодействия в контексте современных изменений общества.

Материалы и методы исследований

В нашей работе мы использовали теоретико-методологический анализ публикаций современных авторов, которые отражают изучение особенностей работы военной прокуратуры (М.А. Пракин), специфику деятельности военной прокуратуры (А.А. Талашко, М.Б. Южаков), а также особенности их взаимодействия (Ю.А. Петренко, С.Н. Смеянов). Сопоставление различных точек зрения авторов из выше обозначенных публикаций позволяет сделать собственные выводы в отношении данного вопроса.

Также в исследовании актуален формально-юридический метод при работе с нормативно-правовой базой (Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 г. № 567 «О координации деятельности право-

охранительных органов по борьбе с преступностью», Приказ Генпрокуратуры России от 07.05.2008 N 84 "О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур" и пр.)

Результаты и обсуждения

Деятельность военной прокуратуры в РФ

В соответствии со ст. 1. ФЗ «О прокуратуре РФ» прокуратура является централизованной системой органов и структурных подразделений, целью деятельности которых является обеспечение законности, предотвращение и борьба с преступлениями, сохранение национальной безопасности государства. В связи с этим логично, что наряду с прокуратурой общей юрисдикции функционирует ряд специализированных, в том числе, военной, функций и деятельность которых не зависят от административно- территориального деления государства.

Такие авторы как М.А. Пракин [4] и М.Б. Южаков [7] говорят о том, что общими целями во всех структурных подразделениях прокуратуры и в ее отраслевых ведомствах является надзор за реализацией законодательства и предотвращение преступлений в различных отраслях жизнедеятельности. Однако, Пракин подчеркивает, что сложный иерархичный характер взаимодействий в системе прокуратуры обуславливает необходимость разграничения ее полномочий в природоохранной, транспортной, военной и иных областях. Военная прокуратура создается и функционирует по принципу, отличному от того, который присущ территориальным органам прокуратуры – отраслевому, т.к. более узкая отраслевая направленность подразумевает иные компетенцию и полномочия, нежели у прокуратуры различных уровней общей направленности.

К примеру, Ю.А. Петренко и С.Н. Смеянов [3] конкретизируют полномочия, которые присущи лишь представителям военной прокуратуры:

- вход на территорию воинской части, гарнизона, оборонно- промышленного предприятия, работающего с госзаказом Минобороны РФ в любое время при предъявлении соответствующих документов;
- получение доступа к материалам и сведениям, которые относятся к военной сфере, национальной безопасности либо составляют государственную тайну;
- возможность привлечения необходимых специалистов на территории воинской части для проверки либо предотвращения фактов нарушения законодательства;
- проведение общих и ревизионных проверок воинских частей;
- вызовы должностных лиц воинских частей в прокуратуру для дачи объяснений по вопросам проверки.

Подобные действия не могут совершаться работниками территориальных органов прокуратуры, а находятся в компетенции военной прокуратуры.

Кроме того, только военная прокуратура осуществляет надзор за соблюдением прав военнослужащих, рассматривает дела, связанные с разглашением государственной тайны, передачей стратегически важных сведений, нарушением условий договора по выполнению оборонного заказа Министерства обороны РФ.

Говоря о специфике военной прокуратуры, конечно же, нельзя не упомянуть о ее совместной деятельности с иными подразделениями. В тему нашего исследования включено взаимодействие территориальной и военной прокуратуры, однако данное понятие требует более детального пояснения. Несмотря на то, что одним из важнейших направлений деятельности прокуратуры РФ является работа военной прокуратуры, важно учесть мнение В. Бессарабова, отмеченного в работе М.Б. Южакова [9, с. 13], который говорит о том, что отношения территориальной и военной прокуратуры скорее характеризуются как «влияние», а не как взаимодействие или совместные надзорные действия. Именно поэтому важно определить специфику военной прокуратуры как субъекта, который не дублирует, а дополняет реализацию надзорных функций. Это обусловлено тем, что на объекты оборонно- промышленного комплекса, воинские части, их структурные подразделения полная юрисдикция не распространяется. И термин «взаимодействие» более чем уместен, т.к. по субординации нет подчинения между территориальной и военной прокуратурой, а есть общие цели и задачи деятельности как на конкретных объектах, так и на территории государства в целом.

В ФЗ «О прокуратуре» от 17.01.1992 N 2202-1 [9] нет понятия «взаимодействие». Там конкретизирована координация, которая обусловлена актуальностью борьбы с преступностью и обеспечением государственной безопасности. При этом в Приказе Генпрокуратуры России от 07.05.2008 N 84 также подобное взаимодействие определяется общими целями для территориальных и специализированных, в том числе, военной, прокуратур и в отдельный раздел не выделено.

Опираясь на данное противоречие, мы предлагаем конкретизировать понятие и содержание взаимодействия военной и территориальной прокуратуры как на концептуальном (в разработке механизма и функций взаимодействия), так и на законодательном уровне (с внесением изменений и дополнений в действующие нормативные акты).

Направления совместной деятельности военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры

Проанализировав работы некоторых авторов [2, 4, 5], мы можем выделить следующие направления взаимодействия военной прокуратуры с территориальными органами прокуратуры:

-проведение совместных проверок по надзору над реализацией нормативно- правовой базы в деятельности оборонно- промышленного комплекса. Как отмечает П.Н. Кузнецов [1] такая задача является одной из важнейших в контексте современной геополитической обстановки, угроз и вызовов, с которыми сталкивается РФ. Территориальные и военные прокуратуры участвуют в мероприятиях, не только непосредственно направленных на проверку выполнения государственного оборонного заказа, его объёмов, качества реализованной продукции. Но также их объединяют совместные круглые столы, конференции, совещания, на которых обозначаются проблемы, наиболее актуальные задачи и вопросы, связанные с обеспечением обороноспособности российского государства. В данном направлении, как отмечает Кузнецов и др. [2] актуализируется проблематика недостаточной эффективности подобных проверок, отражения в докладных записках не всех выявленных нарушений и противоречий. Вследствие этого задания, которые относятся к ведению военной прокуратуры, направляются Генеральной прокуратурой РФ в ее территориальные органы, где не могут быть своевременно и полноценно использованы. Это связано с рядом факторов: во-первых, с отсутствием доступа к секретным сведениям и объектам, который не всегда открыт работникам территориальных органов прокуратуры, во-вторых для допуска на специальные объекты, предприятия необходимо оформить пропуск, что также требует определенного времени и процедуры. В-третьих, актуализирована проблема запроса информации у основных исполнителей государственных контрактов по государственно-му оборонному заказу, Минобороны РФ.

Кроме того, зачастую не совпадает расположение военного объекта либо предприятия, военной прокуратуры с административно- территориальным делением РФ. И вследствие этого возникает ситуация, когда необходимо провести контрольно- надзорные мероприятия на территории, неподведомственной военной прокуратуре или на объектах, которые ей также неподвластны (к примеру, большинство коммерческих предприятий). В связи с этим происходит произвольная «подмена» [1] функций военной прокуратуры деятельностью территориальных органов прокуратуры общей направленности. Хотя мы считаем, что именно в данном случае и необходим отлаженный механизм взаимодействия, когда территориальная прокуратура имеет полномочия входа и проверки на конкретный подведомственный объект, а военная при этом—осуществить надзор конкретно по своему предмету проверки.

Для решения подобной проблемы нам видится необходимой дифференциация компетенций территориальной и военной прокуратуры, которые обозначены в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 07.05.2008 № 84 [10]. Более четкая дифференциация полномочий позволит избежать дублирования деятельности, разграничить полномочия и обеспечить более эффективный надзор в сфере оборонно-промышленного комплекса. К примеру, выполнение заказов Министерства обороны контролирует военная прокуратура, а заказов от других государственных заказчиков—территориальные органы прокуратуры.

Специализированная военная прокуратура создана именно для того, чтобы выявлять и предотвращать нарушения, связанные с военной и оборонной отраслью и конечно, ее специалисты обладают более высокой компетентностью и полномочиями в отношении предмета и объекта проверки.

Выполнение координационных функций, в контексте которых военные прокуроры осуществляют общее руководство деятельностью правоохранительных органов по предотвращению преступлений в различных видах войск вооруженных сил РФ, Национальной гвардии, специальных отрядах быстрого реагирования и пр. Причем, в соответствии с нормативными актами [10], множество вопросов требует именно совместного решения. К примеру, борьба с коррупцией на территории воинских частей актуализирует взаимодействие территориальной прокуратуры (на предмет коррупции как объекта уголовного права) и военной в контексте подведомственности объекта (к примеру, гарнизон, военкомат, пограничная зона и пр.).

Важным направлением взаимодействия также является организация и функционирование межведомственных рабочих групп, которые учитывают специфику ситуации и сезонности. К примеру, в период призыва наиболее востребована информационно-просветительская и консультационная работа, а также деятельность по предотвращению уклонений от воинской службы, взяточничества. Подобные мероприятия могут проводиться и на гражданских объектах в рамках общепрофилактических мероприятий территориальных органов прокуратуры. И наоборот, представители территориальной прокуратуры могут подключаться к просветительской работе военных прокуроров в контексте недопущения распространения наркотиков и психотропных веществ, иных преступлений, которые возможно совершить на территории военных объектов. В подобное направление взаимодействия можно включить и совместные выезды работников во-

енной и территориальной прокуратуры, специалистов правоохранительных органов в те воинские части, где отмечается неблагоприятная ситуация по поддержанию правопорядка, дисциплины и более высок, по сравнению с остальными, риск совершения преступлений, не обязательно военного характера.

И еще предупредительно- профилактические мероприятия позволяют осуществлять работу с различными категориями военнослужащих и специалистами, которые работают в оборонно-промышленном комплексе.

Выводы

Исходя из анализа источников и нормативно- правовой базы мы подчеркнули актуальность взаимодействия военной прокуратуры и территориальных органов прокуратуры. Оно необходимо не только для организации надзора над исполнением законодательства о соблюдении прав военнослужащих, но и для реализации профилактических, консультационных и иных мероприятий, направленных на предотвращение и борьбу с преступностью.

Также данное взаимодействие направлено на установление фактов нарушения закона в сферах, где необходимо участие работников и территориальной прокуратуры, и военной. При этом мы выявили необходимость разграничения и дифференциации полномочий обеих структур и важность объединения усилий в предотвращении и борьбе с военными преступлениями, обеспечении национальной безопасности российского государства.

Кроме того, необходимо обратить внимание на становление правовой грамотности населения и активизацию разъяснительной работы по вопросам, касающимся национальной безопасности страны. Подобная работа может проводиться как среди гражданского населения, так и в воинских частях, подразделениях, связанных с осуществлением оборонных функций.

На настоящий момент в РФ сложилась достаточно четкая система взаимодействия военной прокуратуры с территориальными органами, подкрепляемая различными нормативно- правовыми актами, однако нюансы, о которых мы говорили в публикации, нуждаются в доработке и корректировке.

Список источников

1. Кузнецов П.Н. Изменение разграничения компетенции органов прокуратуры Российской Федерации в сфере оборонно-промышленного комплекса как способ повышения эффективности надзорной деятельности // Молодой ученый. 2022. № 37 (432). С. 92 – 93.
2. Ларина Е.А., Сергеева А.С. Прокурорский надзор в условиях режима контртеррористической операции: актуальные проблемы и перспективы // Юридическая гносеология. 2025. № 1. С. 45 – 49.
3. Петренко Ю.А., Смеянов С.Н. Особенности взаимодействия органов военной прокуратуры с воинскими частями // Символ науки. 2019. № 4. С. 100 – 102.
4. Пракин М.А. Теоретические основы организации и управления в органах прокуратуры РФ // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2023. № 5. С. 26 – 31.
5. Талашко А.А. Правовой статус специализированных прокуратур Российской Федерации // Отечественная юриспруденция. 2016. № 4 (6). С. 51 – 53.
6. Филиппова Н.В., Пашкова Е.П., Самарцева А.Е. Деятельность органов военной прокуратуры как важный фактор обеспечения прав и свобод военнослужащих // Вопросы науки и образования. 2018. № 27 (39). С. 73 – 75.
7. Южаков М.Б. Современная модель «Прокурорского взаимодействия» в рамках законодательного процесса субъекта РФ: пределы и разграничения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3. С. 13 – 15.
8. Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" от 17.01.1992 N 2202-1. Эл. ресурс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ Режим доступа consultant.ru (дата обращения: 29.03.25)
9. Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (от 14.06.2024 № 512) Эл. ресурс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ Режим доступа consultant.ru (дата обращения: 29.03.25)
10. Приказ Генпрокуратуры России от 07.05.2008 N 84 "О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур"(ред. от 02.09.2024) Эл. ресурс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ Режим доступа consultant.ru (дата обращения: 29.03.25)

11. <https://gvp.gov.ru/uvo/faq/view/356> Эл. ресурс. Режим доступа gvp.gov.ru (дата обращения: 29.03.25)
12. <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=1733016> Эл. ресурс. Режим доступа epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 29.03.25)

References

1. Kuznetsov P.N. Changing the delimitation of the competence of the prosecutor's office of the Russian Federation in the defense industry as a way to improve the efficiency of supervisory activities. *Young scientist*. 2022. No. 37 (432). P. 92 – 93.
2. Larina E.A., Sergeeva A.S. Prosecutor's supervision in the context of the counter-terrorism operation regime: current problems and prospects. *Legal epistemology*. 2025. No. 1. P. 45 – 49.
3. Petrenko Yu.A., Smeyanov S.N. Features of the interaction of the military prosecutor's office with military units. *Symbol of science*. 2019. No. 4. P. 100 – 102.
4. Prakin M.A. Theoretical foundations of organization and management in the prosecutor's office of the Russian Federation. *Scientific works of the Moscow Humanitarian University*. 2023. No. 5. P. 26 – 31.
5. Talashko A.A. Legal status of specialized prosecutor's offices of the Russian Federation. *Domestic jurisprudence*. 2016. No. 4 (6). P. 51 – 53.
6. Filippova N.V., Pashkova E.P., Samartseva A.E. Activities of military prosecutor's offices as an important factor in ensuring the rights and freedoms of military personnel. *Issues of science and education*. 2018. No. 27 (39). P. 73 – 75.
7. Yuzhakov M.B. Modern model of "Prosecutor's interaction" within the framework of the legislative process of a constituent entity of the Russian Federation: limits and delimitations. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2006. No. 3. P. 13 – 15.
8. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated 17.01.1992 N 2202-1. El. resource. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ Access mode consultant.ru (date of access: 29.03.25)
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 18.04.1996 No. 567 "On the coordination of the activities of law enforcement agencies in the fight against crime" (dated 14.06.2024 No. 512) El. resource. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ Access mode consultant.ru (date of access: 29.03.25)
10. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 07.05.2008 N 84 "On the delimitation of the competence of prosecutors of territorial, military and other specialized prosecutor's offices" (as amended on 02.09.2024) Electronic resource. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ Access mode consultant.ru (date of access: 29.03.25)
11. <https://gvp.gov.ru/uvo/faq/view/356> Electronic resource. Access mode gvp.gov.ru (date of access: 29.03.25)
12. <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=1733016> Electronic resource. Access mode epp.genproc.gov.ru (date of access: 29.03.25)

Информация об авторе

Квициния Д.А., кандидат юридических наук, старший преподаватель, Государственный университет просвещения

© Квициния Д.А., 2025